А.А.СЛАНОВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО АЛАН I-XVвв.

Владикавказ 2007

ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА ВНЦ РАН
И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

АЛАН АКИМОВИЧ СЛАНОВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО АЛАН
I-XV вв.

Владикавказ 2007

ББК 63.3 (2 Рос. Сев)
С-47

С-47 **Сланов А.А.**
Военное дело алан I-XV вв.: Монография / Под ред докт. ист. наук **Р.С.Бзарова.** Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им.В.И.Абаева. Владикавказ, 2007. 400 с.

Научный редактор — **Р.С.Бзаров,** докт. ист. наук

Рецензенты: **А.Р.Чочиев,** докт. ист. наук
Т.А.Габуев, канд. ист. наук
М.К.Джиоев, канд. ист. наук

ISBN 978-5-91480-001-4

В исследовании предлагается методика воссоздания механизмов функционирования военной организации на всем протяжении истории аланского общества с помощью широкого круга исторических источников (письменных, археологических, фольклорных и этнографческих). Предпринимается попытка изучения военной организации алан на различных этапах истории с учетом происходивших изменений в структуре, социальном составе, численности и родах войск, принципах комплектования и источниках финансирования.

Работа была написана еще в 2000 г., но несколько лет ждала своего издания из-за финансовых трудностей, поэтому в ней нет корректировок новыми материалами, опубликованными в последние годы. Автор планирует исправить это в последующих публикациях, посвященных данной проблеме.

Книга рассчитана на историков, археологов и широкий круг читателей, интересующихся средневековой историей Северного Кавказа и вопросами военного дела.

Книга издана в авторской редакции, орфографии и пунктуации.

В оформлении обложки использована работа художника М.С.Туганова «Бой Батраза с небожителями».

ISBN 978-5-91480-001-4 **ББК 63.3 (2 Рос. Сев)**

© Сланов А.А., 2007
© СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ВОЙСКО (СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ЧИСЛЕННОСТЬ И ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ) 11

1. Первый период (I-III вв.) 13

2. Второй период (IV-VI в.в.) 20

3. Третий период (VII-IX вв.) 26

4. Четвертый период (X-XII вв.) 30

5. Пятый период (XIII-XV вв.) 35

ГЛАВА II. ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ 43

1. Клинковое оружие (мечи, палаши, сабли, кинжалы, боевые ножи) 43

2. Древковое оружие (копья, спетумы) 68

3. Ударное оружие (боевые топоры, пальстабы, булавы, кистени, боевые посохи) 76

4. Метательное оружие (арканы, дротики, луки и стрелы, пращи, метательные ножи, арбалеты) 91

5. Оборонительное вооружение (нательная броня, сопутствующая броня, наголовья боевые, щиты) 123

6. Боевые животные (боевые кони, боевые собаки) 149

ГЛАВА III. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И ФОРТИФИКАЦИЯ 178

1. Военное искусство (стратегия, тактика, боевой порядок) 178

2. Фортификация («земляные» укрепленные поселения, «каменные» укрепленные поселения и крепости, стратегические крепости, горные замки, скальные (пещерные) крепости и укрепления, заградительные стены, таможенные заставы, форпосты, фамильные боевые башни) 219

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 253

БИБЛИОГРАФИЯ 256

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 276

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ АЛАНСКИХ ВОИНОВ (РЕКОНСТРУКЦИИ) 276

ИЛЛЮСТРАЦИИ 301

ВВЕДЕНИЕ

Этноним «аланы» неизменно ассоциируется с образом профессиональных воинов, живущих исключительно «добычей своей плети». Действительно, практически все письменные источники упоминают алан в контексте участия в военных действиях, отмечая их мастерство, мужество и прекрасную экипировку. Археологические материалы изобилуют предметами вооружения, позволяющими достаточно чутко уловить все изменения, происходившие в комплексе аланского снаряжения за полторы тысячи лет. Военное дело, таким образом, становится наиболее яркой страницей аланской истории и культуры, а по его состоянию в отдельные исторические периоды можно судить и об уровне развития общества – социальной структуре, производительных силах, внешнеполитических и внутриполитических связях и т.п.

Проблемы военного дела эпохи древнего мира и средних веков довольно редко затрагивались в отечественной науке, к тому же рассматривались в основном археологические находки оружия без исследования аспектов воинской культуры, т.е. работы носили археологический характер, в то время как в историческом аспекте эта тема слабо изучена. Поэтому разработка методики подобного исследования, на наш взгляд, чрезвычайно актуальна. Кроме того, с выходом работ по средневековому военному делу алан, завершается еще один этап в изучении этого раздела истории иранских народов Юго-Восточной Европы, позволяющий проследить процесс развития воинской культуры, начиная с эпохи бронзы и до конца позднего средневековья, что является уникальным явлением в мировой практике.

Работа охватывает весь период аланской истории с момента появления этнонима «алан» в I в. н.э. до окончательного крушения аланской государственности в XV в. Для удобства исследования оно проводилось по периодам, каждый из которых характеризуется серьезными изменениями в военном деле. Поскольку четких временных границ указать невозможно, то, как правило, предпочтительнее в качестве рубежа указывать века, поделив хронологический отрезок на пять этапов.

Ввиду специфики темы, помимо основной территории расселения алан – Северного Кавказа – исследовалась территория Подонья и Крыма, где также проживала значительная часть аланского населения. Кроме того, привлекались все доступные письменные и археологические материалы по отдельным группам алан в Евразии и Северной Африке для более комплексного изучения военного дела и его локальных особенностей.

Ввиду отсутствия сочинений исторического характера аланских авторов, основным источником для написания нашей работы служили письменные памятники соседних народов, сообщавшие об аланах довольно скудные и, зачастую, субъективные сведения.

Ранний период истории военного дела алан очень хорошо освещен работами античных греко-римских авторов, причем в нашем исследовании мы

исходим из того, что, поскольку сами эти авторы недостаточно четко представляли себе этнополитическое разделение иранских племен Восточной Европы в первых веках новой эры, то алан зачастую называли другими этнонимами, поэтому при написании работы мы оперировали источниками, в которых фигурируют этнонимы аланы, сарматы, роксоланы, сираки, аорсы, языги, скифы, савроматы, массагеты в повествовании о событиях с I по VI в.в. н.э., так как все эти племена являются в этот период носителями одной воинской культуры.

Первый из выделенных нами периодов (I-III вв.) дается в освещении известнейших источников античности. Особой ценностью отличаются сообщения Страбона, Тита Ливия, Овидия Назона, Помпония Мелы, Иосифа Флавия, Корнелия Тацита, Павзания Периегета, Лукиана Самосатского, Гая Валерия Флакка, Флавия Арриана, Амвросия, отдельная информация имеется у Плиния, Диона Кассия, Клавдия Элиана, Лукиана, Гая Плиния Секунда, Платона, Гая Юлия Солина, Юлия Капитолина, Флавия Вописка Сиракузского, Юлия Фронтина, Плутарха, Зенобия, Луция Сенеки, Михаила Византийца, Оппиана, Полиена, Дектипа, Климента Александрийского, Порфирия, Силия Италика и Евстафия (Все эти авторы приводятся в своде 21; 1947 №1-4, 1948 №1-4, 1949 №1-4, 1950 №4. Другой перевод некоторых авторов имеется в работе 8. Полные переводы отдельных источников можно найти в следующих изданиях: 38, 39, 42, 3). Сведения об аланском войске имеются и в китайской истории первой Ханьской династии (Цянь Хань-шу) (11). Ценные материалы по военному делу этой эпохи можно найти в работах более поздних армянских (Моисей Хоренский (43; 2)) и грузинских (Леонти Мровели (29; 9)) авторов.

В исследовании второго периода античные источники продолжают сохранять свое значение. Важнейшими авторами по нашей теме можно считать Аммиана Марцеллина (26), Иордана (12), Клавдия Клавдиана, Зосимы, Прииска Панийского. О некоторых моментах военного дела сообщают Руфий Фест Авиен, Латиний Пакат Дрепаний, Флавий Вегетий Ренат, Юлий Солин, Евсевий, Астерий, Гермий Созомен, Гесихий Александрийский, Павлин Пеллейский, Мартиан Капелла, Гай Соллий Сидоний, Приециан, Прокопий (21; 22; 8). Традиции классических авторов продолжают византийские историки, среди которых следует отметить сведения по аланской тактике Псевдо-Маврикия (24), Прокопия Кессарийского (17; 16; 33), Менандра Византийца (7). Полезным источником становятся в этот период армянские сочинения (2.Вып.1), из которых к наиболее интересным для нас следует причислить Моисея Хоренского (43) и Фавста Бузанда (41). Поздние грузинские летописи в описании этого временного отрезка (29; 9) явно носят отпечаток сказочности, в связи с чем их использование крайне затруднительно.

Письменные источники периода VII-IX в.в. крайне малочисленны и отличаются скудной информативностью. Византийские представлены летописью Феофана Византийца (7; 5), армянские – сочинениями Мовсеса Каганкатваци, Иоанна Мамиконяна, Шапуха Багратиони и Товма Арцруни (2. Вып. 2,3), грузинские – анонимной летописью «Матиане Картлиса» (28) и

произведением «Мученичество Або» Иоанна Сабанисдзе (13). С развитием арабской экспансии ценным источником становятся сочинения восточных географов ал-Баладзори (4), Ибн ал-Асира (27), Якуби (46), Табари (343).

Именно труды восточных авторов становятся основными источниками по нашему четвертому периоду. Наряду с выше перечисленными арабскими учеными следует указать Масуди (35. Вып. 38), Ибн-Рустэ (36. Вып. 32), Ибн-ал-Факиха (36. Вып. 31), Абуль-Феду (5), Ахмет-Бани-Азами (343) и анонимные сочинения «Хауд-ал-алем» (178). Ценными для нас являются работы византийских историков Анны Комниной (18; 19), Никифора Вриения (7) и Константина Багрянородного (20), в которых сообщается об аланских наемниках. Много сведений об аланской военной организации имеется и в грузинских летописях, в частности, «Матиане Картлиса» (28), «Картлис Цховреба» (23; 9) и «История восхваления венценосцев» (13). Упоминания о численности аланского войска можно почерпнуть у армянских историков Матфея Эдесского и Смбата Спарапета (2. Вып.3).

В освещении последнего периода наиболее информативными продолжают оставаться восточные источники, персидские и арабские, описывающие экспансию монголов в Аланию. Среди последних выделяются Рашид-ад-Дин (34), Ибн-Эль-Асир, Джувейни, Шереф-ад-Дин

Йезди, Абуль-Феда (5). Отдельная информация содержится и в трудах Шихаб-ад-дина Абдалааха, Инна-адаллах Эломари, Беддредина Элайни, Шихабеддина Абульбаса Эннувейри, Рукнеддина Бейбарса, Ибн-Абдеззахира, Эльмуфадаля (Все выше перечисленные авторы собраны в своде В.Г. Тизенгаузена (40)). Интересным источником продолжают оставаться грузинские летописи, в частности, «Жамтаагмцерели» (13), «Картлис Цховреба» (23), «Хроника Ксанских эриставов» (31). В сочинениях европейских путешественников Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло (15), Юлиана (1), Джованни Мариньоли (25) описываются действия аланских повстанцев. Любопытные сведения об аланах на службе у монголов дает китайская хроника Юань-Ши (11). Несколько снижается информативность византийских источников, представленных восторженными отзывами об уровне военного дела алан и численности их отрядов, содержащимися в работах Лаоника Халкокондиласа (5) и Георгия Пахимера (343). Определенная информация о военном деле алан имеется в работах армянских историков XIII-XV в.в Степаноса Орбеляна и Товма Мецопского (2).

Археологические источники, широко привлекаемые в нашей работе, наглядно демонстрируют все изменения в комплексе аланского вооружения, конского снаряжения и фортификационного искусства. Для ранней истории алан выдающимся памятником является курганная группа «Золотое кладбище» (75; 81). Уникальные захоронения знати обнаружены у г. Азова (61; 62), с. Косика (76), с.Зарагиж (57), в кургане «Рошава Драгана» (66). Среди других могильников, использовавшихся нами для работы, следует назвать Подкумский (48), Нижне-Джулатский (47), Котлубань (142), Кисловодский (101), «Четыре брата» (114), Нагавский (115), Норузмахал, Хассани-Махал, Гхалекути, Кхорамруд, Шахпир (194). Грандиозностью отличается Зилгинс-

кое городище (291. Выражаю глубокую признательность Дзуцеву С.Б. за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами его раскопок).

Второй период представлен такими интересными могильниками как Брут (73; 72), Кишпек (63), Кисловодская котловин (129), Беслан, Мокрая Балка (127). Богатый материал дают и комплексы Чми (49), Железноводский могильник I (128), склепы Пятигорья (133), Личистое (51), Ильичевское городище (118), у г. Нальчика (67), Центральный (60), Харачой (71), Кора-Урсдон (145), Гиляч, Октябрьский, Черноречье, Байтал – Чапкан, Острый мыс, Лермонтовская скала-2, Березовка, Шестая шахта, Былым, Терезе (50), Чегем (91).

Наиболее многочисленны аланские археологические (в противоположность письменным) памятники по периоду VII-IX вв. Среди самых интересных из них можно назвать могильники Кобан (153), Лац (122), Мокрая Балка (127), Мощевая балка (83; 82; 161), Владикавказ (160; 96), Эшкакон (103), Мартан-Чу 1-3й (68), Галиат (93; 295), поселение «Козьи скалы» (103), Алексеевский клад (187). Ценный материал дают могильники Дуба-Юрт (108), Хулам (157), Каменка (157), Кешенэ-алы (94), Кашка-тау(120), Теберда (112), Амгата (112), Ново-Вочепшийский (119), Старокорсунская (85; 88), Урупские навесы (58), Клин-Яр (151), Дмитриевский (121), Ютановский (188), Стерлитамак (84). Богатый, но труднодоступный материал происходит из могильников Северной Осетии: Чми (153; 137; 120), Балта (137; 120), Даргавс, Саниба, Дзивгис, Донифарс, Кумбулта, Камунта (125), (выражаю глубокую признательность Мамиеву М.Э. за возможность ознакомиться с материалами его раскопок), Рутха (все вышеперечисленные 9 памятников, и к тому же Кобан и Галиат, опубликованы в труде 149), Архон (125; 123; 124; 52), Кари Цагат (113), Алагир (99), Владикавказ (160; 96), Тарский (89), Садон (выражаю искреннюю благодарность Кадзаевой З.П. за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами ее раскопок).

Четвертый из выделенных нами периодов представлен материалами крупных могильников и городищ. Среди первых следует выделить Змейский (105; 97; 98; 102; 143), Мартан-Чуйский 1-ый (68; 69; 70; 135), Кольцо-Гора (136; 134), Рим-Гора (130; 131), Дардонский (54; 154). На наш взгляд, к аланским можно отнести могильник Колосовка №1 (79). Среди поселений следует отметить «Козьи скалы» (103), Нижний Архыз (100), Рим-Гора (131), Верхний Джулат (95).

Археологические материалы по завершающему периоду нашего исследования крайне скудны. Это могильники Дзуарикау (110), Дзивгис (147), погребение в Нузальской часовне (296), оружия из святилищ Реком (296), Тхосты – дзуар (148), Сау-дзуар (77). К аланской культуре, вероятно, можно отнести Верхнеоздикский могильник (155).

При обработке археологического материала за основу брались памятники северокавказских алан, являющиеся наиболее характерными в аланской культуре, прочие же памятники на Дону, в Крыму, в Закавказье и т.д. привлекались выборочно.

Ввиду редкости находок аланского оборонительного вооружения и военного костюма большой интерес представляют изобразительные (ико-

нографические) памятники, на которых запечатлены аланские воины. По раннему периоду они представлены изображениями на различных археологических находках (393), на колонне римского императора Траяна (288), триумфальной арке императора Галерия (368), на сосуде из Косики (76), росписями керченских склепов (64; 371), боспорскими надгробиями (65) и сарматским надгробием из Чесера (303). Определенный интерес представляют для нас и изображения тамг (236). Во второй период данный вид источников крайне скуден и представлен лишь диптихом из Гальберштадского собора (215). В третий период преобладают изображения воинов, сделанные на вещах, предназначенных для индивидуального пользования (бляшках (89), пряжках (153), амулетах (149), одежде (83)). Кроме того, нужно отметить изображение на меловом блоке стены Маяцкого городища (238). Четвертый период иллюстрируют, в первую очередь, фресковые росписи аланских храмов: Зеленчукских (292), Зругского (292), Сентинского (237), церквей (383), Нузальской часовни (296). Интересны изображения на погребальных памятниках, как то: стены Кяфарской гробницы (327), статуи воинов (290), а так же подвески-амулеты (287, рис.5). Источники по завершающему периоду не отличаются многообразием и представлены так же погребальными памятниками: Этокское изваяние (149; 237), Эльхотовский и Камбилеевский кресты (327), гробница из Верхней Теберды (327).

Среди фольклорных источников следует выделить всемирно известный Нартский эпос (165; 166; 167; 172) – ярчайший памятник скифо-сармато-аланского наследия (Нами использовались только осетинские варианты сказаний, как наиболее соответствующие аланским оригиналам). Кроме того, привлекались осетинские сказки (168; 169), легенды (164; 163) и позднесредневековая «Поэма об Алгузе» (171).

В изучении военного дела у алан можно выделить несколько направлений, являющихся в то же время своеобразными этапами в исследовании данной проблемы. К первому из них относится систематизация комплекса вооружения, конского снаряжения и фортификационных сооружений в ограниченных территориально – временных рамках. Подобные исследования представляют собой один из разделов изучения крупных археологических комплексов таких как «Золотое кладбище» (75), Подкумский могильник (48), Дмитриевский комплекс (121), Змейский могильник (97), Нижне – Архызское городище (100) и т.п. Другим направлением является характеристика отдельного вида вооружения, конского снаряжения или укрепления в более широких территориально-временных рамках, как правило, с целью создания археологической классификации. Так имеются работы по наконечникам стрел раннеаланского времени (Ждановский А.М. (239), Засецкая И.П. (241)), лукам и стрелам (Каминский В.Н. (260)), колчанам (Каминский В.Н.(258)), клинковому оружию (Каминский В.Н.(257), Лебединский Я. (304)), салтовским кистеням (Крыганов А.В. (286)), конской узде (Каминский В.Н (259)), стременам (Каминский В.Н(261)), феодальным замкам (Батчаев В.М. (191)), башням, скальным крепостям, заградительным стенам (Гольдштейн А.Ф.(212; 213), Дзаттиаты Р.Г. (233; 229), Кокиев Г.А. (281), Мизиев И.М.

(316), Тменов В.Х. (252; 253)). К третьему этапу исследований военного дела алан можно отнести комплексные исследования по вооружению, конскому снаряжению и фортификации на основе археологических материалов. Это как небольшие очерки (Кузнецов В.А. (295), Ковалевская В.Б. (277)), входящие в состав обобщающих работ по истории и археологии северокавказского региона, так и отдельные исследования по вооружению алан Северного Кавказа (Каминский В.Н. (254; 255)). Последнее, к сожалению, остается недоступным в полном объеме для широкого научного круга, в распоряжении которого имеется лишь опубликованная на его основе статья Каминского В.Н., Каминской-Цокур И.В.(256), содержащая некоторые неточности. К четвертому направлению исследований мы можем отнести разработки по военному делу алан в небольшие временные промежутки. Все эти работы относятся к раннеаланскому периоду истории, базируются исключительно на письменных источниках и затрагивают в основном лишь аспекты военного искусства. Исследуются тактика (Бахрах Б.С.(192)), искусство осады и обороны (Блаватский В.Д. (196), влияние сармато-алан на военное дело в городах Северного Причерноморья (Туаллагов А.А. (358)) и трактаты Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика» (Перевалов С.М. (330)).

Последнее направление представлено работами по собственно военному делу на основе различных исторических источников. Однако столь обширный материал заставляет исследователей впадать в две крайности. Одни ограничивают временные рамки исследования, другие – круг привлекаемых источников. К первым можно отнести А.М. Хазанова и В.Д. Блаватского, являющихся классиками отечественной исторической науки. В их трудах по раннеаланскому периоду подробно разрабатываются вопросы аланской военной организации, вооружения и военного искусства. Вторая категория исследователей, пытаясь охватить всю аланскую историю, недостаточно использует исторические источники (200), (Каминский В.Н. (253)). Таким образом, можно говорить об отсутствии комплексных работ по исследованию военного дела алан в широких территориально-временных рамках.

Основной целью работы является воссоздание механизмов функционирования военного дела в аланском обществе на всем протяжении его истории с привлечением широкого круга исторических источников (письменных, археологических, фольклорных и этнографических). При этом нами ставятся следующие задачи:

1. Изучение военной организации алан на различных этапах истории с учетом происходивших изменений в структуре, социальном составе, численности и родах войск, принципах комплектования и источниках существования.

2. Реконструкция комплекса аланского вооружения в определенные исторические периоды, а также прослеживание динамики с момента появления и в процессе развития каждого вида оружия в отдельности, в том числе и механизмы вытеснения одного типа другим. Попутно выявляются конструктивные особенности и зависимость от них функционального назначения предметов вооружения.

3. Изучение развития у алан фортификационного искусства, его особенностей, характерных черт и его места в стратегической концепции Аланского государства. Выделение основных типов фортификационных сооружений, попытка анализа их функционального назначения и принципов обороны.

4. Исследование военного искусства, включающее, в том числе, выявление изменений стратегической концепции алан на различных этапах их истории, всевозможных тактических приемов, использовавшихся в наступлении и обороне, осадного искусства (полиоркетики) и боевых порядков в бою и на марше.

При разработке темы методологической основой послужили следующие научные принципы:

1. Принцип историзма. При изучении любого явления общественной жизни того или иного этноса необходимо учитывать конкретные исторические условия его бытования. Только в таком случае наши оценки тех или иных явлений общественной жизни могут быть объективным.

2. Принцип универсальности истории. Историческое развитие человечества имеет свои закономерности, что не исключает некоторых особенностей в развитии определенных народов, государств, цивилизаций.

3. Принцип системности. Жизнедеятельность социальных организмов обеспечивают несколько основных институтов, которые взаимодействуют друг с другом. Поэтому любой институт необходимо рассматривать во взаимодействии с другими, входящими в систему общественных институтов данного общества.

4. Принцип преемственности. Любое явление необходимо представить себе в развитии: генезис, становление, расцвет, угасание или трансформация (перерождение).

5. Принцип функциональности. Любой общественный институт выполняет жизненно важные функции. Цель исследователя – выявление этих функций.

В ходе работы автор пользовался консультациями ведущих сотрудников Государственного Эрмитажа А.А. Иерусалимской и И.П. Засецкой, научного сотрудника музея Краеведения РСО-А Э.С. Кантемирова, доктора исторических наук В.Х. Тменова, доктора исторических наук Р.Г. Дзаттиаты, за что приносит им большую благодарность. Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Бзарова Р.С., Кадзаеву З.П., Мамиева М.Э., Биазарти Б.К., Габоеву Л.Р., Габоеву Е.Р., Фидарова Р.Ф., Дзуцева Ф.С., Дзиова А.Р., товарищей и коллег, облегчивших ему работу.

ГЛАВА I.
ВОЙСКО (СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ЧИСЛЕННОСТЬ И ПРИНЦИПЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ)

Изучение военной организации алан (осет: æfsad) является одним из наиболее слабых мест алановедения. Скудность письменных источников усугубляется отсутствием четкой концепции внутриполитического устройства Алании и неразработанностью военной темы для соседних кочевых и полукочевых народов. Это, на наш взгляд, и служит причиной парадокса, состоящего в том, что даже в рамках единой концепции зачастую и превозносится до небес мастерство аланских воинов, и ставится под сомнение боеспособность аланского войска, да и факт существования сколь-нибудь стройной военной организации. Сведения и мнения о вооружении, тактике, военно-социальной структуре алан неоднозначны и противоречивы (248, т.3,с.3).

Военная организация и социальная структура практически на всех этапах аланской истории – понятия почти идентичные и трудно разводимые на отдельные компоненты. Доходы от военных мероприятий (набегов, наемничества, продажи заложников, таможенного контроля и т.п.) являлись одним из основных источников существования аланского общества. Причину этого историки зачастую объясняют этнопсихологическими свойствами народа, а в советское время – экономическими трудностями, связанными с природными условиями. В качестве источника экспансии, как социальной системы, указывается и сам уровень общества, где стремящаяся к дальнейшему имущественному и социальному возвышению общинная знать, так же, как и ищущая источники удовлетворения своих минимальных материальных нужд обедневшая часть общинников – эти оба слоя оказываются все более заинтересованными в поисках вовне удовлетворения своих потребностей в материальных средствах (199, с.33).

Г.Н. Панченко, характеризуя образ воина – представителя этноса, формировавшегося в локальном ландшафтно-географическом ареале, выделяет три основных типа воинской культуры – «степняк», «горец» и «помор». Всем трем, бесспорно, присуща «воинственность» – «милитарная пассионарность», впрочем, с четко выраженными особенностями ментально-психологического порядка. Каждый из этих типов, вернее, их местных разновидностей – вырабатывает собственные системы воинского воспитания, боевой подготовки, во-

енной организации и стратегии, тактические приемы, комплекс вооружения и героический фольклор (248, т.3,с.6).

Поскольку замкнутое развитие подобных типов предопределяет ущербность и однобокость наиболее эффективны смешанные и промежуточные типы, какими являются «горцы-степняки» аланы. Именно степные кочевники, имевшие «в тылу» горы, и значительную часть войска, укомплектованную из горцев, совершали наиболее успешные походы (248, т.3, с.6-7). Если военная культура алан характеризуется на первых этапах преобладанием черт «степняка», то дальнейшее ее развитие идет в сторону увеличения роли «горца». Если в период VIII-IX в.в. оба типа уравновешиваются, то уже в XIV-XV в.в. имеет место только один тип – «горца». Причина этого кроется в том, что вышеназванные военно-культурные типы отличались приспособленностью к строго заданным природно-социальным условиям и военно-политическим задачам, пусть даже охранявшимся на протяжении веков. В конечном счете, эти мирки настигала неизбежная гибель, крушение военно-социальной организации: в лучшем случае трансформация, передача, по крайней мере, части наследия воинских традиций в арсенал нового единого общества, в худшем, как это имело место у алан, искажение и самоуничтожение в междоусобной распре (248, т.3, с.8).

Мировую военную историю, в частности, проблему военного дела, исследователями принято рассматривать по периодам, с целью придания более удобной для восприятия формы. Учет этой периодизации необходим, поскольку, появляясь в ходе экономического и политического развития общества у кого-либо одного народа, любое новшество в военном деле в кратчайшие сроки распространялось и на сопредельные регионы, становясь общим достоянием благодаря интенсивным военным контактам. Вследствие этого, военное дело алан укладывается в рамки средневековой периодизации всемирной истории (238, 249). На правомочность подобной хронологии указывают и материалы аланской археологии. Каждый из пяти выделенных нами этапов развития военного дела характеризуется строго определенными типами археологических памятников, располагающимися в заданной системности и имеющими сходный инвентарь. Таким образом, можно говорить о пяти различных ступенях социально-экономического развития аланского общества, каждая из которых характеризуется определенным уровнем развития военного дела, и в первую очередь, структурой военной организации.

1. Первый период (I-III вв.)

Военная организация алан основывалась на тех же принципах, что и у всех народов, находящихся на этапе военной демократии: все взрослое мужское население имело вооружение, и общество представляло собой народ-войско. Овидий Назон (43г. до н.э. – 18г. н.э.) так описывает его: «Большое количество сарматского народа движется на конях... Между ними нет ни одного, кто не носил бы налучья, лука и синеватых от змеиного яда стрел... десница всегда готова наносить раны, вонзая нож, который всякий варвар носит на привязи у бедра» (21, 1948 №4, с.234). Причину подобной воинственности алан того времени исследователи видят в специфических условиях их существования. Будучи в основной массе кочевниками, им, с одной стороны, не требовалось каждодневно большого количества рабочих рук в хозяйстве, а с другой – они нуждались в новых пастбищах, продуктах ремесла и земледельческого хозяйства. К этому добавлялась природная стойкость и выносливость людей, с детства сроднившихся с конем, и идеология, для которой разбой и грабеж – дело не только выгодное, но и почетное (368, с.66).

Общее количество аланских воинов нетрудно было бы вычислить исходя из того, что отношение числа потенциальных воинов к общей численности населения у кочевников обычно равняется 1:5 или 1:4 (368, с.66). Однако мнение исследователей по поводу общей численности сармато-аланских племен в Iв настолько разнятся между собой (от 5 тыс. до 1 млн. человек (369, с.14)), что составить даже приблизительное представление невозможно.

Военизация широких слоев населения неизбежно влекла появления самых разнообразных форм военных объединений, возникающих на основе различных типов связей: родственных, территориальных, профессиональных, социальных, политических и т.п. Наиболее боеспособными из них были отряды профессиональных, хорошо вооруженных воинов, получивших в исторической науке наименование аристократических дружин. Ф. Энгельс характеризует дружины эпохи военной демократии как частные объединения для ведения войны, ставшие постоянными союзами. «Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд молодых людей, жаждавших добычи, обязанных ему личной верностью, как и он им. Вождь содержал их и награждал, устанавливал известную иерархию между ними; для незначительных походов служил отряд телохранителей и всегда готовое к бою войско, для более крупных существовал гото-

вый кадр офицеров» (311, с.31). Как убедительно показал В.И. Абаев, у алан военный предводитель назывался ælдар, что образовалось от словосочетания arm-dar – «рукодержец» (176, с.64).

А.М. Хазанов, указывая на один из путей формирования аланских дружин, отмечает, что в условиях кочевого хозяйства и еще не потерявших своего значения родоплеменных связей такие дружины должны были вербоваться, прежде всего, из среды сородичей и соплеменников того или иного вождя, но были всем обязаны ему лично. Со временем эти дружинники становились профессиональными воинами, окончательно забросившими мирные занятия (368, с.85). Однако, на наш взгляд, логичнее предположить, что просто происходит объединение воинов, живущих исключительно доходами от насильственных мероприятий.

Поскольку именно дружинники составляли тяжеловооруженную конницу, их роль с I в. резко возрастает в связи с увеличением значения катафрактариев, тяжелой кавалерии со специфическим вооружением и способами ведения боя. По свидетельству Тацита, такие отряды формировались из «вождей и всех благородных» (21, 1949, №3, с.220). Высокая боеспособность подобных дружин позволяла им предпринимать самостоятельные набеги, об одном из которых, организованном в Мезию, сообщает Тацит (55-115 гг н.э.). Согласно его сведениям, в походе участвовало 9 тысяч роксоланских всадников, большинство из которых являлись катафрактариями (21, 1949, №3, с.220-221). Значение предводителя в таких отрядах исследователи склонны переоценивать. Так как видно из повествования Тацита, он зачастую не был в силах контролировать действия своих войск: «Впрочем, у сарматов имеет значение не один голос вождя. Они все подстрекают друг друга не допускать в битве метание стрел, а предупредить врага смелым натиском и вступить в рукопашную» (21, 1949, №3, с.219). Вероятно, именно этими слоями аланского общества и присваивалась вся дань, получаемая от различных народов, поскольку содержание катафрактариев обходилось очень дорого. Аргументом в пользу этого может служить массовое количество импортных изделий в захоронениях аристократических дружинников типа «Золотого кладбища» в Прикубанье (75), в то время как могильники рядового населения, подобно Подкумскому (48) и Нижне-Джулатскому (47) отличаются скудностью предметов вооружения (кинжалы и стрелы), конского снаряжения и инвентаря. Механизм отношений между данниками и взимающими дань хорошо описан для I в. Страбоном в работе 18 г. н.э.: «Номады занимаются больше войною,

чем разбоем, и войны ведутся из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну... А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению... Земледельцы же, хотя и слывут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению» (22, т.2, с.265).

Основная часть боевых действий велась силами всего племени. На это указывает и тот факт, что сила катафрактариев раскрывалась в их взаимодействии с большими массами легкой конницы, которая состояла из рядовых соплеменников. Походы возглавлялись вождями племен, именуемыми античными авторами царями. Так, согласно Страбону (63 г. до н.э. – 23 г. н.э.), Абеак, царь сираков, мог выставить 20000 всадников; Спадина, царь аорсов – 200000, верхние аорсы еще больше, роксоланы, еще в первых веках до н.э. – 50000 (38, с.480). Лукиан (род. 125 г.) сообщает, что в одном из савроматских набегов на Скифию участвовало 10 тысяч всадников и 30 тысяч пехотинцев (21, 1948, №1, с.309). Вызывает сомнение полнота власти этих предводителей. Так, согласно сообщению Зенобия (II в.): «Сираки дают царский венец самому рослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову» (21, 1948, №4, с.290). Высокие черепа считались у алан, как у массагетов и сарматов, признаками аристократизма, поэтому даже существовал обычай искусственной деформации черепов путем наложения специальных повязок на голову младенца (295, с.50). С другой стороны, цари и племенная аристократия уже могли свободно распоряжаться массой рядовых соплеменников. Так царь аорсов Евнон поставлял своих воинов Котису и союзникам-римлянам для борьбы с братом Котиса – Митридатом, а предводители язигов, в руках которых находилось управление народом, предлагали свое войско борющемуся за трон Веспасиану (368, с.82). В первых веках н.э. у алан имеет место разделение верховной власти, вызванное, по мнению исследователей, обособлением военных функций под началом полководца, поднявшегося до ранга «второго царя». Этот вывод делается из описания в древнеармянских памятниках агиографической литературы («Житие Воскеанов», «Житие Сукиасянов») и «Истории Армении» Моисея Хоренского

событий первых веков н.э. Речь идет об алане Баракаде, являвшимся «вторым по престолу соцарствующим царем» (224, с.30).

В случае, когда требовалось противостоять армиям большой численности, происходила консолидация в племенные союзы. Эти непрочные политические объединения, как правило, образовывались вокруг наиболее крупных племен. Основная масса подобных союзов собиралась лишь на время одной военной кампании. По сообщению Аппиана, когда Помпей предпринял поход на сармато-алан, последние выставили против него 60000 пехоты и 22000 конницы (326, с.57). По подсчетам С.М. Перевалова, в походе 135 г. приняло участие не менее 20 тыс. аланских всадников (330, с.130), китайские источники I в. Цянь Хань-Шу, упоминая «владение Ань-цай» сообщают, что «стрелков из лука в нем 100000 с лишком человек» (11, с.281). Лукиан (род. 125 г.) сообщает о приглашении царем Боспора Эвбиотом на помощь себе аланов и савроматов в количестве двадцати тысяч (21, 1948, №1, с.313). Зосим, описывая события 256 г., дает представление о грандиозности военных сил подобных союзов: «Скифы, вступив в соглашение и сплотившись воедино из всякого племени и рода, с одной частью своих полчищ опустошали Иллирию и разоряли в ней города, а другая часть заняла Италию и дошла до Рима. Остальные скифы, ободренные предыдущими удачными набегами, соединившись с герулами, певками и готами... построили шесть тысяч судов и, сев на них в количестве трехсот двадцати тысяч человек, двинулись по Понту» (21, 1948, №4, с.278-279). Как сообщают грузинские летописи, в царствование Амзаспа (182-186 г.г.) против аланских войск, вторгшихся в Грузию и осадивших ее столицу Мцхету, грузины выставили 10 тысяч регулярного войска и 30 тысяч ополченцев (9, с.17). Оборонительная тактика последних в сочетании с тем, что осада не удалась, позволяет сделать вывод, что численность аланской армии того же порядка.

В условиях, когда каждый взрослый мужчина племени имел оружие и был лично свободным, имел место еще один интересный принцип комплектации войска, который можно назвать авантюрным. Его описание имеется у Плутарха и Михаила Византийца (21, 1948, №4, с. 292, 294), но наиболее подробно он изложен у Лукиана Самосатского (род. 125 г.): «Если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить за нее, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен для этого, то он приносит в жертву быка, разрезает на куски его мясо и варит их, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на нее, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям... Родствен-

ники сидящего и вообще все желающие, подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают сообразно по своим средствам: один – доставить бесплатно пять всадников на своих харчах, другой – десять, третий – еще больше, иной – тяжеловооруженных или пеших, сколько может, а самый бедный – только самого себя. Таким образом, иногда у шкуры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве» (21, 1948, №4, с.311). Численность войска, собираемого таким образом, судя по противостоящему войску противника, доходила до нескольких десятков тысяч.

Что касается родов войск, то все авторы отмечают приоритет конницы. Тацит пишет, что в ней «одной у них заключается вся сила» и что сарматы «крайне трусливы в пешем бою, но когда появляются конными отрядами, вряд ли какой строй может им сопротивляться» (21, 1949, №3, с.220). Античные авторы четко разделяют аланскую конницу на тяжелую и легкую. Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) пишет: «Несметная сила всадников... переправляется через Геллеспонт в Европу, частью в доспехах, которые они называют катафракты, частью конных стрелков» (21, 1949, №1, с.216). Основной ударной силой войска являются отряды катафрактариев, атаковавших противника сомкнутым строем. Их вооружение составляли длинные (до 4,5 м) контосы и копья, длинные всаднические мечи. В качестве вспомогательного оружия использовались луки и кинжалы. Тело защищал, как правило, чешуйчатый металлический, кожаный или роговой панцирь. Реже он был комбинированным с использованием кольчужного плетения. Голову защищал конический либо яйцевидный шлем из металлических полос и пластин, закрепленных на каркасе, который мог иметь назатыльник, науши и маску. Ноги могли защищаться пластинчатыми и чешуйчатыми металлическими или коваными штанами. Изредка применяется и высокий овальный щит. Степень защищенности катафрактария доспехами была не одинаковой: так всадники первого ряда должны были быть закрыты с головы до ног, при этом панцирем снабжался и конь (полностью, либо только его передняя часть). Численность катафрактариев была сравнительно невелика: в наиболее крупных армиях первых веков новой эры их насчитывалось от нескольких тысяч до менее чем двух десятков тысяч. А. М. Хазанов, на основе сравнительного анализа, выводил пропорциональное соотношение количества катафрактариев к общей численности войска как меньше чем 1:10. Для алан, на

наш взгляд, более верно соотношение 1:6 в связи с тем, что практически все их войско состояло из кавалерии.

Основную массу войска составляла легкая конница, на взаимодействии которой с тяжелой и строилась аланская тактика. Основное ее оружие – сложносоставной лук и легкие стрелы с небольшими железными трехлопастными черешковыми наконечниками. Практикуется смазывание наконечников стрел различными ядами, ввиду их слабой убойной силы. Для рукопашной схватки использовались длинные (до 60 см) кинжалы с кольцевым навершием, носившиеся привязанными к правому бедру. В качестве вспомогательного оружия широко использовались дротики и арканы. Легковооруженный всадник был защищен кожаным или роговым доспехом и имел большой овальный плетенный или деревянный щит.

Примитивное конское снаряжение, как то мягкое кожаное седло без стремян и простейшие типы узды, компенсировалось превосходным мастерством наездников, с детских лет привыкших к верховой езде, которое отмечается всеми античными авторами.

Пехота, имевшая у алан вспомогательное значение, состояла из беднейших слоев населения, что определялось презрением к передвижению пешком, и соответственно к тем, кто не имел возможности отправиться в поход верхом. Отголоски этого сохранились и в Нартском эпосе (166, т.2, с.191-192). Как указывает А.М. Хазанов, никакого специфического оружия пехотинцы не имели и само разделение родов войска, в какой-то мере , было непостоянным – при соответствующих условиях вчерашний пехотинец завтра легко мог сесть на коня и влиться в общую массу легковооруженных всадников (368, с.68). Иордан, описывая события 250-251 г.г., упоминает у скифов тяжело- и легковооруженную пехоту (238, с.292). Действительно, определенные военные операции требовали больших пехотных масс, что и должно служить объяснением тому факту, что в тех немногих источниках, где упоминается аланская пехота она по численности в три раза превосходит конницу. Так Лукиан (род. 125 г.) сообщает о том, что на скифов савроматы напали «в числе десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше этого» (21, 1948, №1, с.309), а Аппиан указывает, что против Помпея аланы выставили 60000 пехоты и 22000 конницы(326, с.57). Вооружение пехотинцев хорошо описано у Страбона (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.): «Легкая пехота у роксолан облекается в шлемы из сырой бычачьей кожи и в панцири; для наступления они пользуются копьем, мечом и луком» (38, с.480). Под мечами следует понимать длинные кинжалы

с кольцевым навершием, встречающиеся в захоронениях первых веков н.э. Кроме того, широкое распространение получают дротики и овальные щиты, закрывающие все туловище воина.

Несмотря на то, что значение женщин в военной организации алан было значительно меньше, чем в предшествующее сарматское время (погребения женщин-воительниц того времени составляют до 20% всех женских захоронений), античные источники продолжают описывать воинственных амазонок. Так Помпоний Мела (I в.) описывает сарматов как «племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в воинах наравне с мужчинами» (368, с.67). Как свидетельствуют более ранние источники, только убив трех неприятелей, девушка могла выйти замуж и после этого переставала «ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход» (21, 1947, №2, с.295-296). Женщины продолжают активно участвовать в боевых действиях еще во второй половине III в. Так Флавий Вописк Сиракузский рассказывает, что солдатами римского императора Аврелиана (215-275 г.г.) были взяты в плен «десять женщин... когда они в мужском убранстве сражались среди готов (по мнению исследователей, под ними следует понимать сарматок – С.А.) причем многие другие были перебиты: надпись гласила, что они происходят из рода амазонок» (21, 1949, №3, с.266). Нартский эпос также сохранил предание о девичьем войске дочери Даргавсара, сражавшихся верхом в мужской одежде (167, с.39-51). Судя по археологическим материалам, воительницы в качестве основного оружия использовали лук со стрелами, реже – мечи и кинжалы (368, с.85). Письменные источники добавляют еще пелты – легкие щиты сечкообразной формы (357, с.20), секиры и дротики. Впрочем, участие женщин в сражении сводилось к обстрелу противника из луков без вступления в рукопашный бой (368, с.70).

В аланских войсках, как и в армиях многих народов того периода, большую роль играли боевые собаки. Громадные аланские доги, специально обученные для боя, сопровождали профессиональных дружинников во всех их походах. Врываясь в боевые порядки противника, они производили сумятицу, калечили лошадей, ранили и убивали воинов неприятеля.

Что касается источников существования военной организации алан, то для широких масс населения это добыча, захваченная в набегах. Аристократия и дружинники помимо этого имели доход от «ежегодных взносов дани», которую платили аланам многое народы, в том числе, римляне (21, 1948, №3, с.233). Особой статьей дохода

являлась работорговля захваченными в набегах и получение выкупа за пленных. Так царь мидян Пакор после набега алан в 72 г. был принужден выкупить свою жену, детей и наложниц за 100 талантов (21, 1949, №4, с.234), а, по словам Тацита, в сиракском городе Успе было 10 тысяч рабов (368, с.83).

Наемничество, практиковавшееся аланами с их первых шагов на исторической арене, известно в двух видах. Первый из них, наиболее распространенный в этот период, можно назвать кратковременным, когда соседние государства обращались к предводителям алан с просьбой за определенную плату оказать военную помощь на время одной военной кампании. Так, по сообщению Тацита, в 35 г. князья сарматов «по своему обычаю, взяв деньги с обеих воюющих сторон, обещали помощь одной и другой» (8, ч.1, с.115) кратковременное наемничество, практиковавшееся, как об этом сообщает Страбон, и в отношении Иберии (22, т.2, с.277), имевшей слабую конницу, со временем превратилось в постоянное присутствие большого количества аланских наемных отрядов в ее войске (328, т.1, с.388). Результатом явилось вливание алан в ряды иберийской знати, на что указывает обилие сармато-аланских имен среди ее представителей (328, т.1, с.383,388).Этот процесс и следует рассматривать как другой вид наемничества – стационарный, когда военный отряд, не зависящий от правящей верхушки своего народа, по своему почину нанимается на длительную или постоянную службу в вооруженные силы другого государства. Как правило, они со временем утрачивали связь со своим народом и ассимилировались.

2. Второй период (IV-VI вв.)

Великое переселение народов в IV в., разметав сармато-аланские политические объединения, вовлекло в свой состав большинство кочевых аланских племен. Как свидетельствуют античные источники, аланы продолжают сохранять черты народа-войска. Аммиан Марцеллин (род. ок. 330 г.) отмечает: «Они не имели никакого понятия о работе, будучи все одинаково благородного происхождения... Все, что по возрасту и полу не пригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами...»(21, 1949, №3, с.304-305). Следствием этого явилось сохранение всех типов набегов предыдущего периода, однако их значение сильно упало. Помимо них фиксируется еще один вид – родовой, который, судя по всему, имел широ-

кое распространение в ранее время. Так Зосим повествует о том, как «скифский род Таифалов сделал набег в количестве 500 всадников», причем император Константин (324-327 г.г.) не только не оказал им сопротивления, «но и рад был, что бежал» (21, 1948, №4, с.280). Особо возрастает значение военных союзов между различными народами. В виду того, что отношения между союзниками были крайне нестабильными, они зачастую распадались уже в ходе первого сражения с неприятелем. Сложение единой аланской народности, о чем упоминает Аммиан Марцеллин, и завершение эпохи классообразования, о которой свидетельствуют грандиозные походы предыдущего периода (368, с.84), привели к усилению значения аланских верховных правителей. Положение последних в значительной мере определялось силами их дружин, в которых тоже произошли изменения. «Дружина-свита» клановых вождей ушла в прошлое вместе с родовой, кровнородственной общиной везде, где проходили волны Великого переселения (248, т.3, с.14). Уже в рассказе Константия из Леона о событиях начала V в. об аланском вторжении в Арморину перед нами предстает обладающий неограниченной властью над своим войском король Эотар (Гоар). Основой его армии является дружина телохранителей, остальные войска, состоящие из легковооруженных воинов, сопровождают ее, рассыпавшись по окрестностям (192, с.128).

Что касается оседлого аланского населения на Северном Кавказе, то там имеет место дальнейшее разделение военной и гражданской власти. Как можно сделать вывод из сообщений армянских источников, при аланских царях действует институт военачальников-полководцев (224, с.35). В отличие от предшествующей эпохи, они уже не равны по статусу царю, а занимают по отношению к нему подчиненное положение. В рассказе Моисея Хоренского (V в.) перед нами предстает аланская царская династия «потомков богов», обладающая неограниченной властью, передающейся по наследству от отца к сыну (2, в.1, с.31-33). Однако установление прочной монархии, на наш взгляд, следует отнести к середине VI в. – времени правления Саросия (Сародия, Сароя). Последний часто упоминается византийскими историками, как одна из крупнейших политических фигур в масштабах всего Кавказа (7, т.2, с.84,321-322,383). Несмотря на наличие государственной власти, регулярной армии Алания не имела в виду отсутствия источников ее финансирования. Аналогичное положение сложилось в Сасанидском Иране, где также не было регулярного войска, за исключением царской стражи, и которое было

создано лишь в царствование Хосрова I (531-579 г.г.), и состояло из тяжелой кавалерии, получавшей жалование от царя (368, с.79).

Ввиду крайне нестабильной внутренне – и внешнеполитической обстановки определить численность аланских войск очень сложно. Так, говоря о количестве вовлеченных в Великое переселение народов, известно, что в 334 г. около 300 тысяч сарматов получили разрешение осесть в Римской империи (238, с.310), т.е. это около 60-75 тысяч воинов. Император Западной Римской империи Грациан (375-383 г.г.) поселяет часть алан, в количестве 20 тысяч воинов под предводительством Сафрака в южной Паннонии (295, с.65). Из 50 тысячной алано-вандальской армии, переправившейся в Африку (238, с.342) (приводят и цифру в 12-15 тысяч воинов (295 с.73; 342, с.57), но она, на наш взгляд, занижена) аланы должны были составлять 15 тысяч. Остальные аланские группировки, рассеявшиеся по Западной Европе, были меньше, и, вероятно, не превышали по численности 10 тысяч воинов.

На Северном Кавказе и в Крыму, где феодальные отношения были наиболее развиты, аланы, с увеличением социальной и имущественной дифференциации постепенно утрачивают многие черты народа-войска. Соответственно снижаются удельный вес, роль и значение рядовых алан в войске. Сведений о численности войск крымских алан у нас, к сожалению, нет, зато имеются данные по северокавказским аланам. Грузинские летописи указывают абсолютно фантастические цифры – от нескольких сотен тысяч до миллиона (29, с.82,85), зато армянские авторы приводят вполне реальные данные. Так, Моисей Хоренский (V в.) пишет, что «во дни Хосрова (Хосрова II (307-304 г.г.) – С.А.) жители северной части Кавказа, подстрекаемые в особенности просьбами Санатрука, по тайному указанию Шапуха (Шапур II (309-379 г.г.) – С.А.), царя парсийского, соединяются и делают нападение в центр нашего отечества массою около двадцати тысяч человек» (43, с.149). Авторы VII в. Мовсес Кагакатваци и XI в. Степанос Таронский (Асохик), описывая эти же события, определяют число вторгшихся войск в 30 тысяч (208, с.154; 2, вып.2, с.28).

Что касается родов войск, то кавалерия по-прежнему сохраняет доминирующее положение. Особо ярко это проявилось у алан, участвовавших в переселении народов. Так армия алано-вандальского королевства состояла сплошь из конницы, поскольку аланы привили вандалам неуважительное отношение к идее пешего войска (192, с.74). Впрочем, в составе конницы происходят серьезные изменения

– с исторической арены сходят катафрактарии. Между тем, тяжелая конница, действующая в сомкнутом строю, продолжает иметь место. Так, Иордан, описывая битву племен при Недао с наследниками Аттилы в 453 г., отмечает: «можно было видеть... алана, строящего ряды с тяжелым... оружием» (368, с.90). Имеет также место облегчение комплекса доспехов тяжеловооруженных всадников, о котором сообщает Аммиан Марцеллин в IV в. (21, 1949, №3, с.305). Чешуйчатый и комбинированный панцири постепенно вытесняются легкой и гибкой кольчугой, поскольку доспеху теперь требовалось выдерживать не таранный удар тяжелого копья, а рубящий удар меча в подвижной рукопашной схватке. Впрочем, чешуйчатые доспехи продолжают быть в ходу, причем у наиболее знатных воинов. Астерий, епископ амасийский (втор. пол. IV в.) описывает «военный панцирь, осыпанный драгоценностями (ибо варварское вооружение хвастливо и роскошно)» сармато-аланского «владетельного царя» (21, 1948, №3, с.266). Для защиты головы используются полусферические шлемы, склепанные из тонких металлических пластин с защищающим лицо наносником. Науши и затылочник уступают место бармице, закрывающей всю нижнюю часть головы. В употребление входят вытянутые щиты неправильной формы. С появлением жесткого деревянного седла, к которому вскоре добавились стремена, создались условия для распространения конной рубки. Результатом этого явилось приспособление клинкового оружия к новым реалиям боя: меч получает более широкое распространение, он укорачивается, появляется массивное перекрестие. У кинжалов исчезает кольцеобразное навершие, увеличивается их длина, пята клинка нередко снабжается вырезами. Уменьшаются размеры копий, наконечники которых становятся значительно меньше и легче. Зато увеличивается длина и мощность луков. Усиление костяными накладками получает широкое распространение, и луки этого периода можно отнести к так называемым экземплярам гуннского типа. Возрастают размеры и вес наконечников. Трехлопастные железные черешковые экземпляры становятся господствующим типом, окончательно вытеснив бронзовые и костяные. В колчанах стрелы располагаются наконечниками вниз, что облегчает их извлечение. Вероятно, перестает практиковаться отравление стрел ядом, поскольку источники уже не упоминают об этом. Мощный лук и крупные наконечники стрел позволяли вести не только массовую, но и прицельную стрельбу, поэтому воин уже не нуждался в столь большом количестве стрел, как раньше, что видно по сокращению их числа в погребениях (368, с.88). У знатных воинов в период Великого

переселения народов широкое распространение получает мода на украшение оружия, в первую очередь, клинкового, доспехов и конного снаряжения золотом, серебром и драгоценными камнями. Комплекс вооружения алан пользуется такой популярностью у соседних народов, что даже римский император Грациан (359-383 г.г.) «появлялся перед войсками в аланском национальном вооружении и совершал походы в этом наряде» (298, с.26-27).

Разрыв между тяжелой и легкой конницей неуклонно сокращается, чему способствует широкое распространение жесткого седла со стременами. Легковооруженные всадники, оставаясь в первую очередь лучниками, начинают играть большую роль в рукопашной схватке, чем в предыдущее время. Основным оружием ближнего боя становится легкое копье. Армянские источники этого времени характеризуют алан как « народ копьеносцев» (2, в.1, с.31-33), и именно отряды конных копейщиков, судя по рассказу Моисея Хоренского (V в.), действовали в бою на самых ответственных участках (43, с.149). Кроме того, на вооружении легковооруженных всадников появляются мечи одинаково приспособленные как для конного, так и для пешего боя. Из оборонительного доспеха преобладают кожаные, войлочные, роговые панцири и шлема, по всей вероятности, какая-то часть этих воинов имела металлические шлема и кольчуги. Сохраняется значение аркана, в то время как дротика – снижается.

Несмотря на пренебрежительное отношение к пехоте, обусловившее ее незначительную роль в аланских армиях, складывание в этот период широкой сети городищ с развитой фортификацией, требовало создания хорошо вооруженных и обученных отрядов воинов, способных сражаться в пешем строю. Выход из создавшейся ситуации был найден в приспособлении кавалеристов к ведению боя, спешившись, когда в этом возникала необходимость. Собственно же пехотинцы, составлявшие отряды ополчения, продолжали комплектоваться из беднейших слоев населения, что видно из сообщения Фавста Бюзанда: «Маскуты были как конные стрелки, так и вооруженные дубинами пешие воины» (253, с.96). Помимо дубин пехотинцы были оснащены луками и копьями, а изредка и кинжалами.

С развитием государственности совершенствуется и воинская организация алан, имеющая уже четкую иерархическую структуру и разделение на различные подразделения. Это видно из описания Фавста Бюзанда: «Когда они (маскуты – С.А.) прибывали на какое-нибудь знаменитое место, то устраивали смотр по полкам, знаменам и отрядам на видных местах, приказывая, чтобы каждый человек

нес по камню и бросал в одно место в кучу, чтобы по тому, сколько окажется камней определить количество людей, и чтобы остался на будущие времена этот грозный знак прошедших времен» (253, с.96). По всей видимости, состав отрядов комплектовался по родоплеменному признаку, поскольку войско аланского царя, как отмечает Бюзанд, включало «несметное множество других разношерстных кочевых племен, все множество войск, которым он повелевал» (41).

Сохраняются и некоторые привилегии наследственной военной аристократии, что как бы вписывалось в систему военной иерархии. Один из примеров этого приводит Прокопий: «Между этими массагетами был один воин, отличающийся храбростью и крепостью телесной. Он предводительствовал немногими воинами, но от отцов и предков имел он право во всех Уннских войнах нападать на неприятелей прежде других. Ни одному из массагетов не было позволено нападать на неприятеля прежде кого-нибудь из этого дома...» (264, с.116).

Женщины в этот период перестают принимать непосредственное участие в боевых действиях. Аланские боевые собаки, получившие широкое признание в Западной Европе, в эпоху Великого переселения народов, широко используются в IV-V в.в., однако к VII в. их значение резко снижается, смещаясь к косвенному участию в боевых операциях.

Что касается источников существования военной организации, то такие статьи дохода как дань, работорговля и выкуп за заложников отходят на второй план. Правда угон населения в плен продолжает практиковаться, как об этом сообщает Аммиан Марцеллин (21, 1949, №3, с.297) и Леонти Мровели (29, с.81,85), но в основном с целью обращения его в патриархальных рабов или обмена на военнопленных. Основным же источником остается добыча, захваченная в походах и прибыль от наемничества. В IV-V в.в. приоритет получает стационарное наемничество, поскольку римские императоры широко практиковали привлечение варварских всадников на постоянную службу. Это привело к тому, что «все скифские племена стали стекаться такими роями, что казалось, ты (император Феодосий Август – С.А.) повелел варварам производства набора» (21, 1949, №4, с.248). Что касается кавказских алан, то подобного рода наемничество здесь сокращается. Так в V в. грузинскому царю Вахтангу Горгасалу удалось завербовать у них только 300 воинов (29, с.90). Зато грандиозный размах здесь приобретает кратковременное наемничество, ставшее на новую ступень развития в эпоху ирано-византийских войн VI-VII в.в., которую можно охарактеризовать как наемное союзничество. Так по свиде-

тельству Прокопия Кесарийского (VIв .), в 549 г. «за 300 фунтов золота они (аланы – С.А.) согласились не только защищать вместе с лазами Колхиду от вторжения неприятеля, но даже настолько обезлюдить Иберию, что персы никогда не будут в состоянии вторгнуться в эту страну». А уже в следующем 550 г. в Иберию вторгается персидское войско «вместе с большим числом союзных с ними варваров алан» (5, с.40). Это дает возможность исследователям говорить о существовании двух военных организаций (западной и восточной), одна из которых финансировалась Ираном, а другая – Византией (295, с.92). Однако на наш взгляд, имеет место существование лишь одного крупного лагеря алан (остальные военные силы, участвующие в конфликте, представлены отрядами независимых аланских феодалов), меняющего хозяев в зависимости от размеров оплаты. О подобном сообщает Меандр Византиец, рассказывая, как в 576 г. византийский император Тиберий переманивает на свою сторону алан, обещая платить вдвое больше, чем персы (7, т.2, с.420).

3. Третий период (VII-IX вв.)

Развитие процесса феодализации в Алании сопровождалось укреплением царской власти, и, как следствие, – увеличение дружины государя. Строительство в это период ряда укреплений на стратегически важных направлениях, для которых требовались довольно большие гарнизоны, а также постоянная угроза вторжения мобильных конниц арабов и хазар, требовали создания регулярных воинских подразделений. Подобное войско начинает формироваться в VIII-IX в.в., однако, особой силы оно не представляет. Вместе с тем, под началом различных аланских феодалов продолжают находиться сильные дружины. Аланы утрачивают черты народа-войска. Появление на вооружении сабли с палашом и создание системы фехтования в конном и пешем строю на долгие века отделило профессиональных воинов от остальных масс населения. Впрочем, и последние продолжали носить оружие, так, судя по археологическим материалам, практически каждый взрослый мужчина был вооружен небольшим боевым топориком, не требовавшим особого мастерства в обращении.

О появлении в Алании новой военной структуры косвенно может свидетельствовать то, что походы в этот период совершаются уже, как сообщает Феофан Византиец (709 г.) «не из-за денег», а

«из любви» к византийскому императору (5, с.44). Создание в стране сети крупных городов требовало содержания в них гарнизонов. Существование последних подтверждается упоминанием в хронике «Дербент-наме» должности коменданта гарнизона в стране Ирхана (Ихран), в которой исследователи видят Аланию (253, с.103). Аланские гарнизоны располагаются и в крепостях на территории соседних держав, как это имело место с крепостью Бухлоон (Букулюс), перешедшей в руки алан между 662-666 г.г. (295, с.98). На создание регулярного войска указывает и создание системы знаков воинского отличия, которую археологи видят в мужских амулетах, носившихся на груди, широко бытовавших в VII-IX в.в. (272.1, с.120; 294, с.185). Если в 725 г., как сообщает Ал-Якуби, арабы во главе с Джаррахом, вторгшись в Аланию, смогли обложить ее население подушной податью (253, с.108), то это указывает на то, что подобный налог платился аланскому государю и раньше. Он и мог служить источником содержания регулярной армии.

С IX в., как видно по археологическим материалам, среди части аланских профессиональных воинов распространяется такое украшение конского оголовья, как начельник с султаном. Поскольку он встречается в погребениях с наиболее полным и богатым комплексом вооружения, и бытует до первой половины XIII в. – времени исчезновения регулярного войска, на наш взгляд, является правомочным вывод о принадлежности воинов с подобным конским украшением к элитарным регулярным армейским соединениям – к царской гвардии. С другой стороны, начельник мог служить маркирующим признаком офицерского ранга.

Г.Е. Афанасьев, исследовавший социальное развитие донских алан, получил следующие процентные соотношения предметов вооружения и конского снаряжения в мужских погребениях: конские начельники – 1,54% погребений, остатки конского оголовья – 9,28%, стремена – 10,77%, наконечники стрел – 10,77%, сабли (мечи, палаши) – 10,77%, боевые топоры – 43,85%, тесла-мотыжки – 40,00%, фурнитура поясных наборов – 53,08% (188, с.133-134). На основании этих данных исследователь выводит следующую структуру первичной аланской военной организации, состоящую из двух рангов. В первый входит предводитель, возглавляющий оба ранга (сотник) и 10 человек десятников. Второй ранг состоит из двух групп воинов – высшей (36 чел.) и низшей (68 чел.) (188, с.142). Подобный взгляд на военную организацию неправомочен, поскольку трудно представить себе войско состоящее из отдельных кучек в виде хорошо

вооруженного всадника, вокруг которого сгрудилась его десятка пехотинцев, имеющих только топорики и мотыжки. Поэтому профессиональные воины составляют лишь 10,77% мужского населения и представляют собой всадников, вооруженных длинным клинковым оружием (мечом, палашом, саблей) и луком со стрелами. Иногда отсутствие клинкового оружия компенсировалось наличием копья, которое благодаря сужению пера наконечника с этого времени начинает напоминать пику. Именитые воины и гвардейцы (1,54%) имеют, как правило, полный набор вооружения, в котором присутствуют и булавы, имеющие в этот период вид палицы, и боевые топорики в виде двулезвийных экземпляров и топоров-чеканов, реже применялись топоры-клевцы, метательные ножи и мотыжки-пальстабы. Поскольку аланы были прежде всего конными воинами, широкое распространение в их среде стремян привело к полному изменению комплекса вооружения: меч уступает место новым типам клинкового оружия – палашу и вскоре вытеснившей его сабле. Кинжал в свою очередь замещается боевым ножом и топором, функционально дополнявшими друг друга. В связи с широким развитием земельной фортификации, неотъемлемой частью экипировки воинов становиться мотыжка-пальстаб, которая с успехом могла применяться и в бою. Попытки приспособить трехлопастные наконечники для пробивания кольчатого доспеха привели к появлению наконечников стрел с боевой головкой трехгранной в верхней и трехлопастной в нижней частях, ставших господствующими в этот период. Вместе с тем, к IX в. намечается тенденция специализации стрел, т.е. снабжение их наконечниками различной формы, получившая развития только в последующее время. Среди доспехов прочно утверждается кольчуга, а голову защищают шлема различной конструкции: это и кожаные на металлическом каркасе, и пластинчатые шлема с наносником и кольчужной бармицей. Разнообразна и форма щитов, наряду со щитами неправильной формы широкое распространение получают круглые рондаши (диаметром 70см). В это же период появляются каплевидные и небольшие кулачные щиты. Начинает развиваться традиция украшения конского снаряжения, набравшая силу к IX в. Оголовье коня украшается различными бляшками, упряжь – подвесками и бубенчиками, седло – накладными пластинками. Стремена отличаются разнообразием форм, среди которых преобладают арочные и восьмерковидные экземпляры.

Остальное мужское боеспособное население страны (около 40% мужчин) привлекалось к боевым действиям в качестве пешего

ополчения только в экстренных случаях. Их вооружение отличалось дешевизной, простотой в изготовлении и владении. Оно состояло из кожаного и войлочного защитного снаряжения, деревянных щитов, пращ, боевых ножей, боевых топоров, дубин и мотыжек-пальстабов, игравших роль саперной лопатки. Изредка на вооружении находились лук со стрелами, кистени (получившие распространение в основном среди салтовских алан), булавы. Для этого периода известны женские погребения с оружием, воинскими поясами, сбруей и лошадьми, хотя профессиональные воительницы, имеющие длинное клинковое оружие единичны (121, с.278).

Вряд ли правомочно говорить о делении на рода войск в аланской армии. Регулярная армия, да и дружины феодалов состояла из всадников, которые в случае надобности могли сражаться в пешем строю. С другой стороны часть войска, составляющая гарнизоны крепостей и городов, состояла исключительно из пехотинцев. Что касается ополчения, то оно главным образом было представлено пехотинцами, хотя имеющие лошадей могли формировать легкую кавалерию. В это период завершается процесс замены тяжелой конницы средневооруженной, отличавшейся наличием у всадника подвижного металлического доспеха и способностью вести маневренный рукопашный бой в любом строю.

Что касается дисциплины в аланском войске, то о ней можнг судить по сообщениям византийских авторов (208, с. 148-149) и Нартскому эпосу. Аланский профессиональный воин это индивидуальный боец с болезненно острым чувством собственного достоинства. В военном деле – вооружении, мастерстве и храбрости он равен любому из других профессионалов, вплоть до правителя. Поэтому в бою он зависит только сам от себя, воспринимая любой приказ, как урон чести и выделиться, быть первым, может, только показав свою храбрость и мастерство (201, с.111). В какой-то мере это находит отражение и в сообщении Товма Арцруни (IX-X вв), описывающего «горы Кавказские, в которых живут разноязычные народы, разделяющиеся на 72 племени. Пребывают они без предводителя и кто, что захочет, то для него и закон» (2, вып. 3, с.21).

Говоря о численности аланских войск, следует отметить, что в VII в. Иоанн Мамиконян сообщал о вторжении в Армению войска «царя северян» в количестве 58 тысяч (2, вып.2, с.25). Шапух Багратуни (IX в.) описывает разгром аланами 70 тысячного арабского корпуса (2, вып.2, с.43), а грузинские летописи (Матиане Картлиса) сообщают, как в 851 г. аланам удалось отбить нашествие громадного

арабского войска численностью 120 тысяч воинов (28, с.30). Только на Салтовском могильнике насчитывается около 30 тысяч катакомб (295, с.162), т.е. около 80 тысяч погребенных, из которых 14 тысяч профессиональные воины и 16 тысяч – ополчение. Таким образом, реальная численность аланских войск вместе с ополчением колебалась в этот период в районе 60 тысяч. Собственно же регулярная армия могла составлять 10 тысяч. Подтверждением тому, что реальное войско было небольшим, может служить свидетельство Аль-Баладзари (IX в.) о восстании против арабов алан и дагестанцев, на подавление которого прибыло всего 8 тысяч воинов (343, с.52).

Основным источником финансирования военной организации в этот период становятся налоги, собираемые с населения. Кроме того, новым источником становятся таможенные сборы, благодаря изменению трассы «Великого шелкового пути», которая с началом ирано-византийской войны стала проходить через Аланию (295, с.95-96). Наемничество, хотя и не с тем размахом, продолжает иметь место, особенно в отношении Византии, с которой у Алании установились тесные контакты. О кратковременной форме наемничества сообщает Феофан Византиец (709 г.) в рассказе о том, как император Юстиниан оруженосца Леона «послал в Аланию с деньгами, чтобы возбудить алан против Авазгии, Лазики и Иверии» (5, с.43). В отличие от этой формы наемничества государственного уровня, стационарное наемничество все больше приобретает индивидуальные черты, становясь уделом небольших отрядов искателей приключений. Исходя из сообщения Феофана о том, что аланы «вторглись в Авазгию и взяли многих пленных» (5, 43-44), можно говорить о сохранении и этой статьи дохода.

4. Четвертый период (X-XII вв.)

Дальнейшее усиление государственной власти в Алании привело к совершенствованию военной организации, которая в письменных источниках того времени предстает окончательно сформировавшимся регулярным войском под командованием непосредственно царя. Роль ополчения резко снижается, как это можно наблюдать по материалам погребений, что связано со стабилизацией внешнеполитической обстановки (Впрочем, рядовое мужское население продолжает иметь на вооружении боевые топорики). Зато численность регулярного войска возрастает, Так, источник «Худуд ал-Алам» сообщает об аланском

городке Хайлане, «где находится царская армия» (287, с.155). Остальная часть войска расквартировалась в городах и крепостях на стратегических направлениях, подобных, по словам того же источника, подтверждаемого Ибн-Рустэ (X в.), Дар-и-Алану, где «каждый день 1000 человек по очереди несут стражу на его стенах» (287, с.155; 36, вып.32, с.49-51). Впрочем, внутриполитическое положение в стране становится крайне шатким. Именно к X в., на наш взгляд, происходит процесс административно-политического обособления одного из наиболее крупных племен, составивших Аланское государство – асов. Напомним, что согласно Ибн-Рустэ в X в. «аланы делятся на четыре племени. Почет и власть принадлежат племени, называемому «Дахсас», а царь аланов называется «багаир» (имя это принадлежит всякому, кто у них царем)» (36, вып.32, с.49-51). Кульминацией процесса децентрализации становится противостояние аланских и асских войск в Хазаро-асской войне 913-914 г.г., в которой аланы выступили на стороне хазар и нанесли ассам поражение. Таким образом, можно говорить о существовании двух военных контингентов, подчиненных различным правителям, однако мы не согласны с мнением исследователей о длительном характере подобного дуализма в этот период (253, с.96). По всей вероятности, он закончился вместе с поражением ассов в войне, вероятно, это и было единственной целью, по которой аланы в.в.язались в войну (чтобы пресечь сепаратизм ассов), поскольку уже через несколько лет в 920-932 г.г. разгорается война между самими Аланией и Хазарией (295, с.168).

Не стоит понимать буквально заключение З.Чичинадзе, сделанное на основе изучения грузинских летописей, что «грузины и осетины не держали постоянных войск. Когда же возникала необходимость в них, тогда вызывали по одному мужчине из каждого дома и образовывалось войско» (384, с.93). Однако, безусловно, наряду с регулярными войсками, т.е. постоянными, имеющими штатную организацию, форму обмундирования, установленный законом порядок комплектования, прохождение службы, имелись иррегулярные части, не имевшие твердой и постоянной организации и отличавшиеся системой комплектования. На наш взгляд, это вытекает из возрастания в этот период почти в 2 раза числа профессиональных воинов. Судя по материалам Змейского могильника (295, с.264-267, 275), последние составляют уже 22,6 % от взрослого мужского населения. Вместе с тем, социальный слой, служивший основой для комплектования ополчения, так называемый «средний», в период X-XII в.в. сокращается с 69,8% до 23,8%-26,5% (224, с.55-56). Под ир-

регулярными войсками алан следует понимать не только ополчение, комплектовавшееся из плоховооруженных бедняков, но и отряды профессиональных воинов, чье несение службы не носило постоянного характера.

Что касается численности аланских войск без привлечения ополчения, то Масуди (в 956 г.) сообщает, что: «Царь аланов выставляет 30000 всадников» (35, вып. 38, с.54). Грузинские летописи (Матиане Картлиса) о помощи аланского царя Дургулея (Дорголея) во главе сорокатысячного (по другому переводу 48000) войска своему шурину Грузинскому царю Баграту IV (1027-1072 г.г.) (28, с.58; 9,с.33). М. Джанашвили называет это войско ополчением (9, с.33) и, возможно, ополченцы действительно присутствовали в нем. В военных акциях в виде походов участвовало сравнительно небольшое количество воинов. Так, в совместном с адыгами походе на Тмутараканское княжество, судя по источникам, участвовало лишь 6 тыс. аланских воинов (343, с.56). Никифор Вриений сообщает, что правитель Алании отправляет византийскому императору Михаилу (1059-1067 г.г.) 6 тыс. наемных воинов, которые из-за невыплаты жалования почти все расходятся (208, с.149-150; 7, т.1, с.78). В войне 1111 г. на стороне Грузинского царя Давида III Строителя выступает, по свидетельству Маттеоса Урхаеци, всего 500 аланских воинов, в то время как кинчаков 15 тыс (295, с.188, 239). Армянский историк XII в. Матфей Эдесский описывает состав коалиционного христианского войска в битве с турками 12 августа 1121 г. под Дидгори: «под знаменем царя Давида» сражались 40000 грузин, 15000 кинчаков, 500 аланов и 100 франков (крестоносцев) (266.1, с.399) А.Н. Карсанов высказывает сомнение в столь малом количестве алан, ссылаясь на другого армянского историка, описывавшего эти события, Смбата Спарапета (1208-1276 г.г.), сообщавшего, что царь Давид «собрал все свое войско, пригласил на помощь также 40000 кинчаков,18000 аланов,10000 армян, 500 франков, людей храбрых и воинственных» (266.1, с.399). Таким образом, исходя из вышеприведенных цифр, общая численность войск Алании в этот период вместе с ополчением не превышала 60 тыс., профессиональное войско состояло из 30 тыс. всадников, из которых около 10-15 тыс. являлось регулярным войском (у хазар оно составляло 12тыс. в нач. Хв. (36, вып.29, с.43; вып.31,с.45)), остальные были иррегулярными соединениями.

Основу войска по-прежнему составляют средневооруженные всадники, которые, по словам Масуди, «садятся на коня..., вооруженные луками, облаченные в панцири, шлемы и кольчуги. Среди

них имеются и копейщики...» (295, с.22). Однако, безусловный приоритет получает сабля, не претерпевшая особых конструктивных изменений (она лишь несколько сужается, особенно на обоюдоостром конце) со времен прошлой эпохи. Луки, сохранившие свои позиции ведущего оружия дистанционного боя, становятся массивнее и увеличиваются в размерах, что объясняется утяжелением стрел. Последние получают значительное разнообразие форм, в зависимости от специфического назначения – бронебойные с небольшим, узким, массивным наконечником, лопаткообразные и вильчатые срезни для охоты, однако, господствующими становятся экземпляры с наконечниками ромбовидной формы, линзовидными или ромбовидными в сечении. Снижается роль булавы, а кистени и совсем исчезают из употребления. Зато мотыжки-пальстабы продолжают быть в ходу. Новым является широкое распространение у профессиональных воинов нового типа боевого топора-секиры с широкой рабочей частью в виде полумесяца и обухом, выполненным в форме клевца. Широкое развитие получает и топорик небольшого размера с перпендикулярно расположенными лезвиями, впрочем и экземпляры с параллельными лезвиями сохраняют свое значение. Вновь входят в употребление дротики, но теперь их наконечники напоминают ромбовидные наконечники стрел, отличаясь лишь более крупными размерами. Копья начинают употребляться значительно реже, зато боевые ножи получают массовое распространение. Возрастает популярность и метательных ножей, носящихся в специальных кассетных ножнах по несколько штук. Что касается защитных доспехов, то начинается распространение кольчатых панцирей, хотя кольчуга продолжает употребляться. Шлема сферо-конической формы с острой вершиной, цельнокованые и имевшие кольчужную бармицу. Круглый щит типа рондаша становится господствующим, хотя имеют место и каплевидные щиты. Конское снаряжение этого периода отличается особым богатством. Помимо начельников с султанами, конская узда украшается бляшками, подвесками, бубенчиками, деревянная основа седла покрывается резьбой и орнаментируется бляшками, попона порывается богатым узором, а хвост коня украшается охвостьем. Что касается стремян, то господствующими становятся экземпляры круглой формы с небольшим вырезом для путалища в верхней части.

Легкая кавалерия по комплексу вооружения напоминала среднюю, отличаясь лишь защитными доспехами, изготовлявшимися из кожи и войлока. В этот период на Ближнем Востоке вновь наблюдает-

ся взлет тяжелой кавалерии. Он не мог обойти стороной и алан, уже не раз терпевших поражение от крестоносцев ввиду легкости своего вооружения. Пехота по-прежнему имеет второстепенное значение, а ее задачи выполняет спешившаяся конница. Пешие соединения, комплектующиеся ополченцами, набираются только в экстренных случаях и особыми боевыми навыками не отличаются. Вооружение их составляют боевые топорики, мотыжки-пальстабы, луки, дротики, пращи, круглые деревянные, обтянутые кожей щиты, войлочные и кожаные доспехи. Женщины, по всей вероятности, по-прежнему продолжают принимать участие в боевых действиях. Так, по словам З.Чичинадзе, в войске Давида-Сослана «было много воинов-осетинок, которые были одеты в мужскую одежду» (384, с.98).

Говоря об источниках финансирования аланской военной организации в этот период, нужно отметить полное доминирование налоговых поступлений и феодальных повинностей. Судя по всему, имеет месть та же ситуация, что и в соседней Хазарии, которую отмечает ал-Истахрий (соч. 930г.), когда окрестное население снабжает регулярные войска провиантом, напитками и прочим. «У них нет определенного постоянного жалования (Ибн-Фадлан утверждает, что жалование выплачивается, но очень маленькое (36, вып.32, с.45)), разве только малая толика перепадает на их долю после длительного промежутка времени в случае войны, или когда их постигает какое-нибудь дело, из-за которого они соединяются» (36, вып.29, с.43). Численность регулярного войска строго фиксировано и «когда умрет из числа их один человек, то немедленно ставят на его место другого». Иррегулярное войско Хазарии, как указывает Ибн-Рустэ (раб. 903 г.), финансировалось из другого источника: «царь...возложил на зажиточных и богатых обязанность поставлять всадников, сколько могут, сообразно с их имущественным положением и с состоянием источников их доходов» (36, вып.32, с.45). Общая для всего войска захваченная добыча делилась следующим образом: царь выбирал из нее то, что ему понравится, а остальное предоставлялось воинам для раздела между собой, что и служило им платой за службу (36, вып. 32, с.45). Наемничество продолжает практиковаться, хотя и не с тем размахом, как в предыдущий период. На службе у византийских императоров постоянно находились аланские отряды (295, с.114-115; 253,с.111; 343, с.41-42). Имеют место как кратковременные, так и стационарные формы наемничества, при этом первые имеют государственный размах – наниматели обращаются непосредственно к правителю Алании, как это видно по свидетельству Никифора

Вриения, однако, плату выплачивают непосредственно самим воинам (7,т.1, с.78). Стационарное наемничество практикуется как отдельными воинами (подобно Арабату из отряда Исаака Комнина и Хаскариса «из подручников» Алексея Комнина, о которых упоминает Вриений (7, т.1. с.65-66)), так и целыми независимыми воинскими соединениями.

5. Пятый период (XIII-XV вв.)

В 1222 г. происходит первое столкновение аланских войск с монголами. Из рассказов Ибн-Эль-Асира и Рашид-ид-Дина об этом событии, можно сделать вывод о том, что против захватчиков была выдвинута вся регулярная армия Алании, небольшое ополчение и союзные кипчакские войска. Сравнительным путем можно подсчитать их численность: поскольку в первый день сражения силы противников были равны, напрашивается вывод численном равенстве сторон (монгольская армия была значительно опытнее, что, впрочем, компенсировалось тем, что аланы действовали в обороне). Зная, что монгольский корпус насчитывал 40 тысяч воинов (238, с.715) и, предположив, что алано-кипчанская армия имела ту же численность, следует исходить, что кипчаки в ней составляли около трети – 25-30 тысяч (в коалиции их было меньше, поскольку именно аланы «поспешили собрать у себя много кипчаков» (27, с.142), а с другой стороны, кипчаков было достаточно много, чтобы аланы не смогли их удержать и были легко разбиты, лишившись своих союзников).

Сложная внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка (постоянная угроза нашествия и феодальная раздробленность) имели следствием распад регулярного аланского войска, на смену которому пришли дружины крупных феодалов в сочетании с увеличением значения непрофессионального войска-ополчения. Женщины иногда принимают участие в военных действиях и даже могут возглавлять войска. Так, Юань-ши рассказывает, как смертельно раненый правитель асов Хан-ху-сы «приказал своей жене Вай-масы во главе войска защищать владения. Вай-ма-сы, одевши шлем и латы, усмирила волнения» (11, с.282).

В 1239г. монголы приступают к завоеванию Алании и в короткие сроки подчиняют всю ее равнинную часть. Крупные аланские феодалы, понимая бессмысленность сопротивления 150 тысячной армии монголов, поспешили изъявить им покорность и присоединиться к

завоевателям. Так, по свидетельству китайской хроники «Юань-ши», правитель владения асов Хан-ху-сы «когда войска Угэдэя достигли границ его (владения), ... с народом подчинился Угэдэю». Этим он сохранил свои владения, однако, получил «указ, (коим) повелевалось набрать войско из асов в 1000 человек, а старшему сыну, Атачи, быть в свите и сопровождать государя в поход» (11, с.282). Таким образом, наследник аланского престола, а после скорой смерти отца – законный правитель, был обречен всю жизнь оставаться с монголами. Это подтверждает и Плано Карпини, отмечая подобную политику монголов, направленную на развал государственности покоренных стран (15, с.59). Поэтому имел место номинальный перенос аланской царской династии, в подчинении которой было все аланское население в Китае. Так, почти столетие спустя, в 1336 г. потомок Атачи Фодим Иовенс (Фу-дин по Юань-ши (11, с.286)) сохранял титул «царя алан на Востоке» (295, с.361). Таким образом, первоначально включение в ряды монгольских войск носило принудительный характер, основанный на феодальной зависимости от аланских князей. Однако уже в царствование хана Мункэ (1251-1259 г.г.), поставленные в сложные экономические условия, аланы были вынуждены сами добровольно небольшими отрядами в 10-30 человек (11, с.292, 293, 295) наниматься на службу к монголам. Действительно, грандиозные завоевательные походы последних открывали невиданные доселе возможности сделать карьеру для всех слоев населения Алании. Вскоре из алан уже формируется гвардейский отряд. Императорская гвардия «кешиг», численностью 14000 человек, состояла из наиболее профессиональных и хорошо вооруженных воинов, которые обеспечивали охрану ставки Великого хана (248, т.3, с.156). Гвардия состояла из пяти отрядов, два из которых к началу XIV в. комплектовались из алан – так называемые правый и левый (или первый и второй) гвардейские отряды асов (11, с.286-297). После учреждения в 1272 г. должности асского баду даругачи, в гвардию собирают отряд алан в 3 тысячи человек, а позднее еще 700 человек (11, с.281-300). Причина такой популярности алан в качестве гвардейцев, на наш взгляд связана с принципом ее (гвардии) комплектования: туда отбирались воины, умеющие вести индивидуальную рукопашную схватку, а таких в монгольском войске было немного. Говоря же об общей численности алан на службе у монголов, то только в Китае, по свидетельству западноевропейского путешественника Мариньоли в 40-х годах XIV в., их было 30 тысяч. Он пишет: «благодаря их помощи татары овладели востоком и без них никогда не одержали

бы ни одной военной победы. У Чингисхана... состояло на службе 72 аланских князя, когда этот бич божий отправился карать мир» (208, с.213.). Такое преувеличение значения и численности алан связано с тем, что ко времени посещения Китая Мариньоли в 1329 г. одновременно трое алан – Атачи, Чжэ-янь-бу-хуа и Бе-цзи-лянь назначаются на должности десятитысячников (11, с.290, 293, 299. Всего же за почти столетнюю службу алан династии Юань эту должность имело 8 человек), т.е. имели под своим началом 30 тысяч воинов. «Юань-ши» отражает только численность алан на службе монгольской династии Юань в Китае, во время изгнания которой из Пекина в 1368 г. асская дружина сопровождала своих повелителей (11, с.300). О численности аланских войск на службе Золотоордынских ханов у нас, к сожалению нет данных, но, по всей видимости, она должна была быть еще больше, поскольку уже византийский историк второй половины XIII в. Георгий Пахимер отмечает: «С течением времени соседние (с монголами – С.А.), обитавшие в тех странах племена, каковы аланы, зихи, готы, руссы и многие другие, изучив, и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы, одежду, сделались союзниками их на войне». Алано-асы настолько сблизились с монголами, что стали считаться принадлежащими к «правому крылу монгольского народа под именем Асут» (295, с.363).

Другая часть алан, как пишет Абдаллах ибн Фадзаллах поставила «ногу состязания на черту сопротивления» (40, т.2, с.85). Партизанская армия эмиров кипчакского Бачмана и асского Качир-укулэ, состоящая, по рассказам Джувейни и Рашид-ад-Дина, из кавалеристов. О численности ее можно судить по тому, что карательный отряд насчитывал 20 тысяч воинов на 200 судах, помимо двух основных кавалерийских отрядов (40, т.2, с.24, 35-36). Следовательно, кипчако-аланский отряд содержал около полутора десятков тысяч воинов, не считая женщин и детей. На наш взгляд, именно эта группа алано-кипчаков обосновывается в Венгрии в 1242 г., после разгрома повстанческой армии на Северном Кавказе. Среди них аланы, ясы составляли 10 тысяч во главе с Качир Огалы (вероятно, следует его идентифицировать с Качир-укулэ у Рашид-ад-Дина, но в таком случае, сведения о его казни (40, т.2, с.35-36) не соответствуют истине), а кипчаки – 40 тысяч (295, с.354). Социальный состав алано-кипчакского отряда представлен широкими слоями населения «скопище... беглецов» с женами и детьми, во главе которого стояли эмиры с остатками своих дружинников – «удальцов» ,»спасшихся от меча».

Как писал Вахушти (XVIII в.): «Во время же похода Чингизовых ханов, особенно же Батыя и Орхана, разорились и опустошились города и строения их, и царство овсов превратилось в мтаварство-княжество, и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть их страны превратилась в пустыню... они (овсы) вступили в Кавказ и покорили племена кавказцев, кои суть двальцы, и с тех пор Овсетия... извратилась и раздробилась на множество мтаварств» (5, с.75-76). Однако, аланская экспансия на южные склоны Кавказского хребта не ограничилась территорией двалов и вскоре распространилась на внутренние районы Грузии. Первоначально переселение носило мирный характер, так, между 1257 и 1264 г.г. (вероятно, в 1263 г.) от монголов спасается бегством в Грузию группа алан вместе с малолетними царевичами Пареджаном и Багатаром и многими князьями. Грузинский царь Давид разместил изгнанников в ряде населенных пунктов: Тбилиси, Дманиси, Жинвали (13, с.60). В 1268-1269 г.г. аланский отряд переводится в Гори (224, с.81-82), который с этого времени становится центром иммиграции в Грузии. В 1292 г. аланская группировка усиливается настолько, что захватывает Горийскую крепость, которую удерживает до 1326 г. (295, с.193). Исследователи традиционно разделяют военные силы алан в Грузии на две части: это «сидящие в Гори», придерживающиеся оборонительной тактики, и отряд царевичей Пареджана и Багатара (295, с.192), ведущий активную захватническую деятельность. На наш взгляд, столь резкое противопоставление этих двух группировок вряд ли оправданно, хотя определенная обособленность должна была иметь место. Скорее всего, Горийская крепость была подконтрольна царевичам и играла роль плацдарма в аланских завоевательных походах в Картли. Если Пареджан довольствовался ролью союзника при грузинском царе Давиде VIII и монгольских ханах, участвуя в их походах, то пришедший в первой половине 90-х годов XIII в. ему на смену Багатар начинает проводить активную самостоятельную политику, играя на противоречиях различных грузинских и монгольских группировок. По свидетельству анонимного «Хронографа» XIV в.: «Разлагалась страна Картлийская, да мтавар Бакатар усилился и разорял Картли, Триалети, сгонят с вотчин азнауров, и были беды великие среди жителей картлийских» (45, с.202). Сравнивая численность аланских отрядов с размерами грузинских группировок того времени, можно сделать вывод, что она не превышала 10 тысяч, около двух из которых постоянно размещалось в Гори.

Наконец, скажем несколько слов о той части алан, которая, закрепившись в горных районах, вела с монголами партизанскую

войну небольшими отрядами. Как писал о них Вильгельм де Рубрук (1253 г.): «собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются» (15, с.115). (Этот отрывок указывает и на основное оружие таких отрядов – лук со стрелами). Монголам приходится содержать в Алании значительные военные силы «из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине» (15, с.181). Точную цифру монгольского гарнизона определить трудно, однако, по сообщениям Эннувейри и Рукнеддина Бейбарса еще в 1300-1301 г.г. она составляла 10000 человек (40, т.2, с.116-117, 166). Это косвенно указывает на то, что численность противостоявших им разрозненных аланских отрядов суммарно составляла около 15000 человек.

Наемничество, в той форме, в какой оно практиковалось в предыдущие периоды, продолжает иметь место, хотя и без прежнего размаха. По сообщению греческого историка Пахимера, в 1300 г. на службу к византийцам поступило 16000 алан. Аланское войско в количестве 10000 человек неожиданно появилось на Нижнем Дунае и обратилось к вичинскому епископу Луке с просьбой, чтобы их приняли на службу в византийскую армию (343, с.66). Речь идет, видимо, об аланах, находившихся на службе у Золотоордынских ханов, в частности, Ногая (1270-1296 г.г.), которые, как пишет Пахимер, «были его сподвижниками в многочисленных его военных предприятиях» (343, с.67). Впрочем, аланские дружины остаются и в последующее время в армиях Золотоордынцев. Так, Эломари (ум. в 1348 г.) писал, что: «У султана этого государства (Узбека, хана Золотой Орды 1314-1340 г.г. – С.А.) рати черкесов, русских и ясов» (40, т.1, с.231). Последним участием алан в военных мероприятиях монголов можно считать кампанию в составе войск Тохтамыша против Тимура в 1395 г., о которой сообщает Шереф-ад-Дин Йезди (XV в.) (40, т.2, с.110, 120, 121). Грузинские летописи пишут, что: «Покорение Овсетии Тамерлан предпринял только потому, что царь Грузии подкреплял себя войсками из страны овсов» (9, с.54). На наш взгляд, этот поход имел целью ликвидацию последних очагов государственности на территории Алании, поскольку, как ни слабы они были, они контролировали центральную магистраль Кавказа – Дарьяльское ущелье. Даже силами небольших «летучих отрядов горцев» – единственной военной силой алан того времени, аланам удается не пропустить орды Тимура сквозь Дарьяльские теснины (9, с.53). К началу XV в. Тамерлан

уничтожил на корню «реликтовые группы аланского населения на предкавказской равнине» (295, с.344) и горные крепости «Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов» и асских военачальников Кулу, Тауса и Пулада, о чем сообщает Шереф-ад-Дин Йезди (XV в.) (40, т.2, с.181-182). Численность отрядов повстанцев сравнительно невелика – несколько сотен воинов, до тысячи, при этом даже наиболее влиятельный феодал, претендующий на титул «правителя алан», вряд ли мог собрать более нескольких тысяч, как это видно по соседним аварам в тот период (40, т.2, с.185-186). Даже в «Поэме об Алгузе» численность армии прославленного царя Алгуза равна десяти тысячам (171, с.58).

Серьезные изменения происходят в XIV-XV в.в. и в комплексе вооружения, что было вызвано приспособлением его к условиям высокогорья. Основным оружием считается лук со стрелами. Длинное клинковое оружие – сабля по-прежнему остается принадлежностью профессиональных воинов, в то время как боевые ножи имеют распространение у широких слоев населения. Заметно снижается значение копья, а боевые топоры, метательные ножи, арканы, кистени и вовсе выходят из употребления. Вместе с тем большее предпочтение получают булавы и пращи. Есть основания думать, что в эти века у алан появляется арбалет простейшей конструкции и спетум. Что касается оборонительного вооружения, то наряду с круглым деревянным щитом в обиход входит монгольский плетенный калкан и широко распространяется кулачный щит диаметром 30-35см. Во второй половине XIII -XIV в.в. имеют широкое хождение шлема, завезенные на Кавказ монголами, а в XV в., на наш взгляд, доминируют высокие, зачастую медные, шлема с кольчатой бармицей местного производства. Широкое распространение получают боевые наголовья в виде стеганных шапок. По-прежнему, основным нательным доспехом остается кольчатый панцирь, в качестве дополнения к которому теперь применяются наручи. Что касается конского снаряжения, то для удобства верховой езды в горах появляется высокое седло типа арчак и стремена с широкой подножкой. В связи с исчезновением регулярной кавалерии выходят из употребления начельники с султанами и охвостья.

Не представляется возможным проследить для этого периода процентное соотношение конницы и пехоты или профессиональных воинов и ополченцев в силу того, что сложная внешне- и внутриполитическая обстановка способствовала стиранию грани между этими группами. Что касается численности аланских войск в XV в., то,

поскольку территория Алании в это время ограничивается горной зоной, правомочно будет сопоставить ее с материалами по горным осетинским обществам XIXв ., поскольку из-за суровой среды обитания демографических изменений в этих районах не произошло. Самые большие отряды различных горных обществ исчисляются в пределах 300 всадников (381, с.152). Обычно же отряды, отправляющиеся в поход или набег, состояли в среднем из 40 воинов, что находит подтверждение и в Нартском эпосе (381, с.179). В случае серьезной внешнеполитической угрозы могла объявляться так называемая «войсковая тревога» («æfsadfædis») – мобилизация войска для вступления на войну всего ущелья или всей Осетии (381, с.228). Так, к примеру, Дигория в конце XVIII в. могла выставить 1000 человек (199, с.35), а Тагаурское, Куртатинское и Алагирское общества в первой половине XIX в. сообща выставляли 2000 воинов (32, т.4, с.206).

По сравнению с предыдущим временем меняются принципы комплектования войска. Состав отрядов формируется не из участников уже существовавших корпоративных объединений, а в зависимости от тактических задач, базируется на двух системах. Для набега или похода это небольшое число произвольно собиравшихся «смельчаков», в то время как для отражения нападения – сбор ополчения, в которое призывалось все физически дееспособное мужское население (263, с.128). Как свидетельствуют этнографические и фольклорные материалы, состав отрядов для набегов подбирался, в основном, по родственному принципу. В число родственников входили племянники и ærvadæltæ – представители различных фамилий, считавшие себя братьями, как потомки реальных или вымышленных родоначальников фамилий (381, с.168). Ввиду ненадежности представителей неродственных фамилий, их старались не брать в набеги внутри своей страны, но в набегах за ее пределами смешанный состав отрядов считался более предпочтительным. Это объясняется тем, что разные фамилии всеми средствами пытались обрести или поддержать славу о себе – nomyskænyn – «сделать имя» (381, с.171). Наряду с вышеописанным принципом комплектации, являвшимся основным, имел место набор воинов по принципу hædzaræn lægæj («по мужчине с дома»). По этому принципу формировались преимущественно отряды сопредельных сел и ущелий для более крупных предприятий (381, с.171). О подобной системе набор говорится и в Нартском эпосе (166, т.2, с.393), кроме того, указывается, что дом, не выставивший воина, обязан дать какое-нибудь оружие (381, с.162).

Наглядной иллюстрацией системы подворного набор служит следующий отрывок из Нартского эпоса: «Послали глашатая, и он крикнул: Нарты! Кто только может идти, ?идите?, пусть ни один не останется ?дома?. Созрыко дружины требует. Кто втроем, из них одного караульщиком дома оставьте, кто вдвоем, пусть оба пойдут» (166, т.2, с.255).

Предводитель отряда выбирался старшими, наиболее опытными воинами из своей среды, в походе они (воины) выполняли функции офицеров. Главным критерием отбора служила храбрость, при этом вождьдолжен был быть человеком обстрелянным, который участвовал уже в нескольких походах простым воином, после- начальником партий, от 10 до 30 человек, и показал примеры мужества и распорядительности. Еще в XVв. аланы продолжают «считаться между другими самыми храбрыми и искусными в военном деле», как об этом пишет Халкокондилас (5, с.72).

Подводя итоги, следует отметить основные моменты развития аланской военной организации. Первый этап (I-III в.в.) характеризуется наличием нескольких племенных союзов с собственными военными организациями, ударную силу которых составляют катафрактарии – тяжеловооруженные воины со специфическим вооружением и способами ведения боя. Второй этап (IV-VI в.в.) характеризуется активными военно-политическими контактами, обусловленными вовлечением алан в Великое переселение народов. Появляется жесткое седло, давшее возможность всаднику вести маневренную схватку, результатом чего явилось возникновение средне-вооруженной кавалерии, ставшей ударной силой. Третий период (VII-IX в.в.) отличается появлением нового оружия – сабли, сделавшей военное дело уделом лишь специально подготовленных воинов-профессионалов. Возникает регулярное войско, при сохранении значения народного ополчения, и складывается широкая сеть долговременной фортификации. В четвертый период (X-XII в.в.) роль народного ополчения сходит на нет, и профессио-налы становятся единственной реальной военной силой, что связано с расцветом аланской государственности. Пятый этап (XIII-XV в.в.) связан с монгольским вторжением и уничтожением аланской государственности. Регулярное войско уступает место отрядам феодалов и увеличивается значение непрофессионального войска. Характерным для этого периода является то, что в стратегии начинает доминировать оборонительная доктрина, основой которой становятся небольшие укрепления отдельных коллективов кровных родственников.

ГЛАВА II.
ВООРУЖЕНИЕ И КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

1. Клинковое оружие

Клинковое оружие занимает ведущее место в арсенале холодного оружия и является своеобразным показателем принадлежности индивида (речь идет об аланском обществе) к числу профессиональных воинов.

Отличительной особенностью клинкового оружия является наличие лезвия, расположенного вдоль продольной оси оружия, длина которого больше, чем длина рукояти. Именно оно и является боевой основной частью оружия, которым можно в той или иной степени выполнять все типы ударов (184, т.1, стр.168).

Клинковое оружие традиционно делят на короткое и длинное. Короткое бывает третьего и четвертого размера (ножи, кинжалы), длинное – второго и третьего (мечи, сабли, палаши) (184, т.1, стр.168).

Поскольку однозначного подхода к классификации клинкового оружия нет, и исследователи по-разному определяют одни и те же экземпляры, при рассмотрении каждого вида оружия в работе будет даваться его определение наиболее подходящее соответствующим аналогам аланского вооружения.

МЕЧИ

Меч (осет.: kard, dyvæcirgъ kard, farink kard, æhsar) – наступательное оружие с обоюдоострым прямым клинком более 60 см, предназначенное прежде всего для рубки. Различают короткий меч – 60-70 см, пригодный в основном для пешего боя; длинный меч – 70-90 см, как для конного, так и для пешего воина, и кавалерийский меч – 90 см (195, стр.177).

Рукоять меча обхватывается таким образом, чтобы большой палец лежал у крестовины, а мизинец – у навершия (195, стр.177) (Табл.I, 3).

Это оружие считается совершенным и самым благородным оружием. Он был и остается символом воинской доблести и чести практически в любом регионе земного шара (184, т.1, стр.196). Огромным почетом меч пользовался и у алан. Так, согласно историку

Аммиану Марцеллину (IV в.), они поклонялись обнаженному мечу, вонзенному в землю (21, 1949, №3, с. 305). В первые века нашей эры мечи с кольцевым навершием (Табл. I, 1), столь характерные для сарматов, выходят из употребления (368, стр.5-14). У алан они представлены единичными экземплярами. Небольшие размеры этих мечей и кольцевое навершие заставляют нас думать, что они использовались чаще для рубящих ударов, чем для колящих. По аналогам сарматского времени можно говорить о том, что рукояти обкладывались деревом, иногда окрашивались в красный цвет или обматывались кожаными ремешками (368, стр.6). Многие мечи имели прямое брусковидное перекрестие, однако из-за своих маленьких размеров (в среднем лишь на 1-2 см превышая ширину клинка в верхней части) оно мало подходит для парирования ударов. Длина рукояти мечей соответствует размерам сжатой кисти (10-13 см), что указывает на то, что хват осуществлялся только одной рукой.

Клинки имеют в сечении линзовидную и ромбовидную форму. Лезвия параллельны друг другу и сужаются лишь в последней трети длины. Концы заострены.

Наиболее развитые экземпляры этого типа представлены мечами из Железноводского могильника I (128) (дл. ок. 90 см) (Табл.I, 4). Ножны мечей делались из дерева и иногда сверху обтягивались кожей и берестой. А.М.Хазанов допускает возможность существования ножен, изготовленных целиком из кожи (368, стр.12). Ножны окрашивались в красный цвет. Меч носился у левого бедра и часто крепился к поясу с помощью портупейного ремня (Табл.I, 8).

На смену мечам с кольцевым навершием приходят мечи, не имеющие металлического навершия, которые занимают ведущее положение ко II в. (именно мечи этой формы принято связывать с аланами, в отличии от мечей с кольцевым навершием, характерных для сарматов) (Табл.I, 5, 6, 7). Навершия, как правило, у них изготавливались из другого материала – дерева, полудрагоценных камней или янтаря (75, стр.9), впрочем в некоторых случаях на мечах навершия и не имелось. Распространение этих мечей связано с возрастанием роли клинкового оружия в конном поединке. Данные образцы оружия имеют большую длину (в среднем, свыше 90см), что относит их к категории так называемых всаднических мечей (индивидуальная длина меча всадника определялась возможностью нагнувшись с коня достать острием клинка до земли), применявшихся для нанесения с коня прямого рубящего удара. Короткие мечи в этот период практически не встречаются, что предполагает отсутствие пехоты в аланских войсках.

На начальном этапе использования всаднических мечей перекрестье на них отсутствовало или имело небольшие размеры (Табл. I, 7), поскольку аланы от поединка «меч против меча» предпочитали уклоняться. Это связано с тем, что хотя улучшившееся к I в. качество стали позволило удлинить клинок меча и предотвратить его излом в средней части, парировали удары мечом все же неохотно, чтобы не подвергать угрозе основание клинка и эфес (248, т 3, стр.55).

Удар наносился таким образом, чтобы клинок неглубоко проникал в мешень при уколе, подвергаясь опасности застрять и даже сломаться, и должен был обеспечивать режуще-рассекающее воздействие при тычке острием клинка (248, т.3, стр.54-55).

Форма и сечение клинка соответствует мечам с кольцевым навершием, но наблюдается тенденция увеличения числа оружия с ромбическим сечением клинка (ромбические клинки лучше всего приспособлены для колющего удара).

Помимо стандартного хвата одной рукой, отсутствие навершия и большая длина рукояти допускают хват обеими руками, о котором упоминает Корнелий Тацит (втор. пол. I – нач. II вв.): «.... ни очень длинные мечи их (сарматов), которые они держат обеими руками.» (21, №3 с.220). Исследователи также указывают на существование для подобных мечей хвата, при котором рука обнимает рукоять у самого перекрестия, а указательный палец располагается над ним (368, стр.16) (Табл.I, 2).

С IV в. наблюдается тенденция увеличения массивности и ширины клинка при уменьшении его длины (255, стр.45.; 368, стр.21), а это в сочетании с распространившимися большими брусковидными перекрестиями позволяет сделать вывод о том, что фехтование на мечах верхом получает широкое распространение (Табл.IV, 1).

Перекрестья рукоятей нередко богато украшались инкрустация ми из стекла и смальты (Табл.III, 1), и даже геральдическим (насколько этот термин применим к данному периоду) орнаментом из золотых пластинок (Табл.III, 3).

В эпоху великого переселения народов получает распространение отделка ножен и рукоятей мечей золотом, цветными камнями и эмалью (Табл.II, 1-3). Наиболее интересные экземпляры происходят из селения Брут (Северная Осетия) (Катакомба в кургане №2) и сел. Зарагиж (Кабардино – Балкарской республики). Меч из села Брут (V в.) (длина 115 см) имеет золотые обкладки как на ножнах, так и на рукояти. Особую красоту придает ножнам вертикальная пластина, выполненная в технике перегородчатой инкрустации, сплошь

покрытия гранатовыми вставками треугольной и прямоугольной формы (73, №2(5), стр.33). Зарагижские мечи (2 экз.) (Табл.II, 1,2) с лицевой стороны обтянуты тонкой золотой пластиной с чешуйчатым и линейно-клетчатым (в шахматном порядке) орнаментом. Наконечники обеих ножен украшены массивными фигурными пластинами из золота, лицевая поверхность которых покрыта инкрустацией полихромном стиле (IV-VI вв.) (57, стр.210).

Ко времени конца IV – первой четверти V вв. относится существование у алан мечей с уплощенным шестигранным сечением клинка (255, стр.50) (Табл.II, 4). На всех известных экземплярах (которых, впрочем, немного) перекрестье отсутствует и конец острия немного закруглен, что вкупе с формой сечения указывает на то, что меч предназначены, в первую очередь, для нанесения рубящего удара.

Некоторый интерес для нас представляет первое свидетельство о дамасских клинках: письмо Теодориха Келикого (454-526) своему шурину, королю вандалов и алан Тразамунду (496-523), где он благодарит за присылку этого оружия (195, стр.180). Это послание может косвенно свидетельствовать о том, что аланы жившие на севере Африки уже в конце V – начале VI в. имели на вооружении оружие из дамасской стали (разумеется, речь идет только о военной элите).

У алан мечи доживают до VII-VIII вв. К этому времени они представляют собой универсальное оружие как для конного, так и для пешего боя. Если в первых веках новой эры развеска (баланс) клинков не являлись принципиально важной, а основание их было хрупким и легкоуязвимым, отчего и эфес не был массивен, а гарда немногим отличалась от ножевого упора, то теперь мечи были хорошо сбалансированы при помощи навершия (правда, не столь массивного, как у классических норманских мечей), имели функциональное перекрестие и двуострый клинок с часто скругленным острием (248, т.3, стр.54) (Табл.IV, 2). Длина мечей (70-90 см) позволяет использовать их как конниками, так и пехотинцами, они предназначены для нанесения как колющих, так и рубящих ударов, но уже в основном рубящих, что связано с появлением жесткого седла и стремян. Хват за оружие осуществляется только одной рукой классическим способом.

Очень интересен меч из сел. Лац (Северная Осетия) (122, стр.418), кардинально отличающийся от поздних аланских мечей (Табл.IV, 3). Он не имеет перекрестия, лишь навершие полукруглой формы. Клинок плоскоромбический (длина 76 см) плавно сужается к концу. Деревянные ножны меча были покрыты ажурными золотыми полосками, а устье и наконечник изготовлен из серебра. Е.Г.Пчелина

датирует находку VII-IX вв. (122, стр.422), В.Н Каминский ограничивается второй половиной VIII-IX вв. (255, стр.48). Параметры меча указывают на то, что он расчитан на нанесения колющего удара, в то время как в данный период был распространен рубящий удар (время появления и использования сабли). Возможно, меч из с.Лац был предназначен для пехотинца, на что указывает и отсутствие конского снаряжения в погребении, тем более, что в это время пехота у алан получает распространение в связи с военными действиями в горных районах.

Многие мечи имеют привески, бусы, которые, по всей видимости, служили украшением кистей, темляков и т.д. Некоторые исследователи считают их не только предметами украшения, но и носителями магических функций (368, стр.25).

Форма, материал и окраска ножен мечей на всем протяжении их применения не притерпевают изменений, но, как уже отмечалось, с IV в. устанавливается мода украшать как меч, так и ножны различными обкладками и инкрустациями.

Сложнее ответить на вопрос о подвешивании меча в более позднюю эпоху. Если в ранний период он носился на портупейных ремнях, прикрепленных к поясу, для чего применяли специальные скобы (портупейный ремень проходил через отверстия между концевыми крючками скобы и ножнами меча, и меч свободно скользил по нему) из нефрита, жадеита, халцедона и т.п. (Табл.I, 9), то для более позднего времени, по – видимому, характерно жесткое крепление ножен к портупейному ремню. Это, вероятно, объясняется тем, что способ ношения длинного меча при помощи скобы на ножнах максимально приспособлен для всадника и значительно менее удобен для пехотинца (368, стр.27), в то время как с IV в. намечается тенденция использования мечей и в пешем поединке.

По мнению исследователей, меч у всадников чаще всего располагался с левой стороны в полугоризонтальном положении, причем он удерживался не только портупейным ременем, но и располагавшейся над мечом левой ногой верхового (368, стр.26).

Нартский эпос сообщает и о способе подвески меча к шее воина («хъæндзал кард йæ æфцжгыл æртыхта») (166, т.1, стр.315; т.2, стр.300). Там же говорится, что оружие могло напитываться ядом (166, т.2, стр.310).

Мечи иногда имели и собственные имена, так экземпляр нарта Батраза назывался Дзус-хъара и его обладатель, подобно легендарному королю Артуру, мог обрести вечный покой (смерть), только когда это

оружие будет заброшено в море (166, т.2, стр.314). Сохранилось в эпосе и упоминание о классической форме западноевропейского меча, бытовавшей у алан в V-VII вв., под термином «farink kard» – буквально «франкский нож» (166, т.3, стр.25-26). Нартский эпос относит к числу лучших видов клинков фаринг, тесмел, горду, кандзал (175, т.1, стр.452).

Как видно из нартского эпоса, хороший меч ценился как состояние и использовался только для серьезных военных мероприятий: «Скотом и состоянием (Коба – С.А.) уступал остальным чинтам, но зато, насколько он был лишен состояния, настолько у него для гордости (букв. «для хорошего»), были два меча. Для большого дела у него был звонкоголосый меч, для простого дела – безмолствующий меч» (156, стр. 350, пер. Ю.А. Дзиццойты)

ПАЛАШИ

Палаш (осет.: iwvars cyrgъ kard) – рубяще-колющее клинковое холодное оружие с клинком полуторной заточки. Сочитает в себе качество меча и сабли (357, стр. 84).

Однолезвейные мечи использовались аланами еще в первые века н.э. (194, стр.46. Табл.III, 4. Табл.IV, 9) (Табл.IV, 4), однако отсутствие надлежащего конского снаряжения делало невозможным нанесение с коня рубящего удара достаточной силы, для которого палаши предназначались в первую очередь. Только к VI в., после совершенствования верховой езды, благодаря распространению жесткого седла со стременами, создаются предпосылки для развития этого вида оружия. Необходимость в обоюдоострых клинках отпадает и в результате мы имеем продукт синтеза с одной стороны сабли, а с другой – палаша. В VII в. появляются палаши с односторонней заточкой, конец которых обрезан под углом от 45° и более, их рукояти прямой формы, на большей части экземпляров перекрестие имеется. Все клинки длиной более 90 см, что говорит об их использовании только всадниками. Самыми интересными экземплярами являются клиноки из могильника «Мокрая балка» у города Кисловодска (Табл. IV, 5) длиной 90 см (VII в.) (127, стр.142).

Благодаря «трехгранному» в сечении (считая одной из «граней» достаточно широкий обух) клинку, но силе удара и тяжести «развалленных» ран палаши не уступали топорам и тяжелым мечам. Для них была обязательной возвратная заточка, обеспечивавшая возможность прямого укола (248, т.3, стр.59). Извлечение оружия при глубоком проникновении в мишень происходило за счет способности к

режущему воздействию, которая для аланских ранних палашей была не очень велика. Причиной этому являлась прямая рукоять, которая не позволяла давлением пальцев на рукоять использовать всю длину лезвия, рассекающего мишень при возвратном движении. Хват за рукоять таких палашей был аналогичен хвату за рукоять меча (Табл. I, 3).

Поиск более оптимальной формы палаша привел к его сближению с саблей. Среди аланских древностей иногда бывает практически невозможно отличить палаши от сабель с очень малым изгибом. Поскольку палаши преобретают изогнутую рукоять (Табл.IV, 6) изменяется и способ их удержания в руке. И сабля, и палаш требовали скользящего хвата с наклоном кисти вниз и большим пальцем между средним и указательным (248, т.3, стр.59). Теперь палаш был способен прорубать – и рассекать – нашивной доспех, действия так же, как и сабля, но с силой секиры. И если саблю для этого приспособила полоса, то палаш – его рукоять. (Кривизна же аланских рукоятей так и не достигла оптимальной величины).

Впрочем, палаши с рукоятью, практически не имеющей наклона в сторону, лезвия продолжали бытовать у алан и в более позднее время (255, стр.53-54), однако их кончик уже заострен на манер сабельного.

По ножнам аланских палашей и способам их нашения у нас нет материала, но, судя по всему, они аналогичны сабельным.

Вызывает интерес упоминание в Нартском эпосе появление у нартов палаша. Братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг из куска небесной руды заказали себе выковать мечи: Ахсар – меч с двусторонней заточкой, а Ахсартаг – с односторонней (палаш). Однажды мечам приходится сойтись в поединке и однолезвийный меч разлетается на куски (166, т. 1, стр.405, т. 2, стр.458). Этот отрывок свидетельствует, что аланы признавали за мечами больше достоинств, чем за палашами, что нашло отражение в незначительной численности последних по сравнению с их двулезвийными собратьями.

САБЛИ

Сабля (осет.: xsargard, – дословно «нож боевой доблести» или «меч Ахсара») – холодное клинковое оружие с загнутым однолезвийным клинком, крестовиной, перекрестием и череном со слегка загнутой головкой (357, стр.95).

В начале VIII в. у алан мечи вытесняются новым типом клинкового оружия – саблями. Меч с прямым клинком при сильном ударе

разрубает, раздробляет твердые тела, однако его проникающая способность в мягкие ткани удивительно мала. Изогнутый клинок, напротив, действует не перпендикулярно месту приложения удара, т.е., не столько дробит, сколько разрезает, проникая глубоко внутрь, поскольку форма его вторит полукружию размаха (195, стр.202.). Колоть саблей, естественно, менее удобно, чем прямым мечом, и именно поэтому она всегда была оружием скорее всадника, чем пехотинца (184, стр.198), что и обусловило ее распространение среди алан, являвшихся конными воинами. Однако предпосылки для появления у них сабли возникают только после V-VI вв., когда в среде алан распространяются жесткое седло с металлическими стременами, позволившие наносить с коня рубяще-секущий удар, в полную силу, привстав на стременах. Появившись как оружие всадника, не облаченного в очень тяжелые доспехи, сабля была гораздо легче среднего прямого меча, что давало возможность работать ею быстрее и маневрировать свободнее, она не проминала доспехи своим весом, а прорезала их – саблей рубили «с оттягом», для чего прекрасно подходила ее изогнутая форма лезвия и позволяющая фиксировать держащую саблю кисть навершие на рукоятке. Сабля легче проникала в щели в доспехах, ею было удобно атаковать руки. С подставленного под удар выпуклого лезвия гораздо легче соскальзывает вражеский клинок. При скрещении сабли с другим оружием достаточно легкого разворота кисти, чтобы кончик кривого лезвия, описав широкую амплитуду, оказался за пределами защиты противника, поражая его острием или верхней третью вогнутой части лезвия, которая из-за этого часто имела полутороссторонюю заточку (184, т.1 стр.198). Подобная способность сабель легко переходить от защиты к атаке дала значительный толчок развитию искусства фехтования и как следствие привела к выделению элитных частей бойцов – фехтовальщиков в аланских войсках.

Если для меча тех времен предпочтительнее жесткие встречные удары, отбрасывающие оружие противника, то плавные круговые движения сабли обеспечивали надежную защиту, позволяли даже в тесной схватке обойтись без защитного вооружения (248, т.3, стр.58). Последнее обстоятельство, как и большая, чем у мечей VII в. длина, способствовали ее быстрому распространению у алан. Самым ранним экземпляром из аланских сабель является клинок из Галиатского склепа (Табл.V, 1) (имеются в виду опубликованные, с четкой датировкой и хорошей сохранности, позволяющей воссоздать форму), датируемый началом VIII в. (93, стр.119), однако есть все основания допустить появление их у алан к VII в. Галиатская сабля считается од-

ной из самых ранних в истории появления этого вида (314, стр.142).

Для ранних аланских сабель характерна небольшая кривизна клинка, не превышающая 2см, что и послужило причиной нередкого причисления их к палашам. Почти все экземпляры имеют обоюдоострую заточку на конце клинка (длиной около 20см), образующую в сечении ромб (Табл.VII, 4). Черенки рукоятей слегка отогнуты в сторону лезвия (всего на несколько градусов). Средняя длина ранних сабель у алан составляет 80-85см (хотя их длина варьирует от 70см до 1м). Основная масса клинков имеет треугольное сечение.

Все вышеописанные параметры раннеаланских сабель указывают на их равную пригодность как для конного, так и для пешего боя, что является показателем изменения тактики боя. Поскольку доля пехоты в аланских войсках была ничтожной, то при не удаче кавалеристской атаки (или ее невозможности) аланы уже не отступали, а продолжали сражение, спешившись.

Брусковидные перекрестия, имеющиеся уже на наиболее ранних экземплярах, свидетельствуют о предназначении сабель для фехтования с самого момента их появления. Эти же перекрестия наглядно демонстрируют переход от аланских мечей VII в. к новой форме оружия с аналогичным перекрестием.

Однако наряду с подобными клинками встречаются и экземпляры, не имеющие защиты кисти (Табл.V, 2), что говорит об их использовании только в качестве оружия нападения. Сабли без перекрестия, распространившись параллельно с другим типом, просуществовали до конца аланского периода (заметим, правда, что их количество не очень велико) и, возможно, послужили прототипом кавказским шашкам. Прекрасным образцом подобных сабель является экземпляр их Эшкаконского ущелья близ г.Кисловодск (Табл. VI, 1). Клинок его слабо изогнут, рукоять слегка выгнута в сторону, противоположную лезвию, особенно сильный изгиб имеет спинка рукояти, вкладывавшаяся в ладонь. Она покрыта тонкой бронзовой пластиной. С противоположной стороны на рукоять набиты 4 литых серебряных захвата для пальцев. Навершие состоит из двух литых серебряных пластин с отверстием для темляка. Основа рукояти, вероятно, из дуба и обтянута ножей морского скота, а затем поверх нее с тыльной стороны покрыта полосой бересты. Деревянные ножны толщиной 3-4см обтянуты (оклеены) тканью типа полотна, покрытого сверху тонким слоем грунта коричнего-охристого цвета. Сабля имела скобы, одну – в верхней части ножен под рукоятью, вторую – где-то на середине ножен. Обе скобы сделаны из овальных дере-

вянных пластинок толщиной около 3 см; пластинки, как и ножны, оклеены тканью и покрыты тем же слоем грунта. После этого ребро пластинок было покрыто подковообразной серебряной оковкой (103, стр.197-199).

Как можно заметить, начиная с IX в., у алан появляется традиция украшать сабли, начало которой положили попытки улучшить боевые качества перекрестия: с одной стороны, его облегчением, но без ущерба для его прочности и защиты кисти руки, с другой – поиском формы наиболее благоприятной для проведения различных фехтовальных приемов. На смену прямым брусковидным перекрестиям приходят перекрестия, заканчивающиеся на концах прямоугольными утолщениями (Табл.V, 5) (255, стр.75), прямые перекрестия с ромбическим расширением в середине и уплощенными дисковидными концами (Табл.VI, 2-4) (255, стр.61) и, наконец, перекрестия, концы которых завершаются шаровидными утолщениями, получившие у алан наибольшее распространение (Табл.VII, VIII, IX, X) и ставшие, так сказать, визитной карточкой аланских сабель. Выше перечисленные изменения форм перекрестия в IX в. привели к моде на украшение ножен и рукоятей сабель, результатом чего, становится превращение сабли из повседневного оружия в предмет украшения. Появляются настоящие шедевры искусства, одним из интереснейших можно назвать саблю из с.Кобан (Северная Осетия), катакомба V (Табл.VI, 2-4), IX в. (153, стр.202). Ее длина – 962мм. Спинка рукояти покрыта тонкой ажурной серебряной пластинкой, прикрепленной к деревянной основе рукояти при помощи миниатюрных серебряных гвоздиков, с противоположной стороны на рукоять набиты четыре литых серебряных захвата для пальцев с листовыми орнаментированными гравировкой основаниями ромбической формы, оборотная сторона рукояти покрыта тонкой ажурной серебряной пластинкой, также прикрепленной при помощи миниатюрных серебряных гвоздиков, навершие рукояти составлено из двух литых серебряных орнаментированных половин: полусферический колпачок и нижняя часть с двумя «язычками», которые спускаются вниз и с наружной стороны рукояти прибиты к деревянной основе шплинтом (гвоздиком) с округлой головкой с отверстием для крепления темляка; при переходе к клинку рукоять вокруг, с лицевой стороны пластинка заполнена гравированным орнаментом, язычок прикреплен гвоздем с большой шляпкой, оборотная сторона гладкая, лицевая сторона железного перекрестия украшена серебряной инкрустацией; сабля имела две скобы – одну под рукоятью, вторую – примерно посере-

дине ножен, от них сохранились только литые орнаментированные (на лицевой стороне) серебряные оковки; скобы крепились к ножнам двумя пластинчатыми серебряными обоймами, соединенными с оковкой скобы серебряными гвоздями, поверхность лицевой стороны обойм покрыта орнаментом, аналогичным орнаменту рукояти и оковок, наконечник ножен выполнен в виде длинного футляра из серебряного листа, на верхнем крае присутствует украшение из литых ромбов (153, стр.197-198, Табл.XLV, XLVI). Имеющиеся экземпляры дают возможность сделать высказывание о том, что отличительной чертой парадных аланских сабель IX в. является наличие на рукояти четырех захватов для пальцев (Табл.VI).

Для периода после IX вв. распоряжении исследователей есть несколько экземпляров сабель, по своим параметрам предназначенным исключительно для всадника: они не использовались для нанесения колющего удара, о чем свидетельствует и отсутствие двусторонней заточки на концах клинков; усиление рубяще-секущего удара на этих клинках достигалось увеличением кривизны клинка и изгиба рукояти. Так, сабля из могильника Дуба – Юрт (Чечено-Ингушетия), катакомба 17 (3/1939) (108, стр.19), имеет плавный изгиб лезвия с наибольшей кривизной по центру (Табл.V, 3), а у клинка из Дардонского могильника (54, стр.341, Табл.32 б, 6) резкий изгиб начинается только на самом кончике (Табл.V, 5). Однако единичность подобных экземпляров не дает возможности сделать вывод о каких-либо изменениях в тактике ведения боя или увеличения значения конного поединка.

В X в. на некоторых аланских саблях появляется интересная деталь – накладка в верхней части лезвия, под прямым углом уходящая под перекрестие (293, стр.215, рис.1) (Табл.VIII, 3, 7). Все находки подобных сабель концентрируются в восточной части Прикубанья (293, стр.215). Назначение этих накладок трактуется исследователями по-разному. Есть мнения, что они служили для закрепления перекрестия, предохранения ножен от поломки, являлись следами ремонта (256, стр.62). Исследователи аланского вооружения связывают накладки со своеобразным приемом фехтования с захватом рукояти и клинка через перекрестие. В этом случае накладная пластина предохраняла бы палец от пореза о лезвие (256, стр.62). С подобным объяснением трудно согласиться, поскольку заточка сабли имеет свою особенность: лезвие оттачивается только в верхней трети клинка, которая непосредственно соприкасается с корпусом при ударе, да и не проще ли было не делать заточку, чем приваривать пластину.

Нижняя же часть лезвия, так называемая «сильная часть», служит для парирования ударов (350, стр.195). Таким образом, раз то место на клинке, где располагается пластинка, приходится на самый уязвимый для поломки сабли участок, можно предположить, что пластинка играла роль дополнительного усиления «сильной части», своего рода амортизатора.

Наибольшее количество археологических находок аланских сабель приходится на IX-XII вв., что даст нам возможность для этого периода ощутить все разнообразие этого вида оружия. Сабли рядовых воином прекрасно демонстрирует клинок из катакомбы №15 Змейского могильника из Северной Осетии (Табл.VII, 3) (97): гладкая деревянная рукоять плавно переходит в металлическое навершие, вся форма выдает простоту и удобство конструкции. Клинки более зажиточных воинов, представленные экземплярами из могильника с.Мартан-Чу в Чечне (Табл.VII, 1, 2) (68, стр.72, 75, рис.7), погребение 10 (IX-XI вв.), 15 (X-XI вв.). Они тоже изящны и просты по конструкции, но ножны и рукояти сабель оправлены в серебро. Большой интерес вызывают клинки степных рыцарей с геральдическими изображениями орла на рукоятях из могильника Колосовка 1 на реке Фарс (Адыгея) (Принадлежность данного памятника к кругу аланских древностей спорная, но ввиду уникальности, эти материалы вошли в работу.), курган 2 (Табл.VIII), X-XI вв. У обоих экземпляров клинки практически прямые, а черенки рукоятей имеют слабый наклон в сторону лезвия. На лезвиях присутствуют накладки, о которых речь шла выше. На одном клинке геральдический рельефный рисунок птицы (орла) помещен в круг расположенный в центре перекрестия. Рисунок выполнен в схематическом плане: орел показан повернутым вправо, с распущенным хвостом и распростертыми крыльями (Табл.VIII, 3). Бронзовая скоба от ножен полукруглой формы, концы которой имеют вид головок лошадей, повернутых мордами друг к другу (79, стр.163. Табл.XIX).

У другого экземпляра (длина – 88 см) геральдический орнамент нанесен на лицевую сторону навершия, представляя собой также круг, в середине которого, вырезана фигура хищной птицы (орла), раскинувшей крылья и выпустившей когти, как бы собираясь сесть или взлететь. Голова орла повернута влево (79, стр.161, Табл.XVII) (Табл.VIII, 6). Ножны этого клинка были обложены костяными пластинками, орнаментированными резными концентрическими кругами, линии которых соединены, образуя рисунок плавных восьмерок. Отличительной особенностью этого клинка является наличие дола

(Табл.VIII, 7, 8). Долы представляют собой продольные канавки, по обе стороны лезвия намного уменьшающие вес клинка, не снижая его прочности (185, стр.8).

Парадные аланские сабли являются шедеврами как по техническим свойствам (упругая и вязкая сталь, обеспечивающая гибкость и максимальную твердость клинка), так и по художественному оформлению позолоченным серебром со вставками из полудрагоценного камня (277, стр.225). Мы располагаем сведениями о пяти экземплярах. Один из них происходит из могильника Колосовка (Адыгея), курган №1 (X-XI вв.) (79, стр.158-159. Табл.XIV, 1-6). Сабля длиной – 0.77м имеет изгиб чуть больший, чем у известных аланских клинков. Деревянные ножны скреплены бронзовыми позолоченными обоймами с петлями для ремней и наконечником внизу. Каждая деталь оковок ножен, перекрестие, навершие, накладка на рукоять богато украшена сложным орнаментом, выдержанны в одном стиле (Табл.IX, 2, 3). Навершие представляет собой колпачок цилиндрической формы, уплощенный с двух сторон и закругленный наверху. От боковых его сторон отходят вниз два отростка, расширяющиеся и переходящие в трилистники, в которых сделаны отверстия, куда вставлялись заклепки, прикреплявшие навершие к рукояти. В основании отростков пропущена еще одна заклепка, на одной стороне которой – петелька с кольцом для темляка. Накладка эфеса в виде пластинки длиной – 10см, выгнутая по ширине полукругом для накладывания и прикрепления на деревянную обкладку рукоятки. На нижнем конце накладки есть наплыв с выемкой для упора указательного пальца правой руки. Перекрестие напускное, прямое, расширенное посредине с равномерно суживающимися концами, которые переходят в круглые утолщения (Табл.IX, 3). Наконечник ножен представляет собой трубку цилиндрической формы, уплощенную с двух сторон и закрепленную в нижней части. Сверху до середины наконечника – выем, под ним – отверстие декоративного характера (79, стр.158). Уникальность этой сабли в расположении обойм для подвешивания ножен, при котором сабля носится на левом бедре лезвием вверх – так называемый «турецкий способ» (184, стр.211), не характерный для аланских клинков. Он распространяется на Кавказе только с появлением шашки (185). Такой способ дает на одном движении выхватить оружие и нанести удар.

Два других экземпляра парадных сабель происходят из могильника Кольцо – Гора (Табл.X, 3-6) Первый клинок длиной – 96 см (Табл.X, 3, 4) из комплекса №1 прямую рукоять и почти прямую

полосу с небольшим изгибом у острия. Рукоять (длиной 14см) оформлена серебряным с позолотой навершием, украшенным растительным тесненным орнаментом, на котором находилось кольцо для темляка. Деревянная часть рукояти была обмотана выбитыми серебряными проволочками. Перекрестие выполнено из того же материала, что и навершие, и орнаментирована. Богато украшены две скобы и наконечник ножен (длиной 12см). На остатках деревянных ножен выявлены куски грубой кожи (морского ската?) (136, стр.76).

Вторая сабля из катакомбы 41 длиной -98см с рукоятью в 16,2см (что допускает возможность полуторного хвата), украшенной затейливо орнаментированным навершием и перекрестием, выполненным из позолоченного листа (Табл.X, 5, 6). На навершие крепилось кольцо для темляка. Деревянная часть рукояти обмотана плетенными серебряными проволочками. Тесненным орнаментом были украшены две скобы и наконечник (длиной 19,1см) деревянных ножен. Стальной клинок длиной 75см, шириной у перекрестия – 3,4см, в средней части – 2,8см, с небольшим изгибом и рукоятью, плавно изгибающейся в сторону режущей части клинка. Обе сабли датируются концом XI – первой половиной XII вв. (136, стр.77-79).

Последние две из парадных аланских сабель происходят из Змейского могильника (Северная Осетия). Сабля из катакомбы 9, датируемая XI – XII вв., длиной в 1м (Табл.X, 2), имеет серебряные накладные петли, перекрестье, наконечник ножен и навершие рукояти. Перекрестье украшено сложным штампованным орнаментом, им же покрыты навершие, обкладки и наконечник ножен. На наконечнике ножен и перекрестье есть и чернь. Навершие рукояти снабжено колечком для темляка (97, стр. 79, 110. Табл.IV).

Сабля из катакомбы 14 (Табл.IX, 1; X, 1) датируется серединой XII в. (97, 1961, стр.128) и, по мнению исследователей, принадлежала аланскому князю. Общая длина сабли – 90,5см, ширина у перекрестия – 3,5см, в нижней части – 3см, полоса имеет слабый изгиб. Сохранились остатки деревянных ножен, украшенных серебряными позолоченными обкладками с петлями для портупеи и наконечником. Все они с лицевой стороны покрыты сложным штампованным орнаментом; оборотная сторона гладкая. Таким же орнаментом в виде переплетающихся стеблей, остролистных цветов, элементов плетенки (Табл.IX, 1), украшены перекрестье и рукоять сабли (эта сабля стала своеобразным символом аланского оружия, поскольку она сочетает в себе наиболее характерные формы клинков (самого благородного оружия) и наиболее специфические черты аланского

орнамента). Посередине перекрестия находится вставка из граната или альмандина (плоский камень вишневого цвета). Выше на рукояти сохранилось еще одно гнездо для вставки, которая утрачена (97, стр.83-84, 110. Табл.V-VI). Змейские парадные клинки сохранились значительно лучше остальных экземпляров этого могильника, что позволило В.А. Кузнецову предположить об изготовлении клинков сабель из высокосортной булатной стали (97, стр.110).

Для одной из сабель Змейского могильника (катакомба № 46) был проведен металлографический анализ (Вызывает недоумение причина выбора именно этого клинка, изготовленного заведомо примитивным способом из-за его плохой сохранности, в то время как в распоряжении исследователей имелись более достойные экземпляры.), показавший, что клинок отковки из мягкой сырцевой стали невысокого качества без дополнительных технологических операций по улучшению рабочих качеств клинка (293, стр.215-216). Более интересные результаты дало металлографическое исследование другой «рядовой» аланской сабли из Ниже-Архызского городища X-XII вв. Карачаево-Черкессии (Табл.VII, 4). Как показал анализ, клинок был откован из сыродутного железа и подвергался локальной цементации (науглероживанию). Цементировалось только лезвие сабли, остальная часть ее изолировалась от науглероживания (вероятно, обмазывалось глиной). У обоюдоострой части клинка цементировались оба лезвия. В результате цементации лезвие сабли получилось из высокоуглеродистой стали. Последующей операцией являлась термическая обработка – сабля была закалена в холодной воде. Подобная технология дает клинку наивысшую твердость, следовательно, и остроту лезвия в сочетании с мягкой и пластичной сердцевиной клинка, что обеспечивало сабле необходимую гибкость (293, стр.215. рис.1). Как указывает В.А. Кузнецов, наряду с закалкой в воде у народов Северного Кавказа издавна существовали и другие способы закаливания: в струе холодного воздуха, в растительном или животном жире (293, стр.215). Нартский эпос дает интересную информацию по этому поводу. Так, в нем описывается закалка оружия путем сильного нагрева, затем смазка жиром и опускание в ледниковую воду (165, стр.41). Вместо воды иногда используется волчье молоко (166, т.2, стр.88).

Как можно отметить из рассмотренного ранее материала, до XIII в. (т.е. до монголо-татарского нашествия) аланские сабли не претерпели сколь-нибудь серьезных конструктивных изменений по сравнению с ранними экземплярами. Незначительное расхождение в кривизне клинка, длине лезвия и изгибе рукояти, наблюдаемое у

клинков, является показателем различия физических данных воинов (рост, сила и т.д.), а не отличия в способе использования (нанесении ударов, с коня или с земли, боевом построении) сабель.

Аланские клинки являются в равной степени пригодными для нанесения как рубящего, так и колющего ударов. Изогнутая рукоять создавала отвес (ощущение в руке, что центр тяжести клинка лежит впереди линии, проведенной через рукоять) (310, стр.38), и препятствовала изогнутой части клинка служить рулем при размахе и заставлять клинок совпадать с направлением удара. Это значительно снижало точность и силу нанесения удара (310, стр.37). Другим недостатком аланских сабель было отсутствие на них елмани – перьевидного выступа на обухе со встречной, к острию, заточкой. Елмань способствовала тому, что «пробой защиты» (металла доспеха и сопротивления костно – мышечных тканей) и «нанесение раны» (рассечение доспеха и мягких тканей) производилось раздельно и с одинаковым эффектом. Она также служила своеобразным рулем, направляющим движение клинка и стабилизирующим положение лезвия при ударе (248, т.3, стр.57). Аланские же сабли приходилось направлять кистью, чтобы удар не пришелся плашмя. В форме перекрестий тоже не происходит существенных изменений: появляющиеся новые экземпляры (с каплевидными утолщениями на концах, с гвоздевидными окончаниями и оформленные в виде трех ромбов (255, стр.74, 76, 77. Рис.7-9)) не получают, однако, распространения.

Сабли, подобно палашам, требовали скользящего хвата с наклонном кисти вниз и большим пальцем между средним и указательным, причем последний играл роль «поворотной оси» древка – рычага (248, т.3, стр.59-56). Некоторые экземпляры аланских сабель с хорошо сохранившимися рукоятями приспособлены для задействования второй руки для нанесения рубящего удара (на это указывает величина рукояти) (Табл.X, 5).

Поскольку, практически все сохранившиеся рукояти аланских сабель (а все они относятся к богатым экземплярам) имеют отверстия для крепления темляка, то правомерно сделать вывод, что последний имелся и на остальных «рядовых» саблях. Темляк предназначался для облегчения боя одноручным хватом и представляет собой надевающуюся на запястье петлю с кистью на конце, крепящуюся к черену сабли (357, стр. 107). Он предназначался как для предотвращения утраты оружия в ходе боя, так и для мгновенного освобождения руки с возможностью тотчас воспользоваться им. Ножны сабель изготовлялись из дерева и обтягивались кожей и часто имели

на конце металлический наконечник. Крепились они к поясу с помощью двух петель: одной – у устья ножен, другой – на расстоянии от середины ножен до верхней трети. Все сабли носились так называемым «персидским» способом: на портупее, острием к земле и заточенной частью лезвия назад (184, стр. 211). Об имеющемся исключении было упомянуто выше). Этот способ хорошо показан на имеющихся аланских изображениях – каменных изваяниях из Кубани (Табл.XCVIII, 2, 3).

КИНЖАЛЫ

Кинжал (осет.: qælyhsar (дословно «короткое оружие»), qældyn, qama) – колющее клинковое, предназначенное для рукопашного боя (357, с.43). Короткий клинок (к кинжалам относят экземпляры короче 60см), предназначенный для рукопашной схватки на сверх ближней дистанции, оставался единственным оружием вынуждавшим спешиться аланского воина. В тесной схватке, когда бой превращался в резню, противники, отбросив щиты, стремились схватить друг друга за волосы или за левую руку, а правой нанести колющий удар в горло, живот или солнечное сплетение (184, стр. 250) (Табл.II, 5). В бою кинжалом хитрость и внезапность брали верх над собственно техникой (184, т.1, стр.178).

Некоторые исследователи называют аланские кинжалы короткими мечами из-за, во-первых, их больших размеров (средний размер их колеблется в пределах 40-50см), во-вторых, их формы, сходны с формой мечей.

В I в. в аланской среде наибольшее распространение получают кинжалы с кольцевым навершием и небольшим брусковидным перекрестием (368, стр.10), доставшиеся в наследство от сарматской эпохи. Во втором веке они уже выходят из употребления (368, стр.10, 255, стр. 90). Основная масса клинков повторяет форму мечей с кольцевым навершием: в сечении они линзовидные, и лезвия идут сначала почти параллельно, заметно сужаясь лишь в последней трети длины; размеры небольшого брусковидного перекрестия лишь на 1-2см превышают ширину клинка в верхней трети (Табл. XI, 1). Подобная форма клинка указывает на то, что кинжал имел колюще-рубящее назначение. Такое оружие удобно держать прямым хватом (Табл.XIII, 5, 6), более эффективным при нанесении рубящих ударов и длинных прямых тычков, удобен он также при работе на открытом пространстве или когда противник маневрирует, но не стремится войти в бой на ближней дистанции, им (хватом – С.А.)

удобно держать противника на расстоянии (184, стр.245). Длинные кинжалы были своеобразной альтернативой мечу, и практически во всех аланских погребениях, где он присутствует, – это единственное холодное оружие.

Среди кинжалов с кольцевым навершием встречаются и исключения. Это, во-первых, экземпляры с ромбическим сечением клинка (Табл.XI, 2). Ромбические клинки лучше всего приспособлены для колющего удара в ближнем бою. При рубящем ударе они не имеют никаких преимуществ перед линзовидным (368, №2). Часто эти кинжалы представляют собой вытянутый в длину равнобедренный треугольник, у которого лезвие с самого начала начинают заметно сужаться.

Другое исключение представлено кинжалом с кольцевым навершием, без перекрестья (Табл.XI, 3). Он имеет линзовидное сечение и клинок, начинающий сужаться от основания рукояти.

Исходя из параметров кинжалов, составляющих исключение, можно говорить, что все эти экземпляры небольшого размера, в отличии от основной группы, колюще-режущего назначения. Подобные кинжалы удобны для боя в ограниченном пространстве, что представляет возможность для использования другого типа хвата – обратного (Табл. XIII, 4).

В наследство от сарматской эпохи аланам также достались кинжалы с серповидным навершием, бытовавшие в первом веке. Нам известны всего два экземпляра из Нижне-Джулатского могильника (Кабардино-Балкария) (47, стр.57, рис.7, 74, стр.60, рис.12, 41), что, впрочем, не является показателем их выхода из употребления, поскольку и в предыдущее время они не получили широкого распространения (344, стр.24; 368, Табл.I, 2) (Табл.XI, 4).

Кинжалы с кольцевым навершием, также как и аналогичные мечи, носились в деревянных (иногда обтянутых кожей) ножнах, окрашенных в красный цвет, справа (естественно, у левшей они носились слева) и поскольку средняя их длина больше длины бедра, то исследователи считают, что они крепились к поясу или портупее (368, стр.14) (Табл.XI, 6).

Короткие кинжалы (длина которых была меньше длины бедра его владельца) носили иначе: на правом бедре прикрепленными к ноге при помощи охватывающих ее ремешков (Табл.I, 8). Этот способ был удобен для всадников, потому что не давал ножнам болтаться и бить по ноге (368, стр.14). Ножны таких кинжалов имели четыре специальных лопасти для крепления к бедру, которые хорошо про-

сматриваются на аланских парадных кинжалах. Самым интересным экземпляром из подобных кинжалов является клинок из кургана у г.Азова (последняя четверть I в.), представляющий собой подлинный шедевр искусства (Табл.XII). Брусковидное перекрестие обложено золотым листом, стыки тщательно запаяны. К перекрестью припаяна обкладка рукояти. Рукоять прямоугольная в сечении спаяна из трех частей: лицевой, задней и боковой. Кожаные ножны были окрашены в красный цвет. На левую сторону наложена золотая пластина с двумя парами боковых выступов и загнутыми бортиками по всему периметру (61, стр.185-186. Р.12.).

Еще один способ ношения кинжала аланами можно увидеть на колонне императора Траяна (I в.), где изображена группа языгов (сармато-аланское племя) (Табл.XLVI, 2). Ножны в этом случае крепятся к перевязи, проходящей через левое плечо, и кинжал таким образом находится в свободно подвешенном состоянии под правой мышкой. Данный способ подвески удобен лишь при хвате за кинжал левой рукой, что приводит нас к выводу о распространении среди аланских катафрактариев (именно они изображены на колонне Траяна) приемов двуручного фехтования, когда правой рукой наносились удары мечом, а левой, в которой находился короткий кинжал, парировали удары противника и проводились короткие ответные тычки при сближении сражающихся. При таком фехтовании кинжал часто держат обратным хватом (184, стр.250) (Табл.XIII, 4).

Кинжалы без металлического навершия (эта группа кинжалов, в отличии от аналогичных мечей, по всей вероятности, вообще не имела наверший, хотя не исключено наличие на конце рукояти деревянного утолщения) (подобно аналогичным мечам), распространенные у алан наряду с клинками, имевшими кольцевое навершие, занимают у алан ведущее положение со II в. и становятся самой характерной для этих племен формой подобного оружия (Табл.XI, 5). Их средний размер уменьшается по сравнению с предыдущими клинками и составляет 30-35см. Такие кинжалы, как правило, носились с длинным всадническим мечом, что говорит о четком разграничении дистанций боя на ближнюю и дальнюю. Практически все клинки линзовидные, с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети длины, перекрестия отсутствуют. Помимо основной формы имеются несколько других форм, не получивших в среде алан широкого распространения. Это, в первую очередь, кинжалы с усиленными рубящими свойствами. Так, клинок из поселка Нарзанный (катакомба 2) (256, рис.8, 2) во второй трети своей длины расши-

ряются, что усиливает именно ту ударную часть лезвия, а затем снова сужается, заостряясь к концу (Табл.XIII, 2). У другого вида клинка (Табл.XI, 7) увеличение рубящей силы происходит за счет широкого лезвия по всей длине (ст.Казанская, курган №44) (75, Табл. 13, 128). Однако колющий удар подобных кинжалов был эффективен только по противнику, не защищенному доспехом. Другим видом исключений являются клинки с усиленными колюще-режущими свойствами: широкими у основания рукояти и плавно сужающимися к острию, т.е. имеющие вид равнобедренного треугольника (погребение III в. из Кисловодска. 101, №2, рис.1, 6) (Табл. XIII, 1).

Еще одним исключением являются кинжалы с перекрестием (практически все с прямым брусковидным) – форма наиболее приспособленная для парирования вражеских ударов (Табл.XIII, 3). Все известные находки относятся к I-III вв. Помимо подобной формы фехтовальных кинжалов, где-то с III в. по VI в. у алан распространяются экземпляры с боковыми вырезами у пяты клинка (Табл.XIII, 7). Считается, что эти вырезы (чаще всего по одному вырезу с обеих сторон , хотя встречаются и по два на одной или на обеих сторонах) предназначались для крепления деревянного перекрестия (368, стр.17), что маловероятно, поскольку во-первых, особой крепости перекрестью подобные вырезы бы не добавили (легче было бы посадить на заклепку как рукоять), во-вторых, смысла в деревянной перекрестье нет, потому что после первого же удара по нему противника оно отлетит вместе с половиной кисти руки, прикрытой им. Скорее всего, эти вырезы предназначались для зацепов клинка противника при парировании ударов, а заодно они выполняли и роль перекрестия, защищая кисть руки, поскольку при отводе оружие противника, скользя по лезвию кинжала, попадало в вырез.

Нужно добавить, что в период великого переселения народов длина кинжалов в среднем немного возрастает (до 35-40см). Это в сочетании с уплощением лезвия (отдельные экземпляры имеют уплощенное шестигранное сечение (Табл.XIII, 8), а клинок из могильника у с.Личистое в Крыму (склеп 55) с одной стороны выемку типа дола (51, рис.8, 16) (Табл.XIII, 9) свидетельствует о стремлении увеличить режущие свойства кинжалов. При шестиугольной форме сечения кинжала лезвие остается достаточно толстым при остром угле заточки незначительной его части (184, т.2, стр.225).

Для эпохи великого переселения народов самой интересной находкой аланских кинжалов является экземпляр у селения Брут (Северная Осетия), датируемый V в. Лицевая сторона ножен и рукояти

выоплнены из золотой фольги, обратная – из серебряной. Кинжал является уникальным, как по художественным достоинствам, так и по отсутствии аналогии (73, стр.34). По всей видимости, кинжал подвешивался горизонтально с левой стороны (73, стр.34). Считается, что такой способ ношения кинжала получает широкое распространение, начиная с V в. (73, стр.34), что, на наш взгляд, справедливо и для алан, поскольку, происходит изменение в разграничении дистанций боя. С уменьшением длины кавалерийского меча до 70-90см он становится универсальным оружием как для конного, так и для пешего боя, и надобность в коротком клинковом оружии для ближнего боя отпадает. Таким образом, кинжал становится оружием только пехотинца (разумеется, кинжалом могли быть вооружены и конники, однако, это уже исключение), что приводит к его резкому сокращению относительно других видов вооружения. Другим результатом становится ношение кинжала с левой стороны – способ, удобный для его извлечения правой рукой воином, не имеющим кроме него другого клинкового оружия.

К VII-VIII вв. кинжалы уже представлены только единичными находками (могильники у селений Камунта, катакомба 2 (125, лист 42) и Архон, катакомба 16 (123, лист 72) Северной Осетии). Самым интересным экземпляром для данного периода является кинжал из сел. Архон (катакомба 16) с бронзовой пластинчатой рукояткой (123, лист 72), парный с ножом, с аналогичной бронзовой рукоятью. Примечателен тот факт, что оружие это принадлежало женщине.

С VIII века кинжалы выходят из употребления одновременно с мечами. Их начинают заменять прямые обоюдоострые ножи – кинжалы, которые исследователи часто называют кинжалами, что неверно, поскольку они имеют режуще-колющее назначение (так как колющие возможности данных клинков значительно хуже, чем у кинжалов) (310, стр.43-45), а это является основным отличием ножен от кинжалов (184, т. 2, стр.246). Исключением является кинжал IX-X вв. из могильника у сел.Мартан-Чу (Чечня), погребение 10 (Табл.XIV, 1) (68, стр.72, рис.7,6). Несмотря на однолезвийный клинок этот экземпляр является кинжалом, поскольку, острие расположено на месте обуха, что практически сводит на нет режущие свойства оружия. Следовательно, перед нами экземпляр, имеющий колюще-режущее назначение и поэтому относящийся к кинжалам (имело ли подобное оружие распространение у алан, сказать сложно, поскольку рукояти ножей как правило не сохраняются и узнать, с какой стороны расположено лезвие, нет возможности). Такая форма

клинка рассчитана на короткие тычки снизу вверх прямым хватом (Табл.XIII, 5), при которых лезвие оказывает вспарывающее воздействие. Помимо столь оригинальной формы кинжал представляет собой произведение искусства. Изогнутая наборная рукоять состоит из бронзовых пластинок, перемежающихся рядами тонкой витой проволоки, и завершается грибковидным навершием, под которым расположен выступ для предотвращения соскальзывания руки, соединенный заклепками. Бронзовое, слегка изогнутое напускное перекрестие заканчивается шаровидными утолщениями и декорировано шариками зерни. Ножны с деревянными обкладками обтянуты кожей, стягивались парными бронзовыми обоймами, соединенными с двумя серебристыми дуговидными скобами, имеющими резные внутренние края. С тыльной стороны скоб прикреплены бронзовые петли для подвешивания к ремню. Наконечник свернут из тонкого серебряного листа, завершающегося шаровидным утолщением (255, стр.93). Судя по расположению скоб перед нами кинжал, имеющий подвеску, аналогичную сабельной, но с правого бока и являющийся, таким образом, оружием для левой руки, парным с саблей (как это было раннее для мечей). На использование его для приемов двуручного фехтования указывает и хорошо развитое перекрестие, предназначенное для парирования ударов.

Как уже отмечалось выше, с VII в. кинжалы у алан выходят из употребления (то есть, возможно, что отдельные экземпляры позднее и изготовлялись, но какого-либо значения для развития военного дела они иметь не могли) и появляются только через несколько веков. Это связанно с распространением на Кавказе знаменитого кинжала кама. Время его появления остается дискуссионным, однако, из данной работы видна необоснованность выводов о генезисе кавказского кинжала из знаменитого кобанского кинжала (139, стр.94; 293, стр.32.), поскольку большие временные промежутки отсутствия данного предмета на вооружении невозможны при развитии оружия. Более убедительным, на наш взгляд, является мнение о его происхождении от персидской камы, хотя ограниченный материал по ним затрудняет анализ. Единственная находка подобного типа, представлена кинжалом с железным наконечником (Табл.XIV, 3) и бронзовым наконечником ножен кинжала (Табл.XIV, 2) из Дардонского могильника IX-XII вв. (54, 1971, Табл.32 б; 7, 17). Широкое распространение кинжала у алан, на наш взгляд, наиболее вероятно с XIV-XV вв. в связи с коренными изменениями в военном деле, происходившими в тот период. Кама представляет собой клинковое оружие в виде ко-

роткого и широкого меча, предназначенного, в первую очередь, для нанесения рубящих ударов, но его клинок был также приспособлен и для укола. Согласно этнографическим материалам (речь идет о вайнахах, которые до XIII в. входили в аланское государство), кинжалы до Кавказской войны (XIX в.) делали с несильно выступающим острием, поскольку колоть кинжалом считалось большим позором, неумением воевать и владеть оружием, самым легким способом победить врага, поэтому мастера старались делать кинжал с менее заостренным концом (182, стр.277).

Кинжал имел довольно широкий обоюдоострый клинок и открытую рукоять без перекрестия со значительным сужением в месте обхвата ее рукой. Кавказские камы представляли собой преимущественно кинжалы, но среди них встречались и короткие мечи, общая длина которых равнялась приблизительно 1м (248, т.4, стр.307). Согласно соотношению, наблюдающемуся в XIX в. для районов распространения алан на Кавказе, средние размеры кинжалов – длина 33-35см, ширина – 3-3,2см. (185, стр.9) (Табл.XIV, 4, 5).

Как правило, горцы применяли одно лезвие камы для ведения боевых действий, а другое – для каких-либо хозяйственных надобностей, поэтому иногда лезвия камы на одном клинке затачивались по-разному (248, т. 4, стр.307): рубящая часть имела более пологую заточку, режущая – более крутую.

Клинки обычно снабжались долами (от 1 до 4-х), причем наиболее часто по одному глубокому, смещенному от центра, долу с каждой стороны (185, стр.9).

Кама становится символом мужского достоинства и часто национального костюма (184, т.1, стр.179). Она носится спереди на боевом наборном поясе и становится как бы его составляющей.

Среди архаизмов в осетинском языке сохранилось название кинжала къæлдун. Он характеризовался следующим образом: «хæрдмæ æ финдз, къæлæ хъама» («носом вверх кривой кинжал») (180, стр.3). По всей видимости, здесь имеется ввиду кавказский кинжал типа бебут с изогнутым клинком (367, стр.34-35, рис.44), появившийся на Северном Кавказе одновременно с камой, судя по всему под влиянием турецких и иранских кинжалов, но не получившие в отличии от нее такого распространения.

БОЕВЫЕ НОЖИ

Нож (осет.: kard) – универсальное клинковое режущие, холодное оружие, состоящее из черена (рукояти) и короткого клинка (357,

стр.71), имеющее одностороннюю или полутораст ороннюю (все лезвие с одной стороны и его треть, примыкающая к острию, – с другой) заточку (184, т.1, стр.169). Являясь универсальным бытовым предметом, нож был необъемлемым атрибутом как аланских воинов, так и остальных слоев населения обоего пола. Однако, из огромной массы аланских ножей (несколько тысяч археологических находок) к боевым можно отнести только небольшое их количество, поскольку к оружию относят нож с клинком длиной не менее 13 см и толщиной спинки не менее 3 мм.

Ранние аланские ножи, подпадающие под стандарты боевого оружия, представляют собой экземпляры в среднем имеющие длину лезвия 13-15см (Табл.XV, 1), что заставляет нас полагать их предназначение для боевых целей и применение в бою лишь в случае необходимости нанесения небольшой режущей раны (к примеру, перерезать горло поврежденному противнику). В силу этого ножи имеют формы обыкновенных бытовых ножиков (за исключением формы с горбатой спинкой) (в первом веке, возможно, существовали боевые ножи с кольцевым навершием, поскольку для бытовых ножей подобное навершие абсолютно не нужно, однако, известные нам экземпляры имеют слишком малую длину). Ножны клинков изготавливались из дерева, рукоять же, но иногда она имела костяные обкладки. В отличии от остального клинкового оружия (которое предназначалось только для войны и убийства), ножи не окружались особым почтением, поскольку выполняли еще и бытовые функции, что нашло отражение в предельной скромности отделки. Одним из немногих исключений является экземпляр из кургана II Нагавского могильника (вторая половина II – первая половина III вв.), имеющий костяную наборную рукоять, обернутую золотой фольгой (115, стр.186, рис.2) (Табл.XV, 2).

Иногда боевые ножи повторяют форму кинжала (Табл.XV, 3), что свидетельствует о намерении изготовителей максимально приспособить оружие для нанесения колющего удара.

Как можно заметить, на раннем этапе развития аланского военного дела боевые ножи не получают широкого распространения вследствие наличия на вооружении специального оружия ближнего боя – кинжала. Единственными известными нам экземплярами длинных боевых ножей для этого времени являются парные ножи из Котлубани (курган 2), имеющие длину – 36 и 85,5см, ширину – 2,5см (142, стр.175, рис.1, 17, 18) (Табл.XV, 4) и датирующиеся концом II – первой половиной III вв.).

Столь незначительная роль боевого ножа сохраняется до выхода из употребления у алан кинжала в VII в. До этого времени особых изменений в количестве, форме и размерах не наблюдается, но с конца VII – начала VIII вв. в связи с выходом из употребления двулезвийного оружия боевые ножи занимают прочную позицию в вооружении аланских воинов и их количество резко возрастает. Помимо ножей классической европейской формы (Табл.XV, 5, 6) появляются экземпляры с усиленными колющими (Табл.XVI, 1) и рубящими (Табл.XVI, 2, 3) свойствами. Возникает очень интересная группа метательных ножей, разбор которых пойдет отдельно.

Однако широкое распространение боевые ножи получают в период с X-XI вв. в качестве парного с секирой оружия рядовых воинов. Окончательно складывается их средняя длина (15-20см лезвие) и форма (узкая, удлиненная с плавно сужающимися к острию лезвием и спинкой) (Табл.XVI, 7), небольшие различия в которой особенных изменений в боевом назначении не привносят (Табл.XVI, 4-6). Так, лезвие, имеющее выгнутую форму, наносит длинную, но не глубокую рану даже при не большом усилии, в то время как вогнутое – более глубокую, но требующую гораздо больших усилий для удара. Для 17 аланских ножей из городища «Верхний Джулат» X-XII вв. (Северная Осетия) проводился металлографический анализ (поскольку у нас не было возможности ознакомиться с их внешним видом, неизвестно, боевые ли это ножи, однако в данном вопросе это не существенно, поскольку оружие изготовлялось из того же материала). Один нож был изготовлен путем сварки двух полос – стальной и железной, причем на лезвие ножа выходит сталь. Пять ножей были выкованы целиком из стали, в основном малоуглеродистой, структурно неоднородной. Все изделия подвергались термической обработке. Хорошее качество железа и стали говорит о высоком уровне развития металлургии (293, стр.213-214). Ножи повторяли форму клинков и в результате этого имели практически одинаковый вид, отличаясь друг от друга только оформлением наконечника (Табл.XVII); у устья они обматывались кожаным шнуром (он порою служил и для украшения (Табл.XVII, 1)) и намертво прикреплялись к поясу (Табл. XVII, 1-2), в отдельных случаях для подвешивания применялись скобы (Табл.XVI, 14). Иногда в одних ножнах помещались два ножа, но в отличии от одинаковых металлических ножей, второй экземпляр имел небольшие размеры (Табл.XVI, 9) и играл ту же роль, что и подкинжальные ножички на кавказских камах (использовался для мелких бытовых нужд).

В позднеаланский период (XIII-XV вв.) боевые ножи продолжают сохранять свое значение, и, вероятно, только к XVI в. были вытеснены кинжалами типа кама. Их форма и размеры (длина клинка в среднем 15-20см) остаются теми же, что и в предыдущий период (Табл.XVI, 8), однако, на территории Чечено-Ингушетии (до XIII в. входящей в Аланское государство) наблюдается увеличение длины клинка (отдельные экземпляры достигают 59см (372, стр.38)), хотя средняя длина клинков продолжает оставаться в пределах 15-19см (Табл.XVI, 8).

Из вышеизложенного следует, что у алан техника владения ножом сформировалась под влиянием техники владения кинжалом. Небольшой вес ножей обуславливает преобладание режущих ударов над рубящими, которые наносятся в основном за счет кистевого усилия. Колющие удары наносятся по большей части, по круговым траекториям, преимущественно сверху вниз или снизу вверх (184, т.1, стр.168). Хваты за нож практически аналогичны кинжальным, но наличие всего одного лезвия накладывает на эти техники свои особенности (Табл.XVI, 11-13) (Лучшим является последний из хватов (Табл.XVI, 13), позволяющий свободно наносить удары в любом направлении.).

2. Древковое оружие

К древковому оружию относятся предметы вооружения с небольшой металлической боевой частью, закрепленной на достаточно длинном древке. В зависимости от длины древка оружие предназначается для ведения боя на средней дистанции (копье) или на ближней (секира, булава). Простота техники применения и, что самое главное, дешевизна определили их широкое распространение на всем протяжении аланской истории.

копья

Копье (осет.: arc) – древковое колющее холодное оружие, состоящее из наконечника и древка (357, стр.49). Острие на конце длинного древка позволяет держать врага на значительной дистанции. Преобладание колющих ударов в технике работы копьем делает овладение им более легким, хотя здесь нужна меткость удара (184, т.1 стр.110).

Павзаний Перигет (70г. н.э.) сообщает, что сарматы из-за нехватки железа «кончики копий делали вместо железа из костей» (8, стр. 129).

На раннем этапе аланской военной истории копье имело самое широкое распространение и являлось основным оружием при столкновении с войсками противника, поскольку ядро аланской армии составляют тежеловооруженные всадники, атакующие врага сомкнутым строем, при котором копье, работа с которым не требовала широкой амплитуды движений, было идеальным оружием. Впрочем, копье имели и легковооруженные аланы, о чем свидетельствуют как археологические материалы, так и труды древних авторов: Тацита (55-117гг.), Арриана (137г.), Овидия (43г. до н.э. – 18г. н.э.), Аммиана Марцеллина (IV в.) и т.д. (398, стр.44). Страбон (60г. до н.э. -23г.н.э.) ставит копье на первое место среди наступательного оружия перед мечом и луком (368, стр.44).

Широкое распространение копья определило многообразие его форм для данного периода (Табл.XVIII, 1-7). Первая группа копий представляет собой экземпляры наконечников с массивным листовидным пером и короткой втулкой (Табл.XVIII, 1). По справедливому замечанию А.М. Хазанова, они происходят от более ранних северокавказских наконечников (368, стр.47). Подобная листовидная форма достаточно плоская с центральным ребром предназначалось для нанесения широких ран с обильным кровотечением (184, т.1, стр.111), в резкое сужение пера у втулки на основной массе наконечников затрудняет выдергивание копья из раны. Средние размеры: длина наконечника – 35-40см, втулки – 10-12см. Этот тип бытует только в I в. н.э. (368, стр.47) и выходит из употребления, поскольку перестает отвечать потребностям военного дела. Широкие листовидные копья были очень хрупкими и не годились для схваток с хорошо защищенным противником. Стремления приспособить эти копья для таранного удара демонстрируют попытки уменьшить размеры пера в длину (Табл.XVIII, 7) и в ширину (Табл.XVIII, 2).

Но наиболее подходящими к изменившимся условиям боя стали длинные копья с наконечником, наделенным коротким массивным листовидным пером и длинной втулкой (Табл.XVIII, 3). Перья таких наконечников имеют максимальное расширение в нижней части, в сечении они ромбовидные и отличаются небольшими размерами при широкой и длинной втулке, составляющей более половины общей длины (35-40см), острие чуть округлено. На конце втулки часто бывает валик или муфта – кольцо. По поводу их назначения в науке существуют несколько линий, на наш взгляд не противоречащих друг другу и одинаково справедливых, как то помощь в парировании удара (184, т.1, стр.111), предотвращение глубокого проникновения

копья в рану (184, т.1, стр.111; 184, т.1, стр.47), опора для части толстого древка, на которое насаживались подобные наконечники (184, т.1, стр.47), предохранение втулки от разрыва при ударе в доспехах (255, стр.110). Длинная втулка позволяла устойчиво фиксировать копье на древке при таранном ударе.

Длинные копья аланских катафрактариев неоднократно упоминаются древними авторами (Гай Валерий Флакк (21, 1949, №2, стр. 349), Корнелий 21, 1949, №3, стр. 220), их можно видеть на изображениях алан (Табл.XLVIII, 1, 2). Данные изображения доказывают существование у алан наряду с копьями длиной – 2,5-3,4м, известных по археологическим находкам (368, стр.49, 50), гигантских экземпляров, достигающих в длину 4,5м (330, стр.130). Копья такой длины имеют смысл только при построении кавалерии фалангой, чтобы всадники второго ряда могли нанести удар по противнику одновременно с передним рядом (подробнее об этом построении будет говориться в следующей главе). Владение даже простыми аланскими копьями требовало определенных навыков, поскольку в распоряжении всадников не было ни жесткого седла, ни стремян. Судя по изображениям, аланы держали копье обеими руками: левая вытянутая поддерживает древко, согнутая в локте, правая – направляет удар (368, стр.49); при этом корпус всадника повернут левым плечом вперед, ноги, сжимающие бока коня, располагаются под некоторым углом к направлению движения, а пользование уздой в момент атаки сведено к минимуму (330, стр.132) (Табл.XLVIII, 1-3). Для подобных копий центр тяжести может находится посредине древка (в отличии от остальных типов), поскольку использование обеих рук позволяет более точно управлять копьем (184, т.2, стр.238). Однако копья длиной до 4,5-5м (мы будем называть их контосами, как их окрестил Флавий Арриан, выделив из ряда копий (330, стр.130)) требовали дополнительных способов управления, поскольку удерживать такое оружие в походе, да и в момент нанесения удара очень затруднительно. По всей вероятности, оно удерживалось способом, который приводит Гелиодор, описывая катафрактариев: «Острие копья сильно выдается вперед, само копье ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватках копье не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих» (368, стр. 49). Другой вариант перевода указанного автора описывает это крепление совершено по-другому:

«Копье же острым концом далеко выдается, прямо привязано будучи к лошадиной шее; самый же ремень от копья собранный привязывается к верху ноги лошадиной, которой в сражении не только не убавляет силы, но при том делает помощь руке конного, коему оставалось единственно бросать прямо и метить. Итак, когда он вытягивался, и шел далее, противник противлением жестче делал стремление для удара, то конный, всякого попадавшего пробивал насквозь, а иногда и двух одним разом» (350, стр.97). Разница в описании креплений видна на реконструкциях (Табл.XIX, 6, 7), но смысл их остается неизменным – фиксированное копье гасило отдачу и всадник мог продолжать бой (350, стр.99).

К экипировке тяжеловооруженных всадников относятся так же копья с более удлиненным, но узким пером (Табл.XVIII, 4) и ланцетовидным пером (Табл.XVIII, 5), наиболее удобным для выдергивания из раны.

В первых веках существуют и копья с так называемыми ножевидными наконечниками (Табл.XVIII, 6), у которых перья длиннее, чем у прочих копий, в результате чего им можно действовать и как колющим, и как режущим оружием (184, т.1, стр.111).Особой длины подобные экземпляры иметь не могли, наличие только одного известного нам экземпляра (47, рис.12, 43) свидетельствуют о том, что искусство «копейной рубки» (нанесение ударов краем пера) в аланской среде не получило развития.

После схода с исторической арены в послегуннское время построения конной фалангой длинные аланские копья выходят из употребления, уступив место более коротким образцам, хотя полностью отрицать их существование невозможно, поскольку, судя по имеющимся изображениям (238, стр.429), они применялись (вместе с «сарматской посадкой» на лошади) византийцами еще в конце VI – начале VII вв. (ударную силу войска у византийцев также составляла кавалерийская фаланга), с которыми аланы в этот период имели тесные военные контакты.

Однако изменившиеся реалии боя стали таковы, что на смену тяжелой конницы, как основной силы, приходит средняя, уменьшаются как размеры самого копья, так и размеры наконечника. Копье удерживается одной рукой. По мнению одних, все дело в особенностях европейского стремени, не позволявших управлять конем лишь ногами, некоторые объясняют перемены обязательным наличием в другой руке щита (184, т.1, стр.116). Поэтому все манипуляции копьем, в том числе и уколы назад и вниз, всадник выполнял одной

рукой, высоко поднятой над головой лошади. Такое движение носит еще и отражающий характер, поскольку отводит возможный укол копья противника (184, т.1 стр.16). При атаках вперед движение копья осуществлялось прижатым к предплечью копьем, и основной техникой было следующее: отклонив в сторону кончик копья противника, нанести укол вдоль его копья за счет движения двух лошадей навстречу друг другу. Ближний конец копья использовался для того, чтобы погонять им лошадь, им можно было наносить тычки назад, вниз и вперед на ближней дистанции. Большое внимание уделялось манипуляции лошадью таким образом, чтобы рука с копьем почти не двигалась. Можно было, привлекая на короткое время вторую руку, вращать копье над головой или крутить восьмерки, но это относилось, скорее, к джигитовке, а не к реальному бою (184, т.1, стр.116).

Изменение техники владения копьем привели к изменению центровки этого оружия. Ее смысл состоял в том, что копье условно делят на две части – переднюю, боевую, от острия до центра тяжести, то есть, до того места, где как правило, находятся рука, и заднюю- от центра тяжести до конца древка. Длина передней части должна быть такой, чтобы противник, вооруженный мечом, не смог дотянуться до колющего его копейщика. Длина задней части должна быть такова, чтобы, с одной стороны, при тычке вперед конец древка не заходил назад за подмышку, а с другой, – чтобы копье не мешало всаднику действовать в строю (184, т.1, стр.237). Соотношение передней и задней частей обычно равно 3:2 (184, т.1, стр.237). Такая центровка, по всей вероятности, достигалась за счет увеличения толщины задней части древка.

Для наконечников копий IV-VI вв. характерны: уменьшение размеров (средняя длина 28-30см) и веса, укорачивание втулки, уменьшение массивности и утончение в месте перехода пера в втулку. В целом их внешний вид характеризуется появлением в форме особого изящества и «летучести» (Табл.XVIII, 8, 9). Роль копья в этот период заметно уменьшается, на что указывает и снижение их доли среди археологических находок оружия.

Новый приход копья наблюдается с VII в., хотя прежнего значения как основного наступательного оружия оно не достигло, что, по всей вероятности, связано с распространением жесткого седла со стременами. Начинают появляться наконечники с настолько узким пером, что переход пера в коническую втулку почти не заметен (Табл.XVIII, 10-14). Последнее, видимо, связано с широким распространением в качестве защитного доспеха кольчуги, которую можно

было пробить только таким узким наконечником. Подобная форма носит название шиловидной и имеет граненное или ромбовидное продольное и поперечное сечение в форме вытянутого треугольника или ромба. Такие наконечники приспособлены только для уколов. Это объясняется тем, что при сватке двух всадников, построенной, как правило, на постоянных сближениях и отходах, когда всадники мчатся друг на друга или мимо друг друга, стремясь в момент сближения поразить противника, колющий удар наиболее экономичен и прекрасно накладывается на движение лошади (184, т.2, стр.238). Археологические находки древков копий из могильника Мощевой балки (VII-IX вв) показывают, что они изготавливались из древесины хвойных пород (253, стр. 98).

Начиная с X в. роль копья у алан практически сводится к нулю. Они представлены только единичными экземплярами даже на таких громадных могильниках, как Змейский или Рим-Гора. Убедительных обоснований причин данного явления нет, но возможно оно связано с изменением тактики проведения кавалерийской атаки: строй всадников, ощетинившийся копьями, уступил место разрозненным воинам, вооруженным саблями, имевшим возможность для маневра. Так, несколько столетий спустя, линейные казаки, воевавшие на Кавказе с черкесами, отказались от применения пик, мотивируя это тем, что их хорошо использовать только против плохой кавалерии, черкесы же в бою, уворачиваясь от первого удара, немедленно старались подскакать на расстояние клинка, где пика становилась бесполезной (350, стр.323-324).

Наконечники копий в этот период сохраняют прежние размеры (в среднем 30см), перо также остается узким, массивным, ромбическим в сечении, но появляются некоторые отличия: так, устанавливается соотношение между рабочей частью (пером) и втулкой 3:2, переход в месте их соединения становится резче, перо имеет наибольшее расширение в нижней части (Табл.XIX, 1-3).

Своеобразием отличается наконечник копья из Нижне Архызского городища (X-XII вв.) (100, рис.87, 4).Он имеет угловатые выступы в нижней части пера (Табл.XIX, 1). Подобные наконечники характерны для адыгейских племен (54, Табл.36б, 8, 9). В.Н. Каминский датирует нижне-архызский экземпляр XII-XIV вв. (255). В монгольское время у алан, судя по всему, копья также не получают распространение. За весь период нам известно только копье Ос-Багатара, хранившиеся в святилище Реком (296, стр.7) (дата постройки – XIV в.) (296, стр.33).

Что касается пехотных копий длиной в рост человека, то они, несомненно имелись. Подобное копье изображено на фресках Сентинского храма (237, рис.6) (XI в.) (Табл.XIX, 5), на Этокском изваянии (XIV-XV вв.) (327, рис.3, 10). Отличие данного оружия от кавалерийского состоит в возможности проводить его боевой частью как колющие, так и рубящие удары, брать широким хватом, задействуя оба конца (184, т.1, стр.112). Впрочем, работы одной рукой превалируют и в технике использования пехотного копья, когда оно опирается на запястье или тыльную сторону ладони левой руки как на подставку, или на развилку между большим и указательным пальцами этой руки, как бильярдный кий (184, т.1, стр.116).

Любопытно, что подтоки копий (железная оковка на пяте древка в виде копьеца, служащая для упора в землю) (351, стр.89) выходят из употребления еще в сарматскую эпоху (368, стр.49) и у алан не встречаются, что свидетельствует о незначительной доли пехотных копий, и как следствие о практически полном отсутствии пехоты в аланской среде (поскольку для длинных всаднических копий подтоки были бесполезны). Нельзя не упомянуть о такой интересной детали, оснащающей копье, как значки, флажки (их часто называют флюгерами, прапорцами или вымпелами), кисти (султаны). Подробнее о них было сказано в разделе воинских атрибутов. Основное назначение флажков одни исследователи видят в фиксации наконечника вражеского копья, опутывания рубящего оружия, а вспомогательные назначения были тесно увязаны с самой различной техникой отвлечения внимания, воздействия на глаза воинов и лошадей и т.д. (310, стр.52). Другие считают их опознавательным знаком копейщика в сумятице боя и средством определения направления атаки (195, стр.229). Знамена и флаги помимо их основных функций говорили о ранге и родовитости владельца (195, стр.230). Аланские боевые значки «драконы» являлись, в первую очередь, средствам устрашения.

Кисти и султаны, получившие широкое распространение на Северном Кавказе после монгольского нашествия, крепились также, как и флажки, под наконечником копья. С одной стороны, они очень хорошо дезориентировали противника, когда перед его глазами на большой скорости двигался наконечник, а с другой стороны – предотвращали излишне глубокое проникновение копья в рану и впитывали вытекающую из раны кровь. Это весьма важно, поскольку для выполнения выпускающих ударов и перехватов копья руки должны свободно двигаться по древку, не скользя по крови и не увязая в ее сгустках (184, т.1, стр.118).

СПЕТУМЫ

Спетум (осет.: cirq) – длинное копье, у которого на нижнем конце наконечника втулки прикреплены отроги, образующие крюки, сильно выступающие в стороны и загнутые вниз (195, стр.254) (Табл. XIX, 4). Его можно даже рассматривать, как некое промежуточное звено между копьем и трезубцем (184, т.1, стр115). В аланских древностях известна только одна подобная находка (в отчете И.А. Владимирова фигурирует еще один такой наконечник (в той же могиле), но никаких его характеристик или изображения не приводится) из аула Кашка-тау, близ Нальчика, на наш взгляд, относится к XIV-XV вв. (Копье с крюками очень любили монголы.). Оружие представляет собой наконечник в виде копья с крючками и завитками, насаженный на деревянное древко, длиной около 1,4м. Около него были замечены следы волокон, быть может, конских волос (120, стр.142, рис.275, стр.44, рис.255) (Табл. XIX, 4).

Судя по всему, древко сохранилось не полностью, поскольку такое оружие имеет смысл лишь с древком до 3м. В Европе это оружие бытует с середины XV в. до конца XVI в. (195, стр.255), но на Кавказе оно, по всей вероятности, появилось раньше и исчезло позднее. Так, еще во время Кавказской войны у горской конницы имелись особые крючки, прикрепленные к древку, которыми стаскивали противника с лошади, причем, подобное оружие было изображено и на древних изваяниях (333, стр.4).

Боковым острием крючка можно подрезать противника как косой, а поймав между крюком и телом копья вражеское оружие, особенно слабоизогнутую саблю, его можно легко выбить (184, т.1, стр.119). Ко всему прочему в сочетании с возможностью нанесения колющих ударов копьем, и захватов, и зацепов противника крюками, делает технику владения этим оружием чрезвычайно разнообразной, но сложной для овладения, что, вероятно, и послужило причиной того, что спетум не получил широкого распространения.

Упоминание об этом виде оружия сохранилось в осетинской этнографии под названием cirq, от cyrgъ – «острый»: на древке копья крепился особой конструкции наконечник, снабженный одним или двумя крюками – зацепками, чтобы в бою еще и сбивать с коней всадников; по другой версии, cirq – это разновидность копья с коротким древком и сложной боевой частью, сочетавшей колющий наконечник с рубящим лезвием боевого топора (381, стр.183).

3. Ударное оружие

К нему мы относим оружие с центром тяжести, перемещенным на дольний конец (184, т.1, стр.7). Ударная боевая (рабочая) часть может быть различной конфигурации (357, стр.524) и обычно не имеет лезвийной заточки (булавы, палицы и т.д.). Сюда можно причислить оружие с боковым острием, чья боевая часть вынесена в сторону от вертикальной оси оружия и расположена под углом к ней (боевые топоры, чеканы и т.п.) (184, т.1, стр.7). К этому виду холодного оружия относится гибкое оружие, имеющее гибкую боевую часть (плеть), гибкое древко (кистень, пума) или полностью гибкое (цепи, веревки) (184, т.1, стр.7).

БОЕВЫЕ ТОПОРЫ

Боевой топор (осет.: færæt, cerq) – ручное ударное топорообразное холодное оружие, состоящее из лезвия, обуха и топорища (357, стр.109). Отличительной особенностью оружия этой группы является то, что его боевая часть вынесена в сторону от вертикальной оси. Если стандартное клинковое оружие можно назвать рубяще-режуще-колющим, то это – ударно-рубящим. У него лезвие параллельно древку, а основное направление ударов – прямолинейное (184, т.1, стр.138).

Вынесение боевой части в сторону от вертикальной оси оружия позволяет проводить рубящие удары с большой концентрации силы, легко выполнять захваты и зацепы, ловя оружие или конечности противника в «вилки» между древком и боевой частью, огибать выступающей в сторону боевой часть простейшую защиту противника, блокирующего древко этого оружия (184, т.1, стр.138).

Впервые в качестве вооружения они появляются у алан в I-II вв., однако, не находят сколь-нибудь широкого распространения, что отражено единичными археологическими находками. Причину этого следует искать в особенностях военного дела, при котором топору не находилось место в комплексе вооружения воина. Так, боевой топор из Сусловского могильника (368, стр.158) (I-II вв.), – (Табл.XX, 1), скорее всего, являлся символом власти (368, стр.51), а экземпляры из «Золотого кладбища» (75, Табл.10, 97; 48, 467) (I-III вв.), – (Табл.XX, 2) могли использоваться и в хозяйственных целях.

Распространение боевого топора начинается с конца VII в., и к VIII в. он становится массовым оружием. Хотя этот вид оружия был популярен у многих народов в период средневековья, у алан он

становится одним из характерных признаков аланской культуры, непременным атрибутом любого мужчины. Действительно, оружие с локальной рабочей частью и значительной массой было дешевле и кое в чем выигрышнее клинкового (так, топор можно было метнуть в неприятеля освобождая руки для другого оружия).

Причину появления у восточно-европейских всадников топоров некоторые исследователи видят в выходе из употребления мечей, поскольку всаднику в условиях маневренного боя принципиально важно было обзавестись двуострым оружием (248, т.3, стр.46-47).

Боевые топоры с самого начала отличались широким разнообразием форм, что было обусловлено как различием тактических задач, стоящих перед ними, так и неодинаковыми физическими параметрами (сила, рост, комплекция и т.п.) их владельцев. Всю громадную массу этого вида аланского вооружения можно разделить на 4 основных группы (В.Н. Каминский выделил 36 вариантов топоров (255, стр. 94-105), мы добавим еще 9 вариантов): 1) двулезвийные топоры; 2) топоры-чеканы; 3) топоры-клевцы; 4) секиры. При видимом разнообразии в размерах топоры мало отличаются, имея в среднем 15-20см в длину.

Двулезвийные топоры с самого начала их появления четко делились на две группы: с параллельно расположенными лопастями (Табл.XX, 5-9) и с перпендикулярно расположенными лопастями (Табл.XX, 3-4). Первая подгруппа имела широкое распространение с VII в. по XI в. и продолжала существовать еще до XII-XIII вв., в то время как вторая начинает широко распространяться только с X в. и доживает до XV в.

«Бронебойность» этой группы топоров обеспечивалась исключительно благодаря инерции рубящего удара, усиленного за счет массы топора, отвесу – т.е. удалению центра тяжести оружия от руки и вынесению его за ось древка, к лезвию, а также эффекту рычагов, образуемых рукой, древком и лопастью (248, т.3, стр.45). Часто у топоров ось обушной проушины проходила не под прямым, а под острым углом к осевой линии лопасти, что, особенно при скошенном и обращенном вниз лезвии, обеспечивало вынос центра за плоскость лопасти, вперед и вниз, по направлению нанесения удара (Табл.XX, 9).

Среди подгруппы с параллельно расположенными лопастями наибольшей популярностью пользовались образцы с удлиненной рабочей частью в виде прямоугольной трапеции, лезвием слегка закрученным и опущенным к рукояти; вторым лезвием, аналогичным основному, но чуть меньших размеров (Табл.XX, 5). По популярнос-

ти за ними следовали экземпляры с длинно-трапециевидной рабочей частью и вторым лезвием несколько меньших или равных размеров. Осевая линия лопастей проходила перпендикулярно рукояти (Табл. XX, 10).

В подгруппе с перпендикулярно расположенными лопастями ведущее положение занимали образцы с удлиненно- трапециевидными лезвиями равной величины, расположенными перпендикулярно друг другу (Табл.XX, 4).

Прочие варианты двулезвийных топоров (Табл.XX, 3, 6-9) не получили сколь-нибудь широкого распространения и часто представлены единичными экземплярами.

Топоры – чеканы (чекан – ручное ударное топорообразное холодное оружие в виде молотка (357, стр.123)), – (Табл. XXI) появились в ответ на необходимость пробить доспех, либо оглушить обухом противника, имеющего металлическое вооружение. Их массовое распространение приходится на VIII-IX вв., затем их число сокращается в X в. и уже в XI в. они выходят из употребления. Эта категория топоров представлена наибольшим числом экземпляров и самым большим разнообразием форм в аланских древностях. Обух – чекан бывал как длинным (Табл.XXI, 9), так и коротким (Табл.XXI, 11), и часто имел на конце утолщение (Табл.XXI, 3). Лезвие могло быть, как узкой формы (Табл.XXI, 2), усиливающее рубящий удар (поскольку удар и небольшого топора выводил пораженного из строя, вызывая шок и контузию, даже если сама рана не была опасной (248, стр.46), так и широкой формы (они считаются предшественниками секиры) (Табл.XXI, 8), ранение которым было в большинстве случаев смертельным (248, т.3, стр.46).

У топоров-чеканов совмещение плоскости лопасти с направлением удара обеспечивалось за счет соотношения массы лопасти и обуха (248, т.3, стр.46).

Самым распространенным видом среди них были экземпляры с прямоугольным выступом на внутренней стороне рабочей части, с высоким, прямоугольной формы обухом, слегка расширяющимся к низу в виде наковальни (Табл.XXI, 1). (Этот вид представлен наибольшим числом экземпляров по сравнению с другими видами боевых топоров). В след за ним идут топоры с удлиненной рабочей частью в виде прямоугольной трапеции, с высоким обухом (6-8см) прямоугольной формы с почти одинаковой шириной по всей длине (Табл.XXI, 2). Третье место в этой группе занимают топоры, аналогичные последним, но завершающиеся прямоугольным расширени-

ем типа наковальни на обухе (Табл.XXI, 3). Прочие виды топоров – чеканов представлены значительно меньшим числом археологических находок, что говорит об их единичности (Табл.XXI, 4-15).

Топоры – клевцы (клевец – ударное ручное древковое холодное оружие в виде кинжаловидного лезвия (или просто острия, или пробойника), расположенного перпендикулярно рукояти) (Техника работы клевцом похожа на работу чеканом, но допускает еще и срезающие удары за счет наличия лезвия (184, т.1, стр. 139)) появляются у алан в конце VII в., но не получив широкого распространения, в единичных экземплярах просуществовали до XI-XII вв. Все их виды представлены практически единичными экземплярами и выделить форму, которой отдавалось предпочтение, не представляется возможным (Табл.XXII, 1-7).

С IX в. намечается тенденция увеличения ширины лезвия на рабочей части, вверх и вниз (Табл.XXI, 8), либо только вниз (Табл. XXI, 11). Широкое лезвие помимо усиления удара, расширяло рану, усугубляя поражение и облегчая высвобождение оружия, что для топоров вообще было серьезной проблемой (248, т.3, стр.48). Топоры с «бородкой» (Табл.XXI, 4), распространившиеся с X в., не получили в аланской среде широкого распространения, вероятно, в следствии того, что подобная форма была удобна в основном для пехотинца. «Бородка», значительно облегчая топор, позволяло свободно действовать им одной рукой и придать лезвию более радикальный изгиб, обеспечив рассекающий эффект (248, т.3, стр.49). На «бородку» приходилось более половины лезвия и она могла служить защитой кисти руки (Табл.XXIII, 2) или для парирования, а так же обеспечивать отвес.

Развитие этих типов боевых топоров и привело к широкому распространению секир. Секира отличается от боевого топора ярко выраженным полукруглым выпуклым лезвием, длина которого обычно больше его ширины. Такая форма оружия несколько снижает его пробивную силу, но повышает его способности к тычковым ударам углами лезвия и рубяще-режущим ударом (184, т.1, стр.139). Появившись еще в VII в., они в тот период не получили должного признания. Рост их популярности начинается с X в. и до XII-XIII вв. они представлены большой массой археологических находок. Время их бытования доходит до XVII-XVIII вв.

Аланские секиры имеют широкую рабочую часть в виде полумесяца на узком стержне, идущим от прообуха, обух практически всегда выполнен в форме клевца (который во всех случаях имел ко-

пьвидную формую) (Табл.XXII, 8, 10, 11), хотя на нескольких экземплярах он имеет форму чекана (Табл.XXII, 9). На этой группе боевых топоров мы видим стремление совместить рубяще-дробящие (благодаря массе и ширине) и рассекающие (благодаря форме лезвия) свойства рабочей части с проникающими свойствами обуха. Такая секира с развитой верхней частью лопасти могла, разрубив средней, наиболее мощной частью лезвия щит противника, одновременно поразить противника в лицо или грудь (248, т.3, стр.49). Прямой удар – тычок верхним торцом лопасти, наносимый от груди двумя руками, теперь только отбрасывал противника, позволяя замахнуться, но и «накалывал» его, предваряя сметающий удар лезвием (248, т.3, стр.49). Нижняя часть лопасти, как это уже отмечалось выше, могла служить защитой кисти руки при широком хвате.

Изображения секир встречаются на аланских каменных статуях из Верхней Кубани (Табл.XCVIII, 4, 5). Судя по ним, секира крепилась к поясу с правой стороны. У статуи с р.Бежгон (Табл. XCVIII, 4) она, по всей вероятности, висит на темляке на кисти правой руки, что указывает на использование темляка и для этого вида оружия (хотя на известных археологических находках он не имеется). Эти же изображения дают представления о длине рукояти: она равна длине руки воина, что в среднем составляет около 60см. Изображения воинов с секирами имеются и на стенах Кяфарской гробницы (XI в.), но они слишком условны (Табл.XXIII, 5), чтобы судить о размерах оружия.

Более точное представление о длине рукоятей боевых топоров дают археологические находки (Табл.XXIII, 3-4) – она колеблется в пределах 46-66см (в зависимости от роста и длины руки владельца) и в среднем составляет 58см (Археологические находки боевых топоров с рукоятями имеются по всему периоду широкого распространения секир и свидетельствуют, что каких-либо изменений в размерах или форме рукояти не претерпевают.). Подобная длина рукояти делает топор универсальным оружием, так как позволяет резко менять дистанцию боя, использовать топор как оружие всадника, способного, держа его одной рукой за конец, поразить пехотинца. Длина рукояти допускает возможность двуручного хвата: узкого, – когда топор держат двумя руками за один конец, что увеличивает силу удара, или широкого, – когда одна рука расположена на конце рукояти, а другая – под лезвием (Табл. XXIII, 1), что дает возможность блокировать часть ударов рукоятью и наносить удары и отбивы вторым концом (184, т.1, стр.139).

Несколько слов нужно сказать о названии оружия, применявшегося аланами. На этот вопрос ответ можно было бы поискать в

нартском эпосе, но в нем ничего не говорится про боевые топоры, столь широко бытовавшие у алан в момент формирования ядра эпоса. Зато там присутствует загадочное оружие «церхъ» (цирхъ, цилхъ, цирыхъ), точно определить которое не могли даже сами сказители (Одни считали его мечом, другие – кинжалом, третьи – саблей, четвертые вообще затруднялись его охарактеризовать. Б.А. Алборов пришел к абсурдному выводу, что это метательная машина (180). В настоящее время утвердилось мнение, что это меч, либо секира). Однако на основании нартского эпоса можно выделить основные черты, характеризующие данное оружие – это индивидуальное холодное оружие с ярко выраженными рубящими свойствами, причем массовое, поскольку слово «церхъ» очень часто упоминалось сказителями во всех уголках Осетии. При этом данное оружие должно было выйти из употребления достаточно давно, чтобы о его внешнем виде забыли напрочь, но не настолько давно, чтобы название его стерлось из памяти народа. Единственный вид аланского вооружения, отвечающий всем вышеперечисленным требованиям, – является боевой топор. Меч имел свои названия в осетинском языке, да и перестал использоваться задолго до складывания основного цикла сказаний нартского эпоса.

Для боевых топоров, а особенно секир наиболее предпочтителен скользящий хват с наклоном кисти вниз и большим пальцем между средним и указательным, причем указательный палец играл роль «поворотной оси» древка – рычага (248, т.3, стр.59-60).

Коль скоро мы отождествляем церхъ с аланским боевым топором, то эпос дает представление об еще одном его способе ношения: за спиной, заткнутым за пояс (нарты) (таким способом они носились у многих народов).

Коротко скажем о технике работы с боевым топором. Поскольку он не мог служить «продолжением руки», как клинок или копье, работа с ним требовала последовательности задействования суставов и плечевых замахов; техника парирования топором своеобразна и при действии одной рукой ограничена, но даже это способствовало распространению топора как народного оружия : здесь не было нужды в виртуозном фехтовании, а достаточно силы, выносливости и привычки к оружию (248, т.3, стр.46).

Подводя итоги, мы можем говорить о том, что как вид вооружения боевые топоры начинают распространяться с VII в., в VIII-IX вв. получают массовое распространение, продолжают широко бытовать (хотя и в более меньшем процентном отношении, чем в предыдущий

период) в X-XII вв. и в период с XIII в. по XV вв. выходят из употребления.

ПАЛЬСТАБЫ

Пальстаб (осет.: к'æру) – холодное оружие, состоящее из железного наконечника в виде мотыги и Г-образной деревянной рукояти.

В археологической литературе бытует мнение, что мотыжки, встречающиеся очень часто в аланских древностях, являлись сугубо орудиями труда. Однако при более детальном ознакомлении с обстоятельствами их нахождения можно убедиться, что не все с их назначением так просто. В пользу того, что мотыжки использовались не только в хозяйственных целях, говорит, во-первых, то обстоятельство, что хотя единичные их находки у алан известны с первых веков (к примеру, в группе «Четыре брата» (114, стр.72-73, рис. 2, 3)), массовое распространение они получают только одновременно с боевыми топорами с конца VII в. и дальнейшее их существование связано с этим видом оружия. Второе обстоятельство указывает, что пальстабы (будем так называть мотыжки, чтобы подчеркнуть их военное назначение – С.А.) часто встречаются в могилах профессиональных воинов в комплексах с полным набором вооружения (здесь нужно подчеркнуть, что пальстабы лежат в могилах именно вместе с оружием). Примером могут служить погребение 2 катакомбы 48 могильника Рим – Гора (130, стр.203, рис.7), могильник Кари Цагат (113, стр.243-235), могильник в Губских навесах (58) и т.д. Третьим аргументом является то, что пальстабы находят и в могилах знатных воинов и князей (комплекс №1 и катакомба 41 могильника Кольцо – Гора (136, стр.71, рис.2, стр.77, рис.4); Алексеевский клад у Алексеевского городища (187, стр.48, рис.1)), которые вряд ли занимались хозяйственной деятельностью.

Не отрицая хозяйственной роли пальстабов мы, таким образом, должны отметить, что они были неотъемлемой принадлежностью экипировки аланского воина. По всей вероятности, эти орудия выполняли те же функции, что и современная солдатская саперная лопатка (предназначенная, в первую очередь, для земляных работ, она одновременно является и грозным оружием). В пользу этого говорит и тот факт, что период с VII – XII вв. у алан характеризуется широким развитием земляной фортификации.

Подобно боевым топорам пальстабы получают массовое распространение с конца VII по IX вв. и продолжают широко бытовать с X по XII вв., а выходят из широкого употребления к XIII в. Форма

их за весь период остается неизменной – железная «кельтовидная» лопаточка с прямым или закругленным краем и незамкнутой втулкой (Табл. XXIV). Насаживалась она на Г-образную рукоять, длина которой по археологическим находкам в среднем колеблется от 40 до 60см (Табл. XXIV. 5, 6). Исключением можно считать пальстабы из могильника у Амгаты (VIII в.) (112, стр.277, рис.9, 3 – 5) с расширяющимся лезвием (Табл. XXIV. 3, 4). В некоторых случаях рукоять имеет изгиб назад (Табл. XXIV. 6), что дает возможность центральной линии приложения силы руки проходить как можно ближе к лезвию, обеспечивая максимальную точность удара, поскольку задняя часть пальстаба, находясь позади, во время удара служит как бы направляющей, рулем и заставляет совпадать центральную линию рубящего оружия с направление удара (332, стр.51-52).

БУЛАВЫ

Булава (осет.: æstarc) – ударное простое ручное холодное оружие, имеющее шарообразную или грушевидную головку, насаженную на рукоять (357, стр.19). Практически все известные экземпляры этого оружия найденные на территории средневековой Алании происходят из дореволюционных раскопок и, как следствие этого, их слабая археологическая фиксация. Это послужило причиной того, что все эти булавы были причислены ко времени кобанской культуры (280, стр.91, рис.34, 3; 35, 6). Исследователи аланского вооружения также стараются не касаться этого вопроса (255, 277,). Не отрицая, что часть булав принадлежит кобанской эпохе, следует уточнить несколько моментов. Во-первых, булава являлась во всем мире, в основном оружием ритуальным, знаком власти, символизирующим мощь и несокрушимость (184, т.1, стр.65), могла передаваться многие столетия по наследству (тем более, что булава является единственным оружием не теряющим со временем своих боевых качеств). Во-вторых, она могла быть найдена в аланское время в могильнике кобанской эпохи (во всех известных местах находок булав кобанские могильники соседствуют с аланскими) и вновь войти в употребление. В-третьих, в отдельных случаях, когда захоронение было совершено в грунтовой могиле, а не катакомбе и остальной инвентарь для датировки не пригоден, можно заметить, что костяк имеет не скорченное положение характерное для кобанской эпохи, а вытянутое – характерное для грунтовок аланского времени (149, стр.211-212, рис.182-183). В-четвертых случаях, хотя погребение представляет собой грунтовую яму, сопутствующий инвентарь позволяет абсо-

лютно точно датировать экземпляр аланской эпохой (50, стр.75; 71, стр.249). И, наконец, в-пятых, булавы из катакомбных захоронений безусловно принадлежавших к аланскому времени.

Такой подход позволяет причислить к аланскому оружию ряд булав, имеющих четкие границы распространения, но «плавающую» датировку.

Наиболее ранние виды аланских булав представлены изображениями на триумфальной арке императора Галерия в Салониках (Табл.). Судя по ним оружие представляет собой шар диаметром 10-15см на прямой рукояти длиной 40-45см. Подобное навершие из светлого, мелкозернистого песчаника (вышиной 6 см) было найдено в с. Донифарс (Табл.XXV, 1) и Камунта (149, стр.302, рис. 179). Для IV-VII вв. известна булава грушевидной формы из красного гранита из селения Харачой (Чечня) (71, стр.249, рис.3, 14) (Табл.XXV, 2).

У профессиональных воинов булаву очень скоро вытесняет палица. Последняя представляет собой булаву усаженную шипами (отдельные шипы или острия могут иметь и другие виды ударного оружия, но здесь они являются основным элементом боевой части) (184, т.1, стр.63). Очень часто у всадников она служила дополнительным оружием и могла метаться на короткое расстояние (184, т.1, стр.63).

Практически все палицы имеют специфическую форму поэтому рассмотрим все известные археологические находки.

Для VII-IX вв. характерны каменные палицы с шарообразными выступами. Так в катакомбах Чми был найден подобный экземпляр из мягкого песчаника (149, стр.117), а в Галиате в грунтовой могиле – из белого змеевика (149, стр.289, рис.221) (Табл. XXV, 3). В том же могильнике в сел. Чми (VII-IX вв.) в катакомбе XIX были найдены два известковых продырявленных слепка в роде булав с остатками железных стержней (137, стр.182), и бронзовый наконечник в виде маленькой булавы с мелкими неправильно расположенными наплывами (149, стр.120, Табл. LXI, 12) (Табл. XXV, 4).

В период VII-IX вв. также намечается тенденция развития выступов палиц в виде боковых граней как у шестопера, однако их незначительные размеры и отсутствие лезвия не позволяют нам причислить к этому виду оружия бронзовый экземпляр из Даргавса (149, стр.105, Табл. LIV) (Табл. XXV, 5). К этому же времени относится и появление оружия в виде палицы с шипами (число которых обычно равно пяти) имеющей вид звезды, в следствии чего в оружиеведческой литературе за ним закрепилось название «утренняя звезда» (в археологической литературе оно часто именуется шестопером, что

явная ошибка, поскольку у последнего имеются не шипы, а вертикальные ребра). В археологической лимтературе сообщается о находках подобного оружия (с. Донифарс (50, стр.75), г. Владикавказ (160, pl.XI, 20), сел. Кумбулта (149, стр.212), 3 экземпляра из селения Камунта (149, стр.302), однако, их изображения не приводятся за исключением бронзовой звезды из сел. Камунта, отличающейся более сложной формой, как бы составленной из двух друг на друга вдвинутых вершинок, установленных на высокой втулке (149, 1900, стр.302, Табл.XCVII, 3) (Табл.XXV, 6) и железной палицы с четырьмя шипами из г. Владикавказа (Табл.XXV, 8). Кроме того, известна находка медного набалдашника посоха в виде пятиконечной звезды, датируемая X в. близ Сентинского храма (107, стр.76).

Самая поздняя из аланских палиц относится к XIII-XIV в. и происходит из комплекса вооружения легендарного царя Ос-Багатара, хранившегося в святилище Реком. Путешественник конца XIX в. так описывает ее: это «железный пернач с массивною шишкою на одном конце и с шестью симметрическими выступами под шишкою, расположенному по массивному цилиндру; продолжением цилиндра служит тонкий длинный стержень, длина всего пернача около 3/4 арш. (около 18см)» (32, т.3, стр.78). По всей вероятности булавой Ос-Багатара следует идентифицировать бронзовую булаву из Венского музея (высотой 13см) (149, стр.277, рис.212) происходящую из случайных находок на территории Северной Осетии (выражаю большую благодарность Э.С. Кантемирову, указавшему на их идентичность.) (Табл.XXV, 7). Однако здесь существует расхождение: экспонат имеет четыре выступа, а не шесть и единственное логичное объяснение этому может быть в том, что автор заметки, описывающий оружие по памяти, допустил ошибку.

О статусе владельцев булав с уверенностью говорить затруднительно. Хотя и, как уже отмечалось выше, она была символом власти и принадлежала вождям, тем не менее, на арке Галерия ею вооружены рядовые воины. В захоронениях она также встречается в бедных погребениях иногда в качестве единственной вещи (149, стр.289). Причиной этого могла быть дешевизна изготовления булавы (материалом в равной мере является и камень, и бронза) и простота в обращении, что давало возможность пользоваться ей любому человеку даже незнакомому с военным делом. В то время как для профессиональных воинов она была нецелесообразна в виду тяжести и малофункциональности, данное оружие сосредотачивается в руках военных вождей с VII в., судя по археологическим находкам.

С другой стороны в захоронениях аланских вождей периода IX-XII вв. булавы отсутствуют, что может свидетельствовать о том, что в это время они теряют роль атрибута власти. Но с другой стороны ареал распространения данного оружия ограничивается горной зоной Центрального Кавказа, точнее Северной Осетии, а для периода IX-XII вв. в этих районах богатые аланские захоронения отсутствуют. Поэтому можно допустить, что булава в качестве оружия и знака власти употреблялась только в горной зоне Осетии.

Для XIII-XIV в. булава является церемониальным оружием, атрибутом царской власти (палица Ос-Багатара). Подобное положение сохранилось на Кавказе и в последующие века: так у Шамиля была палица и булава (333, стр.12). Такому сохранению оружия помимо его бытовых достоинств, способствовала вера в заговоры и заклинания. Эти заклинания делали, с одной стороны, оружие смертоносным, а с другой его обладателя – неуязвимым для противника (333, 1916, стр.12).

Упоминается палица и в Нартском эпосе в качестве оружия первого нарта, в виде дубины утыканной гвоздями (172, т.1, стр.52). Судя по вайнахским этнографическим материалам эти шипы перед боем смазывали сильнодействующим ядом (374, стр.94).

О булавах, как оружии элитарных воинов хетажей говорится в древнейшем памятнике осетинской литературы «Поэме об Алгузе» (171, стр.38). Для предотвращения выскальзывания булавы из руки, рукоять снабжают ременной петлей или шарообразным утолщением, играющим роль противовеса. Вероятно, подобные приспособления имелись и на аланских экземплярах, но что-либо определенное сказать невозможно, поскольку нет ни одной находки рукояти булавы.

В эпоху позднего средневековья вайнахские воины иногда имели несколько экземпляров палиц, используя их в качестве метательного оружия (374, стр.94). Часто булавы служили специально для того, чтобы только оглушать противника с целью захвата его в плен (374, стр.94).

Известны также археологические находки конца прошлого века древянных суковатых дубин, относящихся ко времени XIV-XV вв. (120, стр.138, 141). Оба экземпляра происходят из Нальчикского округа и по всей вероятности относятся к адыгским памятникам, однако они дают представление о длине подобного оружия (1-1,21м) и свидетельствуют, что подобное «грубое» оружие использовалось и профессиональными воинами (120, стр.138, 141).

Интересную гипотезу выдвинул А.Р. Чочиев, который указав на сходство наименований булавы и дротика (æstarc) в осетинском

языке, сделал предположение об их широком применении в качестве метательного оружия (381, стр.183).

КИСТЕНИ

Кистень (осет.: kobozgun) – ударное сложное холодное оружие, состоящее из гирьки на цепной или ременной связке, прикрепленной к рукояти (357, стр.47) (Табл.XXVI, 1). Для предотвращения потери в бою мог иметься темляк (195, стр.552).

Кистень по внешнему виду похож на плеть, но основной его ударной поверхностью является утяжеление, находящееся на самом конце гибкой части. Гибкое оружие гораздо опаснее, чем жесткое. Длина его может регулироваться по желанию владельца, оно легко огибает щит и жесткий блок, может захлестнуть и опутать человека и его оружие, а сила удара его конца обычно существенно выше, чем у жесткого оружия (184, т.2, стр.75).

С другой стороны, гибкое оружие имеет ряд особенностей, изрядно осложняющих работу им. Им нельзя сделать тычок – ему доступны только стреляющие удары после раскрутки; оно продолжает свое движение, когда рука его уже закончила, и не останавливается по воле хозяина в любой точке и в любой момент; на вращениях оно движется быстрее жесткого оружия, но при необходимости смены траектории движения делает это медленнее жесткого; оно более послушно инерции движения, и его легче сбить (184, т.2, стр.75).

Благодаря жесткой рукояти техника владения кистенем значительно облегчается, поскольку у него легче и удобнее контролировать направление движения гибкой части. С ее помощью легче менять направление движения. Самой рукоятью можно блокировать удары или наносить их в ближнем бою (184, стр.76).

Появление кистеней на северном Кавказе относится еще к эпохе кобанской культуры (280, стр.156, Табл.XXI, 12), однако ни в тот период, ни в раннеаланское время они не получают сколь-нибудь широкого распространения. Для аланского периода наиболее ранней находкой считалась боевая гирька из позднесарматского погребения, однако по мнению А.В. Крычанова, занимавшегося детально этим вопросом, данный бронзовый предмет является просто украшением (286, стр.66).

Гирьки кистеней и навершия булав очень похожи о форме и назначению и провести между ними четкую грань иногда не удается. Поэтому в данной работе к кистеням были отнесены экземпляры небольшого размера с узким отверстием.

Относительно широкое бытование, судя по археологическим находкам, этого вида оружия начинается с конца VIII – начала IX вв. и продолжается до X в. (286, стр.66). Материалом для изготовления в большинстве случаев служило железо, реже бронза и изредка свинец, кость и камень (В памятниках салтовских алан встречаются и биметаллические кистени – железная или свинцовая основа и бронзовая «рубашка» (286, стр.66)).

Форма кистеней самая разнообразная: шаровидная (Табл.XXVI, 6), яйцевидная (Табл.XXVI, 3), приплюснутая (Табл.XXVI, 8), грушевидная (Табл.XXVI, 9), биконическая (Табл.XXVI, 4, 5). В целом можно говорить о преобладании шаровидной формы. Единичны находки кистеней в форме квадратной в основании призмы со срезанными углами (Табл.XXVI, 12) и имевшего четыре перпендикулярно расположенных шипа (Табл.XXVI, 11).

Что касается способа крепления гирьки к ремню, то практически все экземпляры имеют сквозной долевой для пропуска жгута (Табл.XXVI, 2, 12) и лишь несколько – петлю для пришивания, отделенную от корпуса перехватом (Табл.XXVI, 13-14).

Основная масса кистеней происходит с территории салтовских алан, в то время как у кавказских алан они представлены лишь несколькими экземплярами. Зато, судя по находкам, на Кавказе этот вид оружия применялся дольше – так к XII в. относится мраморное яйцо кистеня из Нижнего Джулата (95, рис.6, 4).

В следствии слабой археологической фиксации кистеней в аланских памятниках Кавказа (Исключение составляет экземпляр из могильника у станицы Старокорсунской (погребение 45), который принадлежал профессиональному воину) (85) социальную принадлежность их владельцев можно проследить только по салтовским аналогам, судя по которым, данный вид оружия практически не использовался профессиональными воинами, и был достоянием широких масс населения (включая женщин) (286, стр.67). На Руси, к примеру, кистень стал символом разбоя (248, т.3, стр.52).

Поскольку в распоряжении исследователей имеются только гирьки от кистеней, говорить что-либо о конструкции этого оружия в целом можно только на основании ближайших аналогов (Рукоять кистеня обычно бывает длиной в предплечье, но иногда может быть и совсем короткой – немногим длиннее кулака. Длина, ширина, конфигурация цепи или соединительного ремня могла варьировать, но. Как, правило, не превышала 0,5м. (184, т.2, стр.84). Крепление гирьки к рукояти осуществлялось вероятно с помощью кожаных ре-

мешков, на продевание которых были рассчитаны долевые каналы и овальные отверстия петель. Лишь один из салтовских кистеней имел вместо ремня железную цепочку (286, стр.68).

Что касается способа ношения, то, по всей видимости, их подвешивали к поясу, кроме того, должен был иметься темляк для ношения на кисти руки.

Аланский археологический материал позволяет нам рассмотреть только один – «классический» вид кистеня, но не дает возможности выявить пуму – кистень, представляющий собой камень зашитый в кожаный мешочек, прикрепленный с помощью ремня к деревянной рукояти (357, стр.91).

Кистень может иметь несколько гибких частей (хвостов) (184, т.2, стр.76), но поскольку в аланских погребениях боевые гирьки встречаются всегда в единичном экземпляре (286, стр.68) можно говорить о наличии у данных племен этого оружия только с одним хвостом.

Внешнее сходство кистеня с плетью дало повод исследователям причислить первый к оружию конных дружинников (270, т.1, стр.65; 314, стр.43). Однако техника владения ими различается. Так кистенем гораздо сложнее делать стреляющие удары, захватывать противника, «опоясывать» его спину. Получается единичный, но очень мощный удар, который не опоясывает, а отшибает. Ударом кистеня можно легко промять шлем, особенно вертикальным или боковым ударом (184, т.2, стр.84). Как и плетью, им можно было работать на обратном хвате, атакуя спину противника в обход его защиты. Кистени часто называют оружием одного удара, поскольку им сложно защищаться, особенно, парировать (184, т.2, стр.84). если не удается сразу попасть по противнику, то потом с помощью этого оружия отбиваться от него очень сложно, особенно, на ограниченном пространстве. В отличие от плети, кистень практически не допускает парирования рукояткой, когда при постановке ею жесткого блока или отбива древко принимает на себя удар противника, задерживая его, а гибкая боевая часть, продолжая свое движение, наносит удар. В случае же с кистенем усилия блокирующей руки не достаточно для того, чтобы привести в действие тяжелую гирьку на конце кистеня.

В качестве оружия кистень дожил на Кавказе до XIX в. (333, стр.12), и еще до недавнего времени в Осетии (Дигории) считался эффективным средством ведения боя (381, стр.183).

БОЕВЫЕ ПОСОХИ

(Ярлыга и палка с набалдашником)

Боевой посох (осет.: lædzæg) – ручное ударное холодное оружие, состоящее из рабочей части (трости) и рукояти с навершием (357, стр.90). Как отмечает А.Р. Чочиев, первыми видами оружия, которыми святой Уастырджи учил людей воевать, были палка и камень, и у осетин они считались древнейшими видами оружия. Поэтому с палкой полагалось соблюдать те же нормы обращения, что и с другими видами благородного оружия: мечом и саблей (381, стр. 167). Являясь атрибутом исключительно пешего человека он не мог получить распространения не только среди аланских профессиональных воинов, но и в широких слоях населения. Боевой посох, таким образом, являлся оружием самообороны беднейших слоев населения, получив наибольшее распространение среди пастухов и чабанов (252, стр.166). К сожалению, археологический материал не дает возможности составить об этом вспомогательном вооружении представления, в отличие от роскошных посохов предшествующей кобанской эпохи (149, Табл.LXX 1, 2, рис.124). Зато, судя по материалам этнографии и нартскому эпосу, в схватках они использовались.

Можно выделить у алан две разновидности боевого посоха: это во-первых прямая деревянная палка, длиной в человеческий рост усиленная с одного конца металлическим набалдашником; во-вторых – деревянная палка с закругленным верхним концом чуть большей длины (Типа корейского боевого посоха чипхэнчй (357, стр.125)), называемый ярлыга (Табл.XXVII, 2).

Ярлыга упоминается еще в нартском эпосе (166, т.1, стр.135; т.2, стр.74) (осет.: kъахахæссæn – дословно приспособление для захвата ноги), используемая чабанами для ловли овец в их умелых руках могла сбить противника с ног или с коня.

На зарисовке осетина и ингуша сделанной экспедицией С.П. Палласа в XVIII в. наряду с другими предметами вооружения фигурируют «круглый щит с металлическими кругами и бляхой посередине и длинная сучковая палка, обитая сверху железом» (363, стр.100).

Подобного типа палки (хотя и несколько различающиеся по форме) можно видеть на многих изображениях народов Северного Кавказа (185, стр.16, рис.12; стр.58, рис.86), что указывает на широкое употребление этого оружия. На древность его указывает простота конструкции и упоминание его в нартских сказаниях под

названием «хъамуци» (166, т.2, стр.163; т.3, стр.41) (дигор.:). Как отмечал В.С.Уарзиати, реконструированная номинация ею (палки с набалдашником – С.А.) в вайнахских языках (арц) восходит к ираноязычному словарному фонду и имеется в современном осетинском языке со значением «копье» (363, стр.94).

4. Метательное оружие

К метательному относится оружие способное поразить противника на гораздо большем расстоянии, чем это можно сделать зафиксированным в руке оружием. Эта группа холодного оружия равно относится и к оружию боевых действий, и к оружию боевых искусств (184, т.2, стр.154).

Метательное оружие делят на три основные группы:

1) Условно метательное. Сюда относятся варианты обычного оружия – ножа, топора, копья и т.п., которые можно одинаково свободно использовать в ближнем бою и метнуть в противника. Как правило, предназначенные для метания варианты этого оружия легче и имеют иную балансировку: их центр тяжести смещен в сторону боевой части для того, чтобы при метании оружие втыкалось в цель именно ею (184, т.2, стр.154). В предыдущих разделах эти варианты были рассмотрены, поэтому здесь речь пойдет только о метательных ножах и дротиках.

2) Малое метательное. Это небольшие стрелки или лезвия, метаемые как голой рукой, так и с помощью какого-либо приспособления на относительно ближнюю дистанцию – максимум 50-75м, а в среднем – 10-15м (184, т.2, стр.154). В данном разделе будут рассмотрены попытки причисления к подобному оружию некоторых бытовых предметов характерных и для алан (Подобное оружие рассчитанное на внезапное поражающее действие и поэтому считающееся «тайным» не соответствовало аланской воинской культуре. Им пользовались не при крупномасштабных боевых действиях, а при выполнении спецзаданий (184, т.2, стр.154)).

3) Классическое метательное, то есть, что собственно и принято именовать метательным оружием: пращи, луки, арбалеты и т.п., предназначенные для ведения боя на значительной дистанции между противниками. Комплект такого оружия включает в себя приспособление для метания и комплект метательных снарядов к нему (184, т.2, стр.154).

Нельзя не коснуться статьи по поводу так называемого «метательного оружия» скифов (297, стр.121-126). Оставив в стороне скифские ножи и шила (не являющиеся метательным оружием уже по той простой причине, что их центр тяжести смещен к рукояти, а у некоторых экземпляров еще и имеется головка рукояти), подробно остановимся на баллистических и поражающих качествах зеркал, по размеру и формам аналогичных аланским зеркалам. Ссылка авторов на индийский метательный диск абсолютно не уместна – индийские чакры отличаются от зеркал и формой, и размерами, и материалом, и способом метания, и эффективностью (на расстоянии 30 ярдов чакра перерубала человеку шею) (248, т.2, стр.192). Скифское (аланское) же зеркало, даже при самом удачном броске (попав в лицо противника), могло оставить после себя только царапину. Следует также добавить, что традиционно метательные пластины предполагают наличие лепестков, лезвия и часть стабилизирующего отверстия в центре (357, стр.171) – все это отсутствует у зеркал, к тому же у них имеется ручка, замедляющая полет и дестабилизирующая пластину в воздухе. Таким образом, мы видим, что аланские зеркала никогда не являлись метательным орудием (можно было бы привести еще ряд доказательств этого, но, на наш взгляд, в этом уже нет надобности).

АРКАНЫ

Аркан (осет.: arqan) – длинная веревка со свободно затягивающейся петлей (357, стр.145) (Табл.XXVII, 1).

Этот вид вооружения имел массовое распространение у всех кочевых народов. Кочевники с детских лет учились обращаться с арканом, который был неотъемлемой принадлежностью скотовода и будучи брошенный умелой рукой мог не только лишить возможности двигаться вооруженного человека, сбросить его с лошади, но и задушить противника.

Источники по ранней истории алан сплошь пестрят сообщениями о виртуозном владении последних арканом. Так самое раннее и вместе с тем самое известное из них, описывающее набег алан на Закавказье в 68г., приводится сразу несколькими авторами. Иосиф Флавий (37 – около 100г. н.э.) рассказывает, что: «Царем Армении был Тиридат, который, выйдя им навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя. Именно, некто, издали набросил ему на шею аркан и приготовился уже притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку» (22, т. П, стр. 336). Амвросий (333-397г.) сообщает, что «... во время сражения он

(царь Армении Тиридат – С.А.) чуть было не попал от наброшенной петли живым во власть врагов, если бы не разрубил проворно очень острым мечом ужасного узла. Ибо аланы искусны, и у них в обычае накинуть петлю и опутать врага ... и для того, чтобы прикрыть подобной уловкой любимую привычку сражаться издали и способность убегать» (21, 1949, №4, стр.234).

Аланскую технику использования аркана в бою описывает Павзаний Периегет (70г. н.э.): «Когда им приходилось бороться с какими-нибудь неприятелями, то они набрасывали на них арканы, поворачивали своих лошадей и сваливали таким образом заключенного в петле неприятеля на землю, а потом убивали его». (8, стр. 129). Подобная тактика являлась оптимальной для разрушения сомкнутого строя противника (248, т.3, стр.18).

Моисей Хоренский (V в.) описывает похищение аланской царевны Сатиник армянским царем Арташесом при помощи «аркана из красной кожи с золотым кольцом» (43, т.1, стр.122). Письменные источники позднего времени не дают сведений об арканах, а в археологических памятниках сохраниться они не могут. Но делать из этого вывод о прекращении их использования в последующее время нет оснований исходя из ранее изложенных причин. Тем более, что в это время продолжает функционировать институт пленников, для захвата которых аркан был идеальным оружием.

По мере вытеснения алан в горную зону и деградации коневодства, они теряют навыки обращения с арканом. Так осетинские легенды и сказания практически не упоминают его, даже ловля диких лошадей осуществлялась героями исключительно голыми руками. Изредка аркан упоминается в нартском эпосе (166, т. 1, стр. 319, т. 2, стр. 317, 406, 416). И, хотя, в осетинской этнографии и фольклоре сохранились упоминания об аркане (175, т.1, стр.69; 252, стр.83, 122, 123), однако примеров какого-либо мастерства или сколь-нибудь широкого применения нами не зарегистрировано.

Материалом для изготовления аркана, помимо кожи служили волосы с подстриженных грив и хвостов лошадей (252, стр.83).

ДРОТИКИ

Дротик (осет.: æstarc) – древковое ручное метательное оружие на коротком древке. Состоит из наконечника и древка (357, стр.154). Иногда дротик может использоваться и для схватки в ближнем бою (184, т.1, стр.112). Дротик в умелых руках был мощным оружием, как это видно из рассказа ВалерияФлакка (2 пол I в.), о том, как царь

языгов Гесандр метнул «летучий дрот» и «смертоносная сталь пронзает грудь и страшные связью медные доспехи» противника (21, 1949, № 2, стр. 350)

Этот вид оружия распространенный в скифское время к началу аланской эпохи утратил популярность. Дротики сложно выделять из археологических находок, так как трудно провести четкую грань между ними и копьями с маленькими наконечниками с одной стороны и стрелами с крупными наконечниками с другой стороны. Относительно широко дротики использовались в раннеаланское время и представляли собой железные втульчатые наконечники листовидной формы с линзовидным сечением длиной около 12см (Табл.XXVII, 3, 4).

Интересна находка в Воздвиженском кургане римского пехотного дротика типа – pilum (пилум) (Табл.XXVII, 5). По всей вероятности подобный дротик был найден и у станицы Тифлисской (курган 10) I в. (368, Табл.XXIII, 1, стр.50) (Табл.XXVII, 6).

После V-VI вв. дротики не фиксируются в аланских материалах вплоть до X в., что дало повод исследователям утверждать будто в данный период они выходят из употребления (255, стр.41). Это на наш взгляд, слишком категоричное утверждение, поскольку дротик является оружием сугубо специального назначения, что с одной стороны, ограничивает сферу его распространения, но с другой не дает ему выйти из употребления полностью.

Начиная с X в. распространяются дротики с черешковыми наконечниками ромбовидной формы, ромбические в сечении, отличающиеся от стрел только более крупными размерами. Таким образом, мы наблюдаем другой подход к дротику: если в раннеаланское время к нему относятся как к небольшому копью, то теперь – как к крупной стреле.

Интересна находка целого дротика в Рим-Горе XI в. (Табл. XXVII, 7), имеющего длину 135 см (130, стр.204, рис.7, 6).

Мнение, что дротик являлся оружием исключительно пеших воинов (ополченцев) и метать его с коня неудобно (255, стр.42), не соответствует истине, поскольку немногие сарматские изображения воинов с дротиками рисуют их на лошадях (393, Табл.2, 1; Каталог изображений Сарматии № 38б и №40) (Табл.XXVII, 9), а археологические материалы указывают на принадлежность этого оружия профессиональным воинам. Среднее расстояние, на которое можно было метать дротики, составляло 30-40 м (184, т.1, стр.113). Однако с применением копьеметалки или специального ремня расстояние увеличивалось до 60-70 м. Использовались ли подобные приспособления аланами неизвестно, но, скорее всего, нет.

Пилум мог быть использован и для тычков на ближней и средней дистанции, и для метания. Металл наконечника был достаточно мягким и при втыкании в щит пилум плавно отвисал к земле. Длинный металлический наконечник нельзя было отрубить коротким мечом, и щит приходилось бросать, что означало верную смерть его владельца в условиях сражения сомкнутым строем. Дистанция броски могла быть совсем маленькой – пилум можно бросить почти в упор (184, т.1, стр.113).

В V-VI вв. фиксируется распространение дротиков с черешковыми наконечниками как уплощенной (Алиновский склеп (133, рис.2, 16)), так и трехлопастной (Печеринский склеп (133, рис.1, 16)), формы (Табл.XXVII, 8).

По всей вероятности костяным трехгранным наконечником дротика является экземпляр с Ильичевского городища вторая половина VI в. (Табл.). Его длина 0,128м, ширина двух граней около 0,001м, третьей – 0,0014м (118, стр.187, рис.1, 9).

ЛУКИ

Самым распространенным метательным оружием являются лук и стрелы. Лук (осет.: ærdyn) – механическое ручное метательное оружие для метания стрел, состоящее из древка и тетивы (357, стр.162).

Этот вид оружия был основным у восточных всадников и в среде алан выступал неотъемлемым атрибутом профессиональных воинов.

По конструкции луки делятся на простые, сложные и сложносоставные. Простыми называются те, чье древко состоит из цельного куска какого-либо материала, чаще всего дерева (357, стр.163). Аланские простые луки, вырезавшиеся из цельного куска лещины (256, стр.66, рис.4, 1), не являлись боевым оружием и, по всей вероятности, принадлежали детям (305, стр.47, рис.1, 1-4), хотя В.Н. Каминский указывает на один экземпляр VIII-IX в. как на боевой лук (256, стр.24).

Сложными называются луки, древко которых состоит из двух или более слоев однородных или разнородных материалов (357, стр.164), т.е. цельная деревянная основа (кибить) дополненная другими материалами (рогом, сухожильями, костью, берестой, кожей и т.д.) (305, стр.45, 47). Аланский археологический материал пока не дает находок подобных луков, однако, они должны были существовать в качестве переходного этапа между простыми и сложносо-

ставными луками. Так фрагменты подобного оружия имеются для могильников XIII-XV вв. на территории Чечено-Ингушетии и, судя по ним, длина луков превышала 1м (305, стр.47-49, рис.2).

Следовательно, говоря об аланских луках, мы будем иметь в виду сложносоставные, кибить которых состоит из нескольких отдельных деревянных частей (305, стр.47), чьи упругие свойства в нужных местах усилены или уменьшены сухожильями, пластинками из рога и обкладками из кости.

Сложносоставные луки получают распространение еще в скифское время. Получив название «скифских», они имели длину 60-70см (377, стр.21) (при этом у скифов существовали луки, доходившие в длину до 1м (312, стр.15), но они не получили в тот период широкого распространения).

К началу новой эры в вооружении и тактики степных кочевников происходят значительные изменения, вызванные резким увеличением количества тяжеловооруженных воинов, против которых скифские луки были малоэффективны (368, стр.33). Таким образом, аланы появляются на исторической арене с луками более мощной конструкции, хотя скифский лук некоторое время продолжает употребляться, судя по рельефу на колонне Траяна, I в. (Табл.XLVI, 2) и описаниям гуннами луков, оставленным Клавдием Клавдианом и Аммианом Марцеллином (IV в.): «В то же время как луки всех народов сгибаются из гнущихся древков, луки скифские..., выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок» (377, стр.19). Сильной стороной скифского лука была довольно большая отражающая способность при сравнительно скромных размерах, что, однако, оборачивалось и недостатком, так как главная нагрузка при натяжении и стрельбе падала на небольшую площадь гибких плеч. Поэтому лук был хорош для использования лишь коротких стрел (длиной около 60 см) с легкими наконечниками. Увеличения мощности подобного оружия можно было достичь путем увеличения размеров лука и применением костяных накладок.

Собственно благодаря совершенствованию скифского лука, с I в. Аланы имели на вооружении сложносоставной лук (этот тип продолжают именовать «гуннским», хотя неоднократно доказывалось, что у многих народов (в частности у сармато-алан) его появление не связано с гуннами), внешний вид которого поддается реконструкции по археологическим находкам его фрагментов. Отличительной чертой нового типа лука были его большие размеры. Длина в среднем

достигала 120-160см, поскольку для увеличения дальности и мощности требовалось удлинить гибкую поверхность (368, стр.31).

Аланский лук (для удобства будем так называть новую модель лука – С.А.) имел деревянную основу из нескольких кусков дерева, иногда различных пород (368, стр.30), к которым прикреплялись пластинки рога, сухожилия, костяные накладки и т.п. Характерной особенностью его являлось наличие костяных накладок, имевших целью сделать определенные части лука (рукоять и концы) негнущимися. Их бывает 6-7 штук: по две парные на каждый из концов и 2-3 в середине (Табл.XXVIII, 1, 2). На внутреннюю поверхность обычно наносили поперечно-косые насечки для лучшего приклеивания к дереву, а внешняя поверхность была гладкая. На концевых обкладках делались вырезы для тетивы, причем последняя крепилась наглухо только на одном конце с более длинными накладками (на одном из концов обкладки бывали длиннее), поэтому вырез здесь часто прямоугольной формы. На противоположный конец тетива натягивалась только перед стрельбой (чтобы не ослаблять лук постоянно держа его в натянутом положении) и для удобства натягивания петли вырез был полукруглым (368, стр.30).

Серединные накладки состояли из двух боковых подтрапециевидной формы, располагавшихся по обе стороны рукояти таким образом, что их широкое основание было обращено вперед. Между ними, обычно с задней стороны лука, располагалась третья накладка, ровная и узкая, с несколько расширяющимися концами (368, стр.30). Способ натягивания тетивы на аланском луке, по всей вероятности. Аналогичен скифскому, который иллюстрирует сцена на сосуде из Куль-Обы (Табл.XXIX, 1). Скиф присел на правую поджатую ногу, упер в бедро нижний конец лука, левая вытянутая нога легла на нижнее плечо лука, зафиксировав его. В правой руке он держит заканчивающуюся петлей тетиву, закрепленную на нижнем конце лука. Левая рука, в которой зажат верхний конец лука, с усилием сгибает его, подводя к петле тетивы (377, стр.111). В силу этого рукоять и концы лука становились негнущимися, в то время как плечи – весьма гибкие. Поскольку длина пар концевых накладок была неодинакова, гибкая поверхность каждого плеча оказывалась также различной и соответственно само оружие – асимметричным (368, стр.30-31). Для ранних аланских луков характерны практически прямые концевые обкладки (255, стр.14), что сближает их с гуннским луком (Табл.XXIX, 2). Так, по костяным обкладкам аланского лука IV в. из Танаиса, имевшего длину около 1,6м, была сделана графическая

реконструкция (Табл.XXIX, 3) (387). Однако утверждать, что подобная форма оружия являлась единственной для данного периода было бы неверно поскольку число костяных накладок могло колебаться – либо больше (по три на концах и в середине (368, стр.32), либо меньше, что могло компенсироваться роговыми накладками (368, стр.32), кроме того, обкладки могли вообще отсутствовать. С VI-VII в. изгиб концевых обкладок заметно увеличивается, серединные пластины сохраняют традиции прежнего времени, имея трапециевидную форму, но при этом появляются новые элементы в виде закругленности граней (255, стр.18). VIII-IX вв. представлены целыми тремя археологическими находками аланских луков из могильника Мощевая балка в отличном состоянии, что дает уникальную возможность наряду с привлечением серии фрагментов луков из различных скальных могильников, проследить все конструктивные их особенности для данного периода (Табл.XXIX, 4, 5; XXX, 1-3). Для двух луков автором были сделаны графические реконструкции боевого и натянутого положения (Табл.XXXI, XXXII). Полный набор костяных обкладок лука представлен в могильнике Клин-Яр III (кат.№29) конца VII – начало VIII вв. (151, стр.529, рис.3, 4-10) (Табл.XXVIII, 7), куда входили две парные концевые накладки длиной по хорде 26,5см с вырезами для тетивы (Табл.XXVIII, 7а,б) и серединные, состоящие из двух боковых, длиной не менее 16-17см и одной фронтальной, длиной около 13см (151, стр.529, рис.3, 4-10) (Табл.XXVIII, 7в,г). Все целые экземпляры представляют собой сложносоставные луки с накладками на деревянную основу (кизил, реже клен) изготовленные в технике так называемого предварительного напряжения, увеличивавшей дальнобойность оружия (рефлексивные луки). Деревянная основа длительно вымачивалась, будучи свернутой в кольцо – в направлении, обратному тому, которое лук получал в дальнейшем с натягиванием тетивы, когда он и приобретал свою форму (с центральным перехватом – рукоятью и двумя дуговидными плечами) (83, стр.31). При снятии тетивы лук возвращался в первоначальную позицию, изгибаясь в обратную сторону – так называемое походное положение, в котором и находятся найденные луки. Таким образом, лук при снятой тетиве сильно выгнут наружу (а) (Табл.XXXIII, 1), при ее установке он должен изогнуться внутрь (а') (Табл.XXXIII, 1), после чего он готов к использованию, так называемое боевое положение. При натягивании тетивы рога лука должны еще больше отойти назад в положение (а'') (Табл.XXXIII, 1), благодаря чему и без того сильное натяжение увеличивается еще больше, до предела упругости матери-

алов, из которых лук сделан (195, стр.283-284). Вырезанные отдельно две половины деревянной основы соединялись в области рукояти различными способами (В.Н. Каминский выделяет четыре способа (255, стр.10-12, рис.24)). Склейка деталей лука производилась при помощи клея темно-коричневого цвета, очевидно, приготовленного из рогов и копыт молодняка крупного рогатого скота (260, вып.170, стр.48). Для придания луку большей упругости и в связи с тем, что наибольшее напряжение при стрельбе возникает на спинке, ее укрепляли продольно приклеенными сухожилиями от середины одного до середины другого рога. В области рогов концы сухожилий заклеивались сверху полоской кожи, а у основания рога кольцеобразно наносили второй кожаный слой. Полоска кожи приклеивалась поверх сухожилий и там, где они проходили через рукоять. Кожаное покрытие иногда окрашивали охрой. С внутренней стороны плечи усиливали роговыми обкладками, выполнявшими роль пружины (260, стр.48). Деревянная основа рукояти – перехвата имела прямоугольное сечение, и с внешней стороны к ней клеили сухожилия, а с внутренней – крепилось соединение роговых обкладок, усиливавших плечи. С боковых сторон перехват усиливали костяными обкладками, после чего всю рукоять обклеивали берестой. Рога луков для жесткости и большей массивности, которая гасила вибрацию, имели треугольное сечение. С трех сторон их усиливали костяными обкладками. На двух боковых сторонах делали вырезы для тетивы. Такие луки, имевшие четыре работавших на излом узла, где возникало критическое напряжение при стрельбе, в этих точках дополнительно усиливались обмоткой из сухожилий (260, стр.48-49). Кроме того, лук обклеивали берестой для предохранения от воздействия влаги (256, стр.66) (Табл.XXVIII, 1-6). Длина аланских луков колебалась от1,2 до 1,5м, поскольку их размеры определялись ростом и физической силой владельца (260, вып.170, стр.49). Особенность находок аланских луков заключается в том, что угол между рогом и плечом на одном конце на 10-15о больше угла на другом (260, вып.170, стр.50). В.Н. Каминский, исследовавший луки, отмечал, что это связано не с их деформацией, а с тем, что при подготовке к стрельбе стрела устанавливалась в верхней части перехвата и, таким образом, смещалась от центра лука вверх. В результате этого пятка стрелы делила тетиву (точнее, и весь лук) на два рычага, один из которых был длиннее другого. Большой рычаг сообщал большую силу, которая и смещала стрелу при пуске. Чтобы уравновесить эти рычаги, и увеличивали верхний угол между плечом и рогом (260, вып.170, стр.50). Луки с

меньшим числом обкладок второй половины VIII-IX вв. представлены тремя типами из древностей салтовских алан (Табл.XXX, 4-5). К первому типу относятся луки только со срединными боковыми овальными накладками (Табл.XXX, 4). Второй тип характеризуется одной непарной плечевой фронтальной накладкой (121, стр.69) (В.Н. Каминский считает, что подобные луки не могли существовать ввиду нарушения баллистических свойств оружия из-за такой асимметрии (255, стр.27), но, возможно, подобная накладка как раз была призвана устранить несбалансированность плечей лука). К третьему типу относятся луки, укрепленные всеми тремя видами накладок (Табл.XXX, 5), причем концевые пластины расположены только по одной на каждом роге, в плане они овальные, фронтально изогнутые, в разрезе треугольные (121, стр.69-71). Единственная неточность в реконструкции С.А. Плетневой в том, что плечевые фронтальные накладки не могут быть костяные (они бывают роговые), поскольку в этом случае плечи лука стали бы негнущимися.

После X в. намечается тенденция увеличения размера и массивности лука, что, по мнению В.Н. Каминского, было обусловлено утяжелением стрел, приспособленных теперь для пробивания кольчуги (255, стр.24-25). Это нашло отражение прежде всего в увеличении количества (до 9 штук) и размеров костяных обкладок (концевых) (Табл.XXXIII, 2). Новое в конструкции лука проявляется в появлении овальной в сечении рукояти – перехвата, которая использовалась наряду с продолжавшей бытовать прямоугольной в сечении рукоятью. Костяные обкладки рукояти становятся дуговидного сечения и прямыми по всей длине (255, стр.25). Происходят изменения и в конструкции рогов: они укорачиваются, что находит выражение в изменении формы концевых накладок, ставших более округлыми в сечении, более широкими и вместе с тем уменьшившиеся по длине (255, стр.26) (Табл.XXXIII, 3).

В X-XII вв. традиция украшения оружия коснулась и луков, которые стали обтягивать не только берестой, но и тканью и кожей, украшенной золочеными бляшками (97, т.1, стр.112).

К сожалению, луки последующих веков, еще в прошлом столетии в изобилии заполнявшие средневековые осетинские святилища (296, стр.7) и склепы, на сегодняшний день для науки безвозвратно утрачены. Поэтому для периода XIII-XV вв. мы попытаемся проследить основные направления их развития по находкам луков из склеповых могильников Ингушетии, поскольку они должны соответствовать позднеаланским образцам вооружения.

Основная черта всех этих луков – отсутствие костяных накладок (305, стр.49-57), что, естественно, влекло уменьшение мощности лука из-за исчезновения жестких узлов конструкции в критических точках (Табл.XXXIII, 4, 5).

Попытка усиления мощности лука путем создания предварительного напряжения без длительного вымачивания согнутой в кольцо привели к появлению луков, кибить которых состояла из пяти частей: вырезанных из отдельных кусков дерева рукояти, двух плеч и двух рогов (305, стр.54-57) (Табл.XXXIII, 4).

Тетивы от аланских луков до нас не дошли, но судя по ближайшим аналогам с Кавказа, они изготавливались из тонко скрученного сыромятного ремня (диаметром 0,3см), жил или кишок (305, стр.58).

Спущенная тетива оставалась на другом конце лука, либо, как и запасная, помещалась в специальном клапане на горите (83, стр.32), или в мешочке-кисете на поясе (305, стр.58).

В монгольскую эпоху, допустимо говорить, очевидно, о деградации в изготовлении и соответственно использовании лука. Объяснением этому может служить ряд причин. Для изготовления сложносоставного лука необходимо обладать развитым земледельческо-скотоводческим хозяйством, поскольку там используются рог, кость, сухожилия животных, а варка клея и соблюдение достаточно сложного технологического процесса трудно реализуются в кочевых условиях (184, т.2, стр.170). Кроме того, чтобы воспитать большой контингент лучников, нужен не только хозяйственно-культурный тип с преобладанием охоты или пастушеского скотоводства, но и достаточно высокий уровень личной свободы индивидуума, поскольку многочисленные изнурительные обязанности его по отношению к властям не оставляют ему достаточно свободного времени для тренировки (184, стр.170). Аланы, с XIII в. поставленные в экстремальные условия высокогорья, должны были вскоре утратить навыки изготовления и владения таким луком.

Помимо этого, для изготовления подобного лука требовался искусный мастер. Специалисты даже сравнивают навыки изготовления лука с работой срипичных дел мастера (как по знанию свойств древесины, клея, пропитки и т.д., так и по длительности работы – несколько лет, – а умение стрелять из лука – с навыками скрипичной игры (248, т.4, стр.351). После длительного вымачивания деревянную основу, слои рога, вареных сухожилий, кости и дерево склеивали под сильным прессом, после чего обработанный вчерне лук подвергали

специальной просушке в течении нескольких лет. Для защиты от сырости лук обтягивали берестой или тонкой кожей (307, стр.21). Только благодаря рациональной комбинации используемых материалов можно было достичь столь высокой эффективности сложносоставных луков (195, стр.284) (дальности – за счет упругости материалов и точности – за счет сбалансированности плеч лука).

Сила натяжения подобных луков достигала 60-80кг, а иногда и больше. Выпущенные из них стрелы пролетали дистанцию в несколько сот метров, а на расстоянии до ста метров пробивали бездоспешного человека насквозь и прошивали кольчугу и не очень надежный пластинчато-нашивной доспех (248, т.4, стр.150-151).

Как не упомянуть позднесредневековую «Поэму об Алгузе», где узнаешь, что отправляясь на войну, каждому человеку надлежало иметь два крепких лука (171, стр.71).

НАЛУЧЬЯ И ГОРИТЫ

Для ношения лука и защиты его от колебаний погодных условий использовались специальные футляры (осет.: ærdyston). В зависимости от того положения, в котором находился лук при переносе, они разделялись на налучья, предназначенные для лука в походном положении, т.е. со спущенной тетивой, и гориты – для лука в боевом положении, т.е. с натянутой тетивой.

Изображения налучий в аланских древностях отсутствуют, а археологические находки редки вследствие их плохой сохраняемости в погребениях. Тот факт, что наиболее ранние их находки относятся к VII в., не может служить показателем их отсутствия в последующие века, поскольку сложносоставные луки нельзя носить только с натянутой тетивой, а для этого нужны налучья.

Прекрасно сохранившиеся налучья VII-IX вв. позволяют нам детально ознакомиться с этим видом воинского снаряжения. Их делали из кожи и по форме они повторяли очертания лука со спущенной тетивой (Табл.XXXIV, 1-2). Средние их размеры: в длину 1,1-1,4м, в ширину 0,11-0,13м (255, стр.138). Внутри налучий могли вставляться вкладыши из мягкой кожи как по всей их длине, так и только в верхней части (255, стр.138). Наружний чехол налучья шился из прочной кожи толщиной от 1 до 2,5мм. Внешняя его сторона тщательно выделывалась и окрашивалась черной или коричневой краской (255, стр.138).

Для удобства извлечения лука верхняя часть налучья на 1/3-1/4 длины имела разрез, расположенный с внутренней стороны дуги

(255, стр.139).

Носили налучья с левой стороны пояса при помощи двух железных или бронзовых петель, закрепленных с внешней стороны изгиба. Одна петля располагалась напротив нижнего конца разреза, вторая – где-то в районе нижней трети налучья (255, стр.139-140).

Несмотря на то, что в аланское время гориты уже не используются в качестве колчана для стрел, как это практиковалось в скифское время, судя по имеющимся изображениям, раннеаланские гориты сохраняют черты предыдущей эпохи. Так, несмотря на значительное увеличение в длину, гориты представляют собой футляры с практически прямыми сторонами трапециевидной формы (Табл. XXXV, 3-4).

В более позднее время наблюдается тенденция повторения горитом формы находящегося в нем лука (Табл.XXXV, 1). Это привело к тому, что на смену жесткой конструкции горита пришли гориты полностью из кожи (Табл.XXXV, 2, 5, 7; XXXVI, 1), хотя жесткий каркас футляра продолжал иметь место (Табл.XXXV, 6). Верхний край гориты мог теперь иметь любую форму, а нижний делают закругленным.

Длина горита, как правило, немногим больше половины длины лука, около 57-60см и он таким образом повторял форму одной половины лука в боевом положении (255, стр.141). Эта форма, судя по изображениям, сохраняется и у позднеаланских горитов (Табл. XXXVI), а на Северном Кавказе она доживает до XIX в. (185, 1995, рис.56).

С тыльной стороны гориты часто имели клапан круглой формы, затянутый шнурком, для хранения запасной тетивы (83, стр.32, фото 16) (Табл.XXXV, 2, 5; XXXVI, 1).

Крепились гориты ремнем за две кожаные или металлические петли, одна из которых находилась в верхнем углу, другая – в месте изгиба горита по форме лука (260, стр.50). Судя по Эткскому изваянию, их носили на левом боку поверх сабли, перекрещиваясь с последней (Табл.XXXVI, 2).

Что касается больших деревянных горитов, предназначенных и для переноски стрел, которые носили за спиной или приторачивались к седлу, то мнения исследователей по поводу их существования расходятся. Если Милованов Е.А. и Иерусалимская А.А. на основе деревянных фрагментов из могильника Мощевая Балка говорят о возможности их существования, то Каминский В.Н., также изучавший их, доказывает обратное (255, стр.143). Приняв во внимание

аргументы последнего, заметим, что, во-первых, подобная форма горита в период VII-IX вв. (вышеупомянутый могильник относится к этому времени – С.А., – уже не характерна для комплекса вооружения вообще, во-вторых, она не имеет смысла, поскольку большие колчаны со стрелами должны были быть только запасными, следовательно, и лук, находящийся там, должен быть запасным, однако держать последний в боевом положении нелепо.

После X в. наблюдается тенденция использования горита в качестве футляра для стрел (68, стр.79, рис.14, 7; Кузнецов В.А., стр.92, 115) (Табл.XXXV, 6). Богато орнаментированные серебряным шитьем и мелкими бронзовыми бляшками (68, стр.79, рис.14, 7; 97, стр.92, 115) фрагменты этих горитов убеждают нас, что в свое время они являлись удивительными по красоте вещами.

КОЛЬЦА ДЛЯ СТРЕЛЬБЫ ИЗ ЛУКА

Кольцо или наплечник, надеваемое на большой палец правой руки и предназначенное для облегчения натягивания тетивы лука при стрельбе монгольским способом (Табл.XXXVII, 5; XXXVIII, 1-2), поскольку указательный палец испытывает сильный нажим тетивы.

Подробно этот способ стрельбы будет рассматриваться в следующей главе, здесь же поговорим только о кольцах. Их археологические находки единичны, что можно объяснить рядом причин: во-первых, кольца часто изготовлялись из органических материалов (дерево, рог, кость), плохо сохраняющихся в погребении, во-вторых, идентифицировать данный предмет чрезвычайно сложно (Его форма очень разнообразна, это может быть широкое кольцо, перстень с углублением для тетивы, овально-вытянутые, наперстковидные и т.п.) иногда и специалисту.

Самой ранней находкой является экземпляр из с. Донифарс (Северная Осетия) VII-IX вв. (149, 1900, стр.207, рис.177, 178). Это костяное кольцо с удлиненным придатком, имеющим круглое отверстие для подвешивания на одном конце (Табл.XXXVIII, 4-5). Сужаясь с одной стороны и расширяясь с другой, оно должно было плотно охватывать нижнюю часть кольца. При виде сбоку кольцо представляет изогнутую фигуру, стенки которой покрыты неправильно расположенными круглыми отверстиями (149, стр.207, рис.207). Своеобразие формы кольца, аналоги которому нам известны, дает возможность говорить о специфической форме аланских колец для стрельбы из лука. Однако предохранительные кольца употреблялись

в основном воинами с очень мощными луками (а не наиболее состоятельными воинами, по мнению некоторых исследователей (345, стр.77)), в то время как основная масса лучников использовала кожаные наплечники и перчатки и, кроме того, загрубелая кожа пальцев часто могла обходиться и без них (183, стр.374).

Возможно, роль предохранительных колец играли и металлические наперстки, получившие широкое распространение в позднеаланское время.

Судя по вайнахским аналогам, в XIII-XV вв. получают распространение железные кольца овальной и овально-вытянутой формы (375, стр.77) (Табл.XXXVIII, 3) персидского типа (183, стр.371).

СТРЕЛЫ

Стрела (осет.: fat) – метательный снаряд, приводимый в движение с помощью лука. Состоит из древка, наконечника и оперения (357, стр.177). развитие лука и стрел является фактически единым процессом, предполагающим их совместный анализ (305, ст.58). Длина стрел находилась в зависимости от величины лука и степени его изгиба при боевом натяжении (307, стр.21). В I в., когда большинство аланских воинов имела на вооружении небольшие сложные луки. Длина древков стрел, судя по археологическим находкам не превышала 60см при толщине 4-5мм. Основания стрел имели грушевидные утолщения до 6мм для удобства держания стрелы пальцами при натяжении, с вырезом для тетивы (368, стр.42) (Табл.XXXIX, 1). Для правильного полета стрела должна была уравновешиваться на границе первой трети ее длины (307, стр.21). Конец древка и подгонялся к диаметру втульчатого наконечника. Древки стрел в раннее раннеаланское время изготовлялись из березы, клена, тополя, тростника (в этом случае вырезка делается не в нем а в кусочке плотного дерева и судя по сообщению Страбона из ели (368, стр.42). Имеются находки костяных ушков стрел из погр. 2 кургана «Рошава Драгана» (66, стр.43).

Древки окрашивались в различные цвета, так нижний конец с вырезом для тетивы обычно красился в красный цвет, а сами древки покрывались красными, зелеными, синими и белыми полосками (368, стр.42).

Аланские стрелы снабжались перьями (вероятно беркута), прикрепленными в три ряда при помощи тонкой узкой кожицы обернутой несколько раз вокруг древка (368, стр.42). Перья крепились ближе к заднему концу стрелы, но на некотором расстоянии от него

(чтобы не мешать при держании пальцами ушка). Оперение стрелы преследовало задачу облегчить ее задний конец сосредоточив центр тяжести в переднем и стабилизировать снаряд в полете (183, стр.377). От места нахождения оперения на древке по отношению к ушку зависят точность боя и скорость полета стрелы: близость к ушку обеспечивала точность выстрела, а удаление ее к наконечнику – быстроту полета и, следовательно, ударную силу (377, стр.24).

О применении отравленных стрел в раннее время сообщают античные авторы. Так Овидий неоднократно упоминает сарматские колчаны полные ядовитых стрел (21, 1949, №1, стр.232, 234, 235, 240). Вероятно, об этих ядах писали в скифское время: Гай Плиний Секунд: «Скифы напитывают стрелы ядом випер и человеческой кровью... Такая стрела немедленно причиняет смерть, даже при легком прикосновении» (21, 1949, №1, стр.312). Клавдий Элиан: «Говорят, что скифы к яду, которым намазывают стрелы, примешивают для приправы человеческую сукровицу, которую собирают поверх крови» (21, 1949, №1, стр.224). Известные с глубокой древности яды, получаемые из гниющих змей, жаб или разлагающейся человеческой крови оказывали смертельное действие даже при нанесении небольшой царапины отравленной стрелой (307, стр.26). Вероятно, применялись и растительные яды.

В схолиях к труду Никандра «Противоядия» (II в. до н.э.) говорится о яде, называемом скифским: «... лучным называется такой яд потому, что он подобно стрелам убивает немедленно ...: скифы стреляя из луков, намазывают им наконечники стрел, ... он называется скифским ядом» (377, стр.122). Подробно об этом яде говорится у одного из учеников Аристотеля в сочинении «О чудесных слухах». «Рассказывают, что скифский яд, которым пропитывают стрелы, добывается из ехидны. Скифы ... подстерегают ... детенышей, ловят их и оставляют гнить несколько дней, когда им покажется все достаточно сгнившим, они наливают человеческую кровь в горшочек, закрывают его и зарывают в навоз, а когда и это сгниет, то водянистый отстой, образующийся над кровью, смешивают с гноем ехидны и делают смертоносный яд» (377, стр.122).

С II в., в связи с увеличением размеров лука, увеличивается длина стрел (368, стр.42), но подробнее говорить об особенностях конструкции последних нет возможности из-за недостатка археологических материалов. Только после VII в. благодаря большому количеству археологических находок можно наблюдать все особенности аланских стрел (Табл.XXXIX, 2-5).

Длина стрел изменяется в пределах 60-90см в длину и 0,7-1см в толщину. Такое широкое колебание позволило В.Н. Каминскому предположить существование деления стрел на две группы: 1) короткие и толстые с бронебойными наконечниками, предназначенные для стрельбы на близкие расстояния; 2) Длинные и тонкие служащие для поражения на дальних дистанциях (260, стр.50). Подобное объяснение различия в длине стрел их назначением, на мой взгляд, не имеет оснований, поскольку лучник натягивает лук всегда на одинаковое расстояние (зависящее от его физических возможностей и параметров лука) и соответственно длина его стрел сугубо индивидуальна. Наличие же, в одном колчане стрел разной длины объясняется широким обменом стрелами в ходе сражения, когда лучник подбирал вражеские метательные стрелы, чтобы пополнить свои запасы.

Все аланские стрелы имеют веретенообразную форму, утончаясь к концам древка. Материалом для них служили береза и ясень (260, стр.50). На одном конце вырезалась пятка с прорезью для тетивы, в 15-25 мм от которой по окружности вырезалось углубление для удобства удержания стрелы пальцами (255, стр.28). Для предотвращения соскальзывания пальцев при натяжении, данные вырезы дополнительно обматывались сухожилиями.

Для крепления деревянного наконечника в торце древка высверливалось отверстие и после его установки древко на этом конце обматывалось сухожилиями для предотвращения раскола стрелы при ударе в цель. Диаметр древка стрел возле наконечника определялся диаметром упора на наконечнике. Это уменьшало сопротивление воздуха и увеличивало скорость полета стрелы (260, стр.50). У некоторых стрел XI-XII вв. поверх обмотки из сухожилия имелась обклейка берестой, предохранявшая от воздействия сырости (260, стр.29).

Аланские стрелы имели трехперое оперение длиной от 10 до 15см (длина зависела от размеров и веса наконечника стрелы), изготовляющееся следующим образом. Перо расщеплялось так, чтобы 1/4 стержня оставалась вместе с опахалом. После этого последнее приклеивалось к древку. Концы стержней оперения дополнительно обматывали жилами или конским волосом (260, стр.50). Для оперения использовались маховые перья крупных птиц (орла, коршуна и т.п.). Судя по фольклорным данным, оперение стрелы (т.е. перья какой птицы использовались для него) у народов Северного Кавказа являлось показателем принадлежности ее владельца к определенной социальной и половозрастной группе (305, стр.74). Перья выбирают-

ся такие, чье опахало прямо, достаточно плотно (жестко) и не попорчено (не измято), поскольку помятые перья мешают полету стрелы (183, т.3, стр.378).

В некоторых случаях оперение спускалось до выреза для пальцев на пятке стрелы и слегка загибалось дугой (260, стр.50) (Табл. XXXIX, 7). Стрелы оперенные таким образом, получают способность описывать при полете спираль. Подобно пуле, выпущенной из нарезного ружья (183, т.3, стр.378). Это придавало снаряду большую точность.

В других случаях оперение было прямым и высоко поднятым над пяткой (255, стр.50) (Табл.XXXIX, 6). Оно тоже было асимметричным для придания стреле вращательного движения (255, стр.29).

Что касается окраски стрел, то, где-то, с VII в. пятку и древко возле наконечника начинают красить только в синие цвета. Впрочем, раскраска стрел не получила широкого распространения в аланской среде (255, стр.28-30). Также не нашли применения стрелы являвшиеся своеобразными визитками владельцев: единственная подобная находка стрела из Мощеной Балки (VII-IX вв.) с тамгообразным знаком «Х» (260, стр.50).

В позднеаланское время для изготовления древка стрел применялся граб на что указывает и его осетинское название fatqæd – «дерево для стрел» (381, стр.182; 175, т.1, стр.425).

Однако ксилотомический анализ стрел из средневекового святилища Реком показал несколько иные результаты. Из исследованных 489 древков доминирующим материалом был клен – 424, семейство розоцветных – 39, тополь – 13, граб – 4, береза, ясень, бук – по 3 (296, стр.36). Кроме того стрелы изготовляли из камыша, судя по стрелам из святилища Реком (32, т.III, стр.78). По всей вероятности в монгольскую эпоху некоторые стрелы начинают снабжать четырехлопастным оперением (пример те же стрелы из Рекома (32, т.III, стр.78)). Подобная тенденция наметилась в то время у вайнахских племен и, по мнению исследователей, объяснялось распространением плоских и граненых наконечников с относительно низкими баллистическими качествами, для компенсации которых и требовалось четырехлопастное оперение (305, стр.60, 75, рис.8, 7-9).

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Наконечники стрел в осетинском луке носят название ærttigъ – «трехгранник» (381, стр.182), что, как будет видно из последующе-

го материала, свидетельствует о древности этого названия поскольку трехгранные наконечники стрел выходят из массового употребления уже к VIII в., а в более позднее время не употребляются.

Коренные изменения в сарматском комплексе вооружения, в метательном оружии нашло отражение в вытеснении небольших втульчатых наконечников стрел (общей длиной около 4-5,5см при длине пера 2-3см) черешковыми (368, стр.38). Втульчатые наконечники, продолжавшие бытовать у алан до конца I в., в основной массе были трехлопастные (Табл.XL, 1, 4, 5) хотя имелись экземпляры четырехгранной формы, более длинные и узкие (48, стр.150, рис.59, 9) (Тбл.XL, 2) и пулевидные (48, стр.150, рис.59, 10; 47, стр.23. рис.3, 46) (Табл.XL, 3). Из втульчатых наконечников разных форм с лавролистной, подтреугольной и треугольной головкой выделяются несколько экземпляров трехлопастных края которых опущены и образуют шипы (61, стр.177, рис.1, 10) (Табл.XL, 5). Подобные наконечники обладали повышенной неизвлекаемостью и такую стрелу часто можно было вытащить только с противоположной стороны, проткнув человека насквозь (184, т.2, стр.171).

Наибольшее распространение имели железные черешковые трехлопастные наконечники (Табл.XL, 6-9), реже встречаются трехгранные со слабо выраженными лопастями, еще реже – просто трехгранные (47, стр.23).

Прочие разновидности, не получившие широкого распространения, по своим поражающим способностям не отличаются от трехлопастных, рассчитанных на слабозащищенного доспехами противника. Изготовление из железа черешковых наконечников было значительно проще чем втульчатых, что и послужило причиной вытеснения первыми вторых. Ранние черешковые наконечники у алан продолжают сохранять небольшие размеры, но уже во II-IV вв. они увеличиваются (368, стр.39), что соответственно увеличивало убойную силу стрел. По-прежнему продолжают преобладать наконечники с лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (368, стр.40) (Табл.XL, 6, 7).

Бронзовые втульчатые двух- и трехлопастные наконечники стрел, имевшие массовое распространение в скифскую эпоху (312, 1964, стр.16), продолжают встречаться в аланских погребениях единичными экземплярами вплоть до V-VI вв. (133, стр.237, рис.3, 4) (Табл.XL, 10-13). Как считают некоторые исследователи подобные наконечники использовались аланами не в качестве оружия, а как амулеты (75, стр.10; 48, стр.151).

Античный автор Павзаний Периегет (70г. н.э.) сообщает, что в связи с нехваткой железа сарматы изготовляли наконечники стрел из кости (8, стр.129) Однако число находок аланских костяных наконечников очень невелико, но форма их очень разнообразна. Основная их масса черешковые ромбические (48, стр.13, рис.4, 5-8) (Табл.XL, 14), но есть треугольные (368, стр.41) (Табл.XL, 16) и прямоугольные (255, рис.4) в сечении с листовидной и треугольной головкой. Втульчатых наконечников значительно меньше в сечении они ромбические (255, рис.4) и квадратные (75, катакомба 219/1) (Табл.XL, 16).

Особенностью боевого применения костяных наконечников является то, что, вонзаясь в тело, они сами по себе часто ломались, оставляя в ране свои части, что способствовало активизации воспалительного процесса (184, т.2, стр.172). После V-VI вв. костяные и бронзовые наконечники в аланских памятниках не встречаются (Исключением является бронзовый втульчатый наконечник стрелы из Тарского могильника (катакомба 14) (89, стр.262, Табл.XIII, 5)). В период V-VI вв. получает распространение только одна форма стрел: железные черешковые трехлопастные с ромбическим пером (Табл.XL, 17, 22). Исключение составляют стрелы из могильника Октябрьский (курган 2), IV в.: это втульчатый наконечник с ромбическим пером (Табл.XL, 18), черешковые с фигурным (Табл.XL,19) и листовидным (Табл.XL, 20) перьями (50, стр.9, 13, рис.4, 10-12); и из «Мокрой балки», VII-VIII в. – черешковые трехлопастные с опущенными крыльями, образующими шипы (127, стр.132, рис7) (т.н. невозвратные наконечники) (Табл.XL, 21).

С VIII в. изменения в военном деле у алан начали сказываться и на форме наконечников стрел. Трехлопастные наконечники были сильно потеснены другими типами, которые в это время появляются в огромном количестве. Это связано с возникшей необходимостью специализации поражающего воздействия стрел, в то время как стрелы с трехлопастными наконечниками были универсальными и не отвечали эти потребностям. Изменения в наконечниках затронули в первую очередь сечение их пера, т.е. ударную (проникающую) часть наконечника стрелы, несшую основную функциональную нагрузку, конфигурацией которой и определялись основные свойства наконечников (305, стр.75).

Попытки приспособить трехлопастные наконечники для пробивания кольчатого доспеха привели к появлению наконечников с боевой головкой трехгранной в верхней и трехлопастной в нижней частях (157, стр.109, рис.30, 1) (Табл.XL, 23). Стремление к увеличению пробивающей способности привело к созданию так называемых

бронебойных наконечников эффективных против противников в доспехах, которые он легко пробивал. Эта группа оружия, появившаяся в VIII в. и получившие наибольшее распространение в IX-X, представлена узкими граненными наконечниками в сечении треугольными (153, Табл.IX, 10) (Табл.XL, 24), ромбическими (79, Табл.XVI, 2) (Табл.XLI, 1), квадратными (256, рис.6, 11) (Табл.XLI, 2), многогранными (255, рис.3. IX, 1) и круглыми (256, стр.65, рис.6, 5) (Табл.XLI, 3). Бронебойные стрелы, судя по археологическим находкам составляли около 20% стрел аланского лучника, т.е. по 1-2 штуке в колчане. Большинство же наконечников стрел имело уплощенную форму и сечении было линзовидным (157, рис.21, 9) (Табл.XLI, 4), уплощно-ромбическим (136, рис.4, 1) (Табл.XLI, 5) и уплощенно-шестигранным (130, рис. 7, 2) (Табл.XLI, 6). Формы их боевых головок сохранились от предыдущего времени и продолжали преобладать наконечники с ромбическим пером (Табл.XLI, 7). Подобные стрелы были эффективны для поражения противника слабо защищенного доспехами и наносили более широкие раны (184, т.2, стр.171).

В VIII в появляются и наконечники стрел вилкообразной формы (Табл.XLI, 8) выделяющиеся очень крупными размерами (длина до 21см). (Каминский В.Н. и Каминская-Цокур И.В. относят их появление к X в. (256, стр.66), хотя такие наконечники имеются в аланских памятниках VIII-IX вв. из Кобани (149, Табл.XLVIII, 1) и Хулана (157, рис.21, 12, 13)). Лезвийная часть у них располагалась с внутренней стороны вилки. Подобная форма наконечников получает распространение после X в. и даже оставила след в Нартском эпосе, где этими стрелами нарты срезали колосья пшеницы (166, т.2, стр.485, 487). В эпосе подобные стрелы описываются как: «сæ фæтты бырынчъытыл садæил æрцытæ» (166, т.1, стр.426) («на концах стрел раздвоенные копья») и носят название «садæил фæт» (166, т.1, стр.423) («раздвоенная стрела»). В материалах осетинской этнографии они сохранились под наименованием synægdih – «вильчатый, подобный раздвоенным бедрам» (381, стр.182). Стрелы с подобными наконечниками (в колчане лучника обычно бывало не более одной такой стрелы) применялись для подрезания или срезания небольшого диаметра предметов (к примеру веревок) (184, т.2, стр.171), что и дало повод именовать эти наконечники срезнями. Считается, что основное применение подобная форма получила на охоте. Однако помимо охотничьих целей вильчатые стрелы могли использоваться и в бою, для поражения лошадей противника. Обычные наконечники не могли, как правило, сразить коня, в то время, как массивный

вильчатый срезень, нанося глубокую и широкую рану и перерезал сухожилья, выводил лошадь из строя (автор выражает глубокую признательность Дзуцеву Ф.С. за данную идею).

Другим видом срезней являются лопаткообразные плоские наконечники с расширенной прямой (119, стр.150, рис.45, 2) (Табл.XLI, 9) или полукруглой (149, Табл.XLVIII, 11) (Табл.XLI, 10) рабочей частью. Они также появляются в VIII в., но бытуют только в единичных экземплярах. Более широко они распространяются только в монгольскую эпоху XIII-XV вв., будучи занесенные в горы монголами для которых они очень характерны (370, рис.80), это видно по памятникам с территории Чечено-Ингушетии (305, стр.67).

Начиная с X в. господствующей формой среди наконечников стрел становится ромбовидная (Табл.XLI, 1-14) и подромбическая с выпуклыми ударными и вогнутыми нижними гранями (Табл.XLI, 15-17) линзовидные или ромбовидные в сечении. Кроме того, сохраняют свое значение узкие бронебойные наконечники (Табл.XLI, 18, 19).

В позднеаланское время получают массовое распространение удлиненно-ромбические наконечники, уплощенные в сечении (Табл. XLI, 20), что в сочетании с резким сокращением бронебойных наконечников свидетельствует о снижении уровня защищенности воинов. На смену бронебойным приходят наконечники нового типа с вытянутым острием, прямоугольным в сечении, и расширяющейся средней частью пера, уплощенной в сечении. (Табл.XLI, 21). Примечательна единичная фиксация втульчатого экземпляра с треугольным пером, плоским в сечении (148, рис.8) (Табл.XLI, 22).

Осетинский фольклор сохранил упоминание о стрелах с наконечниками из серой стали (75, т.1, стр.425), что, видимо, очень ценилось.

КОЛЧАНЫ

Колчан (осет.: fatdon, fatdzæg, sagadaq camdan) – футляр для хранения и ношения стрел (357, стр.158). О ранних аланских колчанах мы можем судить только поверхностно. Они представляли собой сужающуюся к низу цилиндрическую коробку длиной 75-80см., изготовлявшуюся из дерева, кожи и бересты. Сверху футляры для стрел могли иметь кожаную крышку. Кожу, которой обтягивался колчан обычно окрашивали в ярко-красный цвет. Кроме того, футляр украшался бусами и костяными ворворками наподобие мечей (368, стр.43).

Вероятно окончаниями колчанов являются бронзовые пластинчатые обоймы из Нижне-Джулатского могильника I в. (Табл.XLII, 1). Поверхность их покрыта орнаментом из треугольников (47, стр.28-29, рис.4, 29, 55).

В раннеаланское время колчан начинают носить на правом боку, что, на наш взгляд, связано с тем, что стрелы перестают помещаться в одном футляре с луком в горите, который располагался на левом боку.

С V в. форма колчана у алан радикально меняется (255, стр.153), что связано с изменением положения в нем стрел. Последние теперь располагаются в футляре наконечниками вверх, а не вниз, как в предыдущее время. Изменение положения стрел в колчане исследователи связывают с возникновением специализации наконечников, в результате которой нужную стрелу можно было извлечь, только опознав ее по наконечнику (255, стр.152). Теперь колчаны имеют полуцилиндрическую форму, расширяясь у дна. Большое количество археологических находок после VII в. позволяют нам составить достаточно полное представление об этом виде воинского снаряжения. Верхний край колчана мог быть ровным (Табл.XLII, 2) или иметь предохранительный карман (Табл.XLIII, 1, 2). Соответственно, длины колчанов равнялись длине стрел (80-90см) – второй случай или были несколько меньше (первый случай (75-80см). Корпус изготовлялся из дерева и обтягивался кожей или обклеивался берестой и нередко украшался орнаментом (Табл.XLIII, 2). Предохранительный карман, высотой 10-15см, имел фигурную форму и сверху на торце имел полуовальный вырез для удобства извлечения стрел (255, стр.147). Как и в предыдущее время, сверху колчаны закрывались кожаной крышкой.

Широко были распространены кожаные колчаны. Они представляли собой кожаный футляр с деревянным донцем длиной 80-85см и шириной 10-15см (121, ст.71, рис.33 А, Б) (Табл.XLIII, 3, 4), окрашенные в черный или коричневые цвета.

В X-XI в. фиксируются железные колчаны и костяные донца от подобных колчанов длиной 54-55см (135, стр.28, рис.1, 11-12; 68, стр.79, рис.14,7; стр.75, рис.11,II) (Табл.XLIII, 5). Интересно и использование горита с железным каркасом в качестве футляра для стрел (68, стр.79, рис.14,7), как это имело место в скифское время (Табл.XXXV, 6). Колчаны богатых воинов начинают украшать позолоченными и бронзовыми штампованными бляшками и богатым орнаментом (135, стр.78, рис.4, 15; 97, стр.115; 98, стр.16).

Все вышеперечисленные колчаны были расчитаны на текущий расход стрел и вмещали их от 20 до 35 штук (255, стр.150) (в среднем 25 штук). В осетинском языке за ними закрепилось слово fatdon (дословно – «вместилище стрел») и менее известный термин camdan, который по мнению А.Р. Чочиева, относился только к колчану доставшемуся по наследству от погибшего отца. При этом исследователь ссылается на дословный перевод этого слова как «вместилище стыда», указывая, что наследник должен был оправдать надежды погибшего отца как воин и применить залежавшиеся стрелы для славы, или даже отомстить за кровь предка (381, стр.182).

Стрелы заготавливаемые впрок хранились в колчанах большего размера вмещавших до 50 штук. Эти деревянные футляры близки по форме обычным колчанам, но имеют более прямоугольную в сечении форму (255, стр148-150). В походах их носили притороченными к седлу (97, стр.114). Вероятно, за этими колчанами в осетинском языке закрепилось слово fatdzæg – «емкость для стрел» (381, стр.182), хотя, возможно так называлось стрелохранилище, т.е. футляр для стационарного хранения стрел в домашних условиях (357, стр.178).

Оружейный набор, состоящий из горита с луком и стрелами в осетинском языке получил название sagadaq, которое закрепилось и во многих других языках под влиянием тюрков и монголов (176, стр.18-19).

Судя по мировым аналогам, именно к колчану крепилось защитное кольцо для стрельбы из лука (368, стр43).

В позднее время на Северном Кавказе были распространены два типа колчана. Первый представлял собой небольшой плоский почти прямоугольный чехол из красного, черного, коричневого сафьяна или из светлой сыромятной кожи. Лицевая сторона украшалась различными декоративными вырезами, кожаными тесемками, металлическими цепочками, медными или серебряными бляшками (Табл.XLIII, 4). Второй тип представляет собой круглый чехол, нижняя часть которого разворачивается в большой прямоугольник с закругленными краями, а верхний угол заканчивается узким язычком (Табл.XLIII, 3). Головка чехла расшивалась серебряными нитями геометрическим орнаментом в виде прямоугольников. Эти колчаны были рассчитаны на 30 стрел (185, стр.39, рис.56).

О количестве стрел заготавливаемом впрок для войны говорится в поэме «Поэма об Алгузе»: каждому человеку надлежало запастись четырьмя мешками стрел... (171, стр.71).

Интересно, что колчан мог использоваться и для переноски воды в походных условиях (168, стр.64).

ПРАЩИ

Праща – толчковое метательное оружие (357, стр.172). Осетинский язык фиксирует несколько названий этого вида оружия: дурæхсæн, дурæлвасæн, уæрæхснæ (диг.), цъеуæлвасæн (диг.), сурдун (сведения были получены от Джабиева З.П.). Этнографический материал также выделяет несколько конструктивных вариантов пращи, но соответствовали ли им в древности конкретные названия сказать трудно (все осетинские названия дословно обозначают «приспособления для метания камня»). Археологически этот вид оружия зафиксировать трудно, но пращевые камни известны еще в материалах раннеаланских городищ (277, стр.86). Особого распространения в аланское время праща не получает, поскольку праща никогда не была в Кавказском регионе оружием профессионального воина, на что указывает и отсутствие пращевых камней в воинских погребениях алан. Более широкое употребление пращи должно было наступить у алан в XIII-XV вв., после их вытеснения в горы, поскольку отрасли производства другого вооружения приходят в упадок, а праща была проста в изготовлении и метательный материал был всегда под рукой в изобилии.

За отсутствием археологических находок рассмотрим этот вид оружия по этнографическим материалам и имеющимся образцам у соседних народов.

Основным видом пращи у всех народов была ременная (Табл. XLIV, 1, 2) за которой и закрепилось собственно название пращи. Она обычно состояла из прямоугольного кожаного, реже шерстяного гнезда-кармашка, с двух сторон которого крепились веревки длиной 50-60 см. из сплетенных конских волос или сыромятных ремешков (374, стр.44) (Табл.XLIV, 1). В осетинской этнографии дано такое описание: широкая часть изготовлялась из выделанной кожи спинной части годовалого теленка, к которой крепились два прочных мягких ремешка, шириной равные поясу для кинжала (225, стр.94). Иногда праща представляла собой простой ремень с плетеным или нашивным утолщением в средней части. Один из концов веревки или ремня был гладкий, иногда оканчивающийся плетением, чтобы не скользил под большим пальцем руки; другой конец мог иметь петлю (Табл.XLIV, 2). Для метания снаряда один конец ремня надевался петлей через кисть руки, иногда – через пальцы, другой конец удер-

живался между большим и указательным пальцем той же руки (307, 1996, стр.9). В середину ремня, в уширение или мешочек укладывался специальный пращевый – гладкий камень шаровидной или яйцевидной формы (Табл.XLIV, 2) диаметром 3-8 см (184, т.2, стр.167). Сложенной таким образом вдвое пращой раскручивали над головой (как об этом свидетельствуют осетинские этнографические материалы (Сел. Бритата, сведения получены от Сланова А.Х.)) или снизу вперед вверх (307, стр.9) и сильным взмахом выпускали из руки свободный конец ремня. Подобная праща могла метать снаряды на 250м (184, т.2, стр167) и поражала противника на расстоянии 120-160 шагов (195, стр.278). Кроме этого вида пращи в осетинской этнографии фиксируется так называемая простейшая праща (357, стр.172), представляющая собой деревянную рукоять с расщеплением в верхней части, куда вставляется в снаряд (Сел. Бритата, сведения получены от Сланова А.Х.) (Табл.XLIV, 3). Бросок камня осуществлялся за счет резкого выпрямления правой руки в горизонтальной плоскости. Боевые возможности этого вида пращи были значительно ниже классического варианта, и она получила распространение в основном среди детей из-за простоты в конструкции и обращении.

Праща – бич употреблявшийся в кочевнической среде в материалах осетинской этнографии не фиксируется, хотя есть все основания полагать, что в аланское время он имел хождение, но, в связи с деградацией у алан коневодства, вышел из употребления. Похожий вид камнеметного оружия известен в этнографических материалах соседних вайнахов (374, стр.44) (Табл.XLIV, 4, 5). Такая праща «ширдолаг» (вайнах.) изготовлялась из палки толщиной в большой палец, длиной от 60 до 100см (причем, чем длиннее палка, тем дальше забрасывался камень). В 1 см от одного ее конца делалось небольшое продольное углубление. В самом же конце просверливалось небольшое отверстие, в которое пропускался конец мягкого ремешка – кармашка (длина 12,0-15,0см, ширина, 0-2,5см), имеющий на обоих концах две продольные прорези. Продетый через отверстие конец ремешка отворачивался назад и закреплялся на конце палки. Во второй прорези привязывалась тесьма. Общая длина тесьмы и ремешка чуть меньше длины всей палки. Камень вкладывался в ямку, обхватывался сверху ремешком-кармашком, а конец тесьмы захватывался большим и указательным пальцами. Затем палка зажималась в ладони. При метании воин-пращник делал один быстрый взмах рукой, отпуская при этом тесьму и камень летел, совершая вращательное движение (374, стр.44). В этом типе пращи наблюдается конструк-

тивное сходство и с пращей-ложкой (пращей, имеющий вид большой деревянной ложки) (357, стр.172), выражающееся в том, что в подобном оружии праща играет роль рычага, увеличивающего длину руки (184, т.2, стр168).

Интересно, что у соседних вайнахов исследователи выделяют еще один тип камнеметательного оружия: лук-праща, т.е. лук для метания камней (Табл.XLIV, 6) в качестве специфического вооружения используемого при защите башен (374, стр.44-46). Поскольку аналогичные башенные постройки находятся на соседней территории Осетии возможность существования в прошлом подобного оружия велика.

Вайнахский лук для камня «тIулга-Iа « изготовлялся из упругого крепкого дерева: чаще всего из кизила (как и аланские луки – С.А.). Если у обычного лука для стрел изгибы в верхней и нижней частях обычно одинаковы, то данный лук в верхней части изгибался несколько круче и был немного стесан (давая в разрезе контур полуовала). Нижний конец незначительно заострялся, верхний же обрезался прямо. Затем, на верхнем наружном (от изгиба) конце делалось слегка наискось углубление для тетивы, которая в этом луке была двойной. Между тетивами посередине лука пришивалась специальная кожаная или матерчатая перемычка размерами 12х3см. На расстоянии 10-12 см тетиву расчаливали палочкой длиной 10-12см. Внизу тетива крепилась намертво, а с верхнего конца ее можно было снимать. Камень вкладывали в перемычку и натянув лук метали в неприятеля. Углубление для тетивы специально делалось чуть наискосок справа внизу (для правшей), чтобы метательный камень не попадал в кибить лука (374, стр.45-46). Подобное оружие было более простым в использовании и более метким, но вместе с тем более громоздким, чем праща, что определило его специфическое применение для охоты и для защиты башенных комплексов, в нишах которых специально запасали каменные пули. Камень лука могли метать на расстояние до 200 м (374, стр.46).

По всей вероятности можно говорить о существовании у алан наряду с каменными глиняных пуль для пращи. На существование подобных экземпляров из древних погребений в коллекции ставропольского музея указывал в начале века Г.Н. Прозрителев (333, стр.15). Подобным снарядам в бою отдавалось особое предпочтение, поскольку при ударе они рассыпались и не могли быть использованы противником (184, т.2, стр.167).

Интересны этнографические сведения соседних вайнахов, ме-

тавших простой пращей с боевых башен заостренные камни, которые летели острием вперед (182, стр.278).

МЕТАТЕЛЬНЫЕ НОЖИ

Метательный нож – клинковое простое метательное оружие, состоящее из черенка и клинка (357, 1997, стр.168). Такой нож отличается от обычного несколькими характеристиками: его центр тяжести смещен к острию или расположен посередине; он не обязательно должен иметь хорошо заточенное лезвие, достаточно, чтобы было хорошо заточено его острие (184, т.2, стр.156), рукоять обычно прямая не имеющая выступов, тормозящих полет. Бросок производится, как правило, с обратного хвата, хотя в ближнем бою используется и прямой (184, т.2, стр.157).

Хотя многие аланские ножи по своим параметрам могут быть отнесены к метательным исследователи относят к этой категории только экземпляры размещенные в специальных ножнах-кассетах. В таких кассетах располагаются одновременно от двух до четырех ножей. Действительно, с одной стороны, непреложным правилом в бою является то, что нельзя метать в противника нож, если он является единственным оружием, с другой стороны, нет нужды носить одновременно до четырех ножей, если их не употреблять для метания (255, стр.119).

Самая ранняя находка аланских метательных ножей, представляет собой кассету с двумя прямыми ножами и происходит из могильника Мостовой на Урупе и относится к II в. Это позволило, занимавшемуся этим вопросом Р.С. Минасяну, связать появление этой группы ножей с аланами (255, стр.119).

С VIII в. количество метательных ножей в аланских памятниках резко возрастает. Форма ножей практически одинакова: это узкие небольшой длины плавно сужающиеся к острию клинки (Табл.XLV, 1-4). После X века длина клинков значительно увеличивается (до 22-25см) (255, стр.119), что характерно для аланских боевых ножей вообще (Табл.XLV, 5-7).

Интересно, что метательные ножи находили и в женском погребении (погребения первая половина IX в. из Мощевой Балки) (255, стр.120).

Ножны-кассеты метательных ножей, как правило, были рассчитаны на два клинка. Изготовлялись они из дерева, а в отдельных случаях полностью из кожи. Ножны повторяли форму ножей; причем рукоять последних утапливалась в кассету на 2/3 своей длины.

Клинки в ножнах располагались лезвием в противоположную сторону (Табл.XLV, 6), что уменьшало общую толщину кассеты. В отличие от ножей раннего времени с X в. окончание ножен уже не плоское (Табл.XLV, 5-7), а заканчивается граненым шаровидным утолщением (255, стр.156-158).

Метательные ножи носят обычно так, чтобы рука могла вытащить и метнуть их естественным движением: за поясом, на бедре, так, чтобы в положении «смирно» рука лежала на его рукояти; за голенищем сапога с внешней стороны и т.п. (184, т.2, стр.157). Очень соблазнительна идея связать появление газырей на черкеске народов Кавказа с метательными ножами. Примером аналогичного расположения могут служить китайские метательные кинжалы типа «шоуби» носившиеся на груди целыми обоймами наподобие газырей или двух рядов застежек на кафтане (в последнем случае они втыкались в специальные пазы горизонтально) (184, т.2, стр.157).

В заключение нужно сказать о боевых характеристиках этого вида оружия, поскольку в научных кругах нет достаточного понимания этого вопроса в чем можно убедиться по небольшому отрывку из монографии одной их ведущих специалистов по средневековом кочевникам восточной Европы: «Их (метательные ножи – С.А.) бросали в цель как дротики или томагавки на сравнительно небольшое расстояние. При удачном попадании в глаза в два броска враг мог быть ослеплен, т.е. обезврежен» (121, стр.91).

Основная дистанция для метания ножа равняется 5-6 шагам, что составляет 3,5-4,5 метра. Только в этом случае противник получает удар, не успев увернуться, отклониться, присесть, упасть, закрыться. Поражающая сила удара ножа при метании почти в да раза больше, чем при уколе рукой (347, стр.211).

Существуют различные способы метания ножа самый простой и эффективный из которых метание из-за спины, хватом за клинок. При этом нож держится кистью правой руки так, чтобы рукоять была направлена вперед, лезвием влево, большой палец лежал сверху ножа, а его ось составляла продолжение оси предплечья (347, стр.212) (Табл.XLV, 8).

АРБАЛЕТЫ

Данный раздел, по всей вероятности, вызовет законную критику со стороны многих исследователей. Действительно, существование данного метательного орудия у алан не подтверждают ни письменные, ни археологические источники, ни данные лингвисти-

ки. Однако, согласно этнографическим материалам, собранным В.С. Уарзиати, у осетин в весенний праздник «къутуганæн» устраивались состязания в стрельбе из луков и арбалетов. «Лук бывал двух видов: обычный, который могли сделать и сами дети, и сложный, напоминающий по форме и конструкции арбалет. Обычно их делали для детей старше, и, естественно, что такой лук был более предпочтительный в смысле своей престижности» (362, стр.68). Таким образом, осетины (аланы) и выделили арбалет как самостоятельное оружие. Он в их представлении был всего лишь луком более сложной конструкции, что и послужило причиной того, что арбалет в осетинском языке называется ардын. Аланы позаимствовали арбалет, по всей вероятности, от монголов во второй половине XIV в., но широкого распространения он не получил в следствии причин, о которых будет сказано далее. Попробуем разобраться, что представлял собой аланский арбалет. Это было самое примитивное оружие данного класса: по размерам относится к ручным арбалетам, по способу натяжения – к оружию с ручным натяжением, в отношении выпускаемых снарядов – к обычным арбалетам (хотя аланский арбалет должен был относиться к баллестрам (которые применяются и для метания камней и т.п. снарядов), в отличии от арбалета не имеющим в цевье желоба (цевье имело гладкую площадку, с которой тетива сбрасывала снаряд), этнографические данные говорят только о метании стрел).

Таким образом, аланский арбалет представлял собой укороченный лук, укрепленный в деревянной ложе. Тетиву натянутого лука закрепляли за зарубку в казенной части арбалета, откуда выталки-вали ее большим пальцем правой руки, натягивая лук ногой и руками.

Арбалетные луки изготавливались из дерева и рога, что делало их дешевыми и практичными (во время боя их можно было быстро починить в случае поломки), но они обладали относительно малой упругостью, из-за чего луки приходилось делать довольно большими. Прочное соединение лука и ложи арбалета фиксировалось кожаными ремнями. Для того, чтобы надеть тетиву на деревянный лук его нужно было сначала изогнуть из нейтрального положения в рабочее. Таким образом, при надетой тетиве лук уже наполовину использовал возможную для него деформацию.

Тетива изготовлялась из скрученных в тугой жгут сухожилий животных. На концах тетивы делали крепкие петли для надевания ее на лук, а ее наружняя поверхность промазывалась особым клеющим составом в смеси с тальком. Для предотвращения перетирания тетивы в местах ее соприкосновения с фиксатором и с рогами лука, на

крепежный петлях, тетиву дополнительно густо оплетали нитями, а также полировали или покрывали роговыми пластинками верхнюю часть ложи, по̀ которой она скользила (248, т.1, стр.321). Лук располагался на ложе так, чтобы плоскость натяжения тетивы проходила не параллельно продольной оси ложа, а несколько под углом, чтобы обеспечить свободное перемещение тетивы по ложе и зацепление ее за фиксатор.

Арбалеты натягивались без каких бы то ни было механических приспособлений. Стрелок в сидячем положении упирался обеими ногами в основание лука и оттягивал тетиву обеими руками, зажав стрелу в зубах. Поэтому мощность арбалета должна была соответствовать силе рук стрелка (195, стр.293).

Теперь несколько слов об арбалетных стрелах, которые называются болтом. Болт состоит из наконечника, древко, которые иногда оснащалось оперением (аланские болты имели оперение). Форма и вес болта основывались на точном расчете. Длина древка от мощности лука, поэтому аланские болты имели большую длину. Для дальнобойности важнейшим требованием было правильное расположение центра тяжести. У длинных аланских болтов он должен был располагаться на расстоянии 1/4 от наконечника. Центр тяжести проверялся на каждом экземпляре и подгонялся путем подрезания нижнего конца древко. Обычно болты имели грубо кованые наконечники четырехгранного сечения и были втульчатыми или черешковыми (195, стр.303). Наконечники аланских болтов, по всей вероятности, имели ту же форму и размеры что и наконечники их стрел. Об изготовлении стрел для луков и арбалетов В.С. Уарзиати пишет: «Для точности стрельбы большое внимание уделялось и стреле, которую готовили из сухих полых стволов высокого кустарника (такъуындел) и других легких, но плотных по фактуре растений. С этой же целью наконечник стрелы (артигъон) изготавливался из железа или твердых пород обожженного дерева и оформлялся двумя – тремя перьями, выполнявшими во время полета роль стабилизаторов» (362, стр.68). Колчаны для болтов изготавливались из дерева и обтягивались кожей или шкурой. У алан они судя по всему выглядели точно так же как футляры для стрел.

Теперь рассмотрим причины по которым арбалеты алан не известны современным исследователям. Об одной из них (языковое тождество лука и арбалета, и стрелы и болта) говорилось выше. Однако основная причина в том, что несмотря на большую, по сравнению с луком, мощность и точность стрельбы, арбалет никогда не был

массовым оружием. Примитивные арбалеты алан никогда не могли сравниться с хорошими луками (а особенно с превосходными монгольскими). Арбалетчик выпускал две стрелы в минуту, в то время как лучник за то же время выпускал семь (195, стр.288). Арбалет занимал гораздо больший объем (что было крайне неудобно в походе (во время балца арбалет носили за спиной или подвешивали к седлу)) по сравнению с луком. У алан арбалет остался сугубо специфическим оружием применяемым при обороне и штурме укреплений, поэтому, отсутствие в Осетии башен с бойницами под лук не означает что они строились после появления огнестрельного оружия.

Однако, арбалет столь удобный при обороне был очень неудобен в полевых столкновениях. Даже у русских воинов в период татаро – монгольского ига арбалетчики составляли 1,5-2% от общего числа стрелков (по археологическим данным) (248, т.3, стр.245). В аланских же отрядах этот процент был и того меньше, около 0,7-0,9%, поскольку армия алан – конница, а заряжать аланские арбалеты сидя на коне невозможно.

Отсутствие археологических сведений касающихся аланских арбалетов объясняется, во-первых, небольшим количеством аланских археологических памятников периода использования арбалета (XIV-XV вв.); во-вторых, скудностью инвентаря в этих погребениях; в-третьих, из-за плохой сохранности древесины в погребениях, арбалет алан можно распознать по единственным металлическим предметам – наконечникам болтов, которые у алан идентичны наконечникам стрел. В нартском эпосе говорится о «луке-самострел» (172, стр.251) (кроме того, самострелом арбалет назывался на Руси), однако, что подразумевается под названием этого оружия достоверно сказать нельзя. В принципе, арбалет не мог фигурировать в нартских сказаниях поскольку эпос сформировался раньше, чем арбалет появился у алан.

Вызывает интерес этнографический материал собранный Чшиевым Х. и Мамиевым М. в селении Хапаз Ирафского района в 1995г., где сохранилось предание об имевшемся у предводителя отряда, построившего в этом селе крепость загадочного оружия. Это оружие метало стрелы хотя и не было луком, имея более сложную конструкцию.

И в нартском эпосе, и в осетинских сказаниях часто упоминается стрельба из лука вверх лежа на спине (166, т.1 стр.157; т.2 стр.97. 168, стр. 158.). Однако из такого положения невозможно даже натянуть тетиву. Прицельно выпустить стрелу можно только стреляя из арбалета.

На вероятность существования на Кавказе в средние века арбалета указывал еще в начале XX в. Г.Н. Прозрителев ссылаясь на имеющуюся у детей горцев игрушку в виде лука с деревянной доской и щеколдой для натяжки тетивы (333, стр.15).

На существование арбалета у соседских кавказских народов указывают этнографические и фольклорные материалы, хотя археологических материалов там тоже нет (305, стр.80). В осетинском языке иногда под словом sagadaq понимался самострел или лук с прикладом (175, т.3, стр.18). Поскольку в убыхском языке арбалет носит название sagandad, а в кабардинском sandaq (175, т.3, стр.18-19), это можно считать косвенным подтверждением нашей гипотезы распространения этого вида оружия у народов Кавказа в монгольскую эпоху, поскольку слово «саадаг» тюркско-монгольского происхождения. У вайнахов арбалет обозначается словом cuекхIад (инг.; Iадсаькх) – буквально «охотничий лук».

5. Оборонительное вооружение

По сравнению с другими видами вооружения эта группа в аланских древностях представлена относительно небольшим количеством археологических находок. Кроме того, они хронологически распределены неравноценно.

Это, на наш взгляд, объясняется распространением после VI-VII вв. обычая не класть в могилу умершего оборонительного вооружения, причиной чему могут быть особенности восприятия аланами загробного мира, нашедшие отражение в нартском эпосе. Погибший воин должен был продолжить битву и на том свете (166, т.2, стр.174) (для этого с ним и хоронили его наступательное оружие), но нанести ему рану, а тем более убить его уже никто не мог (172, стр.215), т.е. в средствах защиты он больше не нуждался. Другого объяснения отсутствия в аланских погребениях после VII в. средств защиты мы не находим (конечно, возможно в единичных случаях их клали с покойным) поскольку даже в богатых княжеских погребениях и могилах профессиональных воинов с полными наборами всех видов наступательного вооружения они отсутствуют. А это уже нельзя объяснить дороговизной для подобных людей защитного вооружения, а тем более щитов.

Таким образом, данный раздел мы будем рассматривать методом неполной индукции, т.е. на основе наблюдений конечного числа

экземпляров делать общий вывод относительно всего класса вооружения данного конкретного периода. Слабой стороной подобного подхода является то, что в его основе лежит заключение по аналогии, а оно носит лишь вероятный характер, но не обладает строгой необходимостью.

НАТЕЛЬНАЯ БРОНЯ

Аланы появляются на исторической арене в качестве катафрактариев, т.е. ядро их армии составили тяжеловооруженные всадники лошади и тела которых были защищены панцирями – катафрактой. Попытаемся рассмотреть несколько видов подобного доспеха основываясь на археологических находках, свидетельствах древних авторов и памятниках изобразительного искусства.

Самым дешевым и простым в изготовлении является кожаная броня, что и должно было определить ее широкое распространение. Страбон (66г. до н.э. – 24г. н.э.) пишет, что роксоланы «носят шлемы и панцири из сырой воловьей шкуры» (22, т.П, стр. 260). Корнелий Тацит (55-117 гг. н.э.) сообщает, что: «Это (катафракта – С.А.) – прикрытие их вождей и всех благородных, составленное из железных пластин или очень твердой кожи, непроницаемое для ударов, но для упавших при натиске врагов – неудобное при вставании» (21, 1949, №3, стр. 220). По всей вероятности кожаные доспехи изображены на воинах из Зубовского кургана I в. (393, 1992, Табл.3, 3-4) (Табл.XLVI, 1). Ф. Готтенрот говорит о существовании у сарматов панцирей из кожаных ремней (Табл.XLVI, 6). Каждый ремень был обит листовым железом и снабжен пряжкой, застегивающейся на груди (Табл.XLVI, 5). Под таким панцирем обыкновенно носили куртку с коротким рукавом (215, т.1, стр.108, рис.62, 2-3, 10).

Может показаться, что кожаные доспехи не могли предоставить воину достойную защиту от оружия противника и, что использование кожи в качестве бронирующего материала говорит о низком уровне доспешного дела. Но боевой опыт многих народов свидетельствует, что кожа крупных животных, будучи соответствующим способом обработанной, мало уступала в твердости железу и представляла собою вполне подходящий материал для изготовления доспехов (248, т.3, стр.117). Так, к примеру, пуля, выпущенная из кавказского ружья не пробивала кожаных щитов (333, стр.14). Надежность панциря ставилась в прямую зависимость от качества кожи. Качественный доспех должен был иметь гладкую, без морщин, поверхность, плетение и шнуровка должны были быть аккуратными, и тугими, части доспеха

подогнаны по фигуре заказчика (248, т.3, стр.118-119). А.М. Хазанов, ссылаясь на аналогичные находки в Дура-Эвропосе, предполагает, что сарматы могли изготовлять в подражание металлическим панцири из кожаных чешуек (368, стр.58). Возможно, что подобные доспехи изображены на колонне Траяна (I в.) на язычских всадниках с головы до ног закованных в чешуйчатую броню (Табл.XLVI, 2). Хотя нельзя исключать вероятность, что это изображение роговых панцирей (Табл.XLVI, 7), которые античные источники часто отмечают у алан. Аммиан Марцеллин (IV в.) упоминает, что аланы «носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные одеяния» (5, т.1, стр.25). Подробно изготовление рогового панциря описывает Павзаний Периегет: «Копыта (лошадей – С.А.) они собирают и, вычистив их, выбирают лучшие, а потом делают из них нечто вроде змеиной чешуи. Кто из читателей, быть может, еще не видел змеи, то, вероятно, видел сосновую, еще зеленую шишку. С бороздами на поверхности шишек можно удачно сравнить то, что варвары делают из копыт. Затем все это они прокалывают и сшивают сухими лошадиными и бычачьими жилами, а потом употребляют в качестве панцирей. Эти панцири нарядны и так крепки, что ничем не уступают греческим; они не портятся, когда в бою в них попадают удары» (8, стр. 129-130). Прочность подобных доспехов отмечали и римские военные. Так полководец Западно-Римской империи Аэций (V в.) спрашивал алана-гвардейца: «... почему ты сменил на это тонкое красиво сверкающее, но так легко пробиваемое вооружение панцирь из конских копыт, какой носили твои отцы на диком Кавказе» (242, стр.56).

На наш взгляд, гипотеза А.М. Хазанова о существовании у сарматов (по-крайней мере в аланский период) костяных панцирей (368, стр.58) малообоснована, так как не имеет подтверждений ни в раннеаланский период, ни в более позднее время.

Основным доспехом катафрактариев, однако, являлись металлические панцири, о которых сообщают древние авторы. Тит Ливий (21, 1949, №1, стр. 216) (59г. до н.э. – 17г. н.э.) и Корнелий Тацит (55г. – 117г.) (21, 1949, №, стр. 220). Помпоний Мела (I в.) пишет, что: «Население (Сарматии) по одежде и вооружению ближе всего подходит к парфянскому, но отличается более суровыми нравами.» (21, 1949, №3, стр. 283). А парфянские всадники I в., как известно, являлись катафрактариями (Табл.XLVII, 1, 3). Клавдий Клавдиан (375-404), говоря об отличительных особенностях армий различных народов отмечает «страшный скрип наступающих алан» (21, 1949,

№4, стр. 257). По всей вероятности, этот скрип издавали доспехи всадников и их лошадей.

Изображения сармато-аланских катафрактариев имеются на серебряном сосуде из Косики, I в. до н.э. – I в. н.э. (Табл.XLVIII, 1, 2), на колонне императора Траяна, I в. (Табл.XLVI, 2), на триумфальной арке императора Галерия (Табл.XLVI, 8). Прочие изображения достаточно условны и не дают представления о доспехах (Табл.XLVI, 9). Дополнительно об аланских доспехах можно судить по изображениям с Боспора первых веков новой эры, поскольку боспорский комплекс вооружения этого периода был сходен с аланским (Табл. XLVIII, 3). Судя по изображениям аланские панцири были чешуйчатыми и имели вид длинной рубахи, доходящей до колен с рукавами до локтей (Существование у сармато-алан доспеха в виде кафтана с двумя подолами внизу, встречающегося на росписях боспорских склепов возможно, но пока не имеет подтверждений.). Помимо чешуйчатых, имеются изображения пластинчатых панцирей из Кобяково (Табл.XLVI, 3, 4), но они слишком стилизованы, чтобы их детальной разбирать.

Интересно наскальное изображение сарматского катафрактария из Праслава (Болгария). Он нарисован в пластинчатых доспехах и коническом шлеме, сидящим на лошади «по-женски», свесив ноги на одну сторону (214, 1993, №6, стр.80).

Попытаемся разобраться в чем же отличие между этими двумя типами панцирей. Чешуйчатый панцирь состоит из большого количества прикрепленных к подкладке чешуек, частично перекрывающих друг друга. Пластинчатый панцирь – из отдельных металлических пластин. Главным отличием чешуйчатого панциря от пластинчатого является то, что пластины последнего, обычно более крупные, чем чешуйки, не перекрывают друг друга, а жестко прикреплены к подкладке. Чешуйчатый обеспечивает надежную защиту и вместе с тем достаточно гибок, но очень тяжелый. Пластинчатый легкий и надежный, но недостаточно гибок (368, 1971, стр.53). Попытки устранить недостатки у этих двух видов доспеха привели к созданию комбинированных панцирей, когда подвижные части тела защищались мелкими чешуйками (Табл.XLIX, 3-6) или кольчужным плетением, а менее подвижные, как то – торс – пластинами больших размеров (Табл.XLIX, 7).

Большой интерес вызывает панцирь из «Золотого кладбища» I-II вв. Он состоит из больших прямоугольных пластин (18х7 см) и мелких чешуек с треугольным нижним краем и полусферической

выпуклостью в нижней части и узкие дуговидные пластины с вертикальным бортиком и отверстиями вдоль него. На некоторых фрагментах сохранились один или два ряда мелких чешуек с выпуклостями, заходящими на большую прямоугольную пластину (255, 1990, стр.123) (Табл.XLIX, 9).

Именно «Золотое кладбище» является основным памятником по истории аланских катафрактариев. Из 57 погребений с оружием 40 были с различного рода панцирями (81, стр.74-94; 75, стр.94-98, Приложение 4). Основным типом был доспех комбинировавшийся из чешуйчатого панциря и кольчуги (81, стр.74-94; 75, стр.10, Приложение 4). По поводу их соединения мнения исследователей расходятся. Н.И. Веселовский считал, что доспех состоял из кольчуги, а чешуйки защищали наиболее опасные места, например, наплечные части (368, стр.60). А.М. Хазанов указывал, что доспех состоял из двух отдельных частей – кольчуги и одевавшегося поверх нее чешуйчатого панциря, причем чешуйки прикрывали грудь и, быть может, плечи. (Табл.L, 2, 3). Этот же ученый допускал возможность непосредственного соединения в одном доспехе кольчатых и чешуйчатых частей (368, стр.60). На наш взгляд, последняя гипотеза наиболее вероятная, однако, кольчужное плетение не должно было соединяться с чешуйчатым, а крепиться к кожаной основе, и чешуйки должны были прикрывать грудь и торс (именно они были самыми уязвимыми местами для того периода).

По всей видимости, наряду с комбинированными доспехами бытовали и просто чешуйчатые панцири и кольчуги, поскольку в погребениях встречается только один вид защитного прикрытия (75, стр.11).

Интересно отметить тот факт, что раннеаланские кольчуги (с по IV вв.) иногда бывали биметаллическими, изготовленные из железных и бронзовых колец (255, стр.127).

Все найденные куски кольчуги имеют стандартное плетение – каждое кольцо пропущено через четыре соседних, диаметром 0,9 см (Табл.XLIX, 11, 12). Чешуйки самой разнообразной величины имели прямоугольную форму (Табл.XLIX, 2) часто с закругленной (Табл. XLIX, 1, 7) или подтреугольной (Табл.XLIX, 8) нижней стороной и с отверстиями для крепления к кожаной основе в верхней части боковых сторон (75, стр.10). Пластины, повторяющие форму чешуек, имеют более крупные размеры (достигают 5х4 см) и имеют большое количество отверстий – не менее двух в центре верхней стороны и по три на каждой из боковых сторон, через которые наглухо при-

креплялись к подкладке (Табл.XLIX, 10). Такие пластины чаще всего располагались в нижней части панциря, где не требовалось особой гибкости (368, стр.60-61).

Основным материалом для изготовления чешуек и пластин было железо, хотя иногда применялась и бронза (67, стр.136, рис.5, 4) (Табл.L, 1).

Иногда чешуйки сочетались с бронзовыми, образуя обращенный к низу треугольный узор (368, стр.61). В ряде случаев чешуйки покрывались позолотой (75, стр.47, 54, 64).

Иногда на нагрудной части панциря крепились фалары (как правило два) покрытые богатым орнаментом изображавшим чаще хищников семейства кошачьих (Табл.L, 5-8). По мнению исследователей подобные фалары имели частично оборонительное, частично декоративное и возможно даже магически-охранительное назначение (368, стр.61).

Подпоясываться панцири могли цельнометаллической лентой-поясом (75, стр.10) или богато украшенным кожаным поясом (368, стр.61).

Что касается защиты шеи катафрактария, то единственной археологической находкой, освещающей этот вопрос является железный обруч диаметром 16,2 и высотой 7см (Табл.L, 4). Он служил опорой тяжелого шлема-маски, а к его нижнему краю крепилась кольчуга. Обруч состоит из двух частей, соединенных с одной стороны шарнирами, а с другой – ремнями. Внешняя его сторона окрашена в красный цвет (66, стр.43, рис.4,3). Возможно, шея защищалась и набором из мелких чешуек наподобие персидского кюриса (357, стр.211).

В эпоху «великого переселения народов» аланский доспех облегчается. Так Аммиан Марцеллин (IV в.) пишет, что аланы «очень подвижны вследствии легкости вооружения и во всем похожи на гуннов» (21, 1949, №3, стр.305).

Кольчуга постепенно вытесняет чешуйчатые и комбинированные панцири и к VI-VII вв. (256, стр.67) они выходят из употребления. Однако, о том, что защитный доспех продолжал иметь широкое распространение в аланской среде (причем под доспехом имелась в виду кольчуга) свидетельствует Флавий Вегетий Ренат (21, 1949, №4, стр. 278).

После VII в. небольшие обрывки кольчуг повсеместно встречаются в аланских памятниках и многие исследователи считают их нагрудниками или насердечниками, защищавшими только наиболее поражаемые части тела. Мы, однако, склонны разделять точку зрения тех, кто считает их чисто символическим предметами.

Подобные обрывки дают представление об изготовлении кольчуги. Материалом служила железная проволока круглая в сечении, которую сгибали в колечки диаметром около 1см. Каждое колечко соединялось с четырьмя соседними, причем часть колец на кольчуге было сварной (Табл.LI, 5), а часть – клепаной (256, стр.67). Последний вид крепления осуществлялся «на гвоздь», то есть концы кольца скреплялись заклепкой, высаженные головки которой выходят по обе стороны кольца (248, т.3, стр.176) (Табл.LI, 3).

Что касается покроя кольчуг, то, в принципе, он всегда бывает стандартен. Наглядным примером является прекрасно сохранившийся кольчатый панцирь первой половины IX в. из могильника Казазово 3 (погребение 106). Он имеет вид доходящей до колен рубахи (длиной 116см) прямого покроя с разрезами внизу. Короткие рукава доходят только до середины плечевых костей (Хотя, судя по аналогам, чаще они доходят до локтя). В верхней части груди имеется отворот (256, стр.67) (Табл.LI, 1). Ворот застегивается справа налево, что характерно для большинства кольчатых доспехов. Такой способ застегивания ворота представлялся более практичным, поскольку в этом случае вся правая сторона, обращенная в бою в сторону противника, оставалась под надежным прикрытием кольчуги (248, т.3, стр.188).

Время появления у алан кольчатых панцирей нам определить сложно (возможно это VIII в.) в силу того, что внешне они мало отличаются от кольчуг и исследователи часто не видят между ними разницы. Возникновение подобных панцирей связано с разработкой нового способа крепления колец кольчуги. При соединении расплющенных концов кольца панцирей они не склепывались гвоздем, который приходил сквозь оба отверстия, как у кольчуг, а скреплялись с помощью шипа, который укреплялся в одном из концов. При производстве скрепления ударом молотка или особыми щипцами шип вгонялся в другой расплющенный конец кольца (248, т.3, стр.188-189) (Табл.LI, 4).

Такой способ крепления, получивший название «на шип», был куда проще, чем кольчужный, но одновременно был и менее надежным, поскольку заостренный конец шипа, проходя через толщу второго конца, чаще всего не расклепывался, а лишь едва пробивался над его поверхностью или же просто сгибался (248, т.3, стр.189).

Кольца панцирей отковывались в специальной матрице, благодаря чему проволока не оставалась круглой, а принимала немного сплюснутый вид. Подобные кольца не увеличивая веса панцирей,

значительно расширяли железное поле прикрывавшее тело владельца (373, стр.76-77).

Интересным свойством обладали так называемые «коробчатые» панцири, отличающиеся своеобразными плоскими, значительно вытянутыми кольцами (Табл.LI, 6). У таких доспехов ряды колец параллельны друг другу, но идут не по прямой, а по дуге, подобно своду – «коробу», откуда и происходит это название. Кольца имеют форму сильно вытянутого овала длиной 15 мм и шириной 10 мм. Поскольку плетение панциря редкое, то вследствие этого кольца свободно вращаются относительно друг друга и поэтому могут располагаться как в вертикальном, так и в горизонтальном направлениях, то есть своей длинной осью как вдоль, так и поперек панциря. Это позволяло увеличивать доспех в длину или в ширину. Вследствие этого коробчатые панцири имели свойство плотно облегать тело воина и не делать лишних неудобных складок (248, т.3, стр.190, 192-193).

Кольчуги и панцири нередко изготовлялись из колец различной величины, для придания прочности в наиболее уязвимых местах и обеспечения легкости и гибкости – в наиболее подвижных. По массивности и размерам кольца делятся на четыре группы: 1) наиболее массивные располагаются на груди и спине; 2) среднего размера – на боках, спине и на подоле; 3) тонкие – на плечах, рукавах, воротнике и частично на спине; 4) так называемые «членочные» кольца, не соответствующие кольцам самой кольчуги, расположенные группами в виде «заплат» и указывающие места починки кольчуги (248, т.3, стр.179).

Общее количество колец в кольчуге составляет приблизительно 20-25 тысяч штук (248, т.3, стр.300), из которых половина сварная или цельносеченая, а другая клепаная на гвоздь. Вес 6-7кг (кавказские кольчуги были легче русских весящих в среднем 10-12кг). Кольца панцирей значительно меньше в размерах, поэтому их требуется до 50 тыс. штук. При этом вес его меньше – около 5кг (373, стр76).

У алан, по всей видимости панцири начинают широко бытовать с XII в. и к XV в. практически вытесняют кольчугу.

В монгольское время, судя по соседним аналогам, наблюдается небольшое уменьшение длины кольчуги (Табл.LI, 2), что по всей вероятности связано с увеличением роли пехоты. (Подол кольчуги для всадника был несколько длиннее, чем для пешего воина (248, т.3, стр.301)). Разрезы спереди и сзади на подоле сохраняются поскольку они делались не только для удобства сидения на лошади, но и для ходьбы.

Нужно отметить еще одну интересную деталь кавказских кольчуг – воротник. Для придания ему достаточной жесткости в него вплетали сыромятные кожаные ремни (248, т.3, стр.301).

Под кольчужные доспехи всегда поддевали стеганные воротники и, возможно, даже обшивали с обеих сторон плотной материей (373, стр.79). Нередко воины носили по два кольчужных доспеха одновременно, причем верхний доспех обычно состоял из крупных массивных колец, а нижний – из более мелких (248, т.3, стр.177-178).

Искусство алан изготовлять кольчуги и широкое распространение этого вида доспеха отмечают древние авторы различных народов. Это и Шапух Багратуни (IX в.) (2, стр. 43) и авторы описывающие времена монгольского нашествия. Вильгельм де Рубрук (1253г.) описывает доспехи монголов: «... из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами» (8, стр.181). Лаоник Халкокондилас (XV в.) пишет: «... аланы делают превосходные кольчуги» (44, т.1, стр.66-67).

Кольчатый доспех на Кавказе продолжал бытовать и после распространения огнестрельного оружия, поскольку пули не пробивали (так Г.Ю. Клапрот рассказывает о проверках кольчуги на крепость) (185, стр.53).

В осетинском языке за всеми видами нательного металлического даспеха закрепилось слово zgær (æsqær): доспехи, латы, панцирь, кольчуга, броня, металл. Судя по нартскому эпосу этим словом именуется и пластинчатый панцирь: «она оторвала от панциря три пластины и снесла их к Курдалагону» (175, стр.308-309). В основном же этим словом называли кольчатый доспех, хотя для него существовало свое название zgærхædon (175, стр.308) (дословно – «бронированная рубашка»).

Возможно для обозначения кольчатых панцирей в осетинском языке имелись слова æzgъærcæg – «металлокольчатка» и zaldzæg – «панцирь кольчатый» (cæg – «кольцо») (381, стр.181). Отсюда напрашивается вывод о появлении в позднеаланское время термина cærryta (ед.ч. cærp – «круг, кольцо»), или cærpærtæ (обозначающего панцирные кольца, хотя слово zgærcæg, обозначающее кольчужное кольцо, продолжает бытовать по-прежнему широко.

Весьма эффективным «дополнением» служила войлочная бурка, защитные свойства которой определялись не столько прочностью, сколько хорошо известным «эффектом свободно висящей тка-

ни» (248, т.4, стр.300). По всей вероятности бурку описывал Моисей Хоренский (V в.): «Предводителем копейщиков выступил какой-то чудовищный исполин во всеоружии, весь покрытый густым войлоком, он совершал чудеса храбрости посреди войска. Храбрейшие из армян, внимательно следившие за ним, напали на него, но не могли причинить ему вреда: от ударов копий только вращалась его войлочная (броня)» (43, стр.149). Как справедливо отмечает Ю.С. Гаглойти, в подлиннике вместо слов «чудовищный исполин» стоит слово «анари ска», являющееся именем военачальника вторгшихся войск. Отсюда исследователь делает вывод, что имя этого воина было Анариска, которое переводится с осетинского (ænærисгæ), как «не знающий, не чувствующий боли», что как нельзя лучше подходит к описанию Моисея Хоренского (208, стр.154). Бурка могла защитить от излетных стрел или не слишком острого рубящего оружия, каковым до распространения «булатной» стали оно и было (248, т.3, стр.24).

В качестве защиты от стрел на Кавказе использовали и овчинную шубу надетую овчиной наружу. Стрелы часто застревали в густой шерсти овчины (333, стр.14).

Интересный вид защитного снаряжения упоминается в позднесредневековой «Поэме об Алгузе»: это опоясывание спин элитных воинов железными цепями. Причем этот доспех являлся дополнением к панцирю (171, стр.38).

В осетинском языке сохранился малоупотребляемый термин для обозначения доспеха – bahtar (381, с.181), что указывает на существование здесь в раннее время защитного вооружения иранского типа – бахтерца. Это пластинчато-кольчатый доспех из нескольких вертикальных прямоугольных пластин, наложенных друг на друга и соединенных между собой кольцами. Имеет вид рубахи без рукавов и ворота (357, стр.195).

По мнению А.Р. Чочиева, в условиях высокогорья осетины приспособили для передвижения в труднодоступных местах какие-то части защитной металлической одежды, боевого доспеха. Об этом свидетельствует само название этих «приспособлений для лазания по горам» – bahtartæ. Они были элементами металлических доспехов, сохранившихся вследствие приспособления их к горным условиям, когда другие виды металлического одеяния исчезли из быта (357, стр.158).

СОПУТСТВУЮЩАЯ БРОНЯ

Для аланского оборонительного комплекса вооружения сопутствующая броня представлена защитой ног и наручами, предохранявшими руку от кисти до локтя.

ЗАЩИТА НОГ

Вопрос защиты ног у аланских катафрактариев продолжает оставаться довольно спорным. Этот доспех вероятно был необязательным, поскольку затруднял и без того сложное управление лошади с помощью ног, и судя по сарматским и боспорским изображениям тяжеловооруженный всадник мог ограничиться верхним панцирем (Табл.XLVIII, 1-3; XLVI, 8). Однако, по парфянским изображениям (Табл.XLVII, 1, 3) катафрактарии защищали ноги штанами из металлических полос согнутых в обручи (Впрочем, нельзя исключать вероятность применения для этих целей соответствующим образом обработанной кожи. Но поскольку в аланских древностях подобных обручей не зафиксировано, у нас пока нет оснований говорить об их существовании. Зато можно предполагать изготовление панцирных штанов из чешуек, подобно изображению сарматов на колонне Траяна (Табл.XLVI, 2), пластин и кольчуги в различных комбинациях наподобие верхнего доспеха.

Помимо этого в нашем распоряжении имеется уникальная находка сармато-аланских железных панцирных штанов (Табл.LII, 1) конца I – начала II вв. из кургана «Рошава Драгана» (Болгария). Они сделаны из вертикально расположенных металлических пластинок, скрепленных бронзовыми заклепками. В области колен пластинки овальной формы соединены бронзовыми шарнирами. Пластины через одну были выкрашены красной краской, внутри панцирь имел подкладку из кожи или плотной ткани. Доспех сильно разрушен коррозией, его длина приблизительно 1 м (66, стр.44, рис.3, 4). Автор публикации указывает, что нижняя часть аналогичных штанов хранится в Эрмитаже.

С распространением в качестве основного доспеха кольчуги защита ног по всей вероятности перестает применяться, хотя не исключена возможность использования для этих целей кожи. По всей вероятности именно поножи из толстой кожи усиленные металлическими бляшками изображены на всаднике с сосуда из Надьсцентмиклошского клада VII-IX вв. (195, стр.100, рис.130) (Табл.СП, 3).

В позднеаланское время защита ног (по крайней мере, металлическая) не фиксируется и, пожалуй, можно говорить, что она не использовалась.

НАРУЧИ

Наручь (осет.: zgærcong, cængæjttæ, arm) – личное защитное вооружение, предохраняющее руку от локтя до запястья. Состоит из выгнутых металлических пластин, соединенных шнуровкой, ремнями и застежками (357, стр.217).

Этот вид защитного вооружения у алан появляется по всей вероятности с конца XIII в. под влиянием татаро-монголов (в это же время он начинает фиксироваться у других народов Северного Кавказа. У монголов наручи начинают широко применяться также в начале XIV в., хотя были им известны и ранее (248, т.3, стр.135-136)). Их широкое распространение, на наш взгляд, связано с изменением к требованию вооружения: степной комплекс вооружения не отвечал условиям высокогорья, куда были оттеснены монголами аланы. Нужны более портативные и мобильные средства защиты, что нашло отражение в появлении кулачного щита, который, однако, не мог обеспечить достаточной защиты. Поэтому наручи использовались в качестве дополнения к щиту или даже заменяли его, поскольку, судя по этнографическим материалам соседних народов Кавказа, широко практиковалось парирование ими ударов клинкового оружия (374, Д.Ю., стр.143-144).

Помимо защитных функций наручи могли играть роль холодного оружия. Так, согласно преданиям, вайнахские воины специально затачивали выступающий конец большой пластины налокотника, чтобы в тесной рукопашной схватке наручем можно было наносить и колющие удары противнику (особенно, когда последний находился за его спиной) (374, стр.144).

Комплект аланских наручей хранился в осетинском святилище Реком и относился к комплексу вооружения легендарного царя Ос-Багатара (вторая половина XIII – начало XIV вв.). Сохранилось их описание, сделанное анонимным путешественником конца XIX в.: «Пару стальных наручников с отдельными, кажется, медными накладками против кисти руки, как надевались обыкновенно при кольчужных панцирях» (32, т.3, стр.78). Судя по такому описанию это налокотники, состоящие каждый из двух металлических пластин выпуклой формы с одного конца соединяющиеся шарнирами, а с другого двумя массивными пряжками с ремешками. Именно такие наручи характерны для раннего их бытования на Северном Кавказе (374, стр.141) и для татаро-монгольского комплекса вооружения (248, т.3, стр.135-136). Примером могут служить экземпляры из Верхнеоздикского склепового могильника (Табл.LII, 2) конца XIII-

XIV вв. (374, стр.96, рис.7, 2, 3). Длина больших пластин немного превышает длину предплечья (около 36 см), а меньших – несколько короче длины предплечья с внутренней стороны. Снизу налокотники подбивались мягкой и плотной, часто стеганной тканью для более удобного ношения, крепления и рассеивания силы приходившихся на них ударов (374, стр.142).

Судя по Кавказским материалам, дальнейшее развитие наручей шло по пути сокращения площади металлических пластин и появление на их месте кольчужного плетения (под этим мы подразумеваем кольчатый панцирь (т.е. кольца которого клепаны «на шип»), широко распространившийся в тот период времени). Первоначально кольчужное плетение лишь соединяли пластины (Табл.LII. 3), а в дальнейшем занимало уже всю поверхность наруча, будучи нашито на толстую материю (Табл.LII, 4). У полностью кольчужных наручей в нижней части пришивалась длинная полоска ткани для обмотки верхней части наруча, создавая при этом дополнительную защиту.

В позднее время к наручам часто крепились боевые перчатки. Но боевые перчатки, бытовавшие у многих народов Кавказа, на наш взгляд следует связывать с появлением шашки, т.е. XVII-XVIII в., что в принципе совпадает с наиболее ранней их фиксацией у горцев (374, стр.145). Таким образом, нет никаких оснований предполагать их существование у алан.

НАГОЛОВЬЯ БОЕВЫЕ

Наголовье боевое – головной убор, специально предназначенный для предохранения и защиты головы (357, стр. 216). Основным видом этого доспеха у алан является шлем (осет.: taqa, taka, tanqa, særzænt, zgærxud, æfсænхуд) – боевое наголовье, состоящее из тульи, венца, навершия. Иногда он имел назатыльник, науши, бармицы, стрелку, щечки и т.д. (357, стр216). Интнресную деталь сообщает Гай Соллий Аполлинарий Сидоний (430 – 480 гг.) описывая народы скифской земли у детей которых «для того чтобы над щеками не выдавались две трубки носа, обрезанная кругом тесьма сдавливает нежные ноздри, чтобы они могли входить под шлемы. Так материнская любовь обезображивает детей, рожденных ради битв...» (21, 1949, № 4, стр. 288)

До начала новой эры у сарматских племен были в употреблении были бронзовые шлема (368, стр.62) (Табл.LIII, 1-3), однако появление в первых веках всаднических мечей более высокого качества потребовало усиления защитных свойств этого оборонительного во-

оружения. Отныне материалом для изготовления шлемов служит железо. Кроме того, резко возрастает их доля в комплексе вооружения. Помимо металлических шлемов используются и кожаные наголовья, о которых пишет Страбон (66г. до н.э. – 24г. н.э.). Основным археологическим источником по раннеаланским шлемам (как и по доспехам) является «Золотое кладбище». Все найденные экземпляры настолько своеобразны, что подлежат рассмотрению по отдельности.

Наибольшее распространение у алан в I-IV вв. получают каркасные шлема, то есть имеющие металлический каркас, на котором крепилась кожаная или металлическая обшивка.

О его конструкции дает представление экземпляр из «Золотого кладбища» (курган 6) II в., выполненный из бронзовых полос (81, стр.79-80. Рис.1, 41) (Табл.LIII, 4). Каркас его состоит из горизонтального обруча, сделанного из трех полос разной длины, скрепленных железными заклепками. Три одинаковые полосы (40см), соединенные в центре заклепкой, образуют шестилучевую фигуру. Концы ее плавно загнуты и прикреплены заклепками к обручу. Таким образом, каркас шлема поделен на шесть секторов. К верхнему сектору приделаны по три полоски с верхними раздвоенными концами – одна длинная, две короткие. В результате образуется ажурная арочная конструкция. По бокам обруча – две петельки с остатками железного стержня внутри. Здесь, вероятно, крепились нащечники. Сзади обруча – длинные витые проволочки с петлями на концах (по три пары), скрепленные внизу между собой планочкой с тремя петельками, – видимо, основа назатыльника. Шлем надевался, скорее всего, на кожаный нашлемник (81, стр.80.).

Другой вид каркасных шлемов имел большее распространение, как мы можем судить по аланским изображениям на колонне Траяна (Табл.XLVI, 2), арке Галерия (Табл.XLVI, 8), надгробию из Чесера (Табл. СП, 1), а также по самим археологическим находкам (Табл. LIII, 6). Однако плохая сохранность последних (из пяти шлемов, найденных в начале 80-х г. XX в. в «Золотом кладбище», хорошо сохранился лишь один (81, стр.74-89)) оставляет нам возможность исследовать их конструкцию только по изображениям. Все шлемы имели яйцевидную (Табл.XLVI, 2, 8) или конусовидную (Табл.XLVII. 1, 3; LIII. 8) форму. Каркас их состоял из нескольких сходившихся кверху вертикальных ребер, которые внизу присоединялись к металлическому ободу и, кроме того, для прочности еще к двум поперечным ободкам. К ребрам гвоздями прикреплялись металлические пластины. Нижний обод в задней части мог расширяться, образуя назатыль-

ник. Иногда шлемы снабжались нащечниками. Вверху ребра оканчивались металлическими шариком или пуговицей (368, стр.62). О форме пластин подобного шлема дает представление экземпляр из станицы Некрасовской (Табл.LIII., 6). Иногда шлемы покрывались золотой фольгой (81, стр.74).

Помимо каркасных, встречались и другие виды шлемов. Так, экземпляр из кургана у станицы Тифлисской (вторая половина I – начало III вв.) имел коническую форму с закругленным навершием и широким венцом, в налобной части которого присоединен прямой, несколько расширяющийся книзу нос с вырезанными плоскими дугами бровей. По бокам сохранились науши (75, стр.11) (Табл.LIII, 5).

Стремление защитить лицо воина, привело к появлению наносника и возникновению у сармато-алан шлема-маски в конце I – начале II вв. (66, стр.43). Наибольшее распространение в дальнейшем у алан получают пластинчатые шлемы, собранные из множества пластин, соединенных по нижнему и верхнему краям. Примером может служить экземпляр из станицы Владимировской на Лабе (Табл.LIII, 7). Шлем сохранился в виде большого количества фрагментов пластин (91 экз.). Тулья шлема была колоколовидная и состояла из узких, длинных треугольных железных пластин. В пластинах имелись отверстия, посредством которых они связывались кожаным шнуром. Сзади на шлеме находился железный назатыльник в виде широкого козырька. Пластины тульи внизу крепились к обручу, на котором закреплялись нащечники (255, стр.132, рис.198).

В эпоху великого переселения народов пластинчатые шлемы получают дальнейшее развитие: назатыльники и науши выходят из употребления, уступив место кольчужной бармице. Образцом шлема этого периода может служить аланский экземпляр последней четверти IV – первой половины V в. из кургана №13 у селения Кшинек (Кабардино-Балкария) (63, т.3, стр.13, рис. III – 1). Он выполнен из железа с бронзовой цепочкой (длина 45,5см) и накладкой из тонкого бронзового листа прямоугольной формы размерами 6,5х4,3см. (Табл. LIV, 1). Шлем имеет вытянуто-сферическую форму и состоит из 32 плотно подогнанных друг к другу подтреугольных изогнутых железных пластин, концы которых сходятся и образуют верхушку шлема. Длина пластин в среднем 17 – 17,5см. Пластины покрыты тонкими серебряными листами, края которых загибались вовнутрь, плотно прилегая к железной основе. Верхушку шлема, то есть кончики пластин, с внешней стороны охватывают три железных пластинчатых кольца разного диаметра (покрыты так же серебряными листа-

ми), образующих кольцевидную решетку. В нижней части пластины скреплены изнутри плоским (63, т.3, стр.13).

Шлем с лицевой стороны украшался сердоликовыми вставками, помещенными в специальные золотые гнезда: две вставки овальной формы и две прямоугольной. Края гнезд отделаны филигранным орнаментом в виде трех параллельно расположенных полосок – «веревочек». На лобной части шлема закреплена бронзовая пластина с рельефным орнаментом. К шлему имеет отношение и бронзовая цепочка со штырьком на одном конце и крючками для крепления на другом (63, т.3, стр.17).

К аланским древностям исследователи причисляют и комплекс вооружения из Ильичевского городища второй половины VI в. (255, стр. 135) в состав которого входит и шлем (Табл.LIV, 2). Последний состоит из железных пластин, суживающихся кверху, «прошитых» проволокой и скрепленных заклепками. Завершается шлем полусферой с полым «шишаком», в который, по-видимому, вставлялся султан из перьев или ковыля. Налобная пластина (длина 0,19м, ширина 0,054 м) имеет утолщение в нижней части, завернутый наверх край, имитирующий брови, и наносник (длина 0,04м) с чуть отогнутым концом. Форма наносника образована двумя соединенными по длинной диагонали ромбами. Тонкие пластины, из которых состоял шлем, накладывались друг на друга как пластинки панциря. Нижняя часть пластины более широкая, а верхняя, которая крепилась к полусфере совсем узкая, конец ее загнут. Шлем имел, по-видимому, кожаную подкладку (118, стр.185-186).

Для VII-VIII вв. аланские шлемы представлены находкой из катакомба XV сел Архон (Северная Осетия) (123, стр.70). К сожалению, в настоящее время его местонахождение неизвестно и мы не имеем возможности проследить его форму и конструкцию.

О появлении новых признаков в конструкции аланских шлемов VII-VIII вв. можно судить из описания коллекции К.О. Ольшанского, собранной на могильниках Галиата и Камунта, где говорится о верхушке железного шишака с четырехгранным шипом в верхней части (141, стр.64).

В древностях салтовских алан второй половины VIII-IX вв. имеются остатки кожаного шлема на железном каркасе и с железным шишаком из Дмитриевского археологического комплекса (катакомба 55). Шлем был полусферическим с восемью ребрами, закрепленными на обруче и на железном кружке основы шишака (121, стр. 76).

Изображения шлемов, увенчанных крестами на фрагменте тка-

ни со «святыми воинами» (Табл.LVII, 10) из Мощевой балки VIII-IX вв. (83, стр.23, рис.7, 3) слишком стилизованы, возможно, это даже боевые наголовья из кожи и материи, аналогичные распространенным в указанный период у алан.

Большой интерес вызывает прекрасно сохранившийся шлем из могильника Казазово 2, IX в. (Табл.LV, 1) высотой 42 см, склепанный из широких железных пластин. На навершии имеется коническая втулка, куда вероятно, вставлялся султан (пучок конских волос). К лобовой части тульи приклепана Т-образная пластина с наносником и кольчужная (из панцирных колец) бармица, смыкающаяся в нижней части и прикрывающая, таким образом, всю шею. Этот экземпляр наглядно демонстрирует изменения в конструкции данного вида доспеха после великого переселения народов: шлем продолжают изготовлять из железных пластин, но с одной стороны, пластины становятся значительно шире. А с другой – начинают соединяться между собой, а не собираться на обручах у вершины и по краям, как это имело место ранее. Без сомнения новшества усилили прочность шлема, однако, и заметно увеличили его вес.

После X в. развитие аланских шлемов шло в том же направлении, что привело к появлению цельнокованных экземпляров (в Европе подобные шлемы появляются только к концу XI века (195, стр.29)). Круглому куску чистого железа в раскаленном состоянии сначала при помощи тяжелого молота придавали вогнутую форму, которую затем доводили ручными молотами на наковальне (195, стр.29-30). В аланских древностях подобный тип шлема представлен экземпляром из Рим-Горы X в. (Табл.LVI, 1). Он откован из цельной железной пластины и имел сферо-коническую форму тульи с острой вершиной. Следов наносника и нащечников не обнаружено. Внутрь шлема, по-видимому, вставлялся войлочный или кожаный подшлемник. Вероятно, шлем имел кольчужную бармицу (255, стр136).

Подобная форма шлемов получила широкое распространение и у всех соседних народов благодаря своей высокой прочности и надежности. Плавно вытянутая форма и выступающее навершие препятствовали нанесению отвесного, прямого удара бытовавшим рубяще-режущим и ударным оружием, которое обычно соскальзывало с поверхности такого защитного убора (374, стр.123).

В монгольскую эпоху на Кавказе появляется множество видов шлемов (в основном сфероконической формы) и говорить о возможности влияния на аланские шлемы какого-то конкретного их типа сложно. Можно только констатировать появление на некоторых кав-

казских шлемах в период с конца XIII-XIV в. небольшого козырька, прикрепленного несколько под углом (374, стр.95, рис.7, 1) (Табл. LVI, 2), что являлось одной из специфических черт (хотя не особо распространенной) монгольских шлемов (248, т.3, стр.130).

Ко второй половине XIV в. доля цельнокованных шлемов начинает значительно превосходить долю изготовлявшихся из отдельных сегментов (248, т.3, стр145) (чаще всего четырех). В конце XIII-XIV вв. на всем Ближнем и Среднем востоке выделяется новый конструктивный тип шлема, ставший в XIV в. одним из основных типов защитного оголовья в данных регионах. Характерными внешними признаками таких шлемов являлись относительно низкий купол, выкованный из цельного куска металла и имевший яйцеобразную или практически полусферическую форму; очень широкая окантовка по нижнему краю шлема, изготовлявшаяся из стальной полосы, верхний край которой вырезался фигурными зубцами; полукруглые глазные вырезы внизу лобной части, над которыми прикреплялись изготовленные из стали надбровники; подвижный наносник из толстой металлической полосы, продетый в обоймицу надо лбом, а также длинная кольчужная бармица, которая закрывала все лицо, за исключением глаз, затылок и горла (Так называемые закрытые, в отличие от открытых, защищавших затылок и боковые поверхности головы (выкраивавшихся в виде прямоугольника или трапеции, часто с закругленными углами) и полузакрытых, полностью защищавших шею и голову (248, т.3, стр.133)), и разделялась по бокам снизу на две части (248, т.3, стр. 145-146, рис.24).

Именно к этому типу шлемов принадлежал знаменитый стальной шлем Ос-Багатара (вторая половина XIII-1306), (Табл.LVI, 3) на протяжении многих веков (вплоть до XX в.) служивший общеосетинской реликвией в святилище Реком. В настоящее время шлем, к нашему глубокому сожалению, утерян, но сохранились его рисунки конца XIX и начала XX вв. (296, рис.18, 4, 5) (Табл.LVI, 4). Кроме того, имеются его описания различных путешественников (296, рис.18, 4, 5), отмечавших очень большую высоту шлема и его тяжесть (8-9 фунтов – ок. 3,5 кг) свидетельствовавшие, что его мог носить «действительно только богатырь, а не простой смертный» (32, т.3, стр.78).

По всей вероятности, с монгольской эпохой нужно увязывать распространение у алан медных шлемов, поскольку в этот период загнанный в горы народ начинает утрачивать культуру обработки железа. Так или иначе, но в XV в. мы имеем свидетельство Лаоникса

Халкокондиласа, что они «из меди изготовляют оружие, называющееся аланским» (44, стр.67). Здесь речь может идти только о шлеме, поскольку других видов вооружения медь не подходит. Шлемы из данного металла известны и в европейских древностях XII в. (195, стр.29. рис.4) и, судя по сообщению Плано Карпини, широко использовались в конце XIII в. монголами (370, т.1, стр.67).

На наш взгляд, к аланским шлемам XIII-XV вв. можно отнести медный шлем из Галиата (случайная находка) (Табл.LVI, 5). Шлем из листовой меди не спаян, а грубо склепан во всю длину шва. Он имеет значительную высоту (31 см) и остроконечен. Низ его иссечен правильно расположенными круглыми дырочками (149, стр.276-277, рис.211).

Медные шлемы употребляются и в более позднее время осетинами, хотя стальные шлемы продолжают преобладать (141, стр.65).

Интересный вид боевого наголовья описывается в позднесредневековой осетинской «Поэме об Алгузе», где упоминаются «шлемы из крученой щетины» (171, стр.38).

Роль подшлемников у алан, судя по осетинским этнографическим материалам, играли войлочные шапки nymæthud. А.Р. Чочиев указывает на их специфическое название – binaghud («нижняя шапка»), то есть шапка под шлем (381, стр.181). Однако, на наш взгляд, для этих же целей использовался и другой тип войлочной шляпы fijawyhud («пастушья шапка») имевший широкие поля, которые могли опускаться вниз и служить эффективным дополнением к барнице, а при случае и заменять ее.

ЩИТЫ

Щит (осет.: wart) – пластина для отражения ударов, разнообразная по размеру, форме и материалу (357, стр.240). Щит обеспечивает большую защиту по сравнению с доспехами за счет возможности поставить его под углом к себе (184, т.2, стр.195).

Этот вид аланского вооружения остается на сегодняшний день самым малоизученным вследствие отсутствия полноценных археологических материалов. Поэтому для всестороннего освещения рассматриваемого вопроса мы будем пользоваться всеми видами исторических источников (письменных, изобразительных, археологических, фольклорных и этнографических) и, опираясь на основные этапы развития данного вида защитного вооружения у соседних народов и в армиях, с которыми у алан были военные столкновения, попытаемся проследить изменения. Происходившие в формах аланских щитов, напрямую зависящих от состояния военного дела.

Бытовало мнение, распространившееся благодаря сообщению Корнелия Тацита (55-117гг.), что у сармато-алан «не в обычае защищаться щитом» (21, 1949, №3, стр.220), что в раннеаланское время щиты не использовались (195, стр.132). Предполагалось, что катафрактариям, с ног до головы облаченным в доспехи, он и не требовался, тем более, что щит затруднял владение длинным копьем, требовавшим хватки двумя руками. Действительно, на всех известных изображениях катафрактариев с длинными копьями щиты отсутствуют (Табл.XLVIII, 1-3). На наш взгляд, это объясняется специфическим разделением вооружения в конной фаланге (о которой подробнее будет изложено ниже), когда тяжеловооруженные всадники второго ряда были экипированы длинными копьями – контосами, но не имели щитов, в то время как катафрактарии первой шеренги имели щиты, но копья их были небольших размеров. О щите как о ведущем вооружении алан пишет Гай Соллий Аполлинарий (430-480 гг.): «Там герул побеждает бегом, хун дротиками, франк плаваньем, савромат щитом, самит ногами, гелон косой...» (21, 1949, № 4, стр. 291).

Существование у алан щитов подтверждает и Страбон (63г. до н.э. – 20г. н.э.), упоминающий «сплетенные из прутьев щиты» (22, т.2, стр.260) роксолан. Подобные гибкие щиты за свою упругость, способность самопроизвольно восстанавливать форму после удара и легкость ценились не меньше жестких (184, т.2, стр192).

Другим материалом для щитов являлась кожа. Так, Лукиан (около 120 – около 180г.) упоминает Геррон – «четырехугольное прикрытие из крепкой кожи, которое скифы в войнах употребляли вместо щита, прикрываясь им» (21, 1948, №1, стр. 299-314).

Основным материалом для щитов, однако, в раннеаланское время служило дерево, которое затем обтягивалось кожей. Наглядной иллюстрацией подобного вида щита может служить экземпляр из Котлубани (Авторы раскопок первоначально считали, предмет щитом, но затем пришли к выводу, что это блюдо, что, на наш взгляд, совершенно необоснованно) (Табл.LVII, 4), представляющий собой деревянный предмет овальной формы, внутренняя часть которого выдолблена таким образом, что по краю оставался бортик высотой и шириной 5 см (таким образом края щита как бы загибались назад для рикошетирования ударов (350, стр.115)). Внешняя сторона щита была обтянута кожей, которая отдельными полосками крепилась к борту. Длина щита 55 см, ширина 35 см (142, стр.174, рис.3).

Подобная овальная форма в период с I по IV вв. является преобладающей у алан, что подтверждается и находкой в могильнике Кар-

ца I-III вв. (177, Табл.107, 21) (Табл.LVII, 6). Размеры щита 50х34см. Исходя из его положения в могиле, щит носился вдоль предплечья при обращенной вниз кисти, что очень удобно для конного строя (248, т.3, стр.22). Расположенный таким образом щит прикрывал и всадника, и грудь коня, позволял им править при помощи узды и давал возможность манипуляции щитом – например, удара нижним концом щита по пешему или в грудь коня противника (248, т.3, стр.22). Однако подобный хват, очень удобный для рубки на мечах и саблях, для таранного копейного боя не годился (248, т.3, стр.22-23), и поэтому наибольшее распространение получают овальные щиты, изображенные на арке императора Галерия (Табл.XLVI, 8). Эти щиты больших размеров прикрывали воинов от глаз до колен и приближались к выбранным римлянами оптимальным размерам для боя в плотном строю (примерно 1,25м в высоту и 80см в ширину) (357, стр115). Судя по рельефу на арке, щиты имеют кистевой горизонтальный хват за рукоятку, что позволяло наносить в тесной рукопашной схватке три вида ударов: 1) удар верхней кромкой щита в горло или подбородок противника (обычно незащищенные); 2) прямой удар умбоном в грудь; 3) удар нижней кромкой по стопе или голени врага (350, стр115).

Щит мог иметь умбон – металлическую, обычно выступающую бляху в центре щита (357, стр.232). Так, в кургане «Рошава Драгана» (конец I – начало II вв.) сохранились бронзовые умбоны от двух щитов (66,стр.43). Еще один экземпляр найден в кургане «Садовый» (I-II вв.) (159). Ф. Готтенрот также указывает, что сарматские щиты были снабжены снаружи обручами, чешуйками и украшениями (215, т.1, стр.108, рис.62, 9, 14, 23) (Табл.LVII, 1-3).

Во время эпохи великого переселения народов форма аланских щитов претерпевает изменения, как это можно наблюдать на консульском диптихе конца IIV – начала V в. из Гольберштадского собора (Табл.). Размеры щитов становятся около 55-60 см в высоту и около 40см в ширину, т.е. они были рассчитаны на прикрытие полностью только туловища, при этом их форма из овальной переходит в сильно вытянутый овал, заостряющийся сверху и снизу (Табл.LVII, 5). Вторым этапом эволюции, вероятно, явилось появление многоугольных щитов симметричной и асимметричной форм (Табл.LVII, 5). Такое многообразие форм связано с отказом в данный период от сомкнутого строя, в результате чего воины требовалось теперь большая маневренность. Попытки приспособить щит для собственной манеры ведения рукопашного боя (индивидуальные для каждого солдата) и

привели к такому многообразию форм данного вида вооружения.

По всей вероятности с VII-VIII вв. у алан распространяются щиты с поливариантным способом ношения благодаря четырехугольной лямочной рамке и плечевому ремню (248, т.3, стр.22) (Табл. LVII, 9). Эта система связана с появлением у конников раннего средневековья универсального щита круглой формы – рондаша, изготовлявшегося из легкого дерева и обтягивавшегося кожей (357, стр.225). Такие щиты, с поливариантным способом ношения, допускали и захват лямок кистью в ближнем бою, и отвесное строевое положение (предплечье вдоль щита кистью вверх), и перпендикулярное к предплечью, для маневренной схватки. Этот перечень можно дополнить использованием плечевого ремня, освобождающего для оружия обе руки и, с той же целью, смещение лямок к локтю (248, т.3, стр.22).

Щит был не очень большим. Круглым (диаметром 70 см), плоским, и поэтому им можно было достаточно свободно манипулировать как оружием. Держали его обычно, оперев на плечо так, что он располагался не перпендикулярно земле, а имел некоторый наклон, лежа на согнутой руке хозяина, слегка отодвинутый от корпуса (184, т.2, стр.199). Такое положение щита дает целый ряд преимуществ. Во-первых, оно позволяет держать дистанцию, так как нижний край щита выставлен вперед. Во-вторых, этим краем щита удобно выполнять тычки, в том числе и на нижний уровень. В-третьих, такая фиксация щита без труда задерживает почти все удары сверху вниз, в то время, как находящийся под щитом достаточно длинный клинок его владельца не стеснен в движениях на среднем и нижнем уровнях, а добраться до него мешает почти горизонтально прикрывающий его щит. В-четвертых, при сильном ударе по выступающей вперед нижней кромке щита он может развернуться вокруг оси, и противник может получить неожиданный удар в голову противоположной кромкой щита. Кроме того, такое постоянно регулируемое положение щита позволяет активно защищать руку с клинком, приседать и нагибаться, передвигаться в низких стойках и на полусогнутых ногах и даже спокойно вставать и подниматься с колена, и садиться на него. Идеальным считался наклон щита под 45 градусов к корпусу бойца (184, т.2, стр.199).

Вероятно в IX в. у алан, под влиянием контактов с Византией, появляются каплевидные щиты. Внешний вид его показан на фресках Сентинского храма (237; 255, рис.271, 2), X в. (Табл.LVIII, 3, 4). Свидетельство об их существовании имеются в нартском эпосе, где в знак мирных намерений узорный щит всаживали в землю (167, стр.13, 15). Всадить же в землю можно было только экземпляр

каплевидной формы, заостренный внизу. Каплевидный (или миндалевидный) щит обычно называют норманским и связывают его появление с IX в. (357, т.3, стр.85). Однако мы склонны разделять точку зрения исследователей считающих местом его появления Византию VI века (357, стр.147, 240), поскольку такая форма наиболее отвечала тактике конной или пехотной фаланги (Такими щитами вооружались воины первых шеренг, так как даже у византийцев основная масса войска имела круглые щиты). Данный тип, таким образом, объединил в себе достоинства древнеримского скутума и более распространенного круглого щита (238, т.1, стр.483). Он был одинаково удобен как для пехотинца, так и для всадника (хотя у исследователей нет на этот счет единого мнения). Каплевидные щиты закрывали всадника практически полностью, а пехотинца от подбородка до колен, чего круглые щиты обеспечить не могли, несмотря на свои внушительные размеры (248, т.3, стр.85). Каплевидная форма выработалась скорее всего для защиты левой ноги, на которую чаще всего приходились удары противника, поскольку известны случаи, когда клинок соскользнув с небольшого щита ранил ногу (184, т.2, стр.195). Кроме того, при необходимости воины могли воткнуть острые концы щитов в землю и переждать обстрел, укрывшись за ними до начала атаки (357, стр.147, 240).

Каплевидные щиты подобно круглым щитам (рондашам) имели поливариантный способ ношения (248, т.3, стр.22) (Табл.LVIII, 5).

Плечевой ремень (так называемый гиг) позволял не загружать постоянно левую руку ношением тяжелого щита, а также забрасывать его за спину во время переходов или отступления (184, т.2, стр.195). Впрочем, подобный способ ношения щита был известен на Кавказе и в раннее время как можно видеть по бронзовым статуэткам воинов из Дагестана и Чечено-Ингушетии (308, рис.12, 24, 25) (Табл.LIX, 1, 2).

Другим способом ношения щита у алан могло быть ношение его на шее для дополнительного прикрытия груди. Этот способ начали применять венгерские конники (чьи связи с аланами в данный период общеизвестны), а в дальнейшем он распространяется и у европейского рыцарства с использованием щита тарча, напоминающего распечатанный конверт, опущенный углом вниз, прикрывающий половину груди и левое плечо (184, т.2, стр.196). Возможно такой способ ношения изображен на аланских амулетах VII-VIII вв. из Кисловодска (126, стр.209-214, рис.2) (Табл.LX).

Все вышерассмотренные типы щитов относятся к так называ-

емым наручным щитам. То есть они крепятся к предплечью обычно при помощи двух или трех ремней, а их осевая продольная линия может быть и параллельна, и перпендикулярна руке (184, т.2, стр.191).

Новый вид щитов у алан появляется вероятно в VII-VIII вв. Это кулачный щит, по размерам меньше наручного (около 30-35 см) и имеющий с внутренней стороны в центре рукоять (скобу), хват ха которую напоминает хват за крышку от кастрюли (184, т.2, стр.191). К аланам он попадает из Византии, где имел в VII в. широкое распространение. Кулачные щиты были очень удобны для тесных рукопашных схваток (248, т.4, стр.117). Им не столько прикрывались, сколько активно парировали удары, выбрасывая кулак навстречу и как бы сбивая направление атаки. Некоторые исследователи даже называют его щитом-кастетом, так как его навершием, которое могло иметь коническую форму, можно было наносить прямые удары, аналогичные ударам кулаком (184, т.2, стр.197-198). Парирование кулачным щитом осуществлялось как с помощью встречных ударов, так и с помощью подставок или отбивов оружия в сторону, после некоторых мог следовать удар навершием или кромкой щита (184, т.2, стр.198). Наиболее раннее изображение данного щита у алан относится к VII-IX вв. Это фрагмент шелковой ткани со «святыми воинами» из Мощевой Балки (83, стр.23, рис.2) (Табл.LVII, 10). Хотя ткань изготовлена предположительно в Сирии, тот факт, что все знатное население Алании VII-IX вв. одевалось в одежды сирийского и византийского производства заставляет нас думать, что и импортные доспехи столь же широко бытовали у алан. По крайней мере, ясно. Что форма кулачного щита была знакома аланам уже в VIII в. Как видно по фрагменту ткани, щиты имеют вытянуто шестиугольную форму (около 30см в длину и около 18см в ширину). Кулачный щит неправильной формы изображен на стене Кяфарской гробницы (XI в.). Здесь же показана и основная стойка с подобным защитным оружием – рука со щитом выносится вперед корпуса (Табл.LVII, 8). С X в., однако, у алан начинает преобладать круглая форма щитов.

Изображение щитов можно встретить на фресковых росписях аланских храмов X-XII вв. Наибольший интерес вызывали фрески среднего Зеленчукского храма (далее описание росписей проводится по свидетельствам XIX в., когда от них сохранились еще довольно значительные фрагменты). На западной стене были изображены два скачущих всадника (отождествленные с Георгием Победоносцем и Дмитрием Солунским) ниже которых помещен «сарацин» на лошади и с круглым щитом в руке (292, стр.54).

На южной стене были изображены два молодых воина с круглыми (диаметром 3 см, исходя из пропорций фигуры) орнаментированными щитами (Табл.LVIII, 1.). Еще один круглый щит (диаметром около 41 см) с орнаментом изображен под правым плечем другой фигуры: святого с нимбом вокруг головы (Табл.LVIII, 2) (292, стр.54-55, рис.7, 1). Асимметричный узор в центральной части щитов, в одном из которых В.А.Кузнецов, верно подметил сходство с кавказскими тангами, очень сильно похож на геральдический орнамент.

Фрески среднего Зеленчунского храма датируются первой половиной X в. и имеют ощутимые византийские истоки (292, стр. 54-58, рис.7, 2).

По всей вероятности, круглый щит (сравнительный диаметр 30см) изображен на фресковой росписи Зругского храма «Хозиты - Майрам» (Табл.LVIII, 6).

В монгольскую эпоху (XIII-XV вв.) у аланских щитов происходят значительные изменения, вызванные изменениями требований к доспехам. В горных условиях главным их достоинством должна была быть мобильность. Исчезают большие миндалевидные щиты, доля круглых наручных щитов тоже значительно снижается хотя они и продолжают оставаться на вооружении преимущественно у всадников, как это можно видеть на изображении с гробницы из Верхней Теберды (357, стр.18) (Табл.LVII, 7). При этом круглый наручный деревянный щит был потеснен монгольским калканом (монг.: «халха»), который Плано Карпини описывал так: «Щит у них сделан из ивовых и других прутьев» (370, стр.145). Он имел круглую форму и был весьма выпуклым. Изготовлялся из ивовых или фиговых прутьев, уложенных в виде концентрических окружностей, переплетенных с помощью ярких шелковых нитей. В некоторых случаях калкан изготовляли из кожи, тогда на ней имитировали прутяную плетенку путем выдавливания декоративных окружностей на коже (248, т.4, стр.344). В центре щитов, откуда расходились концентрические прутяные спирали, укреплялся металлический умбон в виде несколько выпуклого диска. Диаметр щитов равнялся 50-70 см (248, т.3, стр.137).

Надо полагать, что внешний вид плетеных щитов практически не изменился за два столетия, когда в XV-XVI вв. турецкие и персидские калканы буквально наводнили Северный Кавказ и выглядели примерно так же (Табл.LIX, 3). Для того, чтобы амортизировать удары, на внутренней стороне калкана, в месте удержания его рукой, помещали маленькую кожаную подушечку, на которую опиралась

тыльная сторона кисти руки воина. Кроме того, вся внутренняя поверхность калкана покрывалась матерчатой обивкой.

В походе калканы, чтобы уберечь их от непогоды, переносили в специальных футлярах из кожи или плотной ткани. Перевозили их притороченными к седлу или за плечами (248, т.4, стр.345).

Однако, калканы, хотя и имевшие распространение были в основном привозными, в то время, как деревянные щиты, обтянутые кожей были исключительно местного производства.

Наибольшее же развитие в монгольское время получают кулачные щиты, в период с XIII по XV вв. (345, рис.6,а). Окончательно сформировывается их форма и конструкция сходная для всех кавказских народов (Табл.LIX, 4). Щиты были круглой (реже овальной) формы диаметром в среднем 30-35см и изготовлялись из дерева или толстой кожи (отдельные щиты могли быть цельнокованные (374)) (Соответственно вес щитов был неодинаков и варьировал от 1-1,5 кг для каркасных щитов до 5 кг для цельнокованных). С лицевой стороны щиты имели каркас склепанный из листового железа состоявший как правило из двух обручей. Первый из них проходил по краю щита, второй отступал от него на небольшое расстояние. В центре располагалась четырехугольная (реже круглая) пластина прикрывающая кулак с наружной стороны. Посередине пластина имела небольшую выпуклость в форме полушара диаметром 2-3см выполнявшую роль умбона. Дополнительно каркас мог скрепляться между собой железными полосками. Рукоять крепилась с тыльной стороны с помощью петель, проходящих сквозь толщу щита через четыре отверстия по краям центральной пластины. Рукоять длиной в кисть руки скручивалась из сыромятных ремней, проходящих через петли щита (Табл. LIX,4). В верхней части щита располагались еще две петли для крепления плечевого ремня. Сведения о другом способе ношения дает Р. Кер-Потер (начало XIX в.): «у них (осетин – С.А.) были сабли, несколько искривленные, к рукоятке каждой из них прикреплен небольшой круглый щит, покрытый кожей и обитый тщательно гвоздями. По размерам он ... в точности напоминает те, которые имели английские стрелки во времена Генриха V. Эти горцы, как мне сказали, очень умело пользуются им при нанесении удара кинжалом» (185, стр.60). Щиты еще меньшего размера (20-25 см) могли носить за пазухой, как это делали хевсуры (185, стр.165).

Таким образом, выработанная в XIII-XV вв. подобная форма кулачного щита идеально подходила для вооруженных столкновений в условиях высокогорья, что способствовало тому, что она сохрани-

лась у народов Кавказа без изменений до XIX в., а у хевсуров даже до XX в. (Это послужило причиной того, что основная масса щитов, а также прочего позднесредневекового вооружения сохранилась именно у хевсуров, что и послужило причиной того, что общекавказское вооружение начали ошибочно именовать хевсурским).

У осетин щиты сохранились до XIX в., так Энгельгардт пишет, что: «В верхнем течении Терека осетины пользуются еще щитами овальной формы, сделанными из твердой кожи или дерева и снабженными железными обручами и головками гвоздей; длина его редко превышает один фут» (185, стр.60) (0,3048м – С.А.). Эти щиты обладали большой прочностью: их даже не могла пробить пуля (видимо речь идет о гладкоствольном оружии – С.А.), а шашка разлеталась вдребезги от удара по щиту из верблюжьей кожи (333, стр.14). Однако даже это вооружение неуклонно сокращалось и уже во второй половине XVIII в. на 8 шашек и 7 ружей приходился только один щит (13, т.1, стр.129).

6. Боевые животные

Боевое животное – животное, используемое для ведения военных действий, как средство передвижения или как наступательная сила (357, с.204). У алан к ним относятся конь и собака.

«Человек без коня – все равно
что птица без крыльев», – говорили
нарты.

«Сказания о нартах»

БОЕВЫЕ КОНИ

Появившиеся на исторической арене в I в. аланы сразу прославились своей конницей и разведением лучших пород лошадей (осет.: jæfs æfsæ (перестановка из æsfæ, aspa) – кобыла; wyrs/urs – жеребец; bairag – жеребенок, baræg – всадник). Действительно, роль коня в военном деле алан трудно переоценить, поскольку их войска практически полностью состояли из всадников на всем протяжении истории этого народа.

О существовании у алан нескольких пород лошадей свидетельствуют многочисленные письменные источники, археологические, фольклорные, этнографические и лингвистические материалы. Попробуем, анализируя их, разобраться в породах руководствуясь мне-

нием В.И. Абаева, что осетинская терминология, связанная с конем, его экстерьером, мастями, конским снаряжением, верховой ездой и культом коня, позволяют датировать основные моменты освоения коня (274, с.242).

Со скифской эпохи на юге Восточной Европы была распространена местная порода. Несмотря на малорослость этих лошадей, древние авторы отмечают их быстроту, крепость и выносливость (361, т.2, с.122). Эта порода сохраняется и в раннеаланское время. Так Страбон пишет, что: «У всех скифских и сарматских племен есть обычай холостить лошадей, чтобы сделать их более послушными, ибо лошади у них хотя и невелики, но очень горячи и неукротимы» (44, т.1, с.34). (Подтверждением тому, что кастрация широко практиковалась древними иранцами могут служить раскопки Пазырыкских курганов, которые показали, что все лошади, верховые и рабочие были кастрированы (252, с.20)).

Оппиан (II в. н.э.) к лучшим породам лошадей относил скифскую лошадь (361, т.2, с.122). Этому соответствуют мнения Иосифа Флавия (37 – около 100г.) и Арриана (II в.), которые ставили ее выше коней фессалийских, сицилийских и пелопонесских (361, т.2, с.122). Гай Юлий Салин (пер. пол. Ш в.) пишет, что: «Жеребцы у скифов никогда не употребляются (дословно «выводятся») для войны, потому что самки (кобылы) могут и на бегу опорожнить свой мочевой пузырь» (21, 1949, №3, с.248).

Первое время коней, на которых ездили аланы, продолжают именовать сарматскими, как это видно по поэме сатирика Марциала (I в.) упоминающего алана на сарматском коне (3, с.25). Однако в дальнейшем кони получают имя аланских.

Изображение подобных лошадей можно встретить на рельефе Трифона, II в. (Табл.XLVIII, 3), колонне Траяна, I в. (Табл.XLVI, 2) и триумфальной арке Галерия (Табл.XLVI, 8). Эти сармато-аланские лошади меньше по сравнению с изображенными там римскими.

Однако изменения в военном деле проявившиеся в начале новой эры потребовали выведения новой породы – рослой и сильной, способной выдержать вес тяжеловооруженного всадника и вес собственного панциря. Подобные кони были верховые, боевого назначения, и владеть ими могли только представители кочевнической аристократии.

Подтверждением этому могут служить фресковые росписи керченских склепов (IV в.), где знатные воины изображены на высоких стройных конях (361., т.2, с.125). (Табл.LX, 1, 2). Видимо к ним от-

носятся такие характеристики античных авторов, как «звонконогие» (Сидоний), «пригодные для любой длины переездов» (Овидий, I в.) (274, с.248). Породистые быстроаллюрные, тонконогие, подтянутые с горделиво поднятой головой аланские скакуны, как полагают исследователи, появились благодаря высокопородным лошадям массагетов и саков вывозимых из Средней Азии.

Ахалтекинская порода отличалась своеобразным экстерьером, пылким темпераментом и легкими движениями. Типичные животные имеют удлиненный корпус, оленью шею, маленькую сухую голову. При средней высоте в холке 154 см лошади часто высоконоги с тонкой пястью. Масти разнообразные, в том числе редкие. Грива и челка развиты слабо, щеток почти нет. Наряду с узкотелыми встречаются лошади широкотелого типа (226, с.15-16) (Табл.LXI, 10).

Здесь надо добавить, что культурные породы лошадей отличались от диких разнообразием мастей, особенно огненно-красных и желтовато-пламенных (274, с.244).

Эти аланские кони отличавшиеся величиной и мощностью во время атаки обрушивались на противника на карьере, то есть более быстрым аллюром, в то время как скифские лошади, судя по известным изображениям, атаковали галопом (358, с.6).

Ф. Кардани отмечал, что сарматы использовали «интеллигентную» породу лошадей – ферганскую, обладающую «музыкальным слухом», то есть способную действовать по звуку флейты и откликаться на малейшие движения колен всадника, что было очень важно для последнего, учитывая тяжесть его вооружения при отсутствии стремян (358, с.6).

Многие авторы отмечают, что аланы, подобно всем кочевникам имели по несколько копий. Так Павсаний (II в.) писал, что каждый из сарматов держит много лошадей, что они употребляют их в пищу и держат для войны (361, т.2, с.122). Аммиан Марцеллин (IV в.) сообщает, что: «Они (сарматы – С.А.) проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля, или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их бодрость.» (5, т.1, с.26). Гай Валерий Флак (I в.) также упоминает, что сарматы «быстро меняют сопутных коней» (44, т.1, с.50).

В эпоху великого переселения народов аланские всадники попадают в Западную Европу. И хотя среди многих сотен тысяч алан едва ли несколько тысяч обладали высокопородными лошадьми (274,

1998, с.249), это не помешало, однако, получить последним широкое признание на всей территории Европы под названием «Аланских коней». Император Адриан имел аланского скакуна, который был его любимым конем (361, т.2, с.122). Император Адриан (II в.) так писал об аланском коне в своей поэме: «Борисфен Аланский, конь Цезаря, мог летать и по ровной земле, и через болота, и через Тусканские горы. И никогда на охоте за дикими кабанами в Паннонии ни один разъяренный боров с белыми клыками не мог даже приблизиться к нему для нанесения удара. Во время охоты за долгие часы погони он не знай усталости» (3, с.28). В жизнеописании Проба, составленном Флавием Вописком Сиракузяшным рассказывается, что как-то среди добычи, захваченной римлянами у аланов или у какого-то другого племени был и конь «не очень красивый и не очень крупный», но отличавшийся, по словам пленных варваров, большой выносливостью (361, т.2, с.122) и был в состоянии покрывать до 100 миль в день и сохранять подобную скорость в течении 8-10 дней (3, с.33). Таким образом, как видно из многочисленных хвалебных отзывов, нет ничего удивительного в том, что аланским коням начинают приписывать сверхъестественные качества на Западе во второй половине IV в. (3, с.34). Заметный след аланские скакуны оставили и в топонимике Западной Европы. Так в Пиренеях, где в V в. мы знаем алан до наших дней сохранились многочисленные Pass d'Aspe, Gave d'Aspe, Mont d'Aspe (Asp – значит конь у ираноязычных алан-ассов), остались и небольшие города под названием Asasp («асские-аланские кони»), Osse-en-aspe («оссы-ассы-аланы на коне») (274, 249).

В тех районах, где в IV-V вв. был центр praefectus Sarmatorum et Alaunorum (в районе Роана – Лиона), сохранились названия урочищ, говорящих о скачках, состязаниях лучников и копейщиков, особенно был развит культ Святого Георгия (что сближает эти районы с Кавказом). В Арморике также очень долго сохранялись коневодческие традиции, причем армориканская конница прославилась в IV в., когда имя алан сходит со страниц древних авторов, но сами они остаются во многих уголках Галлии (274, с.249).

В.Б. Ковалевская указывает на возможность принадлежности к лошадям аланской породы останков крупных коней, рост которых 140-150см в холке из римских поселений относящихся к стене Адриана (где с II в. располагалось Сарматское кавалерийское подразделение) (274, с.250). Изображение подобной крупной лошади имеется на камне из крепостной стены Йорка, находящегося несколько южнее стены Адриана (274, с.250).

В VIII-IX вв. у Северокавказских алан продолжает сохраняться деление на два вида лошадей по экстерьеру и размерам, бытовавшее в предыдущее время. При этом В.Б. Ковалевская анализируя изображения коней на аланских амулетах отмечает улучшения в породах, что соотношение высоты коня в холке к длине туловища близко к единице («лошадь вписывается в квадрат»), а это является показателем культурных пород (272(1), с.114).

К первому типу (по экстерьерам и размерам) В.Б. Ковалевская относит два вида некрупных аланских лошадей. Первый представлен быстроаллюрным конем на высоких ногах, держащим голову «в сборе», с крутым затылком и красиво изогнутой шеей (Табл.LXI, 1-3). Обращает внимание профиль, что является одним из специфических признаков арабской лошади, красивая, то длинная и мохнатая, зачесанная вправо, то подстриженная, короткая грива. Хвост короткий, очевидно, специально подвязанный.

Арабская порода верховых лошадей была выведена в IV-VI вв. Эти кони некрупные (высота в холке – 140-156 см) серой, рыжей или гнедой масти с выраженной восточной породностью, красивыми плавными движениями, очень прочными и сухими конечностями, крепким здоровьем, выносливостью и плодовитостью (226, с.12) (Табл.LXI, 11).

Ко второму виду (Табл.LXI, 4-6) относятся лошади горных пород, таких как карачаевские или кабардинские скакуны для которых характерен длинный хвост и иногда и длинная грива, а также более круто поднимающаяся вверх шея, чем у предыдущих скакунов (272(1), с.114-116).

Ко второму типу (Табл.LXI, 7-9) В.Б. Ковалевская причисляет более легких и длинноногих скакунов, известных еще в раннеаланское время и представленных на фресках Керченских склепов (Табл. LX, 1-2). Они похожи на коней ахалтекинской породы, которых ипологи связывают с древними аргамаками плоскогорной Туркмении, знаменитыми «несейскими скакунами» и «небесными конями» Ферганы (272(1)., с.116).

Изображаются кони этой породы с круто изогнутой шеей, тонкой мордой, без гривы, но с длинным хвостом, на высоких тонких ногах, поджарый – типичный аргамак, быстроаллюрный ахалтекинец. Большая часть этих лошадей изображена в позе галопа, того момента, когда передние и задние ноги согнуты, а опора перед прыжком перенесена на задние ноги (272(1), с.116).

Достоинства аланских лошадей продолжают отмечать авторы

и в более позднее время. Так Шанук Багратуни (IX в.) описывает Аланию, как страну со множеством «благородных коней» (2, с.43). Низами Ганджеви (ок.1141 – ок.1209) следующим образом характеризует аланского коня:

«И алан в поле выехал; биться умея,
Не коня оседлал он для боя, а змея»
(274, с.252).

Имелись и особенно ценные кони, которые стоили баснословно дорого. Так «булатный» конь царевича Давида Сослана (конец XII – начало XIII вв.) стоил владельцу крепости и селения (13, т.1, С.55).

В монгольское время коневодству алан наносится тяжелый удар. В горах из-за отсутствия благоприятных условий, содержание лошадей было ограничено до минимума, поэтому коневодство вновь стало развиваться главным, образом в предгорьях и на равнине (252, с.66).

Некоторые исследователи полагают, что аланы вывели так называемую «северокавказскую породу» лошадей, которая носит теперь название «кабардинской» (362, с.131). Считается, что кабардинская лошадь – это помесь горских пород с арабскими, имеющая характерные особенности, отвечающие местным горным условиям. Другая точка зрения заключается в том, что она была выведена на основе местной верховой лошади (родственной арабской и карабахской породам), которая позднее смешалась с монгольскими лошадьми, в большом количестве завезенными на Кавказ в XIII-XV вв. (287, 1971, с.78).

Характерные особенности экстерьера лошадей кабардинской породы – гнедая, реже вороная или караковая масть без отметин, горбоносая голова, невысоко поставленная шея, длинные холка, спина и поясница, спущенный круп, часто саблистые задние конечности, очень крепкие копыта. Легкие и хорошо координированные движения, поворотливость, смелость и прекрасная память лошадей кабардинской породы позволяют им уверенно двигаться под всадником по горным тропам (226, с.73). Карачаевская порода близкая по происхождению к кабардинской отличается более массивным телосложением (226, с.73).

Горские лошади обладают следующими специфическими характеристиками: «они сильны, резвы, полны огня, смелы, внимательны, в ногах крепки – качество, необходимое при путешествии по горам; так что в самую темную ночь можно положиться на лошадь, что она, по каким бы скалам ни пробивалась, не споткнется и проберется по узкой тропинке осторожно. Сбившийся в пути ездок вполне может вручить ей себя; она довезет по данному ей направлению к

знакомому уже ей месту, и в это время, она бывает неизменно осторожна, беспрестанно водит ушами, прислушиваясь ко всему; если что-нибудь малейшее покажется ей сомнительным, она остановится для удостоверения, и если ошиблась, то без понуждения ее седоком тотчас сама тронется с места с такой же осторожностью, как и прежде» (252, с.68-69).

Горские лошади имеют необыкновенно тонкий слух и обоняние. Они отлично переносят любые погодные условия. Эти лошади «очень послушны; они скоро привыкают к ездокам и приноравливаются удобнее к желаниям и правилам их хозяев; они не имеют капризов, обыкновенных в породах других лошадей; выносят крайнюю нужду в продовольствии» (252, с.69).

Несмотря на подобную схожесть черт горских лошадей, каждый народ на Кавказе имел свою породу лошадей, созданную им на основе многовекового опыта (252, с.72). О позднеаланских скакунах на наш взгляд можно судить по очень схожим осетинской и балкарской породам лошадей. Согласно Клапроту: «Лошади осетин невелики, но ноги их настолько сильны, что нет надобности их подковывать, несмотря на то, что они постоянно ходят по камням. Они превосходны для переходов через горы» (252, с.73). В. Пфаф отмечает, что: «Можно только удивляться необыкновенному проворству, силе и ловкости этих прекрасных горских лошадей. Сидя на такой лошади, можно поручить себя ее инстинкту и, закрывши глаза, переезжать через самые страшные пропасти» (252, с.73). Балкарские кони неприхотливы и выносливы, невысокого роста, их небольшое крепкое копыто очень цепко, и лошади эти незаменимы в горах (252, с.72).

Кони имели свои талисманы. Так в этнографии осетин сохранился, вероятно еще с аланского времени, интересно поверье, что по ночам на их лошадях черти ездят в таинственную страну «Бурку», сборное место всей нечистой силы. Чтобы сохранить свою лошадь от нежелательных наездников, осетин вешает ей на шею цепочку или кусок железа (386, т.3, с.135).

В осетинской этнографии также сохранился интересный метод подготовки коней к бою: если была такая возможность непосредственно перед сражением их заводили в герметично закрытое помещение, в котором разжигали коноплю. Надышавшись ею лошади бесстрашно бросались на лошадей неприятеля и сшибали их ударом груди (Сведения получены в 1998г. от Джабиева Альберта (с.Архон)).

Нартский эпос доносит до нас обширный материал, связанный с коневодством. Так в зависимости от назначения кони делились на

боевых (хæтæн бæх) (166, т.2, с.254; т.1, с.272), скаковых (диг.: уайага бæх) (166, т.2, с.263), так называемых «коней стрелы» («фаты бæх») (166, т.2, с.436 (Подробно об этом см.: ССКГ. Вып. IV, ст. Свадьба у северных осетин., с.13)) и т.д.

Кроме того, выделяется огромная масса различных пород. Кокцуал, так называемая «ветроногая» порода (166, т.2, с.304; т.3, с.90),по всей вероятности степная, в отличие от дур-дур, так называемой «каменистой» – горной породы. Эти две основные разновидности нартовских лошадей наделялись сверхъестественными способностями, как то: понимать и разговаривать на человеческом языке, а также бойцовыми качествами. Кони ударом груди толкали коня врага, теснили его (166, т.2, с.347), топтали копытами, кусали зубами, убивали и поедали противников своего всадника (166, т.3, с.90).

Помимо этих имеется порода неук – кони-невидимки (166, т.2, с.304, 483). Неуком считается молодая табунная лошадка, не прошедшая обтяжку (приучение к недоуздку, привязывание, хождение в поводу, чистке и т.д.) (226, с.123)); чало-гнедые кони – порода нарта Маргуца, славящаяся своей выносливостью (166, т.2, с.475); порода пегий маштак с коротким хвостом (166, т.2, с.434). Маштаком называется очень малорослая лошадь, приземистый крепыш (226, с.112)). Часто фигурируют кони взращенные чертями (166, т.2, с.395, 474) в частности это порода кокцуалы (166, т.2, с.481).

Порода коней бедзенæг, выведеная Бедзенæг-ælдаром была некрасивая и малосильная. Предание гласит, что такой конь, как бы он ни был жирен и плотен, во время поездок и сильных трудов становится бессильным и легко устает. Само слово «бедзенæг» – «простое происхождение» (166, т.3, с.107).

Упоминаются в эпосе и арабские скакуны (166, т.3, с.394, 464). Часто фигурируемая порода черный шаулох (сау саулохаг) (166, т.3, с.102, 112), считавшаяся лучшей лошадью на Северном Кавказе, появляется только в XVI в. (252, с.69-70) и поэтому прямого отношения к аланам не имеет. Единично в эпосе упоминается косомордый жеребец (166, т.2, с.380), но непонятно, что здесь имеется в виду.

Для обозначения богатырского коня в дигорских сказаниях используется термин арфан (166, т.2, с.426; т.3, с.108), в то время как в иронских – это имя коня одного из именитых нартов – Урызмага реже Хамыца и Созрыко (166, т.3, с.164).

Упоминается и порода афсорн (166, т.2, с.334), но возможно здесь имелась порода афсург о которой речь пойдет ниже.

Наилучшей породой в нартском эпосе считается иноходец авсург («ыфсургъ», «æфсургъ», диг.:»æфсоргъ», «афсорг») (166, т.1, 408; т.2, с.460; т.3, с.114, 163, 164), связанная происхождением с небожителями.

На втором месте по популярности стоял несколько другой по экстерьеру конь – лирин-аласа или дзындз-аласа (166, т.3, с.163, 165). В полушутливом, полуодобрительном смысле это «лошадка» (166, т.3, с.163). В одном месте упоминается маленький маштак – дзындз-аласа из породы алыпп (166, т.2, с.380). Последняя считалась в эпосе породой богатырских коней (166, т.3, с.163).

В нартском эпосе у каждого коня было имя. Так конь Уастырджи назывался Уаддым (166, т.3, с.168), Урызмага – Чесан (166, т.3, с.170) либо Дур-Дур (166, т.3, с.165), Созрыко – Арфæн (166, т.3, с.164) и т.д.

Системы содержания и ухода за лошадьми у алан сильно различались в зависимости от природных условий, но некоторые элементы были общепринятыми и сохранились и в более позднее время. Так лошадей объезжали в возрасте от 3 до 5 лет (обычно в четыре года) и в этом же возрасте жеребцов холостили (252, с.76). Подировка коней осуществлялась следующим образом: лошадь держали на хорошем корму до тех пор, пока она не сделается гладкой, откормленной. Затем ее в течении недели по два раза в день купали в воде. После купания лошадь объезжалась сначала шагом, а потом постепенно в карьер, по две – три версты. Во время этих упражнений лошади давался отдых на три дня, а затем расстояние для безостановочного бега увеличивалось вдвое, до пяти – шести верст и т.д. После подобных упражнений лошадь делалась выносливой и крепкой на тело, т.е. не худела от сильной езды, делалась подированной лошадью (166, т.3, с.88).

Специальный режим питания и тренинга коней назывался bæhæwwærdyn – «кружение коней». Тренинг считалось необходимым проводить от годовалого до трехлетнего возраста циклами по несколько месяцев каждый, включая особые режимы пробегов, кормлений и купаний, а также некоторые специальные приемы. Название места тренировки æwwærdæn, по мнению А.Р. Чочиева, восходит к древнеиранской лексике профессионального коневодства и означает «круг» – wartanna, как специальное место тренинга. Так же называлось и расстояние для пробега, измерявшегося в кругах. Круг был единицей измерения расстояния для пробега и у осетин (381, с.179-180).

Для специальной подготовки коней проводились различные игры направленные на приучение коня к реалиям боя (шуму, кри-

кам, сутолоке и т.д.). Обученным конь считался в том случае, если отзывался на зов хозяина, не давал посторонним седлать себя, строго слушался узды: был способен по сигналу вставать на дыбы с места, выполнял пируэты, как на ходу, так и на месте и т.п. (381, с.188).

Немалое значение придавалось питанию скакуна. Вскормленный зерном конь назывался horhor bæh. При этом зерно предпочитали поджаренное. В преданиях часто чудесные кони кормятся в подземелье железными наконечниками стрел вместо зерен, что, по мнению А.Р. Чочиева, акцентирует идею тренинга: придать коню телесную крепость, подобную прочность материала наконечника – железа, и развить резвость, равную скорости полета стрелы (381, с.180).

Обязательным было и купание коня, поскольку считалось. Что «не выкупавший свою лошадь, унижается в своем мужестве и достоинстве. В рассказах горцев часто говорится, что слава принадлежит тому наезднику, у которого сохраняется в чистоте оружие и лошадь» (381, с.180).

Подковывать лошадей у алан не было принято, как это видно по археологическим находкам, эта традиция сохраняется на Северном Кавказе вплоть до начала XIX в. (252, 1993, с.73). Однако единичные находки подков все же имеются в аланских древностях первых веков новой эры (с.Карца (366, 1990, с.180. Табл.LXXVI, 20)) и VII-IX вв. (с.Камунта (366, с.304), с.Чми (366, 1900, с.121)). Примечательно, однако, что в нартском эпосе с подковыванием связан один из основных сюжетов. Речь идет о перековывании Сосланом своего коня подковами задом наперед с целью создать видимость движения в обратную сторону (166, т.2, с.154).

Следует отметить, что в осетинском нартском эпосе в связи с коневодством редко упоминается аркан (166, т.1, с.319; т.2, с.317, 406, 416), что является отражением выхода его из употребления в условиях высокогорья после XIII в. Выбор же коня осуществляется следующим образом: подойдя к табуну, воин взмахивал уздечкой и конь (как бы предназначенный ему судьбой) сам прибегал к нему (166, т.2, с.415, 429).

Судя по нартскому эпосу, применялись следующие уловки для того, чтобы попугать лошадей противника и вызвать их паническое бегство: перед боем воин вешал на своего коня шубу из волчьих шкур наизнанку (166, т.2, с.389, 391) или просто волчью шкуру на шею коня (166, т.2, с.278). Помимо этого к седлу привязывались сзади щенята и поросята (166, т.2, с.391) или просто на коня вешали колокольчики (166, т.2, с.386, 389). Запах серого хищника в сочета-

нии с пронзительным визгом щенят и поросят или яростным звоном колокольчиков раздражающе действовали на органы обоняния и слуха лошадей противника наводя на них ужас и вводя их в состояние паники.

Впрочем, бубенчики могли вешаться на лошадь просто в качестве украшения наравне с цветами и игрушками (166, т.2, с.399).

Так или иначе, но у алан конские бубенчики и колокольчики (отличающиеся от обыкновенных значительно большими размерами) имели широкое распространение на всем протяжении аланской истории, как это можно видеть по археологическим материалам.

Судя по нартскому эпосу бубенчиками украшался даже хвост коня (166, т.2, с.395). Практиковалось также завязывание хвоста узлом (166, т.2, с.374), тем более, что у горских лошадей хвосты имели значительную длину. С конским хвостом связан еще один момент: так, судя по нартскому эпосу, широко практиковалась казнь, когда жертву привязывали к хвосту необъезженной лошади (166, т.2, с.442, 483; 169, с.140). К хвостам коней привязывалось и оружие убитых владельцев (172, с.163).

Нужно также добавить, что при разделе наследства покойного коня получал младший сын, в то время, как старший – оружие (172, с.50).

ШПОРЫ

Этот вид снаряжения аланами не использовался, хотя и был им известен. Так для конца I – начала II вв. имеются находки пары сармато-аланских шпор из кургана «Рошава Драгана» (погребение 2) (66, с.44).

Отсутствие шпор – характерная черта восточного всадника. Иногда их могли заменять стремена, когда внутренними углами подножки давили на бока лошади (195, с.162).

ДОСПЕХ БОЕВОГО КОНЯ

О том, что кони раннеаланских катафрактариев были защищены панцирями (из металла, рога либо кожи) уже говорилось ранее. По способу изготовления эти доспехи были идентичны доспехам всадника. Изображения аланских конских панцирей имеются на колонне императора Траяна, I в. (Табл.XLVI, 2) и на находке из Сазонкиного бугра (Табл.XLVI, 9).

Поскольку аланские конные катафракты были аналогичны персидским, приведем описание последних, имеющееся у Галиодора: «Латами персы снабжают и коня, ноги окружают поножами. Голову

стискивают налобниками, покрывают коней попоной, обшитой железом и спускающейся по бокам от спины до живота... Когда наступает время битвы, то ослабив поводья и оглушив коня всем боевым шумом, он мчится на противников и кажется железным всадником или выкованной движущейся статуей.» (274, с.249).

Судя по различным изображениям катафрактариев первых веков новой эры, конский доспех мог иметь различную форму и покрой. Так в первом случае он мог закрывать коня полностью (Табл. XLVI, 2), в другом – только до колен (Табл.XLVII, 1, 3), в третьем – до живота (Табл.XLVI, 2), в четвертом – только переднюю часть (Табл.LXIII, 1, 2).

По мнению исследователей, наибольшее распространение должны были получить пластинчатые панцири, пластинки которых не перекрывали друг друга, а намертво пришивались к кожаной основе, поскольку этот тип доспеха был сравнительно легким, надежным и от него не требовалось чрезвычайная гибкость (368, с.53).

Остатками подобного доспеха считаются пластины большого размера из входной ямы катакомбы кургана 15 из «Золотого кладбища», II-III в. н.э. (Табл.XLIX, 10). Размеры, количество и разные способы крепления заставляют думать, что это конский панцирь. Подтверждением этому может служить и то, что в других катакомбах лошадей помещали именно во входные ямы, а в погребальной камере имелись куски кольчуги и пластинки от комбинированного доспеха человека (239, с.91-92, рис.3, 25).

Остатками боевого снаряжения коня считаются фрагменты пластинчатого доспеха, составленного из пластинок, расположенных горизонтальными рядами, найденные в погребении 2 кургана «Рошава Драгана» конец I – начало II вв. (Табл.XLIX, 2) (66, с.44, рис.4, 2).

Предположительно, конской катафрактой является доспех найденный в богатом сарматском погребении Калиновского могильника, курган №55/14 (Табл.LXII, 1). Он сделан из больших прямоугольных пластин размером 8х12 см (368, с.61. Табл.XXX, 12).

Аммиан Марцеллин (IV в.) упоминает о бытовых попонах коней изготовленных из кожи снятой с убитых врагов (44, т.1, с.51).

После схода катафрактариев с исторической арены к IV-V вв. конский доспех на длительный период выходит из употребления (Возможно, конские катафракты бытовали у алан в VI-VII в.. под влиянием византийских катафрактариев с которыми они (аланы) в тот период имели тесные военные контакты. Однако недостаток

археологических материалов по аланскому оборонительному вооружению не дает возможность проверить это.). Новый толчок защиты лошадей дает появление рыцарства – небольшого числа элитарных профессиональных воинов. В отличие от западных рыцарей, у восточных, конский доспех был значительно легче и подвижнее (с преобладанием кожи и кольчуги) и представлял собой защитную попону, прикрывавшую коня с головы до колен.

Ко времени монгольских походов этот доспех уже получает достаточно широкое распространение как можно судить по восточным миниатюрам (Табл.LXIV, 1) и его описанием в письменных источниках (370, т.3, стр104, 138-140, рис.20, 26).

Идея защиты боевого коня нашла отражение и в Нартском эпосе. Так упоминается кольчатый кожаный панцирь, который в нужный день может прикрыть и коня, в котором против ружейной пули будет собираться сто колец. Против удара меча – двести колец, а в обычный день он будет не больше рубахи (166, т.2, с.68). Однако наибольшую популярность в эпосе получает другая идея защиты коня: коня мазали густым слоем клея и хорошенько вываливали в песке. Эта процедура как правило повторялась 7 раз (166, т.2, с.328, 372, 380), лишь в одном случае коня обмазав клеем три раза вываливали в песке и три раза в гальке (166, т.2, с.317).

СНАРЯЖЕНИЕ БОЕВОГО КОНЯ

Наряду с предметами вооружения конское снаряжение одна из ведущих категорий материальной культуры кочевников. Роль лошади в жизни алан определила то исключительное значение, которое придавалось развитию средств управлению конем. Исследование генезиса и развития средств управления лошадью находится в тесной связи с изучением вооружения, военного дела, т.к. эти стороны жизни любого древнего кочевого общества всегда были взаимосвязаны и во многом определили друг друга (242, с.148).

Название конского снаряжения в осетинском языке восходят к аланам (иранского происхождения): widon (узда), zgællagkom (удила), widaz (поводья), sarg (седло), æftawgæ (попона), æxtong (подпруга), dumitong (хвостовой ремень), ægdæncoj (стремя) (175, т.III, с.34-35).

В нартском эпосе как наиболее ценное конское снаряжение упоминаются хахийская цепная хах-уздечка (166, т.2, с.169. 316), бабийские чепраки (166, т.2, с.316), ангусское изукрашенное седло (166, т.2, с.316, т.3, с.163) и стальное седло с двенадцатью подпру-

гами (166, т.2, с.299). Сохранилось и название «болат саргъ», имеющее значение «драгоценного седла» и предполагающее, что это седло настолько лучше прочих, насколько сталь лучше железа (116, т.3, с.86).

Снаряжение коня воина играет большую роль в военном деле, поскольку возможности управления лошадью определяют комплекс вооружения и принципы ведения боя всадника.

Понятие конского снаряжения включает в себя: оголовье, кавалерийское седло и попону (226, с.92). Для удобства будем рассматривать их по этапам развития военного дела.

I-III вв.

В период с I-III вв. средства управления боевым конем были крайне ограничены. Оголовье, т.е. основная часть конского снаряжения, надеваемое на голову лошади и позволяющее управлять ею, ничем не украшалось и состояло из кожаных ремней и железных удил, применяемых для взнуздывания и управления ими при помощи поводьев. Основной вид удил в это время – трензельные, состоящие из грызла и двух колец, за которые трензеля крепят к щечным ремням оголовья. К кольцам пристегивается также повод. Во рту лошади грызло лежит на языке и беззубых краях нижней челюсти, касаясь углов рта.

В первых веках новой эры у алан господствовала простейшая форма удил – двухсоставная с кольцевидными петлями на концах (Табл.LXV, 5). Наряду с подобными удилами распространяются и экземпляры с колесовидными (Табл.LXV, 6) и стержневидными (Табл. LXV, 4) псалиями (т.е. стержнями или колесиками, прикреплявшимися перпендикулярно удилам на их концах для фиксации грызл во рту верхового коня).

Кроме трензельного в начале новой эры у алан появляется и своего рода мундштучное оголовье (мундштук специальное удило с боковыми щечками, оказывающее усиленное воздействие на рот лошади (226, с.117). Хотя собственно мундштучное оголовье оформилось в XVI в., его эффект, выражающийся в давлении не на углы рта, а на всю челюсть и язык, благодаря креплению повода не к грызлу, а к отходящему вниз рычагу, был известен значительно раньше (242, с.151). Подобное оголовье позволяет добиться более точного и тонкого управления лошадью (226, с.117), что позволило исследователям связать его появление в первых веках новой эры с распространением в этот период катафрактариев (242, с.153). Действительно,

тяжеловооруженные всадники столкнулись с проблемой недостатка и несовершенства средств воздействия на лошадь, как то: отсутствие жесткого седла со стременами. Подтверждением этой гипотезы могут служить изображения карафрактария из Дура-Европоса (Табл. XLVII, 1) и аланских катафрактариев на колонне Траяна, I в. (Табл. XLVI, 2) на которых четко видны отходящие от рта лошадей «щечки», к которым прикреплены поводья.

Археологической находкой подобных аланских удил могут считаться биметаллические экземпляры конца I – начала II вв. из Керчи (Табл.LXV, 1). Авторы публикации находок предлагают два возможных способа их крепления к оголовью (Табл.LXV, 2-3) в зависимости от которых удила могли иметь два принципа работы. В первом случае раздвоенные концы нащечных ремней крепились к кольцам псалия (Табл.LXV, 2). При этом повод мог крепиться только к стержню псалия между кольцами и грызла оказывали давление на углы рта и заднюю часть беззубого края челюсти лошади и играли роль обычного тренделя. Во втором случае нащечный ремень мог крепиться к верхнему кольцу псалия, а повод – к нижнему (Табл. LXV, 3). При натяжении повода верхний конец псалия перемещался вперед по ходу лошади, стержни, отходящие от него, – в направлении всадника и вниз. Таким образом, грызла оказывали давление не только на углы рта, но и на всю нижнюю челюсть и язык лошади, тем самым усиливали болевое ощущение и заставляли животное быстрее подчиняться всаднику (242, с.152).

Несмотря на то, что в раннее время оголовье аланских коней как правило не украшалось, имеются и исключения вроде находок из кургана у г.Азова, последняя четверть I в. У железных двусоставных удил стержни двудырчатых псалий плакированы золотой фольгой. Концы стержней оформлены в виде округлой лопаточки, к которой были прикреплены сложносоставные фалары, В качестве поводьев служили цепи – одна золотая, другая серебряная длинами 105 и 64 см. Кроме того, оголовье было украшено девятью фаларами (61, с.180).

В раннее время, судя по имеющимся изображениям, аланскими всадниками использовалось мягкое седло (на серебряном сосуде из погребения у села Косика, I в.(Табл.LXVIII, 1) (76, рис.IV) и на рисунке из Мержаны (Табл.LXVIII, 2) (393, Табл.8, 2) или просто попона (сарматы на триумфальной арке Галерия (Табл.XLVI, 8)). И.Л. Кызласов, ссылаясь на находку сарматского котла I в. на р.Ахтубе, ручка которого выполнена в виде верхового коня, указывает на существование в этот период и седел с высокими жесткими луками (300, с.26).

На всех имеющихся аланских изображениях этого периода, а также в археологических памятниках стремена отсутствуют, однако, по мнению И.Л. Кызласова, возможность их существования нельзя отрицать. При этом автор ссылается на массовое использование в этот период длинного рубящего меча и тяжелой ударной пики при котором стремена были необходимы, чтобы катафрактарий мог удержаться в седле. Исследователь указывает на свидетельство письменных источников о существовании у алан ременных стремян (300, с.31). По мнению И.Л. Кызласова, первоначально они делались из кожаного ремня или веревки и служили приспособлением для посадки в седло. Отсутствие изображений стремян и положение ног всадников объясняется исследователем следующим образом: носок ступени сидящего верхом человека может свободно свисать вниз и будучи вставленным в стремя – в таком положении всадник просто не пользуется последним, не упирается в него. (300, с.34).

IV-VI вв.

В эпоху великого переселения народов у алан уже точно фиксируется жесткое седло с деревянным каркасом. Находки двух пластин, покрытых чешуйчатым орнаментом, от облицовки нижней части передней луки седла в могильнике у Лермонтовской скалы (259, с.182), свидетельствует о том, что седло было аналогично гуннским седлам этого времени, в частности экземпляру из могильника Дюрсо, V в. (Табл.LXVIII, 3) (80, рис.5, с.219). Деревянный каркас состоит из двух ленчиков соединенных двумя перпендикулярно поставленными к ним симметричными луками арочной формы. Благодаря такой конструкции седло лежало не на спине лошади, а широкими ленчиками (полками) на ребрах лошади, оставляя позвоночник совершенно свободным (195, с.158). Передняя часть седла украшалась чешуйчатыми сегментовидными пластинами (стилизованная форма рыбы). В VI-VII в. передняя часть седла (в особенности лицевая сторона луки) начинает украшаться бляшками в виде фигурок человечков и львов, при сохранении прежней формы деревянного каркаса (259, с.183-184).

Жесткое седло имело большое преимущество перед мягким, поскольку обеспечивало более устойчивую посадку кавалериста, что было необходимо с появлением в этот период именно рубящих длинных мечей.

И.Л. Кызласов указывает на дальнейшее развитие в этот период стремян: теперь их кожаная петля укрепляется вставкой – поднож-

кой. Он ссылается при этом на археологические находки подобных петель со вставными деревянными подножками в аланских катакомбах V-VII вв. близ Пятигорья (300, с.33). Кроме того, исследователь допускает возможность изготовления в этот период стремян из дерева как это практиковалось до VIII в. арабской конницей (300, с.33).

Существенные изменения происходят и с конским оголовьем. Великое переселение народов принесло моду украшать узду – теперь даже у рядовых воинов она богато украшалась полулунными, крестообразными и удлиненно-прямоугольными накладными бляшками из позолоченной фольги, отделанными чеканным орнаментом и инкрустированным стеклом (277, с.86). Широко начинают применяться для украшения лошади с V в. фалары и большие бубенчики. В употребление входят конские наглазники (шоры) – щитки круглой формы крепящиеся на оголовье, ограничивающие поле зрения лошади, которые применяют для легковозбудимых лошадей, чтобы избежать сильных внешних раздражителей, которые могут вызвать внезапный испуг и резкую нежелательную реакцию (шараханье в сторону и т.д.) (226, с.119).

Если подобной пышностью отличается снаряжение коней рядовых воинов, то упряжь аланских вождей является буквально произведением искусства как это можно видеть по находкам из с.Брут, катакомба в кургане №2, V в. (Табл.LXXI, 1; LXXII, 1). Даже плеть (Короткая толстая плеть из ремней применялась для посыла (побуждающего действия) лошади при верховой езде без шпор (226, с.119)) выполненная из скрученной в трубку серебряной фольги, закрытой золотыми наконечниками с ромбовидными гранатовыми вставками и треугольниками из зерни (73, с.34).Что касается формы удил, то продолжают бытовать двусоставные с кольцевидными петлями на концах (Табл.LXVI, 1).Из удил с псалиями перестают употребляться экземпляры кольцевидного вида. Наряду с сохранившимися прямыми стрежневидными псалиями в V-VI вв. бытуют псалии Г-образной формы различного вида (Табл.LXVI, 2, 3) изготовленные не только из железа, но и бронзы (129, с.257, рис.4, 3-5; 51, с.287, рис.16). Входят в употребление с V-VI вв. удила с восьмеркообразными концами и вделанными в них кольцами (Табл.LXVI, 4) (133, с.239, рис.5, 4).

VII-IX вв.

Отличительная особенность этого периода – появление железных стремян. Последние служат для облегчения посадки всадника в седло и являются упорами для ног при верховой езде. При этом стремя необходимо не только для того, чтобы сидеть, но и для того,

чтобы стоять или привставать в седле, и для того, чтобы усидеть в седле. Вторая основная функция стремян вызвана в первую очередь особенностями конного рукопашного боя и вооружением воина-всадника (300, с.30). С их появлением последний получил возможность наносить не только рубящий, но и секущий удары, что дало новое направление развитию длинного всаднического меча. С VII в. у алан распространяются палаши и сабли, отличающиеся от меча характером наносимого удара, ставшим возможным благодаря появлению у кавалериста упора для ног.

Аланские стремена VII-IX вв.. несмотря на значительное разнообразие их видов, (259, с.167-171, рис.17) можно свести к двум основным типам, возникшим в одно время и сосуществовавших до IX в. Первый тип имевший наибольшее распространение – стремена арочной формы с прямой или слегка вогнутой подножкой (Табл.LXX, 1), в некоторых случаях подножка была сильно вогнута внутрь (Табл. LXX, 3). У этих стремян петля для путалища выделена в виде лопаточки, а подножка укреплена, как правило, тремя жгутами и иногда снабжена треугольными и круглыми прорезями (Табл.LXX, 3).

Второй тип встречается реже, однако, тоже имел массовое распространение, это экземпляры восьмеркообразной формы (Табл. LXX, 4).

Хотя у алан на было принято украшать стремена имеются и исключения. Так находки из Алексеевского клада (железные стремена инкрустированные серебром) (59, рис.13) являются настоящим произведением искусства (Табл.LXX, 2).

После появления железных стремян в конструкции седел появляются изменения, как можно видеть по многочисленным их находкам данного периода, идентичных друг другу (могильники Галиат, Камунта, Архон, Чми (294, с.229) и т.д.). Задняя лука получает сильный наклон назад, ленчик становится сплошным, а не решетчатым, как это имело место ранее (259, с.186) (Табл.LXVIII, 4). В.Б. Ковалевская проследила по изображениям оседланных коней на аланских амулетах VIII-IX вв., что седло крепилось двойной подпругой, одним или двумя двойными нагрудными и одним двойным подхвостным ремнем. Аналогичная система крепления сохраняется здесь и в последующее время (272(1)., с.114).

Усовершенствование формы седла (в сочетании с приданием ему обтекающей формы) дополнительного комплекса стремян дало импульс совершенствования боевых искусств. Благодаря подобному седлу всадник имел полную свободу движения: наносить колющие, рубящие и секущие удары в любых плоскостях, уклоняться от ору-

жия противника, стрелять назад, вскакивать и соскакивать с коня на скаку и т.д.

Седла̀ продолжают украшаться штампованными бляшками, в отдельных случаях луки седел имели металлические оковки (59, рис.1, 13).

В конструкции удил также появляются серьезные изменения. Несовершенство системы крепления ремней узды и псалия с поводом привело к возникновению двухсоставных, двукольчатых удил (255, с.179). Хотя наиболее ранние их экземпляры относятся к VI в., массовое их использование начинается только с VII в. Сохраняются удила без псалий (Табл.LXVII, 6), однако, преобладают удила с прямыми, так называемыми гвоздевидными псалиями (Табл.LXVII. 1, 2, 3). В VII-IX вв. массовое распространение получают экземпляры с S-овидными псалиями (Табл.LXVII, 4, 5). Вышеупомянутые типы удил различаются между собой размерами, деталями конструкции (дополнительными петлями на псалиях и их формой и тщательностью отделки).

Для данного периода характерно увеличение числа экземпляров конского снаряжения с большим содержанием гарнитуры. Наиболее часто украшалось оголовье: налобный, наносный и нащечный ремни имели бляшки, а перекрестия их выделялись соединительными кольцами (255, с.163)., а несколько позже крестовинами. Для катакомбы 52 Дмитриевского могильника имеется реконструкция оголовья украшенного бляшками из тонкого серебряного листа (Табл.LXXII, 3) (121, с.133-142).

В VII-VIII вв. нагрудный и хвостовой ремни украшаются накладными бляшками, конскими бубенчиками и лунообразными подвесками. Для этого периода по материалам Галиатского склепа сделана реконструкция всего конского снаряжения (Табл.LXXIII, 1) (295, с.164, рис.33). Примечателен тот факт, что на изображениях сходной византийской упряжи этого времени имеется еще одна деталь – это кусок материи, прикрепленный к головной части сбруи и покрывающий всю голову лошади (Табл.LXXIII, 2) (215, т.1, с.164, фиг.53, 3).

С IX в. в украшении конского снаряжения происходят некоторые изменения. Нагрудный и хвостовой ремни начинают украшать большими неорнаментированными круглыми и листовидными бляхами (366, Табл.LXVI; 153, 1995, Табл.XXXVII-XLI; 121, рис.41-42). В украшении оголовья появляется в IX в. начельник, ставший отличительным признаком аланских именитых профессиональных воинов (59, с.133-142) с середины IX по XII вв.

Начельники представляющие собой невысокие (5-6см) цилиндрические трубочки с отогнутым наружу краем, укрепленные на основании, крепились на макушке коня и в них вставлялись султаны из конских волос или перьев птиц. Внешний вид ранних начельников очень разнообразен и выделить какое-либо сходство в оформлении не представляется возможным (Табл.LXXIV, 1-3).

Реконструкции конского снаряжения IX века были выполнены для салтовских алан по материалам катакомб 82 и 106 Дмитриевского могильника (Табл.LXXIII, 3-4) (121, с.86-87, рис.41-42).

Что касается плетей, то для этого периода наряду с простыми деревянными рукоятями нагаек (Табл.LXXVI, 2, 4, 5) (255, рис.211, 1; 265, 4, 5) встречаются и экземпляры отделанные цветными и драгоценными металлами (Табл.LXXVI, 2, 4, 5) (59, рис.10,2; 59, 1993, №4, рис. 1, 7). У многих рукоятей имеются отверстия для темляка и боковые клювовидные выступы (Табл.LXXVI, 1, 2, 4) для предотвращения выскальзывания плети из руки.

В этот период снаряжение аланских коней отличается особым богатством. Седла не претерпевают сильных конструктивных изменений. Увеличивается только высота передней луки в то время как ее концы, крепящиеся к ленчику укорачиваются (255, с.186) (Табл. LXVIII, 5). Многочисленные археологические находки данного времени позволяют детально познакомиться с ними. Луки седел украшаются резным геометрическим орнаментом (Табл.LXIX, 1, 2), инкрустируются стеклянными вставками (Табл.LXIX, 2), обиваются металлическими бляшками (Табл.LXIX, 2), обтягиваются кожей с растительным орнаментом (Табл.LXIX, 3). Размеры седел, судя по сохранившимся экземплярам из Змейского могильника: длина 44-47 см, ширина 24-35 см. Задняя лука почти не поднята вверх и поставлена полого к спине лошади (97, т.1, с.68, 85, 94, 9, 115, рис.5; 143, с.93). Сверху седло обтягивалось кожей, окантованной по краям тесьмой из ткани. Ленчики часто обивались бронзовыми золочеными пластинками с зооморфными изображениями. Под седло укладывался войлочный потник. А сверху покрывалось накидкой из коричневой ткани, обшитой по краю золотой тесьмой с золочеными бубенчиками. Имеются находки сафьяновой попоны с геометрическим и зооморфным (павлины) орнаментом и обшитые золотой тесьмой седельные сумочки-обереги (в полость сумочки вкладывалось какое-то магическое вещество, а грифон играл роль оберега, в результате чего этот предмет становился амулетом, охраняющим лошадь и всадника) с изображением Сэнмурва (97, с.115-116). В.А. Кузнецов считает.

Что имелись и седельные подушки, изготовленные из нескольких слоев войлока (97, 1961, с.92).

Что касается стремян, то в X-XII в. у алан получает массовое распространение новый тип – экземпляры круглой формы с расширенной подножкой и отверстием для путалища в верхней части корпуса (Табл.LXX, 5). Почти всегда с внешней стороны стремя усиливается валиком.

Впрочем, продолжает бытовать и арочный тип с прямой подножкой, усиленной валиком (Табл.LXX, 6) (100, с.204, рис.87, 11; 130, 1970, рис.7, 27).

В X-XII вв. узда отличается особенным изяществом. Сбруя обычно делалась из сыромятной кожи и сплошь покрывалась золочеными бронзовыми литыми бляшками. Иногда к сбруе, кроме накладных бляшек прикреплялись и подвесные ажурные бляхи (97, с.116). Реконструкция узды для этого времени выполнена С.Н. Савенко по материалам погребения 30 могильника Кольцо-гора (Табл.LXXII, 2). Оголовье состояло из соединяющихся налобного, затылочного, нащечного и наносного ремней. В центре налобного ремня имеется подвесной ремешок с бронзовыми пластинками. Повод узды представлен тонким ремнем с бронзовыми заклепками (136, с.106, рис.2, 1).

Устанавливается и форма начельников, если ранее их основание было фигурным, то теперь делается круглым (Табл.LXXV, 2), реже ромбическим (Табл.LXXV, 1). Изготавливаются они из бронзы и покрываются позолотой, причем экземпляры из богатых захоронений отличаются особенным изяществом (Табл.LXXV, 3-4). Так фигурный начельник из катакомбы №14 Змейского могильника изображающий женщину держащую в вытянутых руках чашу с питьем (Табл.LXXV, 4) представляет собой подлинный шедевр. Крепились начельники к налобному и затылочному ремнем оголовья с помощью ремешков (136, 1986, с.106). В X-XII вв. предмет аналогичный начельнику начинают помещать и на круп лошади (136, с.106; 143, 1986, с.94), но количество находок подобных охвостьев значительно меньше, чем начельников.

Продолжают бытовать удила без псалиев, часто имеющие трензельные кольца (Табл.LXVII, 6). Сохраняются в употреблении и экземпляры со стрежневидными псалиями. С этого времени у алан появляется новый тип псалий, не нашедший правда широкого распространения. Они представляют собой плоскую бронзовую пластинку длиной около 10 см, передняя сторона которой покрыта волнистыми вырезами (Табл.LXVII, 7-8) (79, т.II, с.153. Табл.XII, 1; 97, т.1, с.116. Табл.XI, 6).

Как отмечал В.Н. Каминский, удила с подобными псалиями у алан связаны с погребениями дружинной знати (255, с.182). На наш взгляд нужно добавить, что они встречаются именно в княжеских захоронениях, в то время, как у рядовых воинов удила были других типов.

Уникальной является находка железных конских пут на поселении «Козьи скалы», датируемых XII – началом XIII вв. (Табл.LXXVI, 6). Это первая находка такого рода на Центральном Кавказе. Путы имеют цепь из трех звеньев и два пружинных замка на концах (104, с.307, рис.13, 15).

XIII-XV вв.

По данному периоду археологических материалов в нашем распоряжении нет, однако он достаточно хорошо восполняется с помощью более поздних материалов.

Основным новшеством этого периода было появление легких горских седел типа арчак. Слово «арчак» означает остов седла или ленчик и этим термином называли небольшие седла с привязанной к сиденью подушкой (185, с.55) (Табл.LXVIII, 6). Их появление, на наш взгляд, следует связывать с вытеснением северокавказских племен монголами в горные районы. Это и привело к возникновению нового типа седла, максимально удобного в условиях высокогорья. Отличительными особенностями арчаков были небольшие размеры, легкость (на 30% легче восточных седел того времени), очень высокое основание и луки, толстые седалищные подушки и свисающие по сторонам «крылья» (195, с.160). Узкая передняя лука с закругленным верхом располагалась перпендикулярно седлу, в то время, как более широкая, задняя, также имеющая закругленный верх, была плавно отогнута назад. Подобная форма диктовалась военными целями – высокое седло придавало свободу посадке воина, а низкая задняя лука не мешала повороту в седле и возможности отстреливаться на скаку. Держась за деревянный выступ передней луки, всадник мог перегнуться почти под брюхо своего скакуна, и на полном карьере поднять все, что угодно с земли (185, с.55-56).

Наружная и внутренняя стороны седла, за исключением полок, оклеивались черной или красной кожей. С обеих сторон к арчаку прибивались крыльца или крылья – куски тонкой и мягкой кожи с закругленным нижним краем, отороченные галуном или бахромой. С обеих сторон седла на кожаных ремешках укреплялись тебеньки – куски толстой кожи квадратной или закругленной формы, ук-

рашенные орнаментом. Они защищали колени всадника от грязи и пота лошади (185, стр.56). Верховое седло продолжают украшать большим количеством серебряных украшений (250, с.23). Осетинские седла – sargъ, отличались тем, что при езде никогда не портили спину коня (381, с.180). В нартском эпосе сохранилось выражение «болат саргъ», имеющее значение «драгоценного седла» и предполагающее, что это седло настолько лучше прочих, насколько сталь лучше железа (166, т. 3,стр. 86). Седельные подушки делались из черного сафьяна, набивались они пухом или шерстью. Потники же изготавливались из сложенного в 6-8 слоев войлока (185, с.58).

Вырабатывается и качественно новая форма стремян с прямой широкой овальной подножкой (Табл.LXX, 7-8). Форма стремян арочная (Табл.LXX, 8) и овально-прямоугольная (Табл.LXX, 7). Для облечения конструкции подножка могла иметь вырез (Табл.LXX, 7) или усиление по периметру (Табл.LXX, 8). Петли для путалища широкие и выступают лишь чуть-чуть.

В конструкции узды серьезных изменений не происходит, судя по поздним аналогам (Табл.LXXVI, 7). Из удил продолжают сохраняться экземпляры без псалий и со стержневидными псалиями. Однако из конского снаряжения исчезают такие украшения, как начельник и охвостье.

Подводя итоги, нужно сказать, что в период XIII-XV вв. производство конского снаряжения у алан приходит в упадок, как и коневодство вообще. Единственный предмет конского снаряжения, которым славились на Кавказе осетинские мастера еще в XIX в. были ногайки, сложный процесс изготовления которых был детально описан О.В. Маргграфом (185, с.58-59).

БОЕВЫЕ СОБАКИ

Использование собак (осет.: kuj) на войне уходит корнями в глубокую древность. Так ассирийцы еще за 2500 лет до н.э. стали применять боевых собак, их мощные челюсти, силу, злобность вполне могли противостоять примитивному оружию человека того времени. В армиях Вавилона, Персии, Карфагена, Греции, Македонии, Рима содержались целые отряды (легионы) специально обученных собак. На рубеже новой эры боевые собаки появляются в армиях галлов и бриттов. Собаки, как непременный составной элемент имелись и во всех ордах кочевников: гуннов, киммерийцев, скифов и др., хлынувших из глубин Азии (201, стр. 349-352). Сарматские псы упоминаются Оппианом (II в.) среди лучших пород собак (361, стр.123).

Однако, пожалуй наибольшую известность среди боевых собак получили собаки алан. К сожалению, все источники по этому вопросу относятся ко времени переселения алан на Запад и используются не столько зарубежными историками сколько кинологами.

Костные остатки собак во множестве встречаются еще в скифских и сарматских поселениях и курганах Северного Кавказа. Судя по многочисленным данным, у древних иранцев собаку приносили в жертву в честь знатного воина или воительницы (252, стр.18). В античное время широкую известность получила история о подарке Александру Македонскому боевых собак царем иберов (по другим источникам – албанов), о которой сообщают Плиний (8, с.111), Гай Юлий Салин (8, с.179; 21, 1949, №3, с.243) и Присциан (21, 1949, №4, с.302). Наиболее ранний и подробный рассказ имеется у Плиния (29-79 гг.): «Когда Александр отправился в поход в Индию, царь Иберов подарил ему одну собаку необыкновенного роста. Удивленный ее величиной, Александр велел пустить на нее медведей, кабанов и ланей, но она лежала неподвижно, как бы пренебрегая ими. Отважный император, выведенный из терпения ленью такого большого животного, велел убить его. Молва об этом дошла и до царя Иберов, тогда тот послал ему вторую собаку и велел сказать, чтобы он не испытывал собаку в борьбе с маленькими животными, но пустил ее на слона или льва; «у меня», прибавил он, «только две таких собаки; если и вторая будет убита, то не окажется больше таких». Александр не замедлил сделать опыт и скоро увидел, как лев был задушен; затем он велел привести слона, – и никогда он ничему так не радовался, как этому зрелищу. Собака, у которой шерсть на всем теле стала дыбом, сперва начала ужасно лаять, потом с возрастающей смелостью и большой ловкостью стала бросаться на слона, то подбегая, то ускользая от него, и очень ловко нападала на него то с одной, то с другой стороны, пока, наконец, утомив его постоянными поворачиваниями, не повалила на землю, так, что земля задрожала» (8, с.111). Для раннеаланского времени известны погребения на Чегемском кургане (3 штуки на 135 человеческих погребений). Возле передних лап собак в качестве заупокойной пищи лежали лопатки крупных животных и черепки битой керамики (91, стр.138). К сожалению, эти и многие другие захоронения собак не подвергались антропологическому исследованию, которое могло бы пролить свет на их породу (собачьим захоронением раннеаланского времени вообще не уделяется должного внимания, что связано с непониманием ряда исследователей роли боевых собак в данный период). После эпохи

великого переселения народов (время, когда боевые псы перестают применяться) погребения собак перестают встречаться, что на наш взгляд очень показательно.

Говоря о собаках алан, нужно прежде всего отметить, что помимо собственно аланской собаки (лат.canis Alanus) у алан имелись еще две породы собак, получившие название кавказской овчарки и горской борзой. Родиной предков аланских собак и кавказских овчарок считается плоскогорье Тибета, где за несколько тысячелетий до н.э. скотоводские племена приручили предков тибетских собак.

Эта собака и дала начало двум группам пород. Первая наиболее близка по внешнему виду к первоначальной – группа азиатских овчарок: тибетская, монгольская, среднеазиатская, кавказская и др. Вторая группа представлена более крупными собаками – тибетскими догами, от которых произошли многие породы древних догов, в результате многовековой селекции значительно отличающиеся друг от друга (283, стр.87). Как уже говорилось выше начало боевого использования догов дали Ассирия и Вавилон, откуда боевые доги, сопровождавшие отары овец попадают в Египет, Малую Азию и к скифам. Скифы также использовали догов как боевых собак. От скифов доги попадают к сарматам и аланам (283, стр.89). Это аланские доги получают такую широкую известность в Европе в эпоху раннего средневековья, что слава о них жива и в наши дни. Среди аланских догов были и сторожевые, и охотничьи, и боевые собаки. Охотничьих алагов называли – травильными: во время псовых охот, получивших широкое распространение в аланской среде, когда зверя загоняли гончими и борзыми, «алагов» использовали в конце охоты для затравливания крупного зверя, с которым не могли справиться другие собаки: зубра, тура, медведя (283, стр.90). Аланские доги дали начало целому ряду крупных и сильных собак. В эпоху великого переселения народов вместе с аланскими племенами по Средней Европе распространяются и аланские доги. Как сообщают источники, разведение аланской породы собак начинается и в Европе. Наибольших успехов в этом деле добиваются испанцы и миланцы (местность, являющаяся в V в. центром аланских поселений) (193, стр.140).

В середине века аланской собаке был присужден статус геральдического знака. Так на гербе города Алано в Испании до сегодняшнего дня изображены два аланских пса (193, 1993, стр.140). Изображение собаки было обычным элементом герба того или иного феодала, как символ его верности сюзерену.

Мощных, огромных, внушающих страх одним видом аланских догов называли великанами среди собак. Они отличались агрессивным нравом, бесстрашием в сочетании со спокойством и чувством собственного достоинства (283, стр.87). Эти черты передавались из поколения в поколение, от породы к породе.

Ярко выраженный общий признак догов – укороченные и недоразвитые лицевые кости черепа, при котором собака вынуждена хватать не только резцами и клыками, но и в основном коренными зубами, неестественное и не практичное в дикой жизни, дало свои преимущества на службе у человека.

К сожалению, в моем распоряжении не было описания применения в бою аланских догов, однако сохранилось большое количество письменных свидетельств, а также фресок, скульптурных работ, картин и рисунков, рассказывающих о боевых догах и других породах эпохи средневековья (рис.VIC-1,2). Собак часто облачали в специальные доспехи, состоящие, как правило, из металлического панциря, закрывавшего спину и бока собаки, и кольчуги их металлических колец или пластин, предохраняющих наиболее подвижные части тела (грудь, верх предплечий, живот и т.п.). Иногда на голову ей надевался металлический шлем (189, стр.21).

Помимо этого на ошейнике и шлеме пса крепились обоюдоострые лезвия или шипы, с помощью которых животное кололо и рассекало тело, ноги и руки атакуемого ею воина, ранила сухожилия ног и вспарывала животы лошадей при столкновении с конницей противника.

Перед сражением собак специально морили голодом, затем разъяренных выпусками на противника. Они первыми начинали битву и чаще всего последними заканчивали ее, преследуя разбитого врага, приканчивая отставших и раненых. Врываясь в боевые порядки противника собаки производили сумятицу, калечили лошадей, ранили и опрокидывали воинов неприятеля. При этом растроить ряды врага и на время отвлечь его внимание было половиной дела, основной задачей боевых собак являлась работа на уничтожение живой силы противника. Вся система подготовки боевой собаки была направлена на то, чтобы вцепившись в воина, собака боролась с ним до тех пор,пока не победит или не погибнет в поединке (201, стр.524). В поединке с человеком доги,уворачиваясь от ударов обороняющегося, стараются зайти сбоку и немного сзади от него. Когда такой заход удается, собака пытается укусить за руку, за ногу, либо за тот предмет, которым человек защищается (347, стр.509). При этом отор-

вать или поразить хорошо защищенную, тяжелую, физически очень сильную, специально натасканную для убийства человека собаку крайне сложно.

Теперь коснемся подготовки боевых догов. Натаскивание собак для борьбы с противником начиналось со щенячьего возраста. Для этого использовались распространенные и поныне методы тренинга. Помощник воспитателя, одетый в специальную накидку из толстой шкуры, дразнил собаку, доводя ее до бешенства. Когда дрессировщик спускал собаку с поводка, она бросалась на «врага» и впивалась в него зубами. В это время помощник старался подставить собаке потенциально уязвимые места тела (имея в виду воина в доспехах). Так развивалась привычка «брать противника точно по месту» (201, стр.524-525). В этот же период собакам прививали такие навыки, как преследование бегущего человека и работа с лежащим человеком. Так нападая сзади на убегающего человека дог, настигнув бегущего, хватает зубами его за ноги или торс и валит на землю словно медведя (347, стр.509).

Люди, дразнившие собак, постоянно менялись, чтобы воспитать в собаке злобу ко всем людям, а не к конкретному человеку. На следующем этапе подготовки на одежду из шкуры надевали доспехи противника, затем доспехи надевали и на собаку, постепенно приучая ее сражаться в обстановке, максимально приближенной к боевой. Шипы на шлеме и ошейнике заменяли деревянными палочками. Собак приучали к толчкам, ударам по щиткам, звону оружия, лошадям (201, стр.525).

По всей вероятности, к VII в. значение боевых собак, в частности аланских догов, резко снижается смещаясь к косвенному участию в боевых операциях. Их начинают использовать в основном для охоты и охраны. Но еще в XIII в. в Европе упоминается пять пород аланской собаки, отличительными особенностями которых является белый окрас.

В осетинском языке сохранилась поговорка, свидетельствующая о боевом использовании этих собак в прежние времена «Бараджы уал – бахай арисынц» (360, стр.213-214) (стащат всадника с коня).

В отличие от аланской собаки, исчезнувшей с Кавказа еще в раннем средневековье, другая порода собак – кавказская овчарка сохранилась у алан в течении всего периода аланской истории и по сегодняшний день широко распространена на Кавказе. Эта порода берет начало от азиатских сторожевых собак, дошедших до Кавка-

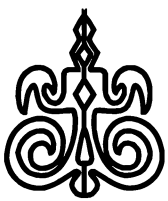
за со скотоводческими племенами (283, стр.104). Другие природные условия, климат, а может, и влияние местных пород несколько изменили овчарок. Так образовалась порода кавказских овчарок (рис.). Кавказская овчарка большого роста, голова с массивным широким черепом. Уши ей часто обрезают, чтобы волку было трудно справиться с собакой. Пастухи – горцы надевают этим собакам ошейники с металлическими шипами наружу. Бытование у алан сторожевых собак, типа кавказской овчарки подтверждается тем, что они были завезены первыми в XIII в. в Венгрию, где ныне известны только у ясов и кунов (куманов) под названием командор, якобы идущим от куманов. Командор – типичная кавказская овчарка, по археологическим находкам костей этой собаки в кунских поселениях ее появление на территории Венгрии определяется XIII-XIV вв. (250, с.42)

Древность и примитивность кавказских овчарок доказывает тот факт, что они относятся к тем немногим домашним животным, которые способны жить в естественных условиях и без помощи человека. Кавказская овчарка – одна из древнейших пастушьих собак Азии. Она мало подверглась влиянию человека и сохранила свой первоначальный тип в чистоте. Врожденных пастушеских рефлексов у ее щенков нет. Он проявляется лишь с возрастом по мере того, как молодые собаки перенимают опыт у взрослых. Но зато они от природы наделены силой, смелостью, злобностью и бережным отношением к овцам. Они способны на длительные кочевки в очень трудных условиях. Эти собаки недоверчивы и чутки, имеют качества хороших караульных собак (283, стр.104).

И, наконец, третья порода собак появляется у алан сравнительно поздно в XIII-XIV вв. и получает впоследствии название горской борзой (рис.). Их предками были большие, гладкошерстные, вислоухие борзые, попавшие на Кавказ вместе с турками. Горская борзая соединила в себе силу с прыткостью и «стальными» ногами, привычными к камням, не разбивавшимся ни в какую гололедицу (283, стр.64,81).

В нартском эпосе проходит четкое разделение на охотничьих псов (цуанон куыдз) (166, т.1, стр.187; т.2, стр.270) и пастушеских собак (диг:: фиййаукуй) (166, т.1, стр.275; т.2, стр.258). Чаще всего упоминаются борзые гончие «егар» (166, , т.1, стр.302, 368, 400; т.2, стр.142, 240, 285, 324, 391, 441, 445, 451; т.3, стр.165). Это и есть горская борзая, известная у соседних народов под сходным названием нахск.: «эр», акк.: «иэгар», каб.: «хIагер» от тюрк.: «агар // аьгар // эгер // игар» (182, стр.84).

Часто упоминаются в эпосе и дворняжки – кудыркудз» (166, т.1, стр.368; т.2, стр.324, 391, 449; т.3, стр.166) (дословно – «глупая собака»). Помесь борзой с дворняжкой получила название цбел (166, т.2, стр.324; т.3, стр.92). Говорится в эпосе и о собаке блудливой породы – гадза куыдзы мыггаг (166, т.1, стр.225; т.2, стр.187) и о породах «оленегонов» (172, стр.413). Следует добавить, что первопредком нартовских собак считалась собака Силам (166, т.3, стр.168).

ГЛАВА III.
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И ФОРТИФИКАЦИЯ

1. Военное искусство

Способы употребления вооруженных сил составляют формы ведения войны, учение о которых и называется военным искусством (340, т.2, с.16). В рамках данного раздела нами будут рассматриваться вопросы аланской стратегии и тактики, тесно связанные между собой. Стратегия охватывает вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне, ее планирование и ведение, исследует закономерности войны, разрабатывает способы и формы подготовки и ведения стратегических операций, определяет цели и задачи армиям, распределяет силы по театрам военных действий и стратегическим направлениям. Стратегия тесно связана с политикой государства и вытекает из требований военной доктрины. Тактика включает в себя теорию и практику подготовки и ведения боя соединениями, частями и подразделениями. В силу того, что военное искусство определяется уровнем развития производства и характером общественного строя, зависит от исторических и национальных особенностей страны, географических условий и т.п., применительно к аланам, на наш взгляд, целесообразнее рассматривать его по периодам.

Первый период (I-III)

Стратегия В начале новой эры образ жизни аланских племен соответствовал описанию Лукиана (род. ок. 125г. н.э.): «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападение, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи».(368, с.65) Действительно, кочевой образ жизни(295, с.39-40) определял главные принципы аланской стратегии этого периода. Основным видом военных действий были набеги на соседние страны с целью грабежа. Вот как подобное мероприятие 72 года описывал Иосиф Флавий (37 – ок. 100 г.): «... замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию,...аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противится, ибо и царствующий в этой стране Пакор убежал от страха в неприступные места. Итак, производя грабежи с большой

легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая» (22, т.2, с.336). Следовательно, основной стратегической концепцией алан было застать противника врасплох и не дать собрать армию, а стремительно промчаться по всей стране, опустошая ее, и в максимально сжатые сроки вернуться обратно с богатой добычей. В случае если подвергшаяся нападению страна успевала собрать войска, давалось одно генеральное сражение. При победе в нем «аланы, еще более рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с богатым количеством пленных и другой добычей».(22. т.2, с.336) Впрочем, аланы могли и не грабить страну, а, как свидетельствует Дион Кассий (род. 155 г.), «возвратиться в свою землю..., удовольствовавшись дарами»(8. ч.I. с.173).

Набег, как правило, предварял тщательный сбор разведывательной информации об объекте нападения, как то, богата ли страна достаточно, чтобы ради нее устраивать поход, и какое количество воинов необходимо для данного мероприятия. Примечателен в этом плане сюжет Нартского эпоса, когда пленный нарт Урызмаг просит прислать за себя выкуп «сто по сто однорогих быков, сто по сто двурогих, сто по сто трехрогих, сто по сто четырехрогих, сто по сто пятирогих»(166, т.2., с.82) и иносказательно дает понять, как найти дорогу в Черноморгород, где он заточен. Нарты догадываются, что старый нарт нашел неразграбленный город и зовет их поживиться, а в размерах выкупа скрыта информация о требуемых видах войск и их численности. «Однорогими быками пешее войско он называет, двурогими быками – конное войско, трехрогими быками – копьеносное войско, четырехрогими быками – панцирное войско, пятирогими – тех, что с головы до ног вооружены» (166, т.2., с.82). Имеются в эпосе и другие свидетельства об использовании лазутчиков. Так, Буртаг подсылает своего человека к Бора с целью вызнать, где находится не его панцире уязвимое место (8, с.115). С самого начала появления алан на исторической арене в их военной доктрине обнаруживается интересное отношение к широко практиковавшемуся наемничеству. Вот как это описывается у Тацита (55-117 гг.): «князья которых (сарматов – С.А.) по своему обычаю, взяв деньги с обеих воюющих сторон, обещали помощь той и другой» (8, ч.1, с.115). Это привело к тому, что использовать алан в качестве наемников стали с опаской. Тацит (55-117 гг.) пишет: «Они (язуги – С.А.) предлагали ... свою конницу, в которой одной у них заключалась вся сила; но это предложение было отклонено (из опасения) чтобы среди междуусобной войны они не замыслили внешних враждебных действий, или

чтобы из-за большей мзды со стороны противной партии не изменили своему долгу» (5, с.23).

В силу того, что основную массу аланского войска представляла конница, она жестко ограничивалась в своих возможностях, так как ей требовались пастбища для лошадей и домашних животных (в набегах часто участвовали целые племена с огромными обозами). Аланы не могли эффективно вести компании в зимнее время из-за недостатка фуража для лошадей, поэтому, покидая свои земли, они подолгу не задерживались в одном месте.(249, т.1, с.241).

Полиен (соч. 162 г.) отмечает, что «тавры, скифское племя, предпринимая войну, всегда перекапывают дороги в тылу и, сделав их непроходимыми, вступают в бой; делают они это для того, чтобы, не имея возможности бежать, необходимо было победить или умереть» (21, 1948 №2, с.218).

Бесспорно, аланская тактика данного периода определялась вышеперечисленными стратегическими концепциями. Тактика – это совокупность способов и средств ведения боя. Общей ее модели (как то высказывание исследователей, что аланы всегда атаковали клином и т.п.) не может быть, поскольку в каждом конкретном случае она является результатом взаимодействия трех факторов: намерений и возможностей нападающих, возможностей и намерений обороняющихся, использования обеими сторонами внешних условий (рельефа местности, освещенности, погоды и т.п.) (347, с.32). Тактическое мастерство заключается в умении нейтрализовать преимущества противника, обратить его слабости себе в пользу, с максимальной выгодой использовать внешние условия, в полной мере реализовать свои возможности (347, с.32).

Поскольку любое сравнение складывается из нескольких этапов (оценки противниками друг друга, завязки боя, его кульминации и, наконец, выхода из боя) на наш взгляд целесообразнее рассматривать комплекс тактических приемов для каждого из них по отдельности.

Как уже отмечалось выше, оценка противника аланами производилась заочно, с помощью агентурных сведений, а схватка начиналась с внезапного нападения. Однако если противник все же успевал подготовиться к бою, войска становились друг против друга (часто на противоположных берегах реки, чтобы исключить внезапность атаки) и начинали изучать соперников. Для этой цели служили и поединки между сильнейшими воинами, и даже, как свидетельствуют античные авторы (Страбон (22,т.2, с.266)), грузинские летопи-

си, между предводителями: Царь овсов Бадук послал ему (Сумбату – царю Армении – С.А.) гонца с вызовом на поединок. Победа или поражение поединщика оказывало сильное моральное воздействие на все войско.

Для введения в заблуждение противника относительно численности своего войска еще скифами использовалась следующая военная хитрость, упоминаемая Полиеном (соч. 162г.) (21, 1948 №2, с. 217, 220), Юлием Фронтином (втор. пол. I в.): «Скифский царь Атей, когда ему пришлось сразиться с превосходными силами трибаллов, приказал женщинам, детям и всей нестроевой толпе, подогнать к тылу неприятелей стада ослов и быков и нести впереди поднятие копья. Затем он распускал слух, что будто к нему идут подкрепление от более отдаленных скифов. Этим уверением он побудил неприятелей отступить (21, 1949 №2 с. 356).

В I в. у алан продолжит применяться тактика скифских легковооруженных учеников; так, Амвросий (333-397 гг.), описывая их набег на Армению в 72 г., отмечает любимую или привычку сражаться издали и способности убегать. Такая конница, подвижная и маневренная, внезапно атаковала противника и быстро отступала в случае неудачи. Для нее характерен боевой строй типа лавы, когда атакующие всадники осыпали врага дождем стрел и пытались расстроить его ряды еще до перехода в рукопашный бой, которого старались избегать. Но элитарные части стягивались в конный кулак, обычно в центре войска, для населения в случае необходимости решающего удара по противнику (368, с.68).

Сражение аланы начинали чаще всего внезапной лобовой атакой своей подвижной и маневренной конницы. Сблизившись с противником на расстоянии выстрела, они осыпали его дождем стрел, поскольку лук был их массовым оружием. Подобное, как считали античные тактики, вызывало замешательство «вызывало замешательство в рядах противника, который, потеряв множество людей и лошадей» (8, с.152), не сможет оказать серьезного сопротивление или довести атаку до конца. Затем следовал копейный удар, окончательно расстраивавший строй противника, после чего начиналась рукопашная схватка, которую аланы, благодаря своим длинным колющим мечам, вели не спешиваясь. Впрочем, по свидетельству Тацита (55 – 117гг.), стрельба из лука не всегда предваряла атаку: Они (сарматы – С.А.) все подстрекают друг друга не допускать в битве метания стрел, а предупреждать врага сильным натиском и вступить в рукопашную; ... сарматы, оставив луки, которыми они не могли

действовать так далеко, бросались на них (парфян – С.А.) с копьями и мечами (21, 1949 №3, стр.219).

Военачальники занимали место в центре войска и, как пишет Ксенофонт, «они таким образом находятся в наибольшей безопасности, если они с обеих сторон имеют свое войско, и что в случае необходимости передачи приказа войско будет оповещено о нем в половину времени (368, с.68) .

В ближнем бою все войско принимать участие не могло. Воины, вооруженные коротким мечом и кинжалом, должны были составлять нечто вроде второго эшелона, шедшего за ударным кулаком аристократических дружин. Те из них, которые были вооружены только луком и стрелами, в рукопашной схватке были вообще бесполезны. Они могли составлять прикрытие, участвовать в первом натиске, пытаясь расстроить ряды противника, не прибегая к ближнему бою, осуществлять маневры обхода и охвата, преследовать неприятеля и т.д.(368, с.70). Однако для схватки с серьезным противником римлянами, римлянами, парфянами и т.п. Эта тактика была мало эффективной. Так, Страбон (66 г. до н.э. – 24 г. н.э.) пишет о том, что роксоланы, несмотря на то, что выказали себя народом воинственным, но против стройной и хорошо вооруженной фаланги всякое войско оказывалось слабым, слишком легко вооруженным, и роксоланы, которых было около 50 тысяч, не могли устоять против 6-ти тысяч выстроенных под предводительством Диофанта, полководца Митридатова, и большая часть войска их погибла (5, с.19).

Борьба с таким противником требовала выработки новых тактических приемов и вооружения. Создание на Северном Кавказе следует связывать с племенем алан, благодаря нововведениям которые, как писал Аммиан Марцеллин, «мало – помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности» (21, 1949 №3, с.303). Реформы отразились в появлении в I в специализированной тяжелой конницы – катафрактариев, атакующих противника в определенной тактической целью (против, реже охват). Для катафрактариев характерны специфическое вооружение и специфические способы ведения боевых действий (368, с.72). Раньше тяжеловооруженные всадники могли образовывать массы, но согласованности действий строго не были обучены и после атаки рассыпались. Такие воины представляли собой грозную силу во время рукопашной схватки, но бились они каждый сам по себе, (350, с.97) в то время как катафрактами могли успешно действовать только целыми подразделениями (368, с.72).

В качестве вспомогательного оружия аланские катафрактарии имели лук, как это можно видеть на изображениях (Табл. XLVI, 2).

Особенности вооружения катафрактариев определили применявшиеся ими боевые порядки и тактические приемы. Они всегда атаковали неприятеля в тесно сомкнутые строю, который давал возможность наилучшим образом использовать преимущества вооружения и свести до минимума его недостатки: ограниченную подвижность и вызванную этим слабую маневренность. Отряд катафрактариев, ощетинившихся пиками, малоуязвимый для стрел и дротиков, имевший достаточную защиту от ударов копий и мечей представлял собой грозную силу (368, с.74). По отдельности же катафрактарии были уязвимы и становились довольно легкой добычей, особенно, будучи сброшенными с коня. Вот как это описывает Тацит (55-115 гг.): римляне «напали на них (роксоланов – С.А.) врасплох в то время, когда они рассыпались по стране, не приняв мер предосторожности. У римлян было все приспособлено к сражению, сарматы же были рассеяны вследствие жажды добычи или обременены тяжестью вьюков, и в то время как лошади их по причине скользкости дорог не могли иметь своей быстроты, были убиваемы словно связанные. В самом деле, замечательно, что вся храбрость сарматов заключается как бы вне их самих. Нет ничего более трусливого, если нужно сражаться пешим, но, как только они появятся эскадронами, почти никакой строй не в состоянии оказать сопротивление. Но тогда, в мокрый день и на растаявшем льду, ни длинные пики, ни длинные мечи, которыми они управляют обеими руками, не могли им служить по причине падения лошадей и тяжести чешуйчатых панцирей. Это прикрытие носят у них предводители и все благородные. Оно составляется из железных блях или очень твердой кожи, будучи непропускным для ударов, оно в то же время неудобно, когда нужно подняться (после падения). Вместе с тем они утопали в глубоком и рыхлом снегу. Римский солдат, не стесненный легкими латами, нападая с коротким метательным копьем или длинными пиками, когда требовалось, легким мечом закалывал безоружного сармата» (5, с. 22).

В зависимости от конкретной задачи и особенностей противника, катафрактарий применяли различные построения (368, с.74). При достаточно большом количестве этих всадников, ровному рельефу местности, глубоком построении неприятеля и стремлению одним ударом уничтожить врага они предпочитали выстраиваться фалангой. Кавалерийская фаланга, подобно пехотной, была поделена на тактические единицы и соединялась только перед самым копейным

ударом. Недостатком ее было неспособность всадников задних шеренг создавать напор на передние, как в пехоте. Попытайся они это сделать – лошади сгрудились бы плотной массой, начали беситься, перестали бы подчиняться команда всадников и, наконец, расстроили боевой порядок (350, с.88).

Хотя описание построения аланской конной фаланги не сохранилось (только Лукиан Самосатский II в. упоминает скифскую фалангу), надо полагать, что она имела ту же структуру, что и более поздняя византийская. Последняя строилась в четыре шеренги. Византийцы не сочли нужным строить конницу в более глубокую колонну, поскольку лошадьми создавать давление на первые шеренги невозможно (350, с.50-52).

Первую шеренгу и крайние ряды на фалангах составляли катафрактарии, у которых лошади были защищены полным или нагрудным панцирем. В строю они действовали копьем и длинным мечом. Неизвестно, имелись ли у них щиты, но, если они и были, то небольших размеров – для удобства. Лошади следующего за катафрактариями ряда воинов не были покрыты доспехами, поскольку в этом не было необходимости. Сами же воины носили панцири и имели на вооружении длинное копье – контос. Этот вид оружия отмечается античными авторами со 2-ой пол. в. называющими его типично сармато – аланским оружием, отличающимся большими размерами, так что всадникам приходилось орудовать им в бою обеими руками (330, с.130). Флавий Арриан (труд 137 г.) называет таких всадников по основному наступательному оружию – «контосу» – контофорами (330, с.130). Однако, судя по всему, более распространенным принципом действия контоса был тот же, что и у палты парфянских катафрактариев: поскольку большая длина и тяжесть копья затрудняли действие всадника, оно фиксировалось с помощью ремней на корпусе коня. (Более подробно об этом говориться в разделе о копьях). В.В. Тараторин считает, что подобный способ крепления палты был заимствован парфянами у сармато – алан (350, с.97).

Благодаря фиксации копья всадник не рисковал потерять его в случае ближнего боя. Если врагу удавалось миновать первую шеренгу катафрактариев, контофор просто бросал копье и выхватывал оружие ближнего боя, а затем мог вновь воспользоваться контосом. Маловероятно, чтобы такими копьями была вооружена первая шеренга ввиду ограниченности угла поражения. Кавалеристу, непосредственно сталкивающемуся с врагом, необходима свобода действий, возможность наносить удары копьем на любую сторону от го-

ловы коня, контосом же можно было колоть только вперед. Всадники второго ряда могли использовать это оружие более эффективно; его длина (4,5-5 м.) позволяла им вступить в рукопашную одновременно с первой шеренгой (350, с.152). Щитов они не имели, поскольку пользоваться ими контофору было чрезвычайно затруднительно. Остальные две шеренги состояли из легковооруженных конников, которые при необходимости могли использоваться и для рассыпного боя (350, с.88,152). Благодаря тому, что все кавалеристы (кроме контофоров) владели луком, в случае неудачной атаки тяжелая конница, рассыпавшись, могла применить это оружие (350, с.153).

Подобное оружие разделения кавалерии можно увидеть у Флавия Арриана (труд 137 г.): «Копьеносцы – это те, кто сближается с противником и сражаются копьями, или бросаются в атаку с пиками (контосами), как аланы и савроматы; стрелки и метатели те, кто применяет метательное оружие на расстоянии, подобно Афинам и тем из парфян, которые не являются пикейщиками (330, с.130).

Замена погибших, как и в любом кавалерийском строю, происходила не путем выдвижение вперед позадистоящего, как в пехоте, а смыканием рядов, то есть в случае гибели лошади или всадника, кавалеристы на ходу справа и слева сближались друг с другом, закрывая брешь (350, с.294).

Другим излюбленным построением катафрактариев был клин, не требовавший больших кавалерийских масс, как фаланга. Спор, возникший по поводу отрывка из труда Арриана «Тактика» (137г.): «Клинообразный строй больше всего, как слышно, употребляют скифы и фракийцы, перенявшие у скифов» (21, 1948, №1, с. 281), для нашей работы не существенен. Вне зависимости от того, подразумевались ли в этой фразе под скифами аланы или нет (330, с.133), атака клином должна была иметь место у алан в силу наличия у них катафрактариев. Так, несколько позднее Аммиан Марцеллин (VI в) пишет, что военное искусство аланов напоминает военную тактику гуннов, которые «вступают в бой, выстроившись клинообразной массой»(192, с.41). Об использовании аланами клина писал и Лукиан Самосатский (род. ок. 125г.), упоминавший, что они во время битвы «разрезали на две части войско скифов» (358, с.8). У этого автора прекрасно описаны преимущества, достигающиеся атакой: «Мы (скифы – С.А.) двинулись им (аланам – С.А.) навстречу, выслав вперед конницу. После долгого и упорного сражения наши стали поддаваться, фаланга начала расстраиваться и, наконец, все скифское войско было разрезано на две части, их которых одна обратила тыл, но так, что

поражение не было явным и ее бегство казалось отступлением; да и аланы не осмелились далеко преследовать; другую часть, меньшую, аланы и окружили и стали избивать, бросая отовсюду тучи стрел и дротиков, так что наш окруженный отряд оказался в очень бедственном положении и многие стали уже бросать оружие (21, 1948, №1, с.313). Как был удобен для атаки на пересеченной местности и в случае, когда фронт противника был растянут. Как указывал Аррриан (II.), «заостренный фронт позволял легко прорывать вражеский строй» (330, с.133). Строй тяжелой кавалерии не предназначался для затяжного рукопашного боя. Их задачей было прорвать построение противника и рассеять его. В случае неудачной атаки всадники немедленно отступали и строились вновь (350, с.240). Строиться клином было и проще, поскольку в большом сражении, для которого могли объединиться сразу несколько аланских племен (общин), каждое из них могло воевать отдельным подразделением по принципу римских манипул. Прогрессивность клина (необязательно имевшего форму правильного треугольника) была в том, что в бою он не имел на линии фронта слабых мест, как фаланга. В клине в рядах находилось только четное или только нечетное число бойцов; к примеру, в первом ряду – шесть воинов, во втором – восемь, в третьем – десять, в четвертом – двенадцать и т.д. до наиболее подходящего, по мнению полководца, количества. Затем это число повторялось в каждой последующей шеренге по всей глубине строя (350, с.140).

Разница была в том, что в фаланге воин второй шеренги на углу прикрывал двоих, а то и троих впередистоящих, а в клине была постоянная связка как минимум из двух – трех воинов (350, с.141). Схема расположения воинов такая же как у фаланги, – по краям находятся катафрактарии, за ними следуют контофоры, а центр занимают легковооруженные лучники. Поскольку у катафрактариев же имелись луки в качестве вспомогательного оружия, атаку претворял дождь стрел. Они были эффективны и против окруженного противника, которого просто расстреливали, не вступая в ближний бой (368, с.86).

В зависимости от тактических задач в ходе боя построения могли меняться, как это следует из описания Тацитом (55-117 гг.) битвы соединенного сармато – иберо – албанского войска с парфянами в 35 г. (8, ч.1 с. 116-117). Сарматы, не добившись успеха первым копейным ударом, продолжали атаковать еще несколько раз то отдельными отрядами, то в сомкнутом строю, пока не одержали победу (368, с.88). Это, как справедливо отмечает А.М. Хазанов, было значительным шагом вперед в сарматском военном искусстве, поскольку атака

теперь производилась не сплошной лавой или массированным конным кулаком, а отдельными крупными отрядами, координировавшими свои действия.

Арриан (труд 137 г.) также отмечает искусство аланских катафрактариев «ходить в атаку поочередно, то, отступая, то, наступая.»(330, с.132). В другой работе этого автора «Диспозиции против аланов» рассматриваются возможные варианты проведения аланами атаки. Основным тактическим приемом считается лобовая атака по центру катафрактариев с целью прорыва строя. Однако она могла оказаться отвлекающим маневром для обхода и атаки одного или обоих флангов (сменив направление атаки путем разворота по дуге в сторону флангов) и удара в тыл армии. Подобный прием был наиболее эффективным при растянутом фронте противника, когда сосредоточенная в центре пехота не успевала оказать помощь флангам, которые, чтобы не быть обойденными, растягивали и тем самым ослабляли боевую линию – в этот момент «заметившие ослабление флангов неприятели» врубятся в пехоту противника (330, с.131-132). После неудачной атаки аланы могли отступить и повернуть назад, тогда, по мнению Арриана, наступает наиболее решающий момент в ходе сражения, так как они обладают способностью быстро превратить свое отступление в победу (192, с.27). Этот маневр, известный еще у скифов, получил название ложного отступления: когда пехота противника, расстроив свои ряды, бросалась преследовать аланскую конницу, она, стремительно развернув лошадей, «перехватит инициативу, перейдет вновь в контратаку» (3, с.153) и обрушится на практически уже беззащитных пехотинцев, которые потеряли всякую организацию во время преследования (192, с.27). (С.М. Перевалов доказывает, что у Арриана не имеется указаний на использование маневра «ложного отступления»(330, с.132), на наш взгляд, речь идет именно о нем.). Б.С. Бахрах указывает на использование аланами при отступлении и другой тактики, когда, развернувшись боевым строем перед вражеским флангом, они использовали маневр стремительного отступления. Пока пехота противника сосредотачивалась для нападения на отступающих алан, конница последних внезапно разворачивалась и ударяла по флангам. (192, с.27). Тактика ложного отступления (правда, речь идет об индивидуальной манере боя, поэтому уместнее называть ее тактикой Горация) известна и в Нартском эпосе. (166, т.2, с. 269, 165, 172). Даже отступающие аланы представляли серьезную опасность, поскольку источники часто отмечают их искусство стрелять с коня назад. Так, Тит Ливий (59г. до н.э. – 17 г.

н.э.) упоминает среди аланских всадников «конных стрелков и притом таких, которые, повернув коня и, уезжая назад, тем вернее поражают врагов, так что от них ничего не может укрыться.»(21, 1949 №1 с. 216).

Даже в случае поражения отступление происходило организованно, а не превращалось в паническое бегство. Так, Иордан сообщает, что после сокрушительного поражения под Никополем (250 г.) скифы (аланы? – С.А.) в порядке отступили в горы и форсировали горные проходы с целью соединения с другим отрядом (238, т.1, с. 293).

Очень интересно описание Полиеном (соч. 162 г.) боевых действий методами командой, т.е. внезапным точечным ударом небольшим элитарным воинским соединением по руководящему центру неприятеля. Амага, жена царя сарматов Медосакка, желая наказать непокорного царя скифов «выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадий, внезапно явилась ко двору царя и перебила всех стражей, стоявших у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и вообразили, что нападающих не столько, сколько они видели, а гораздо больше. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей.»(21, 1948 №2, с. 219).

Оборонительная тактика применялась только в безвыходной ситуации, когда избежать схватки не было возможности. Как правило, это случалось, если в составе аланского войска находилась пехота или армия была обременена богатой добычей.

В обороне боевой порядок алан имел тактическую глубину, что придавало ему устойчивость и способность лучше изматывать противника фланговыми ударами с последующим его окружением. Для ослабления силы сопротивления врага старались использовать особенности рельефа местности.(340, т.2, с. 452).

Классическим примером может служить сражение с римлянами при Абритте («форум Семпрония») в 251 г., попав в стратегическое окружение, аланы начали мирные переговоры, предложив возвратить всю свою добычу за возможность беспрепятственно отступить, но получили отказ. Тогда они построились для оборонительного боя, использовав болотистую местность. Боевой порядок состоял из трех линий. Главные силы находились в третьей линии, расположенной за болотом, через которое, по-видимому, были устроены скрытые проходы для отступления первой и второй линии. Римляне, выстроившись

фалангой, рассчитывали смести противника одним мощным ударом. Опрокинув первую линию оборонявшихся, они предприняли атаку второй линии, которая также закончилась успешно, но основательно измотала легионеров. Римский историк Зосим, так описывает дальнейшие события: «Когда и эта (т.е. вторая линия) была опрокинута, вблизи болота появились немногие из третьей линии. И тут Деций (римский император – С.А.) по совету Галла – идти через болото, не зная местности, – неосмотрительно произвел нападение и увяз в болоте со всем войском. Поражаемый со всех сторон метательными снарядами варваров, он погиб вместе с теми, кто был с ним.»(238, с.294) Таким образом, первые две линии бороны, измотав и ослабив римлян, увлекли их за собой к болоту, где главные силы третьей линии контратаковали римлян с флангов и завершили их окружение.

Даже попав в окружение, аланам удавалось одержать победу, как об этом свидетельствует Зосим, описывая события 256 г. когда, будучи окруженными римскими войсками и потеряв много воинов, скифам все же удалось обратить в бегство пехоту противника и только «появившаяся вовремя конница (римлян – С.А.) умерила тяжесть понесенного поражения»(21, 1948 №4, с. 279).

Особое внимание уделялось аланами безопасности войска в походе и на привале, поскольку в этот момент оно подвергается большим опасностям, чем во время боя.(340, Т.1., с. 477). Зная это, аланы и сами широко практиковали нападения на войска противника на марше, как это было в 250 г. у Бероа, где римские легионы, расположившись на отдых после утомительного марша, и были обращены в бегство внезапно атаковавшими аланами под командованием Книвы (238, с.293-294).

Сами аланы, располагались на отдых, сооружая полевую фортификацию из неотъемлемой принадлежности своей кочевой жизни – кибиток «с изогнутыми покрышками из древесной коры» (21, 1949 №3. С. 304) На привале, как сообщает Аммиан Марцеллин (род. ок. 330 г.), «они (аланы – С.А.) располагают в виде круга кибитки.»(21, 1949 №3. с. 304). Подобный тип оборонительного сооружения получил широкое распространение у многих народов, поэтому его устройство хорошо известно. Иногда возводился вал, на который в круг ставились повозки обоза, колеса которых соединялись между собой, прикреплялись к грунту и засыпались землей до ступиц так, что видны были только верхние полукружья повозок. Для вылазок из лагеря оставлялся надежно охраняемый выход (340, т.1, с. 503). Использование подобного средства защиты у алан сохраняется и в

более позднюю эпоху, когда уже исчезают кибитки. Так, в Нартском эпосе упоминается, что на привале в далеком походе нарты «арбы расставляли вокруг себя для обороны от нападения.»(166, т.2, 1989, с. 144). Впрочем, подобное фортификационное сооружение можно было быстро сделать и при внезапном нападении противника на войско находящееся непосредственно в движении. Можно предположить, что такое укрепление могло даже передвигаться, как это вытекает из сообщения Юлия Капитолина о событиях 267 г., когда «скифы, сделав укрепление из повозок, попытались бежать через гору Гессак.»(21, 1949, №3, с. 262).

Техника осады укреплений у алан находилась на должном уровне. Они не довольствовались уже прежним положение вещей, когда городское население отсиживалось за прочными фортификационными сооружениями, а кочевники, разграбив посад, спокойно удалялись даже не пытаясь штурмовать город. Хотя подобное продолжало иметь место в небольших набегах, крупные походы, как правило, сопровождались осадой и штурмом вражеских крепостей, для которых, по данным источников, аланы применяли осадные машины – тараны, складные штурмовые лестницы, осадные башни на колесах. Дексипп (III в) так описывает эти осадные орудия: они состояли из крепко сколоченных в виде четырехугольника бревен и представляли собой машины, похожие на домики; натянув над ними кожи, чтобы обезопасить себя от всяких бросаемых сверху снарядов, они приближались к городским воротам, выставив перед собой щиты и передвигаясь на колесах и рычагах (21, 1949, №2, с.309). Для пробивания брешей в стенах использовались тараны в виде длинных бревен «окованных железом во избежание поломки при ударе. Чтобы взобраться на стену применялись штурмовые лестницы, «Из которых одни сколочены были по прямой линии, а другие были на колесах и сгибались в обе стороны, эти последние, приблизив к стене, разгибали при помощи канатов, прикрепленных к вершинам лестниц, чтобы выпрямить и прислонить к стенам». Для этих же целей использовались деревянные башни на колесах «равной высоты со стеной», «чтобы, приблизившись, бросить с них помосты и устроить переход по ровному месту». Некоторые из них обшивали «спереди тонким листовым железом, спускавшимся по брусьям на большое пространство, другие – кожами и другими несгораемыми материалами» (21, 1949, №2,с.310).

Наиболее замечательным образцом аланского осадного искусства служит штурм Филиппополя (250 г.), имевшего сильный римс-

кий гарнизон, о котором сообщает Дексипп. Обложив город со всех сторон, аланы провели рекогносцировку его укреплений, выявили наиболее слабые места обороны и приготовили все необходимое для последовавшего затем штурма. В то время, как легкая пехота алан обстреливала стены, остальные воины подкатили башни, установили тараны и начали пробивать бреши. Оборонявшиеся метали большие камни, горящие факелы, смолу, серу, поджигая и разрушая осадные машины. Несмотря на это, тяжелая пехота алан установила штурмовые лестницы и пыталась овладеть крепостными стенами. Однако штурм был отражен (238, т.1, с. 293).

После неудачного штурма аланы перешли к осаде города, засыпав ров и возведя земляные насыпи, которые вскоре достигли высоты стен. Тогда оборонявшиеся стали надстраивать стены и срывать ночными вылазками осадные работы. Однако с подходом к аланам подкрепления, горд пал (238, т.1, с.293-294).

Таран в виде комлевых деревьев, вырванных с корнем (ædкъалуа бælæстæй), описывается и в нартском эпосе (166, т.1, с.196; т.2, с.148). О применении при осаде катапульты упоминается и в Нартском эпосе в связи с походом нартов на крепость Хизы, где с ее помощью были разрушены стены крепости. Повествование иносказательно: сообщается о большом луке и стреле, к которой привязывают Батраза, и стреляют им в сторону осажденных (172; 166, т.3, с.86) (в более поздних сказаниях речь идет о пушке (166, т.2 с.252, 256, 257, 279, 288, 295, 300, 312, 401)). В случае неудачи штурма приступом, по достоинству Дексиппа (III в), рядом с городской стеной возводился высокий вал, «чтобы можно было сразиться, стоя в уровень с врагами». Вал насыпался на деревянный каркас, причем иногда, перебив «ненужный вьючный скот и тех пленных, которые были удручены или болезнью или старостью», туда забрасывали трупы. Последние на третий день раздувались, придавая насыпи значительную высоту (21. 1948. №2, с.310).

Второй период (IV-VI вв.).

Великое переселение народов внесло значительные изменения в стратегическую концепцию алан. Взамен быстрого, внезапного набега, когда нападавшие удовлетворялись поверхностной добычей, получают распространение грандиозные походы, в которых грабеж осуществлялся неспешно и методично. Естественно, подобные мероприятия требовали значительной военной силы, гораздо большей, чем представляли собой аланские племена, поэтому начинает широ-

ко использоваться практика совместных походов с другими народами. Следует отметить, что нечто подобное имело место еще на раннем этапе аланской истории, когда, как пишет Моисей Хоренский (V в.), «аланы, соединившись с горцами и, привлекши на свою сторону половину Иверии» (43, т.1, с. 68), осуществили набег на Армению в конце I в. Однако если в то время аналогичный факт был достаточно редким явлением, то с IV в. совместные военные мероприятия получают повсеместный характер. Влившись в гигантский поток кочевых народов, двигавшихся на Запад, аланы попадают в эпицентр политической жизни Европы. Беспрестанные сражения, непрочные союзы, в которых соратники, сражающиеся плечом к плечу, на следующий день уже бились насмерть, стремительные взлеты и сокрушительные падения – вот реалии той атмосферы, в которую погрузились аланы. Говорить о какой-либо стратегии в этот период невозможно, господствовал только один принцип – выжить любой ценой в этой «войне всех против всех» и добиться могущества. Так, Павел Оросия (Vв.) говорит «о частых раздорах между собой самих варваров, когда по очереди два клина готов, а затем аланы и гунны грабили друг друга, производя разные убийства» (208, с. 61).

Привлечение алан на военную службу в качестве федератов сыграло для них весьма положительную роль, поскольку, как всякие кавалеристы они могли вести длительные боевые действие только при условии жесткой организации и будучи встроены в регулярные армейские соединения с соответствующим штабным обеспечением. В противном случае результативность их применения была крайне ограниченной, т.к. такие соединения могли передвигаться лишь там, где находили пастбища для лошадей и домашних животных, которые их сопровождали – обычно они, как и племена, передвигались в сопровождении больших обозов, и поэтому были неспособны вести эффективную зимнюю кампанию из-за недостатка фуража. В связи с тем, что аланская кавалерия могла существовать лишь найденным на месте кормами, а число животных, нуждающихся в прокорме, было чрезвычайно велико, организованные подобным образом войска вынуждены были постоянно перемещаться, независимо от требований боевой обстановки (238, т.1, с. 331).

Таким образом, отсутствие у алан стратегической концепции определяло многообразие тактических форм, причем невозможно говорить о собственно аланской тактике, поскольку практически все известные нам битвы этого периода велись ими в составе союзных войск. Построения последних, как правило производилось по ро-

доплеменному признаку, причем каждому из союзников отводилась специальная тактическая задача, определявшаяся преобладавшими у него родами войск. Так было, к примеру, в сражении под Адрианополем (378г.), где аланская и остготская конница рассеяла ряды римлян, а вестготы изрубили римскую пехоту (295, с. 64, 65). Опорным пунктом готов в полевом бою являлось укрепление из повозок, скрываясь за которыми, пехота успешно отразила атаку римской конницы. Исход боя решил внезапный удар алано-готской кавалерии по правому крылу римлян, когда те только приближались к фургонному форту. Сняв их, некоторые алано-готы устремились сквозь вражеский лагерь, другие обогнули римскую армию, чтобы одновременно с вестготской пехотой контратакой из-за лагерных укреплений с тыла атаковать ее кавалерию левого фланга. Римская конница обратилась в бегство, оставив на поле только пехоту, не вполне развернутую и не располагающую местом для маневра. Теперь алано-готская кавалерия роилась вокруг флангов и тыла легионеров, в то время как пешие вестготы, выйдя из лагеря, ринулись вниз по склону холма на римские передовые линии. Битва обернулась побоищем, в котором погибли император Валент и 40 тысяч (в других источниках 34 тысячи) легионеров – две трети войска (238. т.1, с. 317-318).

Нельзя не упомянуть об участии алан в одной из решающих битв мировой истории, а именно о сражении Каталоунских полях 15 июля 451 г («Битва народов»). Помимо основных участников этой битвы – римлян, во главе с Аэцием и гуннов во главе с Аттилой, на стороне каждого из них участвовало множество союзников. Аттила разделили свои силы на три главных части: сам он командовал гуннами в центре, остготы располагались у него на левом фланге, а большинство других германских союзников – на правом. Аэций разместил вестготов во главе с Теодорихом (по большей части тяжелую кавалерию) справа от себя и лично командовал левым крылом, которое состояло, главным образом, из его легионов, тяжелой кавалерии и франкской пехоты. Ненадежные аланы (Б.С. Бахрах и В.А. Кузнецов не согласны с Иорданом относительно роли алан в этом сражении, указывая на то, что последние были выдвинуты на самый опасный участок (295, с. 71, 192, с.82-83), однако именно поэтому мы склонны признать правоту источника, к тому же этот участок для римлян не был решающим) во главе с Сангибаном были размещены в центре, возможно, поддерживаемые контингентом тяжелой римской пехоты или кавалерии, чтобы удержать их от соблазна дезертирства или смены сторон. С Аэцием был Торисмунд (сын Теодориха) и

восточный контингент – не исключено, что в роли заложника (238, т.1, с.348).

Очевидно, битва началась, когда Аэций послал контингент Торисмунда захватить высоты, господствовавшие над правым флангом гуннов. Аттила ответил общей контратакой, которая проникла глубоко в центр боевых порядков союзников, когда аланы все-таки дезертировали или просто бежали с поля боя (по другим источникам, продолжали стойко держаться (192, с.82)). Тем не менее, франки и римляне слева и главная масса вестготов справа держались твердо. А яростные атаки гуннов не были в состоянии выбить Торисмунда из его изолированной позиции. Теодорих атаковал остготов перед его фронтом, и хотя престарелый правитель в этом беспорядочном сражении погиб, разъяренные гибелью вождя вестготы медленно оттесняли назад своих остготских родичей. Тем временем на левом фланге союзников Аэций вновь соединился с Торисмундом. Теперь, очевидно, в соответствии с заранее составленным Аэцием планом битвы, гуннам угрожало двойное окружение. С приходом темноты вестготский контингент на правом фланге разбил находившихся непосредственно перед ним противников, тогда как сам Торисмунд достиг укрепленного гуннского лагеря еще ранним вечером, но был отброшен гуннской кавалерией, посланной Аттилой. После этого гунны отступили, хотя отдельные беспорядочные стычки продолжались всю ночь, пока рассеянные гуннские отряды пытались вернуться в свой лагерь (238, т.1, с.348). По свидетельству близких к тому времени людей в «битве народов» погибло около 300 тысяч человек (238, т.1, с.348), хотя, по свидетельству Иордана, с обеих сторон пало 165 тысяч (295, с.70).

Основным изменением у алан в период IV – VI вв. было исчезновение тяжеловооруженных всадников – катафрактариев. Это было вызвано тем, что, если ранее основным противников алан были пехотинцы, то с началом эпохи великого переселения народов им приходится иметь дело с легковооруженными кочевниками. В борьбе с последними копейная атака катафрактариев не могла решить боя. Ведь даже тяжеловооруженный всадник был уязвим для стрел и дротиков, а организация войска не позволяла обеспечить его прикрытием до момента атаки. Короче говоря, схватка степной конницы была слишком маневренной для проведения копейной атаки плотным строем: противник попросту уклонялся от нее и засыпал катафрактариев стрелами – оружием куда более действенным (248, с. 33). Уже Аммиан Марцеллин (род. ок. 330г.) сообщает об аланах,

что они «очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов (21, № 3, с.305).

Исчезновение катафрактариев и контофоров привело к тому, что аланы уже не могли задействовать в рукопашном бою одновременно две первые шеренги, потому что не обладали такими средствами нападения, как 4-4,5м контосы. Бой отныне вели только тяжеловооруженные всадники первого ряда, остальные оказывали им поддержку в случае необходимости (350, с. 213). Однако такое построение привело к тому, что аланы оказались беспомощными перед византийской фалангой, с которой им пришлось столкнуться в ирано-византийских войнах (VI-VII вв.). Наглядной иллюстрацией новой аланской тактики может служить сражение на р. Гиппис в 550г. объединенного войска персов и алан с византийцами и лазами. Не умея опрокинуть византийскую фалангу, персы и аланы начали обстреливать ее из луков, надеясь, что «благодаря массе стрел они очень легко обратят врагов в бегство», однако они «пускали стрелы в гораздо меньшем числе, чем их противники» и «большинство их (стрел – С.А.) попадало в щиты и отскакивало от них» (33, с. 398, 399). В результате аланы с персами потерпели поражение.

В этом сражении аланами использовался прием прикрытия отступающего войска путем оказания сопротивления противнику в наиболее узком месте, где один человек мог противостоять целому войску: и один из аланов, выдающийся смелостью духа и силою тела и исключительно искусно умеющий посылать стрелы той и другой рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и оказался, сверх ожидания, непреодолимой преградой для наступающих. Но Иоанн, сын Фомы, подойдя к нему очень близко, внезапно поразил его копьем, и таким образом римляне и лазы овладели лагерем» (33, с. 399).

В этот период предводители аланских отрядов, как правило, сражаются в первых рядах войска, что зачастую приводило к поражению алан, поскольку в случае гибели военачальника, что при подобном построении было довольно частым явлением, они обращались в бегство. Моисей Хоренский (V в.) так описывает сражение под Вагаршапатом между армянами и аланами. В таком поведении неприятель (аланы – С.А.) вынужденным нашелся выстроить чело своего войска к бою. Предводителем копейщиков выступил какой-то чудовищный исполин (Анариска – согласно Ю.С. Гаглойти) во всеоружии, весь покрытый густым войлоком, он совершал чудеса храбрости посреди войска. Наконец, одному из армянских полководцев удается копьем опрокинуть «через зад лошади ужасное чудовище.

Такой случай принудил к бегству неприятелей, а полкам армянским придал отваги на победу» (43, с. 149).

Поединки богатырей, предваряющие сражение, получают еще больший размах, чем в раннее время. Однако подобное имело место только на Кавказе, у алан, двинувшихся на Запад, они не практиковались. Грузинские летописи сообщают, что противоборствующие войска разбивали лагеря по обоим берегам реки, обезопасив к ним подступы и стояли в бездействии 7 дней в течении которых «над рекой вели поединки лишь бумберазы» (29, с.82). В этих схватках один на один участвовали прославленные войны, предводители и даже цари. В отдельных случаях в поединке принимало участие сразу несколько воинов.

Завязка боя, по-прежнему, начиналась массированной стрельбой из луков, когда аланы «обрушили стрелы, словно потоки дождя.»(29, с.84). Атака могла иметь свои особенности: так, Прокопий Кесарийский (VI в.) рассказывая о разгроме аланами отряда вандалов, сообщает, что «между этими массагетами, (аланами – С.А.) был один воин, отличавшийся храбростью и крепостью телесной. Он предводительствовал немногими войнами, но от отцов их предков имел он право во всех Унских войнах нападать на неприятелей прежде других. Не одному массагету не было позволено нападать на неприятеля прежде кого-нибудь из этого дома» (264 с.116).

Что касается тактики ведения боя алан, Аммиан Марцеллин (родился ок. 330 г.) сообщает, что она напоминает гуннскую, о которой он пишет: «Иногда, угрожаемые нападением они вступят в битвы клинообразным строем, со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть не широкое пространство; вследствие их необычной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются в страну или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, ...а в рукопашную очертя голову, мечами рубятся и на врагов, сами, уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы» (21. 1949 №3, с. 302). «Они (гунны – С.А.) вступают в бой, выстроившись клинообразной массой. Их дикие вопли во время наступления наводят ужас. Они легко одеты для быстрого передвижения и непредвиденных действий. Они могут внезапно преднамеренно распадаться на отдельные отряды и стремительно атаковать в полном беспорядке, учиняя жесточайшую резню... Из-за высокой своей ма-

невренности... они начинают бой на расстоянии стрелами... быстро преодолевают значительные дистанции и вступают в бой наперевес» (192, с.41-42).

Ценнейшая информация имеется у Псевдо-Маврикия (VI в.), который, описывая тактические приемы степных народов, делит их на «скифские» и «аланские». «Скифское упражнение то, в котором тагмы в боевом порядке не разделены, как раньше было сказано, на курсоров (воинов, сражающихся врассыпную с помощью луков, дротиков и копий – С.А.) и дефензоров (воинов, стоящих в плотном боевом порядке. Одна категория всадников могла легко перейти в другую, стоило лишь поменять способ боя – С.А.). Его надо производить, строя боевой порядок только в одну линию и разделить не на три, а на две части, причем обе фланговые меры заходят плечами, стараясь охватить неприятеля и, выиграв достаточно пространства, направляются взаимно одна к другой, причем правое крыло двигается справа, левое – слева и оба в виде круга охватывают противника» (349, с. 157, 158).

«Аланское упражнение состоит в том, что боевой порядок строится в одну линию, меры же подразделяются на курсоров и дефензоров и имеют между собой интервал 300 или 400 шагов; при наступлении курсоры стремительно бросаются вперед для нападения, а затем поворачивают назад либо для того, чтобы, пройдя через интервалы, соединиться с дефензорами и опять вместе с ними вступить в бой, либо, отступивши назад, пройти через интервалы и оставаться для наблюдения, построившись на флангах меры, если она останется на месте» (349, с. 158).

По Псевдо-Маврикию, каждая тагма – это отряд в 200-400 всадников. Они могли объединиться в меры по 2-3 тысячи воинов. Тагма делилась на 2 бандона (или банды) по 100-200 коней. Это и была минимальная единица, способная самостоятельно вести бой. Банда могла строиться плотным порядком от 4 до 10 шеренг, первые одна или две из которых состояли из тяжеловооруженных катафрактов, остальные из легко- и средневооруженных всадников.

В.В. Тараторин, занимавшийся исследованием тактики кавалерии отмечал, что особенность «скифского» (по Псевдо-Маврикию) боевого порядка заключалась в том, что в нем не было такого понятия как «центр». Банды обоих крыльев (или мерии) стояли на определенном, достаточно большом расстоянии одна от другой. Завязывая бой, командиры не высылали вперед легковооруженных лучников обстреливать врага, а сразу атаковали его всеми силами

врукопашную. При этом необходимо было, чтобы крылья – и левое, и правое – охватывали фланги противника как можно дольше, а затем, по команде, с обеих сторон зажимали его в «клещи» и окружали. Недостатком такой тактики была опасность, что противник может сам быстро перейти в атаку на центр и, в свою очередь, выйти во фланг и тыл обеим мерам (349, с. 158, 159).

«Аланский» боевой порядок был проще. Как указывает В.В. Тариторин, банды выстраивались в одну линию (необязательно ровную). Расстояние от одной до другой равнялось примерно длине фронта одной банды. По команде легковооруженные всадники – курсоры выскакивали в промежутки отрядов из задних шеренг и атаковали врага врассыпную, используя метательное оружие. Затем они могли отступить назад, к своим дефензорам, находившимся в это время в плотном строю и выполнявшим роль прикрытия, и либо занимали свои прежние места, либо выстраивались на флангах собственной банды, либо концентрировались все вместе по флангам меры. Эти действия могли повторяться вновь и вновь, пока командир не посчитает нужным атаковать противника сомкнутым строем (349, с. 160).

По возможности аланы старались разгромить противников по отдельности, что видно из сообщения Аммиана Марцеллина (род. 330 г.): «Им (сарматам – С.А.) навстречу были двинуты два легиона, паннонский и мезийский – достаточно большая боевая сила... Хитрые сарматы поняли это и, не ожидая форменного сигнала к битве, напали сначала на мезийский легион и, пока солдаты среди смятения мешкотно брались за оружие, многих убили. Возгордившись успехом и воспрянув духом, они прорвали боевую линию паннонского легиона и, разбив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех. Лишь немногих спасло от смерти поспешное бегство» (21. 1949 №3, с. 298).

Продолжала использоваться и тактика ложного отступления, например аланами, находившимися на военной службе у империи в Северной Италии, против вестготов (192, с. 107).

Ирано-византийские войны VI-VII вв., проходившие на Кавказе в условиях высокогорья, широкое развитие фортификации и начало складывание в Алании системы стратегических крепостей привели к увеличению численности и, соответственно, значение пехоты в аланских войсках. Если еще в начале IV в. Аммиан Марцеллин писал, что у алан «молодежь с раннего детства сроднившись с верховою ездою, считает позором ходить пешком»(21, № 3, с. 304), то уже, описывая

события V в., грузинские летописи сообщают, что осетины (аланы – С.А.) для сражения «заняли вершины скалистых гор» (29, с. 84), что свидетельствует об их желании биться пешими. Вырабатывается тактика ведения боевых действий в горах небольшими отрядами (253, с. 107) в пешем рассыпном строю.

Новым в этот период было широкое распространение практики устройства засад. Еще у Аммиана Марцеллина (V в.) есть упоминание о том, что у сарматов «лошади ... по большей части выложены, чтобы не бросались при виде кобыл и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездоков усиленным ржанием» (5, с. 25, 26). Никаких подробностей не сообщается, за исключением того, что в ней участвует конница, но, по мнению А.М. Хазанова, ни аналогично тем, которые применялись сасанидским войском: «Следует выбирать для засады воинов смелых, храбрых, осторожных и деятельных, которые не будут громко вздыхать, кашлять и чихать; и выбираются для них верховые животные, которые не будут ржать или шалить; и выбираются для их засады места, в которые нельзя внезапно проникнуть и прийти, близкие от воды, чтобы запасаться ею, если продолжится выжидание...И суть избегают они добычи. И пусть выходят они из засады, разделившись, когда враг перестанет охранять себя и выслать лазутчиков, и когда заметят в передовых частях врага небрежность и упущение, и когда выпустят те своих верховых животных на пастбище... И [следует] им выйдя из засады, развернуться и разделиться, распределить между собой обязанности и спешить с нападением на врага, не медлить и не колебаться» (368, т.1, с.512).

В связи с использованием засад, вызывает интерес случай описываемый Зосимом (V – нач. VI вв.) когда император Валент (364-378 гг.) выслал против скифов прибывших с ним с Востока сарацинов. Последние, выезжали их Константинополя небольшими группами и, «поражая дротиками отсталых скифов, ежедневно приносили много голов убитых. Скифы, видя трудность борьбы с быстротой их коней и меткостью дротиков, задумали перехитрить сарацинское племя: спрятавшись в засаду в низменных местах, они решили напасть по трое на одного сарацина. НО и эта попытка не удалась, так как сарацины, благодаря быстроте и понятливости своих коней, имели возможность убегать при виде большого количества нападающих, но в свою очередь нападали на отсталых и поражали их дротиками» (21. 1949 №4, с. 283).

Военные действия в горной местности дали возможность аланам поднять искусство устройства засад на качественно новый уровень. Рельеф местности открывал широкие перспективы для скры-

того от глаз противника маневра, действий отдельными небольшими отрядами и, что особенно важно, можно было укрыть большую часть своих сил, развернув против врага меньшую часть войска. Подобная тактика описывается Маврикием (VI в.), когда скифы (аланы – С.А.) предпринимали хорошо организованное преднамеренное отступление, в результате чего преследующий противник внезапно попадал под двойной удар: с тыла удар наносили отряды, находившиеся в засаде, с фронта шли в контратаку отступающие войска (340, с. 47). О таком приеме устройства для внезапного удара в тыл противнику упоминается и в нартском эпосе (165, с. 47). Там же говорится об организации засад для рассечения основных сил противника на отдельные группы с целью уничтожения их по отдельности (165, с. 48).

Что касается полевой фортификации то, по свидетельству Аммиана Марцеллина (IV в.) (21. 49, №3 с. 304), продолжает использоваться так называемый фургонный форт. В военном деле средневековья для обозначения подобного лагеря применялся термин «вагенбург». Обычно он представлял собой укрепление из груженых возов, которые стояли в два или один ряд в виде каре или круга. Подобное нехитрое, но эффективное, но оборонительное сооружение организовывалось в местах, лишенных естественной защиты, и предназначалось, главным образом, для отражения конницы. Наиболее естественным было сооружение создание такого лагеря при условии углубления во вражескую территорию (376 с.65), поскольку он служил мобильным складом фуража и добычи (238 т.1 с.283).

Павлиний Пеллейский (V – V вв.), рассказывал об осаде аланоготского войска города Васаты в Македонии в 412 г., во время которой аланы перешли на сторону осажденных, писал: «Удивительное зрелище города, стены которого окружает отовсюду огромная безоружная толпа того и другого пола, расположившись извне; прижавшиеся к нашим стенам варварские полчища укрепляют себя рядом повозок и оружием» (21. 1949 №4, с. 262). Впрочем, по свидетельству Аммиана Марцеллина (род. 330 г.), сарматы «не были достаточно искусны в этого рода войне» (21. 1949 №3, с. 297), то есть в осаде. Это, однако, не помешало их военным успехам, так, по сообщению Зосима (V – нач. VI вв.), «во время беспечного правления Галла скифы сначала превосходили соседние с ними народы, а затем, двигаясь дальше, опустошили все области до самого моря, так, что ни один из подвластных римлянам народов не остался нетронутым ими, и всякий, можно сказать, неукрепленный город и большинство укрепленных стенами были ими взяты» (21, 1948 №4, с. 276).

О движении аланского войска на марше можно судить по рассказу Константина из Лиона (480 г.) об его вторжении в Арморику: Ядро армии составляет король Эотар (Гоар) со своей дружиной, в то время остальные аланские «вооруженные всадники рассыпались по дорогам» (192, с. 128). Отсюда можно сделать вывод об организации разведки на марше и действии небольшими мобильными группами, управлявшими из единого центра.

Отношение к осадам у алан сохранилось еще с прежней эпохи. С одной стороны, продолжал использоваться так называемый метод просачивания, то есть движение мимо укрепленных пунктов (340, т. 3., с. 243), как это было в 409 г., когда они вторглись в Испанию. Не предпринимая никаких попыток организовать вооруженное сопротивление завоевателям, местные жители заперлись в укрепленных городах и поселениях, а конные аланы не сделали попыток осадить крепость, но в течение двух лет беспрепятственно опустошали окрестности (192, с. 71). В другом случае аланы могли организовать длительную осаду подобно той, которой подвергся город Васаты в начале V в. (21, 1949 №4 с. 262). Осада же города Гиппона Регия алано-вандальским войском длилось целых четырнадцать месяцев (430-431 гг.) и увенчалась успехом (238, с. 342). В случае общего штурма применялись тараны, штурмовые лестницы, зажигательные стрелы, подкопы и «черепахи» (253 с.101). Алан Ардабурий (отец знаменитого Аспара) во главе византийского войска во время осады Насибина в начале V в. строил осадные машины (238 т.1 с.343), что может косвенно свидетельствовать и об использовании их в этот период аланами.

Особенно показательна осада скифами иллирийского города Наиса, о которой сообщает Приск Понийский (V в.): «Варвары, желая взять этот многолюдный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Так как горожане не осмеливались выступать для битвы, то осаждающие с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, в которой она обтекает город, и ... подвели к стене машины, именно прежде всего лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ночами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна; ибо для того, чтобы стоявшим на бревнах людям можно было сражаться безопасно, эти машины прикрывались плетнями из прутьев с кожами и

шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги. После того, как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах принуждены были податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшие острый наконечник и покрышки, устроенные выше указанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась все подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники, в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные (т.е. по величине и весу достаточные для того, что бы загрузить телегу) камни, когда орудия подвозились к ограде, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их не хватало. Осаждавшиеся подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других стоявшие на брустверах принуждены были отступить перед множеством машин, и варвары перебрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также по лестницам, которые подвозились к не упавшей еще части стены. (21, 1948 №4, с. 246).

Города, имеющие деревянные укрепления, штурмовались с помощью подвода как это имело место в 322 г. о чем сообщает Зосим, когда савроматы во главе с царем Равсимодом рассчитывая без всякого труда взять город, если сожгут деревянную часть стены, стали подпускать огонь и стрелять в стоявших на стене (21, 1948 №4, с. 280). При вторжении противника имеющего численное превосходство используется тактика партизанской войны, о чем можно судить по сообщению Зосима о нападении в середине IV в. римских войск во главе с императором Валентом на скифов на их собственной земле: «Последние не осмеливались противостоять в открытом бою, а спрятались в болота и оттуда тайком совершали нападения». Принудить скифов к заключению мира удалось только после того, как Валент назначил награду за голову каждого убитого врага, и за ними началась индивидуальная охота (21 1948, №4, с. 282).

Третий период (VII – IX вв.)

Стратегия. Как и для всей территории Европы (313, с. 79), военное искусство Алании этого периода не представляет интереса. Развитие государственной власти, как и в остальных регионах, сопровождалось военными конфликтами, но военные возможности алан в этот период резко сокращаются, это было обусловлено выделением небольшой прослойки профессиональных воинов, монополизировавших право на «военный бизнес».

С самого начала аланской государственности ее военная политика не преследовала захватнических целей, поскольку за присоединение территорий приходилось слишком дорого платить, как в прямом смысле, так и человеческими жизнями, а их результатом являлось только увеличение расходов на оборону (238, с. 433), чего слабая государственная власть Алании позволить себе не могла. В этих условиях проводилась гибкая политика лавирования между влиятельными государствами, в результате которой аланы постоянно выступали союзниками одной из сторон (а зачастую и обеих одновременно) в любом крупном конфликте на Кавказе. Это было вызвано тем, что независимость небольшого государства обходилась ему, как правило, очень дорого, поскольку нейтральную страну безнаказанно грабили обычно обе враждующие державы. Аланская оборонительная концепция основывалась на создании вдоль границы на стратегически важных направлениях системы мощных укреплений, призванных задержать противника до подхода основных сил. Особое предпочтение отдавалось ведению военных оборонительных действий в горных районах, где, благодаря знанию особенностей рельефа и опыту, горцы-аланы получали большое преимущество. Примером аланской стратегической концепции действий в обороне могут служить действия во время вторжения арабских войск под предводительством полководца Буги. Вот как это описывает армянский автор IX-X вв. Товма Арцруни: «Спустившись с гор, они (северокавказские племена – С.А.) заняли подножие гор, приготовившись к сражению. Они заперли стражей крепостей и закрыли теснины ущелий, что вели в их укрепленную страну.» (2. Вып. III., с. 21)

Такие статьи дохода профессиональных аланских воинов как наемничество достигают пика, о чем свидетельствует множество импортных изделий (особенно монет) в погребениях этого периода.

Что касается роли конницы, то она по-прежнему составляет главную силу армии. Еще в начале VII в. Исидор Севильский сообщал, что аланы были небоеспособны пешими.(192, с.106). Исходя

из схожести аланских войск в этот период с венгерскими, можно говорить об идентичности их тактики. Основным оружием был лук, а отличительной чертой действий мобильность. Венгры не могли выдерживать сражений и противостоять хорошо организованной тяжелой пехоте и кавалерии, поэтому всячески избегали ближних боев. Используя свою мобильность и луки, они кружили вокруг врага, нанося ему удары издали, пока в тесных порядках противника не появлялись бреши, затем нападали, обычно с тыла, на изолированные группы, стараясь уничтожить их поодиночке (249. т.1, с. 312).

Венгры обычно не доводили атаку до конца, поворачивая своих коней и пуская стрелы. Источники отмечают, что они никогда не сходят с коней и не сражаются пешими. В своих дальних рейдах венгры предпочитали действовать небольшими группами, избегая чрезмерной концентрации сил (249, с. 312).

Что касается пехоты, то ее роль в этот период резко возрастает, что ввязано с изменением характера военных действий. Войны в высокогорной местности и защита сложившейся системы укрепленных поселений и стратегический крепостей требовали новый тип профессионального воина – пехотинца. Не случайно аланские сабли отличаются незначительной кривизной и обоюдоострым клинком – такое оружие было универсальным, как для пешего, так и для конного боя.

Под влиянием тесных контактов с Византией у алан в это время должна была получить распространение тактика, строящаяся на большом числе последовательных ударов по врагу и стандартные боевые порядки, состоявшие пяти основных элементов: 1) первая линия центра; 2) вторая линия центра; 3) резерв (охрана тыла), обычно представляющий собой две группы, размещенные позади каждого фланга; 4) фланговые отряды охранения, в боевую задачу которых входили также охват и окружение противника; 5) отряды дальнего охранения и прикрытия, в боевую задачу которых входили также охват и окружение противника (238, с. 434, 435). Поскольку пехота у алан была в меньшинстве, она могла образовывать только вторую линию центра или в качестве дополнительного резерва размещаться позади двух кавалерийских линий (238, с. 435).

Важно отметить и изменение основной тактической доктрины: если раньше упор делался на рассечение войска противника с целью рассеять его и уничтожить по отдельности, то отныне аланы стремятся окружить его путем координированного взаимодействия обоих родов войск (при вспомогательной по отношению к кавалерии роли пехоты).

Дальнейшее развитие получает искусство устройства засад, особенно в узких горных ущельях и на перевальных путях. Шапух Багратуни (IX в.) сообщает о вторжении в Аланию арабов: «пожелал он (багдадского халифа Ахмад – С.А.) пройти через врата и прошли через них 70 тысяч. Услышали об этом аланы, собрали войско, отрезали дорогу через ущелье, и, задержав их в узком месте, принялись беспощадно избивать. Сраженные ужасными ударами, свалились со своих коней воеводы персидские – Ахмад и Муслим. Перебравшись через Кавказ с двумястами людей, едва спасшись, бежали они в Дербанд. Так войска тачикские (арабские – С.А.) были истреблены войсками аланскими, и с великим позором вернулись тачики обратно» (Вып. II, с. 43). В этой связи, можно отметить проявившиеся стремление алан дать генеральное сражение вторгшемуся неприятелю в приграничной горной зоне, где они имели ряд преимуществ. Об одной подобной компании сообщают грузинские летописи. Речь идет о вторжении в 851 г. полководца халифа багдадского Буги на Кавказ: «Буга вступил в Дчарталетию, взял с овсов 300 заложников и, желая разгромить Овсетию, прибыл в Цхаоти. Но армянский эристав Абулбаз и Гурам мампал, брат царя Баграта, послал сказать гарцам, что бы они не пропускали их. Горцы весьма обрадовались и пожертвовали своими заложниками, бог помог им: выпал глубокий снег. Горцы преградили дорогу сарацинам. Бог им дал победу: большое число сарацин легло, у них околело много лошадей оттого, что они ели растение «мели» (одурь)» (9, с. 29).

Вызывает интерес рассказ армянского автора IX – X вв. Товма Арцруни о позиционном сражении между войсками арабского полководца Буги и цанарами (речь идет, по всей видимости, об одном из аланских племен, поскольку цанары локализуются армянскими источниками в районе Дарьяльских ворот): «Вступив в сражение с цанарами, они (арабские войска под предводительством Буги – С.А.) покрыли кругом подножие гор, выбрасывая вверх скопление волн, гонимых столкновениями бурь. И вот загудела вообще вся земля, подобно разбушевавшемуся морю. С наступлением утра сражение ожесточилось и (продолжалось) до конца дня, длившегося 12 часов. Войска царские были разбиты и вернулись в свой стан, вернулись в свой стан и горцы. Через день вновь столкнулись они в сражении, и опять были разбиты войска царские. И охватили ох большие сомнения: вернуться оттуда не желали, ибо почитали свершившееся великим стыдом, противостоять же им не могли, ибо многие из воинов пали. Наконец, решились они опять начать сражение; они возвели

вал, построили помещения, в которых поселились. Пробыв там 9 дней, они 19 раз вступали с ними в сражение и были разбиты, истребляемы и умерщвляемы войска царские царскими войсками. И вернулись они посрамленные со стыдом и позором, поруганные и разбитые» (2, с. 21).

Поскольку именно период VII – IX вв. у алан считается временем наиболее широкого развития земляной фортификации, вероятно, к нему относятся ямы-ловушки, столь известные в Нартском эпосе (166, т. 2., с. 247). Ловушка представляла собой глубокую яму, замаскированную сверху дерном, в которую мог провалиться даже всадник; попавшего в нее сверху забрасывали камнями и засыпали землей (168, т.2., с. 247, 351, 358, 366). Другим видом полевой земляной фортификации, упоминающимся в эпосе, являются своеобразные окопы – укрытия, которые представляют собой яму, вырытую для всадника и его коня (166, т.2., с. 317, 372, 380). Судя по эпосу, они служили для устройства засад в степи, где не было возможности использовать маскирующие свойства местности, для внезапного нападения на врага. Встречается упоминание и об окопах, использовавшихся при осаде крепости, когда нападающие обстреливали стены, сидя в этих укрытиях (166, т.2., с. 421).

Четвертый период (X – XII вв.)

Этот период характеризуется стабильной внешнеполитической обстановкой без крупных военных конфликтов. Аланские войска приглашаются в качестве равноправных союзников (чаще всего грузинами) для совместных походов. Структура последних хорошо описана грузинскими историками XII в.; так, Басили сообщает, что «порубежники находили дело, или крепость, подлежавшую взятию, или подступившего туркмена, или город, подлежавший разрушению, или страну, подлежавшую опустошению, докладывали, и она (царица Тамара – С.А.) рассматривала дело и исследовала. Если стоило того, чтобы собирали войско, повелевала Захарию и Иване (военным министрам – С.А.), и те собирали войско, сам царь Давид (осетинский царевич Давид-Сослан – С.А.) отправился во главе их, ниоткуда не возвращавшийся не победив.» (355, с.80-81). Мелкие же набеги, преследующие цель ограбления соседних стран (что являлось регулярной функцией всякого государства в феодальную эпоху) осуществлялись под руководством правителей приграничных областей (355, с. 81). Следовательно, в стратегическом плане аланы получают (если так можно выразиться), самостоятельность, поскольку военные ком-

пании им приходится вести, уже не приспосабливаясь к стратегии своего сильного союзника.

Основной особенностью тактики данного периода является увеличение престижа пехоты. Даже в кругах профессиональных воинов – наемников предпочтение начинает отдаваться пешему поединку, как это отражено в рассказе Никифора Вриения (976 – 1087 гг.), где аланский солдат «по найму» Арабат «приглашал товарища (тоже алана – С.А.) по имени Хаскариса, из подручников Алексея Компана, вместе с ним сойти с лошадей и ударить на врагов копьями.»(208, с. 148-149)

Впрочем, значение решающего конного копейного удара продолжало сохраняться, что тоже зафиксировали грузинские летописи: «Когда Давид (Давид – Сослан – С.А.) и его войска убедились в твердости решения неприятеля, потребовали оружие и сели на коней, взяв в руки копья. С первого же появления они обрушились на них как гром и ударили» (355, с.82).

Дальнейшее облегчение аланского вооружения в этот период имело следствием то, что, столкнувшись с тяжелой европейской конницей крестоносцев, аланы оказались бессильны. В сражении при Эпире (Восточная Албания) в 1108 г. кавалерия под предводительством Росмика, сражавшаяся в составе византийского войска против рыцарей Боэмунда Тарентского, атаковала крестоносцев, но не смогла причинить последним вреда ни стрелами, ни в рукопашной схватке (18, с. 353). Подобным образом заканчивались столкновение с крестоносцами и в более позднее время, как это было в битве у Филиппополя в 1189 г, в которой был разбит аланский отряд (343, с.42).

Впрочем, подобные примеры не дают нам полной уверенности утверждать, что тяжелая конница аланами в этот период не использовалась, поскольку она имелась у всех соседних с ними народов. Священник Сиврейский Петр Тудебод пишет о войске Кербоги, и мира Моссульского, противостоящего крестоносцам в битве под Антиохией (1098 г.): «Сам же Кербога собрал бесчисленные толпы язычником, а именно турок, арабов, сарацин, публиканов, азимитов, курдов, персов, агуланов и многих других, которым нет числа. Агуланы были в числе 3000; они не боялись ни копий, ни стрел, ни прочего оружия, ибо были закованы в железа с ног до головы, равно как и их лошади; сами же они не употребляли никакого другого оружия кроме меча» (349 .с226). С учетом того, что алан иногда именовали агванами (208, с.156-158), можно предположить, что речь здесь идет именно о них.

Что касается боевого порядка, то грузинские летописи XI – XII вв. сообщают, что осы – аланы «... отличные воины, прекрасно владеют оружием и в бою едины и помогают друг другу, умеют хорошо расставить свои силы во время боя, чему они научились у арабов» (384, с.96). Таким образом, аланский боевой порядок аналогичен арабскому этого периода, который хорошо известен по письменным источникам: при сближении с противником конница авангарда арабов, завязав бой, постепенно отходила к своим главным силам; в это время строилась тяжелая пехота, пехотинцы, став на одно колено, прикрывались щитами от неприятельских стрел и дротиков, свои длинные копья они втыкали в землю и наклоняли их в сторону приближавшегося неприятеля; лучники располагались за тяжелой пехотой, через голову которой осыпали стрелами атакующего неприятеля (238, с.550).

Боевой порядок арабов был расчленен по фронту и в глубину. Каждая из линий, выстраивавшаяся в пять шеренг, имела аллегорическое название: первая линия – «Утро псового лая» – состояла из рассыпного строя всадников; вторая – «День помощи» – и третья – «Вечер потрясения» – линии являющиеся главными силами, состояли из кавалерийских колонн или фаланг пехоты, располагавшихся в шахматном порядке; в четвертую линию – общий резерв – входили отборные дружины, которые охраняли главное значение. Общий резерв вступал в бой лишь в крайнем случае. В тылу расположения арабов находился обоз с семействами и стадами. С тыла и флангов их боевой порядок был уязвим, но его высокая маневренность обеспечивала соответствующую перегруппировку сил. Бой завязывала первая линия, которая старалась расстроить и надломить силы противника. Затем ее поддерживала вторая линия. Главные силы арабов предпочитали вести оборонительный бой, являясь опорой для действий легкой конницы и пехоты. Обычно арабы стремились охватить фланги боевого порядка противника. Когда последний был надломлен, они переходили в общее наступление, а затем преследовали (конницей) его до полного уничтожения (238, с. 550).

Продолжало сохраняться византийское построение предыдущего периода, которое получило широкое распространение в Грузии и в России и использовалось вплоть до XVIII в. Боевой порядок состоял из «передового полка», за которым располагался «большой полк», а на флангах строились «правая рука» (или правое крыло») и «левая рука» (или «левое крыло») (44, с.184-185) внутри каждого полка построение происходило по отрядам феодалов, поскольку

каждая дружина была обучена вести бой только своим составом. Любое из этих подразделений было хорошо само по себе, однако взаимодействовать в бою с другими оно не умело, поскольку войны не имели возможности пройти общие военные сборы, где они смогли бы обучиться совместным военным действиям. Слабая государственная власть не могла создать надлежащих условий и ввести жесткую дисциплину. Поэтому в боях каждый крупный и даже мелкий феодал зачастую действовал самостоятельно, по своему усмотрению (350, с. 234-235).

Особой страницей в аланском военном искусстве являются победы грузинского войска под предводительством Давида-Сослана. Г.Д. Тогошвили указывает и на существование осетинского (аланского отряда), являвшегося личной дружиной Давида-Сослана, постоянно сопровождавшего его и выполнявшего в мирное время функции стражи – телохранителей, а в военное время боевое задание (355 с.71, 95). Даже грузинские исследователи воздают должное полководческому таланту Давида (355 с.92), ярким примером которого является Басианское сражение 27 июня 1202г. Против армии султана Рухн ад-Дина грузинское войско выступило разделенным на три части – центр и два крыла. Историки царицы Тамар так описывают ход сражения: «Авангарды обоих войск приблизились друг к другу. Завязался жестокий и сильный бой...Он продолжался долго, падали с обеих сторон, но больше погибало среди султанского войска. Бой затягивался. Убили коней под министром двора Иваном, Захарией Гагели, Шалвою и Иваном Ахалцихскими, Такиадином Тмогвели... и многими другими начальными людьми. Была опасность обращения в бегство, но мужественные грузины выдержали и остались в строю пешими... Бой усиливался. Когда это увидел храбрейший Давид, из предосторожности, чтобы кони не растоптали пеших грузин, с одной стороны отошел от них он, с другой – правой – Захария Мхаргрдзели. Они ринулись в сторну персов и устремились ни них, с одной стороны Давид-Сослан, с другой – Захария, бывшие же поближе явились раньше. В ту же минуту подошел Давид со своим войском, и как волк среди овец, так он ворвался в бесчисленное войско султана. С первого же столкновения и удара мечей многомилостивый бог призрел поклоняющихся к кресту, и Вардзийская богоматерь приумножила славу Давида и Тамар. Такое громадное множество войска было сразу разбито, побеждено и рассеяно...» (355, с.91).

Разбирая ход Басианского сражения, И.Г. Гедеванишвили считал, что Давид, находясь вместе с конницей в резерве, ждал кри-

зисной ситуации сражения и точно рассчитал момент вступления в дело. И.Д. Шаишмелашвили полагал, что именно Давид смог найти и реализовать нужное решение в возникшем в ходе битвы хаосе и сумятице. Оставив против наступавших турок-сельджуков спешившиеся отряды, он перегруппировал большую часть конницы на фланге, стремительном фланговым ударом внес смятение в ряды противника и обеспечил победу (355 с. 92).

Примером аланского искусства взятия крепостей можно считать сражение под Шамхором в 1195г. между сельджукской коалицией и армией Давида-Сослана. Мусульмане во главе с Абу-Бакиром расположились на пространстве между Шамхором и Гандзой, сильно укрепив первый и сделав его центром обороны. Давид-Сослан принял решение начать сражение штурмом города – крепости Шамхора, поскольку его взятие разрушало всю оборонную систему врага. Сослан так построил войска, что его фланги справа упирались в склоны горы, а слева доходили по реки, что позволяло им перекрыть всю долину, и лишало противника возможности воспользоваться своим численным превосходством и обойти фланги грузинского войска (355, с.85). Грузинские летописи описывают дальнейшие события так: «Построили войска по порядку...отправились к Шамхору, окружили его, причем... разделили отряды. Сам, царь, оставив справа с отрядами своими Шамхор, и с незначительными силами завязал бой у ворот города, около моста. Другие мужественно шли по трудной и неудобной дороге и вышли против авангарда исмаилитского войска» (355 с.85). По всей вероятности, Давид-Сослан решил сделать обходной маневр и оказаться в тылу крепости, перерезать пути между Шамхором и Гайдзой и во взаимодействии с наступающими силами разгромить шамхорскую группировку противника, затем всеми силами преследовать отступающие в сторону Гайдзы уже дезорганизованные вражеские войска, не дать им время для отдыха и укрепления. Пока войска левого фланга под предводительством Давида-Сослана проводили намеченный маневр, на город – крепость осуществлялись ожесточенные фронтальные атаки правым флангом грузинских войск. «Опоясанный каналами и крепкой стеной город держался крепко, копье и меч не в состоянии были одолеть сопротивление врага, только обилие пущенных стрел доставляло ему неприятность» (355 с.86). Исследователи отмечают, «что наступающие не использовали осадных устройств или даже простых лестниц. Отмечается только, что передовые отряды, напрягая силы, преодолели внешнюю стенку и проложили проход.

И вновь с вступлением в бой отряда во главе с Давидом-Сосланом, начинается перелом в Шамхорском сражении. «Пока царь подоспел, отряд атабега выстоял. Когда они увидели царя, на них обрушился гнев божий, равно как мечи и копья царя, которые истребляли их отряды. Неприятеля обратили в бегство» (355, с.86). Морально сломленный гарнизон Шамхорской цитадели, потеряв всякую надежду на поддержку извне, сдался на милость победителей.

В случае неудачи общего штурма, применяется и осада, как это видно на примере Карса в 1206 г. не имея возможности захватить его приступом, грузины «в окружении все крепости и деревни отобрали» и с прибытием Давида-Сослана «взялись ломать уже сплошной стеной построенную ограду для воды, и по истечении многих дней сделали брешь в этом месте, и тогда вода иссякла, и с ней вместе настал конец для большинства горожан» (355, с. 93) и крепость сдалась.

Продолжали существовать и такие приемы общие для всех степных народов как начало боя массированным обстрелом из луков и устройства укрепления из повозок. Так Анна Комнина пишет: «Скифы (в данном случае речь видимо идет о печенегах – С.А.) тоже встали в боевые порядки – ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды – устроили засада, по всем правилам тактики «связали» свои ряды, как башнями огородами свое войско крытыми повозками, а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов (18, с. 210).

Об устройстве аланами засад упоминает и Константин Багрянородный (919 – 959 гг.), сообщающий, что эксусиократор (властитель) Алании, в случае направленных отношений с хазарами, подстерегал последних на дорогах и нападал на них (20, с. 53). О широкой практике нападений в ночное время суток свидетельствуют строки из поэмы «Искандер – наме» азербайджанского поэта Низами Гянджеви (ок. 1141 – ок. 1209 гг.): «Из аланов и арков полночным отрядом вся страна сметена, словно яростным градом» (217, с. 118).

Пятый период (XIII-XV вв.)

Этот период характеризуется господством на Северном Кавказе монголо-татарских орд, наложившим свой отпечаток на военное искусство алан. Серьезнейшие изменения претерпевает стратегия. Если в первом столкновении с монгольским экспедиционным корпусом Субэдэй-богатура и Джебе-Нойона в 1222 г. аланы использовали стратегическую концепцию предыдущего периода как то: привлече-

ние союзников (кипчаков) и всех своих сил в одном из приграничных укрепленных пунктов для проведения одного решающего сражения с целью недопущения противника на основную территорию страны. Однако, как это известно, это оказалось неэффективно против монголов, ловко играющих на противоречиях между союзниками, добившихся распада алано- кипчакской коалиции и разгромивших бывших соратников по отдельности. Вероятно, с этим поражением следует связывать упадок центральной власти в Алании и начало феодальной раздробленности, которую описывает в 1235 г. католический миссионер Юлиан: «... столько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахания все люди одного местечка, вооруженные, вместе отправляются на поле, вместе косят и то на смежном пространстве и вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров, или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные, а в малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек, зачем бы то ни было (1, с.33).

Результатом подобной внутриполитической обстановки стало то, что когда на общемонгольском курултае 1235 г. «мнение утвердилось на том, чтобы обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских, Алания уже не могла организовать серьезного противодействия, начавшееся осенью 1238 г., татаро – монгольское завоевание Алании облегчалось тем, что каждое аланское княжество могло защищаться только своими силами (295, с.332). В ходе похода продолжавшегося с сентября 1238 г. по сентябрь 1239 г.(244,с. 58) монголы с блеском применили свою излюбленную стратегию: дезорганизовать оборону они нанесли удары по жизненным центрам страны, уничтожив органы власти и наиболее крупные военные соединения алан. Основные силы захватчиков были брошены на осаду столицы Алании у Магаса, падение которого окончательно решило исход борьбы в пользу монголов(295, с. 295).

Результатом похода монголов 1238 – 1239 гг. явилось полное подчинение равнинной части Алании. Попытки ведения здесь партизанской войны потерпели неудачу. Так, Рашид-ад-Дин и Джувейни сообщают об отряде эмиров кипчакского Бачмана и асского Качир – укулэ, состоящем из спасшихся «от меча» отдельных групп беглецов. «Он бросался во все стороны и что-нибудь да уносил; бесчинство его увеличивались изо дня в день. Постоянно местопребывания он не имел, и поэтому войско монгольское не могло схватить его; он

скрывался в лесах на берегу Итиля»(40, т.11, с. 35-36; 34, т.2, с.38). Лишь в результате действий специального карательного отряда, состоявшегося помимо всадников из 200 судов с 20 тыс. человек команды, повстанцы были разбиты, а их предводители казнены (40, т.11, с.24, 35-36).

Центром сопротивление захватчикам становятся горы, куда стекается все непокорное население Алании. В 1246 г. Плано Карпини указывая страны, храбро сопротивляющиеся монголам и «по сие время еще не покоренных ими» наряду с такими странами как «Индия Великая, Мангия,... некоторая часть китаев» упоминает некоторую (5, 58-59) часть аланов (5, с.59). Он сообщает и о том, что «в нынешнее время осаждали они, (монголы – С.А.) кажется, 12 лет в Аланской земле одну гору, которая, однако же, сопротивлялась храбро и многие татары и вельможи их под нею погибли» (5, с.59). Горы оставались для монголов неприступными естественными крепостями, где их кавалерия лишалась всех преимуществ, поэтому они, как правило, не рисковали подниматься в горы (295, с.337). Как писал в 1253 г. Вильгельм де Рубрук «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (сына Батыя – С.А.) двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнины (15, с.181). Отсюда напрашивается вывод о применении аланами методов стихийной партизанской войны, которую Ф.Х. Гутнов трактует как абречество – форму сопротивления, когда воюющий мстит врагу, не имея силы его уничтожить (224). Действия таких летучих отрядов описаны Рубруком: «... Русы, Венгры и Аланы, рабы их (татар?) число которых у них достаточно велико собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого.

В период почти столетней войны золотоордынцев с Хулагидами территория Алании становится ареной их напряженной борьбы, в которой часть поддерживает одну сторону, а часть – другую. В 1395 г. Тамерлан предпринимает поход на Северный Кавказ, где на берегу Терека 15 апреля происходит генеральное сражение между ним и ханом Золотой Орды Тохтамышем, на стороне которого сражались и аланы (295, с. 344). Армия золотой Орды терпит сокрушительное поражение, положившее конец его господству на Северном Кавказе. Предоставленные себе кавказские породы (преимущественно грузины и аланы) организуют коалицию под предводительством царя Георгия VII для отпора захватчикам, но в решающем сражении в 1396 г. терпят неудачу. После этого, как сообщают грузинские летописи:

«Грузины и их союзники нашли спасение в горах и укрепленных замках» (9, с.53). В 1400 г. начинается вторжение в Аланию. Попытка остановить захватчиков предпринимается в Дарьяльском ущелье, наиболее благоприятном для этого месте, «войска по (Тамерлана С.А.) понесли большой урон от летучих отрядов горцев»(9, с.53) и вынуждены были отступить. Тамерлан вынужден был двинуться в обход через Дербентские ворота и обрушился на алан с равнинной части. Как и в период монгольского нашествия аланы пытались, придерживаясь принципа «каждый за себя» отсидеться в неприступных высокогорных замках и крепостях, однако Тамерлан, в отличие от монголов, имея в составе своего войска так называемую «горную пехоту», штурмом брал одно за другим эти укрепления (40, т.11. М.-Л., 1941, с. 122, 181-182.). Слабым местом скальных крепостей было то, что при активном штурме они легко превращались в ловушки для наших защитников, поэтому в кратчайшие сроки были уничтожены практически все боеспособное население Алании и окончательно стерты остатки государственности.

В сражениях, которые аланы вели в XV в., как правило, участвовали небольшие отряды, а сами воины нередко ограничивались одним боем. Даже в тех случаях, когда аланы несколько лет подряд сражались с противником, это была не единая война, обыкновенно состоящая из серии взаимосвязанных боев, а скорее серия самостоятельных войн, не связанные между собой общим планом. Поэтому понятие «война» и «бой» выражаются одним и тем же словом в осетинском (хæст), карачаево-балкарском (уруш), чеченском (тIом) и языках других северокавказских народов. Общая военная цель, как правило, совпадала с тактической целью одной отдельно взятой кампании или даже одного боя. В таких условиях стратегическое руководство войной сводилось, практически, к тактическому руководству кампанией или боем (302, с.72). Говоря о тактике, следует отметить, что все источники того времени описывают действия аланских войск в обороне, что отражает финальное положение в тот период: на протяжении нескольких веков они вынуждены были вести непрерывную войну против завоевателей. В связи с этим военная организация должна была претерпеть такие существенные изменения как: резкое увеличение численности вооруженных сил, включивших в себя все боеспособное население, выдвижение пехоты на роль основного рода войск. Примечательно уже первое столкновение алан с монголами в 1222 г., которое примерно одинаково описывают Ибн-Эль-Асир (1160 – 1234) (40, т.1, с.25-26) и Рашид-ад-Дин (1247 – 1318)

в менее известном переводе Ибн-ал-Асира звучит несколько иначе: монголы щедро одарили союзников алан «после чего кипчаки покинули город аланов: на них напали татары, многих из них перебили...» (27, с. 143). Сражение протекает, таким образом, не виде схватки на открытой местности, а в виде оборонительного боя с опорой на город. Речь идет не о штурме укрепления, а о схватке с аланскими войсками выстроившимися под его стенами. Подобная тактика применялась, когда защитники, надеясь на свои силы, рассчитывали вести активную оборону. В случае неудачи они отступали в укрепление, о чем свидетельствует сочинение Жаитаагмцерели анонимного автора, повествующее о событиях начала XIV в: «....Бека (грузинский князь – С.А.), выйдя из крепости, встретил передовые части Бека, завязалось яростное сражение, с первой уже стычки Бакатор бежал и укрылся в крепости. Подошел Бека и осадил крепость» (13, с.62).

В монгольскую эпоху аланы достигают наибольших успехов в искусстве обороны городов. Как отмечают историки, из всех покоренных татаро-монголами городов Восточной Европы в монгольской и китайской хрониках упомянуты лишь Киев и аланский Магас (224, с.58). Джувейни (XII-XIII вв) и Шерер-ад-Дин, Йезди (XV в) так описывает осаду Магаса, «жители которого по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее. Царевичи (монголов – С.А.) сообща окружили город с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней могло проехать 3-4 повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли (там) много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо, сосчитано было 270 000 ушей» (40, т.2, с.23) (в другом переводе 2700 ушей(224, с.58)). О последнем штурме города сообщает и китайская хроника «Юаньши»: «В год ... 1239 зимою в 11 месяце, дошли до города асов Мецио-сы. Город, благодаря своей неприступности, долго не сдавался. В 1240 г. В первом месяце Си-Ли-цянь-бу с 11 готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам, вперед же поставил 11 пленников. Они громко закричали: «Город пал». За ними полезли, как муравьи, один за другим все остальные воины и город взяли» (11, т.2, с.282). Таким образом, осада длилась с ноября по январь, что, однако, не противоречит, как полагают некоторые историки, сообщению Рашид-ад-Дина, о том, что она продолжалась месяц и 15 дней (224, с.58): «Гуюкхан, Менгукаан, Кадан и Бури направились к

городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся 1 месяц и 15 дней, взяли его» (34, т.2, с.39).

Абульфеда (1273-1331 г), отмечавший, что «главная крепость алан есть одно из самых укрепленных мест в мире», писал, что монголы встретили под его стенами сильное сопротивление, они проникли в него при помощи хитрости и после долгой осады»(5, с.72). Плано Карпини в 1246 г. сообщал, что «в нынешнее время осаждали они, кажется, двенадцать лет, в Аланской земле одну гору, которая, однако же, сопротивлялась храбро, и многие татары и вельможи их под нею погибли»(5, с.59).

Под влиянием монголов происходит и совершенствование осадочного искусства, что позволило аланам в конце XIII в. на несколько десятилетий захватить одну из твердынь Грузии крепость Гори. Сочинение анонимного грузинского летописца XIV в. Жамтаагмцерели так описывает это событие: «осетины начали причинять горе, убивать, грабить и опустошать Картли, опустошили Гори и заняли его. Тогда все грузины собрались вокруг сына карталинского эристави Бега-Амада и подошли к Гори. Имели многократные схватки (стычки). Много было убито в городе людей, как осетин, так и грузин. Гори сожгли совершенно. Когда трудно стало осетинам, из крепости на веревке спустили человека и послали к стоящим в Мухрани татарам, чтобы они помогли и заключили мир между ними (13, с.60). Только в царствовании Георгия V Блистательного (1314 – 1346 гг.) грузинам после трехлетней осады удается вернуть Гори (13, с.65, 31, с.27).

Основным оружием при осаде в этот период служит лук. В ходе интенсивной перестрелки перед штурмом один из противников настолько ослабевал, что уже был не в состоянии вести рукопашный бой. Показателем в этом плане отрывок из «Памятника эристовов» (нач. XV в.), рассказывающий о походе ксанского эристава Виршела против алан-осетин с.Мна: «...разгневался Виршел и воззвал к войску своему, протрубили в рог и напали (на мнайцев), подобно зверям, и подступили в полдень к крепости мнайцев. И была битва жесткая, ибо люди те были ловкими воинами, храбрыми и богатырями, и полностью в доспехах. И было (пущено) множество камней, подобно граду, и скатываемых (камней) в неисчислимом множестве. Тогда были убиты от большого числа стрел главы и богатыри страны их: Сунгу, Пареджан, Алисаджан, Багатар и многие другие... Тогда взломали ворота и захватили всех сражавшихся и привели к эриставу» (31, с. 34).

С возникновением в XIV-XV вв. в горах Алании системы башенных поселков большинство походов и набегов с целью захвата скота и пленников, боевые акции внутренних междоусобиц приобретают характер внезапных ударов небольшими военными отрядами с целью захвата сельчан врасплох. Если внезапное нападение должного результата не давало, воинский отряд мог принудить к сдаче конкретный мелкий поселок с немногочисленным гарнизоном, даже цепь подобных укреплений военной силой, что засвидетельствовало в документальных материалах и фольклорных произведениях. Но крупные башенные поселки, обладавшие сложными и сильными оборонительными сооружениями и значительным контингентом боеспособного населения, даже внезапным набегом захватить было сложно (205, с.92-99). К тому же башенные поселки серьезно ограничивали применение основных приемов осады отдельно стоящих башен как то – поджигание башни или «срезание» посредством выбивания угловых камней (подкоп под угол).

Что касается боя на открытой местности, то продолжает сохраняться построение предыдущего периода, как и в соседней Грузии. Так трехчастное построение войска, при котором основные силы во главе с царем располагаются в центре, а фаланги занимают отряды его вассалов, размещающиеся по этническому признаку, описываются в позднесредневековой «Поэме об Алгузе» (171, с.64). Как свидетельствуют материалы осетинской этнографии, бой начинала молодежь, однако, главная ее функция в сражении отступающего противника (381). Построение «по-военному» нартской молодежи для отражения неприятельского войска упоминается и в Нартском эпосе (172, с.477).

Этнографические материалы хорошо описывают и походное построение, в основе которого лежал возрастной принцип. Так отряд численностью от шести до десяти воинов строился в два ряда след в след, при этом правый ряд за спиной предводителя располагался согласно понижению возраста, а слева от него, начиная с оруженосца, занимавшего место в первом ряду по левую руку предводителя – согласно его возрастанию (381, с.189). Такой принцип построения давил возможность равномерно распределить вдоль колонны опытных и молодых бойцов. В арьергарде оказывались воины среднего возраста, достаточно опытные, а молодежь распределялась вдоль всей колонны и считалась вспомогательной силой для воинов старшего возраста в шеренге справа от них. Более многочисленная колонна строилась по-другому, поскольку всем ее членам должен был быть

слышен голос вождя, что достигалось только при компактном строе. «Группа свыше одиннадцати человек двигалась по одному, по три, по четыре, с соблюдением агъдау внутри этих групп: в каждом ряду должен быть старший, второй старший и младший, или же старший и младший»(381, с.190). Таким образом, основная идея построения заключалась в достижении такого порядка, при котором в каждом поперечном ряду оказывался свой первый старший, второй старший и свой оруженосец. Весь ряд воинов за спиной предводителя, согласно этой расстановке, составлялся их старших первого уровня, затем шел ряд вторых старших, если шеренга строилась по три и более, то есть весь ряд за предводителем считался командным. В каждом конкретном случае, когда колонна по каким – то причинам распадалась на фрагменты, то те из них, которые не рассеивались вовсе, сохраняли иерархию и управляемость (381, 190-191).

В этот период широко практикуются такие приемы партизанской войны как рейды мобильных отрядов, не имеющих постоянно местопребывания (отряд Бачмана и Качир-укулэ),(40, т.2, с.24,35-36) внезапные ночные нападения на войска противника, (31, с.25) террористические операции (15, с.115), засады в узких ущельях.

Завязка боя и в этот период не претерпела изменений и, как об этом можно судить по материалам этнографии, представляла собой массированный обстрел, после которого следовала атака кавалерии: «горская конница... бешено устремилась на противника и каждый воин, держа обнаженную шашку в правой руке и в левой повод лошади, стискивал кинжал зубами за рукоятку,... сопровождался еще особым гиканьем» (333, с. 66).

При боевых действиях в горной местности предпочтение отдавалось пехоте, как это видно из грузинских летописей описывающих события конца XIII в.: « Большей частью гибли татары, так как им большой вред приносили мтиульцы (горцы); они были быстроноги и всадник не мог бы с ними воевать. Поэтому пешими сражались татары, которых поддерживал сын Ивана Шанше и осетины, стоящие в Гори» (13, с.61).

Прием рассеивания неприятельского войска путем атакой клином его центра сохранился в осетинской этнографии. Клин формировался из наиболее опытных воинов во главе с предводителем войска. В этой группе обычно находилось и знамя, среди названий которого есть и указывающий на функцию этого отряда тактический термин tohgærdæn – «рассекатель боя». Эта группа во главе с вожаком решала задачу преодоления центра неприятельского отряда и его разделе-

ния, рассекания, после чего молодежи доверялось довести дело до конца (381, с.194).

Очень интересен тактический прием выхода из окружения, зафиксированный нами в осетинской этнографии. Попавшие в окружение всадники пускали лошадей по кругу в галоп и прорывали ряды противника (принцип циркулярной пилы). Иногда внутри такого круга образовывался второй, движение в котором было направлено в противоположную сторону. Это имело целью уничтожать врагов в случае их прорыва через внешние ряды. Для подобного маневра лошадей начинали тренировать еще жеребенком. Подобная тактика под названием «пляска» использовалась монголами, поэтому не исключена вероятность заимствования от них этого приема аланами. Вот как описывает Сигизмунд Герберштейн (XVI в.): «Когда им (монголам – С.А.) приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок» (349, с. 257-258).

Интересно отметить существование в осетинских сказках такого приема скрытого приближения к противнику как передвижение лежа ползком (168, с.54).

2. Фортификация

Фортификация определяет собой науку об укреплении. Способы возведения и сами формы отдельных фортификационных построек, согласуясь с одной стороны с уровнем развития техники, с другой должны были применяться к боевым требованиям, и вот здесь-то на фортификационную форму особое влияние оказывало военное дело, военное искусство. В конечном результате фортификация, будучи с одной стороны отраслью техники, а с другой – военного искусства, всегда отражала на себе как политическое и экономическое, так и военное состояние государства (как то: численность армии и способы ее действия в бою, т.е. тактика войск, и развитие средств поражения) (391, с.7).

Первое упоминание об аланских городах содержится у Захария Ритона, сирийского автора VI века, отметившего у алан пять городов (287, с.149). Именно с городами, имевшими оборонительные

сооружения принято связывать начало аланской фортификации (253, с.101). Наиболее наглядно развитие последней можно представить рассматривая фортификационные формы по отдельности поскольку они, как правило, не имеют четкой датировки.

«Земляные» укрепленные поселения

Слабая изученность средневековых аланских городищ (291, с.72) не дает нам в полной мере осветить этот вопрос, однако, постараемся сделать это, насколько позволяют материалы.

Поселения конца IV-V вв. обычно не имеют оборонительных сооружений, но расположены в таких местах, которые имеют надежные естественные укрепления, – на высоких мысах в долинах рек (например, Карт-Джуртское и Гилячское поселения) или даже на плоскогорьях водоразделов (Тамгацикское и Кызыл-Калинское) (54, с.125).

Считается, что с VI в. возникают городища с фортификационными сооружениями, но сложение сети городов-крепостей, расположенных вблизи друг друга вдоль берегов рек, относят только к VIII-IX вв. (54, с.125).

Так называемые «земляные» укрепленные поселения были характерны для равнинной части Алании (277, с.84), так называемый восточный вариант аланской культуры (289, с.26), и получили название благодаря своим оборонительным сооружениям изготовленным из земли – рвам и валам (Табл.LXXIX, 2), кроме того, в конструкции использовались глинобитные и сырцовые кирпичи (277, с.84). Судя по аналогам из наружного гребня вала мог располагаться палисад (частокол) или плетень, из-за которого обороняющийся, стоя на поверхности вала, мог поражать атакующего. Вал мог образовываться и двумя параллельными палисадами, промежуток между которыми засыпали землей; палисад. Обращенный к неприятелю, делался выше и служил обороняющемуся, стоявшему на насыпи, прикрытием. Указания на подобного рода ограды имеются еще у Геродота (391, с.9).

Для поселения выбирались мысы с обрывистыми берегами. Небольшая цитадель дополнительно укреплялась рвами, а основная часть городища площадью до 15-20 га с напольной стороны снабжалась системой искусственных укреплений (277, с.84). Мощные земляные оборонительные сооружения представлены прежде всего глубокими (до 10-15м) и широкими (до 40 м) рвами (городища Ахап-Кала, Гвардейская, Октябрьское, Киевское, Змейское, Хамидия и т.д.) (289, с.26). Валы встречаются значительно реже (городища Ста-

рый Лескен, Ахап-Кала) и по аналогии с дагестанскими их, очевидно, следует считать не земляными, состоящими из перемежающихся слоев глинобита и земли (277, с.85).

Как правило, городища состояли из двух частей (детинца и посада), но во многих случаях имеются еще возвышенный холм – цитадель (донжон) и отдельно стоящий в направлении степи сторожевой холм (форпост). Иногда детинец разделялся рвами на 2-3 части (289, с.26). На городище нередко имелась территория для содержания скота и лошадей в случае осады (253, с.101).

О фортификационных свойствах и способах осады «земляных» городищ сообщал еще Тацит (55-117 гг.), описывая сороковые годы I в н.э., когда римляне, вмешавшись во внутренние дела Боспора, приняли участие в войне с сираками и осаде их города Успы: «...город Успу, расположенный на возвышенности и укрепленный стенами и рвами; впрочем, стены его, построены не из камня, а из плетней и прутьев с насыпанной между ними землей, представляли слабую защиту от нападения. Осаждающие, выведя выше стен башни, бросали с них факелы и копья, привели в смятение осажденных, и если бы ночь не прекратила сражение, то взятие города было бы начато и закончено в один день». На другой день римские солдаты, взобравшись по штурмовым лестницам на стены, овладели городом.

Что касается системы территориальной обороны, то кое-какие сведения о ней можно найти у Масуди (первая половина X в.) упоминавшего, что: «Царство его (аланского царя – С.А.) представляет беспрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов» (44, с.77).

Подтверждением этому могут служить раннесредневековые аланские поселения на территории Карачаево-Черкесии, тянущиеся непрерывной цепью, особенно по долинам рек, расстояние между которыми иногда не превышают двух-трех километров (54, с.125). В ряде случаев поселения располагались группами – по два, по три поселения, а иногда наблюдается «скопление» небольших селищ около значительного городища (54, с.125). А.А. Иессен подчеркивал, что «мы получаем впечатление строго продуманной организации обороны», свидетельствующей об экономическом и этническом единстве населения. Так. На равнине, перед каждой группой, состоящей из 3-4 укрепленных городищ, располагались сторожевые форпосты в виде небольших курганообразных возвышений с плоской вершиной, окруженных валом и рвом (277, с.84).

По мнению В.А. Кузнецова, цепь аланских городищ, протянувшаяся по правому берегу Терека (Нижний Джулат, Терское, Хамидия, Курпское, Раздольное, Киевское, Октябрьское, Гвардейское и т.д.) и защищенная мощными рвами, являлась системой пограничных (с Хазарией) укреплений (295, с.152). Система правобережных аланских городищ Терека (правый берег возвышен и очень удобен для фортификации) по существу представляет собой систему небольших городков-крепостей, расположенных с интервалом 5-6 км и близко напоминающих аналогичные древнерусские крепости, предназначенные для защиты Киевской Руси от печенегов. Эти городки-крепости, судя по последним данным, возникшие еще в первые века н.э., со временем разрастались, укрепленные рвами цитадели окружались неукрепленными посадами, населенные простым людом. Широкий и глубокий Терек, отвесный двадцатиметровой высоты его правый берег и густая сеть крепостей делали этот рубеж для кочевников труднопреодолимым (295, с.152). Хотя с фортификационной точки зрения «земляные укрепления» были довольно примитивны: земляные и деревянные ограды можно было легко эскападировать, т.е. влезть на них; последние можно было также поджигать (391, с.9).

В качестве примера подобного фортификационного сооружения рассмотрим Зилгинское городище. Его положение на господствующей над окружающей местностью возвышенности создавало благоприятные условия для строительства фортификационных сооружений и защиты города (291, с.74) (Табл.LXXIX, 1, 3, 4).

Городище занимает семь холмов (на плане обозначены римскими цифрами), разделенных рвами (обозначены литерами А-Г). Основным ядром городища, организующим его исторически сложившуюся структуру, является холм 1 – несомненно, цитадель (Табл. LXXIX, 3).

В плане она имеет округлую конфигурацию, размер площадки 80х80м, в юго-западной части хорошо прослеживается пологий и достаточно широкий въезд из рва А, фланкированный двумя выступами цитадели. Возможно, что на этих выступах имелись какие-то укрепления, защищавшие въезд. Цитадель имеет плоскую вершину, с которой открывается хороший круговой обзор, в том числе, зрительная связь с соседним городищем. Склоны цитадели имеют крутизну примерно до 30 градусов в сторону рва и до 45 градусов в сторону реки (291, с.74-75).

Остальные холмы (II-VII) отделены друг от друга системой концентрических рвов А-Г имеющих глубину до 17м и ширину до 70м.

Примечательны выходы рвов А и В в пойму реки. Они завершаются насыпными террасами и дополнительно усиливаются бастионами 1 и 2, которые закрывают входы в ров со стороны поймы. Создается впечатление, что бастион 2 поставлен именно в этом месте неслучайно: он не только защищает вход в ров, но и позволяет произвести скрытое сосредоточение защитников города в восточном выходе рва В под прикрытием бастиона 2 и затем нанести неожиданный удар по противнику. Таким образом восточный выход рва В в комплексе с бастионом 2 мог играть роль своеобразной калитки. Куртина между бастионами 1 и 2, прикрывавшая с севера цитадель, по краю насыпной террасы могла быть усилена тыном или плетнем (291, с.77-78). Таким образом, система мощных рвов, эскарпированные и почти неприступные склоны цитадели и некоторых других холмов, протейхизма по северному фасу городища, своеобразная вылазная калитка, фланкированная двумя холмами и возможность скрытого перемещения защитников городища по дну рвов – все это свидетельствует о военно-фортификационном искусстве алан и их опыте в строительстве «земляных» городищ. Если жилые холмы по периметру были обнесены тыном или глинобитными стенами, неприступность их становится еще внушительнее (291, с.101).

«Каменные» укрепленные поселения и крепости

Подобно «земляным» городищам равнины, укрепленным аланским поселениям предгорий и гор Центрального Предкавказья свойственна та же систематичность (групповая) в расположении, зрительная связь между поселениями, небольшие их размеры, использование естественно укрепленных мысов и останцов (в небольшой степени обжитых уже в позднесарматское время) (277, с.84). Но в отличие от первых, для изготовления фортификационных сооружений употреблялся камень, из которого строили крепостные стены иногда дополнявшиеся башнями (обычно квадратными в плане), а изредка и рвами, вырубленными в скале. Большая часть поселений возникла в VI-VII вв. на естественно укрепленных мысах в виде небольших двухчастных родовых поселков, состоящих из цитадели площадью 200-400 м, укрепленной каменной стеной мощностью в 2,5-4 м с двух-трех частной башней с внутренней стороны, рядом жилых сооружений и находящимся за стеной цитадели загоном для скота (площадью около 1500-2000 кв.м) дополнительно укрепленными каменной стеной (277, с.84). Как правило, оборонительные сооружения строились только с той стороны, которая не была защи-

щена самой природой: так городища, расположенные на мысах, имели оборонительные сооружения с напольной стороны (Адиюхское (Табл.LXXXI, 1), Кызыл-Калинское (Табл.LXXXI, 2), Учкульское и др.). Но в некоторых случаях вся территория городища обносилась стеной (54,с.126). Последняя обычно складывалась в два панциря из хорошо отесанных блоков с забутовкой между ними землей и необработанными камнями. Панцири складывались насухо из горизонтальных рядов блоков размером 0,52х0,60х1,00 м, положенных «тычком и ложкой» на предварительно подправленную материковую скалу. Последняя со стороны склона подправлялась уступами и поверху ставилась дополнительная оборонительная стена (иногда с башнями). Выход на цитадель обычно возможен только с нижнего дополнительного укрепленного уступа по узкой лестнице, вырубленной в материковой скале (277, с.85).

Городища, подобно «земляным», имеют, как правило, двухчастное деление (т.е. имело внутри цитадель) как то: Гилячское и Учкульское, хотя имело место и трехчастное устройство подобно Адиюху и Кызыл-Кале (Табл.LXXXI, 1. 2). В таком случае, по мнению исследователей, цитадель располагалась внутри еще одного укрепления «кремля» (54, с.127).

При возведении крепостных сооружений обязательно продумывалась система расположения стен. Так, учитывая опасность использования против ворот тарана. Ворота укреплялись башней (Табл. LXXXII, 2) и нередко располагались таким образом, чтобы подход к ним простреливался с флангов (253, с.101).

Вызывает интерес реконструкция оборонительных сооружений Дмитриевского городища (вторая половина VIII-IX вв.) (Табл.LXXX, 1) выполненная С.А. Плетневой (121, с.14-20, рис.4). Первоначально сооружалась основа сооружения представляющая собой деревянный каркас из массивных дубовых плах и столбов засыпанный землей и песком. Со стороны склона завал был облицован несколькими рядами деревянных частоколов различной мощности, благодаря которым, склон в верхней части стал практически недоступным. Поверх земляного укрепления возводились каменные стены: двух панцирей сложенных из слегка подтесанного мелового камня забитых мелкими обломками камня и утрамбованных щебнем. Толщина панцирей достигала примерно 1,5м, пространство между ними 1,75, общая ширина стены 4,75м. Щебневое заполнение, как и сооружение под ним заключалось в деревянный каркас (121, с.14,18). Хотя высота стен, по всей вероятности, была не очень большой, однако Дмит-

риевское городище представляло достаточно внушительную линию обороны, усиленную эскарпированным склоном. Эскарп находился на расстоянии около 3м от крайних деревянных креплений склона, крутизна его достигала 70° при высоте 2м. На ступени, образовавшиеся в результате эскарпирования, был вырыт ровик глубиной примерно в 1м.

Коротко рассмотрим фортификационные особенности крупных аланских городов. Так Нижне-Архызское городище (X – начало XI в.) с точки зрения оборонительных функций было расположено необычно, но выгодно, в глубине лесистого, закрытого со всех сторон ущелья (Табл.LXXXII, 1, 4).

Сеть обороны держалась на системе стен, пересекающих долину от подошвы хребта до реки. Наибольшая протяженность стены 264м, при ширине в среднем 2м, при высоте не менее 3м. Въезд в город был обрамлен двумя контрфорсами, пристроенными к оборонительной стене и тянущимися на 5м, являвшимися, по мнению В.А. Кузнецова городскими воротами (Табл.LXXXII, 2) (100, с.78, рис.50, 2). Реконструкция В.А. Кузнецова на наш взгляд вполне обоснована за исключением зубцов на стенах. По мнению того же исследователя, система обороны Нижне-Архызского городища вряд ли ограничивалась стенами и должна была дополняться двумя башнями на скалах, фланкировавших оборонительные стены (100, с.81).

Т.о. с фортификационной точки зрения городище крайне примитивно: нет целостной системы обороны, защитные свойства местности низки, стены сложены насухо и не слишком прочно, при этом они не усилены выступающими башнями и не расчленены на куртины.

Более интересной в фортификационном плане является Рим-Гора или Бургусант (VII-XII вв.), которую В.А. Кузнецов отождествляет с упоминающимся в письменных источниках аланским городом Фустом (288, с.30).

Неприступный детинец Рим-Горы занимает плоскую вершину – плато огромного скального останца площадью 16,3га, протяженностью 2,2км (Табл.LXXXIII, 3). Склоны плато отвесные, высотой от 3 до 20м (Табл.LXXXIII, 1, 2). Из долины Подкумка на плато вела древняя, хорошо заметная дорога шириной около 3м, имеющая подпорные стенки, а также четыре вырубленных в скале лестницы. Рядом с последними располагались вырубленные в скале караульные помещения в виде сводчатых камер (288, с.28). Рим-Гора имела двухчастное деление, т.е. состояла из неукрепленного посада и ук-

репленного детинца-цитадели. На укреплении высечены зерновые ямы, цистерны для воды (287, с.151) и подземелье для содержания заключенных (54, с.127).

Чуфут-Кале. Одним из наиболее интересных памятников аланской фортификации является город-крепость Чуфут-Кале в Крыму, известный также под более древним названием Кырк-Ер, Кыркиер, Кыркор, Керкер, Керкри и т.д. По мнению исследователей в сооружении крепости принимали участие херсоно-византийские строители (346, с.108).

Городище находится на отдельно стоящем возвышенном плато в окрестностях г.Бахчисарая и, подобно другим «пещерным городам» Крыма, является прекрасным естественным укреплением благодаря отвесным скальным скатам и крутым склонам (295, с.133) (Табл.LXXXIV, 1). Доступ к крепости возможен только с юго-востока, где к нему идет древняя колесная дорога. Плато в двух местах перегорожено оборонительными стенами и поэтому городище помимо своего древнего названия Кырк-Ер (сорок укреплений) имело другое название Джуфт-Кале – «Двойная крепость». В позднейшее время (с конца XVIII в.) это название было искажено в Чуфут-Кале («Иудейская крепость») (385, с.67).

По поводу времени строительства крепостей у исследователей нет единого мнения. Называются и V-VI в., и IX-X в., и XI-XII в. (346, с.107-108)., однако мы склонны соглашаться с гипотезой В.А. Кузнецова датирующего ее началом VI в. – временем строительства ряда фортификационных сооружений в области Дори византийцами при императоре Юстиниане I (295, с.133).

Наиболее часто Чуфут-Кале начинает упоминаться в связи с аланами в монгольскую эпоху. Так арабский географ Абунь-Феда (1272-1331) в своем землеописании отмечал: «Керкер или Керкри ...находится на краю седьмого климата в стране Асов. Его имя значит по-турецки сорок человек. Это укрепленный замок, труднодоступный: он опирается на гору, на которую нельзя взойти. Наверху горы есть площадь, где жители страны (в момент опасности) находят убежище. Этот замок находится на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени Асов... Керкер находится на север от Сарыкермена (Херсонеса – С.А.), между этими двумя местами один день пути» (266, с.162).

Интересный момент имеется в «Аланском послании» епископа Федора (около 1240г.): «Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев словно некое ограж-

дение и охрана (города).» (5, с.57-58). В эпоху господства монголов аланы Чуфут-Кале покоряются им, о чем свидетельствует письмо Марино Санудо к французскому королю Филлипу IV от 13 октября 1334г., где к народам зависящим от татар, отнесены готы с небольшим числом алан в Галгарии – Крыму (295, с.136). Впрочем, в крепости продолжает находиться аланский гарнизон, что вытекает из сообщения турецкого историка Али-эфенди: «Кырк-Эр есть крепость из городов асских на севере от Сары-Кермана (Херсона – С.А.).» (295, с.136). В период раздробленности Золотой Орды аланы Чуфут-Кале предпринимают попытку отказаться подчиняться татаро-монголам. Об этих событиях пишет мусульманский историк XVIII в. Сеид-Мухамед Риза, пользовавшийся не дошедшими до нас более ранними письменными источниками. Он сообщает: «... некогда в Кырк-Ера проживали аланы (асы) – гяуры, оказавшие неповиновение татарам. Один из потомков Чингиз-Хана Шейбек-Хан (правил с 1400 по 1408 – С.А.) после долгой осады захватил крепость» (385, с.73). В результате этой компании аланы вытесняются из Чуфут-Кале и в период с 1430 по 1460 г. он становится столицей возникшего в середине XV в. в Крыму Крымского ханства (266, с.165).

Чуфут-Кале является классическим вариантом города-крепости обеспечивавшей господство над определенной территорией и являвшейся убежищем для окрестного населения. Крепость располагается на столповой горе, но плато, на котором она находится, еще не успело отделиться от массива гряды и соединяется с нею более или менее узким перешейком. Городище с трех сторон обрывается вертикально вниз, на глубину от 8 до 18 м и только с четвертой стороны они соединяются с остальной частью плато. Фортификационные сооружения состоят из боевых стен перегораживающих этот перешеек (Табл.LXXXIV, 2). Городище Чуфут-Кале занимает не всю площадь мыса, огороженного оборонительными сооружениями, а лишь среднюю часть перешейка между пустошью и оборонительной стеной. Последняя пересекает перешеек наискось и по центру в ней расположены ворота (Табл.LXXXIV, 3). Первоначальная толщина стены 5м, сохранившаяся высота, очевидно, соответствует первоначальной 7-8м, но с учетом зубчатого парапета она составляет около 10м (346, с.91-97, рис.24, 25).

Стратегические крепости

Помимо укрепленных поселений в средневековой Алании широко практикуется строительство фортификационных сооружений

на стратегически важных участках на границах с соседними народами. Особенно хорошо это можно проследить на примере горной зоны Осетии, где рельеф местности благоприятствовал созданию системы подобных укреплений. К сожалению, крепостные сооружения до наших дней дошли в плохой сохранности и практически не исследовались. Однако их внешний вид заставляет думать, что твердыни типа Зарамагского утеса и Верхне-Садонского мыса являлись серьезным препятствием для противника.

Чрезвычайно интересна крепость Бад, фортификация которой имеет ряд особенностей. Укрепление расположено на узком длинном мысу, гребень которого имеет сильный наклон, что и определило принципы обороны. Верхушка мыса покрыта по периметру каменными кладками высотой до 2м, игравших роль брустверной стенки или парапета (бруствер – от немецкого слова Brustwehr, т.е. защита по грудь, парапет – от итальянского слова – pagaretto, т.е. грудная опора (391, с.10)). Стены проходили и поперек утеса, деля внутреннее пространство крепости на своеобразные отсеки, возвышающиеся один над другим. В месте соединения утеса с основным горным массивом, судя по остаткам кладки, располагалась башенка, защищая здесь самую уязвимую точку обороны. В центральной части крепости находились резервуары для хранения воды и продуктов, и подземелья для содержания пленников. Имелись и своеобразные «гнезда» для дозорных или стрелков. Оборона, таким образом, делилась на изолированные друг от друга участки, что давало возможность держаться до последнего отступая на следующие линии укреплений, однако и очень затрудняла взаимопомощь защитников. Можно добавить, что в нескольких сотнях метрах от крепости на вершине небольшого утеса, расположенного на противоположном берегу р.Баддон находился сторожевой пост, который оповещал гарнизон крепости о приближении врага.

К числу аланских стратегических крепостей, вероятно, можно причислить самое известное циклопическое укрепление Южной Осетии – «Зылды мæсыг» (круговая башня) или крепость Зылд у Кадлосанского перевала, ведущего в Трусовское ущелье и верховья р.Терека. По мнению А.Р. Чочиева она контролировала выход вниз по ущелью (381, с.225). Крепость располагается на высоте около 2600м над уровнем моря на каменистом плато «Хуыртæ» или «Аштыр Хур» т.е. «большой щебень». В центре этого плато находится скалистый выступ, называемый Уæйгуыты Масыг, т.е. «башня великанов», а в северо-западной части, в наивысшей точке плато, откуда прекрасно

обозревается Кадлосанский перевал, возведена сама крепость Зылд. Она отличается крайней примитивностью и представляет собой стену высотой, в среднем, около 3 метров полигональной кладки из метрового размера каменных блоков. Укрепление располагается неправильным полукругом, слегка волнистым в плане, прилегающим к обрыву. Вход в крепость осуществлялся через маленькое четырехугольное отверстие (299, с.38-39).

Форма оборонительного сооружения настолько своеобразна, что исследователи затрудняются ее датировать. Современная точка зрения ученых, что постройка ее относится к XIII веку, связывая ее появление с натиском алан, вынужденных бежать с предгорий Северного Кавказа в результате татаро-монгольского нашествия (229, с.171). Монгольское нашествие оказалось слишком серьезным испытанием для аланской фортификации. Перед напором орд не могла устоять ни одна средневековая крепость. Вместе с тем упорное сопротивление аланских крепостей отмечают многие источники. В 1246 г. Плано Карпини указывал, что «...в нынешнее время осаждали они (монголы – С.А.), кажется двенадцать лет в Аланской земле одну гору, которая, однако же, сопротивлялась храбро и многие татары и вельможи их под нею погибли» (5, с.59). Как справедливо отмечает Ф.Х. Гутнов, под «горой» подразумевается какое-то укрепление на возвышенности, в отличие от которого, «другие крепости и города, не имеющие подобного положения», Карпини рекомендовал обнести рвами и стенами (224, с.61). Возможно, об этом укреплении говорит арабский географ Абульфеда (1273-1231 гг.): «Главная крепость алан есть одно из самых укрепленных мест в мире и увенчана облаками, подобно тюрбану. Местоположение его на вершине гор, которые тянутся к Железным воротам. Татары, говорят, встретили под его стенами сильное сопротивление, они проникли в него только при помощи хитрости и после долгой осады» (203, т.1, с.72). Гильом де Рубрук (1253 г.) сообщает об аланском городе в низовьях Волги: «При среднем рукаве (Волги – С.А.) находится город, по имени Сумеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Сарацины» (15, с.185).

Гарнизон укрепления мог состоять и не только из местных жителей. Так письменный источник «Худуд-ал-Алам» сообщает, что город Хайлан был штаб-квартирой армии аланского царя (287, с.155).

Однако самым интересным из аланских укреплений является Дарьяльская система оборонительных сооружений.

Дарьяльская крепость

Как справедливо было подмечено исследователями, из всех населенных пунктов, связанных с аланами, в письменных источниках чаще всего упоминается знаменитая крепость в Дарьяльском ущелье (325, с.132).

С момента появления алан на Кавказе они тесно связаны с Дарьяльским укреплением, носившим название «Железные ворота» (294, с.14). Иосиф Флавий (37 – около 100г. н.э.), повествуя о нападении алан в 72г. на Мидию, пишет: «они (аланы – С.А.) вступили в переговоры с царем ирканцев (иберов – Кузнецов В.А.), ибо он владел проходом, который царь Александр запер Железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать ... страну.» (44, т.1, с.54).

Название Дарьяла ущелье получает именно с приходом алан, действительно, у арабских авторов оно зовется Bab-al-Alan «врата алан», а общеизвестное – Дариал (груз.: Dariala, Darialani) происходит от перс.: Dar-i-Alan «аланские врата», «porta Alanorum». (176, т.1, с.42). У ранних армянских авторов Дарьял назван «аланац дур», то есть те же аланские ворота (325, с.132).

Даже грузинские летописи, не зафиксировавшие этнонима «аланы», знают с древнейших времен и Аланскую дорогу, и аланскую крепость, и аланские ворота, которые назывались у грузин иначе – «Арагвские ворота» («Арагвис кари») (325, с.132). У осетин Дарьяльское ущелье зовется «Arvy-kom», что значит «небесное ущелье», «ущелье, ведущее в небо» (176, с.47). Дарьяльская крепость, находящаяся на границе между Аланией и Грузией, запирала основную стратегическую дорогу, соединяющую Северный Кавказ с Закавказьем, поэтому ею всегда владел тот, кто доминировал на Кавказе.

У Мовсеса Хоренаци (V в.) упоминаются «аланские ворота» в связи с деятельностью св. Нуны (Нины) в Грузии (325, с.132). Другой армянский историк Агафангел (V в.) в рассказе о войне армянского царя Хосрова I (217-238гг.) с Сасанидами говорит, что Хосров открыл ворота аланские из Тифлиса (т.е. с помощью, или через грузин, своих союзников) (325, с.132). Мартиан Минней Felix Капелла (пер. пол. V в.), ошибочно именуя их Каспийскими, пишет: «Кавказ имеет ворота, которые зовутся Каспийскими; это обрезы скал, заложенные еще железными брусьями для недопущения прохода посторонних, хотя в весеннее время они непроходимы из-за змей» (21, 1949, №4, с. 281). Как пишет Приск Панийский (V в.): «Персы...отправили к римлянам посольство с просьбой дать им денег или людей для охра-

ны укрепления Юроипаах (по др. чтению Уроисах)» (21, 1948, №4, с.256), но получили отказ.

В середине V в. во время войны персов с гуннами – эфталитами, восстали охранявшие Аланские ворота гарнизоны, состоявшие из армян, иверов и алан. Как считает В.А. Кузнецов, ключевую роль в системе обороны «Аланских ворот» играла крепость Юройпаах, что соответствует армянскому – «Иберийское укрепление» (294, с.52).

Во время ирано-византийских войн в VI в. шах Ирана через своего наместника в Восточной Грузии держал в Дарьяльской крепости гарнизон, снабжавшийся всем необходимым из Тбилиси, поэтому позднейшая ирано-арабская историческая традиция приписывала основание Дарьяльской крепости иранскому шаху Хосрову I Ануширвану (531-579гг.) (325, с.133). Именно со временем господства в этом регионе в V-VI вв. Ирана А.П. Новосельцев связывает возникновение нынешней формы Дарьяльского укрепления (325, с.132). Грузинские источники также связывали постройку крепости с персами: «проникли они к кавказцам и соорудили они себе врата Овсетии, одни большие врата – в собственно Овсетии и четверо врат – в Двалети, и одни – в Паргуане Дурзукетском; а тех горцев поставили гомардами (охраной)» (294, с.55-56).

На наш взгляд, с VI веком следует связывать оформление в Дарьяльском ущелье системы обороны из самой крепости, состоящей из цитадели с прилегающими к ней стенами и башенками, и запирающей ущелье стены с башнями на ее концах.

В период арабо-хазарских войн арабы, захватив Дарьяльскую крепость поставили в ней свой гарнизон. Так, полководец ал-Джаррах в 729-733гг. из Тифлиса ходил походами на хазар через страну алан, а в 737г. этим же путем вел основное войско на хазар Марван ибн абд-ал-Малик (Новосельцев А.П., т.2, 1969, стр.133).

Однако уже со второй половины VIII в. Дарьяльское укрепление, вероятно, вновь попадает под контроль алан, о чем можно косвенно догадываться по отрывку из «Мученичества Абь Иоанна Сабаниедзе» грузинского автора второй половины VIII в.: «... и прошел он те ворота осетин, которые именуются Дари-Алан» (13, с.77). Подтверждением этому может служить и повествование Шапуха Багратуни (IX в.) о походе в Аланию багдадского войска под предводительством Ахмада и Мелима (2, с. 43).

Подробная характеристика Дарьяльского укрепления имеется у арабских авторов. Абульфеда, рассказывая в своей географии о Кавказе, пишет: «... в этих горах есть очень трудные проходы и са-

мый большой их этих проходов находится в середине. Он перекрыт стеной и воротами, которые называют «ворота Аллан» (272, с.36). Масуди (в 956г.) сообщает: «Между царством аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется «крепость Алан». Она построена некогда древним персидским царем Исбендияром, сыном Гистаспа. Там помещалась стража, на обязанности которой лежало защищать от аланов дорогу к горам Кабх. Для этих народов не было иной дороги, как через мост, над которым господствовал замок. Замок был построен на недосягаемой скале, и не было средства захватить его и даже пройти к нему без соизволения находящихся в нем. Среди этого укрепления на самой вершине скалы бьет источник пресной воды, так. Что эта крепость одна из крепостей, знаменитых в целом свете по своей неприступности. Персы упоминали в своих стихотворениях о том, как построил ее Исбендияр, сын Гистаспа.

Когда Маслама-ибн-Абдилмелик-ибн-Мерван (688-750гг. он был наместником Армении, позже Халисром – С.А.) пришел в эту область и покорил жителей ее, то поместил в этом укреплении арабский гарнизон, до настоящего времени защищающий это место. Им часто доставляют пищу сушей из пограничной местности Тифлис, отстоящей от крепости на расстоянии пятидневного пути по владениям кяфиров. Хотя бы один человек был в этой крепости, он отразил бы всех царей кяфирских, если бы они проехали у этого моста, благодаря воздушной позиции. Командующей разом над дорогой, мостом и долиной» (44, т.1, с.76).

Ибн-Рустэ (X в.) пишет, что на расстоянии десяти дней пути от аланской столицы находится крепость, называемая «Баб-ал-лан», т.е. «Ворота алан». «Она находится на вершине горы, а под горою – дорога, и вокруг крепости высокие горы. Стену этого укрепления охраняют каждый день 1000 человек из ее обитателей; они располагаются гарнизоном на день и ночь» (5, с.48).

В письменном источнике «Худуд ал-Алам» Дар-и-Алан упоминается среди аланских городов, как «расположенный подобно крепости на вершине горы. Каждый день 1000 человек по очереди несут стражу на его стенах» (287, с.155).

Хазарский царь Иошер (X в.) пишет: «Между царством аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется: «Крепость алан» (44, т.1,с.80).

С усилением Грузии в XI-XII вв. Дарьяльская крепость находилась под контролем грузин, а в XIII-XV вв. за эту твердыню разво-

рачивается борьба между Золотой Ордой и Хулагидами (325, с.133). В этот период Дарьяльское укрепление вновь начинает именоваться «Железными воротами». Данный термин встречается у Вильгельма де Рубрука (5, с.60-62), в русской Воскресенской летописи (5, с.63). Европейский путешественник XII в. Вениамин Тудельский говорит об «Алании, окруженной горами и не имеющей другого выхода, кроме «железных ворот», построенных Александром Македонским, жители которой называются аланами» (294, с.114).

Дарьяльское укрепление представляет собой систему оборонительных построек, перегораживающих долину реки Терек в самых выгодных для обороны местах. Система обороны состояла из двух участков. Первый представлен мощной стеной на левом берегу Терека, перегораживающей ущелье в самом узком месте, в которой. Вероятно, располагались знаменитые «Железные ворота» (На сегодняшний день она полностью уничтожена прокладкой газопровода и каким-то незавершенным строительством, но А.П. Круглов в 30-х годах XX века еще успел зафиксировать ее. (92, с.247)), и размещенных по обеим ее концам на разных берегах реки на большой высоте укреплений башенного типа (Остатки двух башен на правом берегу Терека, о которых писал А.П. Круглов, нами не были обнаружены, и, по всей вероятности, они тоже оказались разрушены строительством, зато на левом берегу нами были найдены развалины еще одной башни) (Табл.LXXXV, 1).

Второй участок обороны состоит из самой Дарьяльской крепости – она как бы венчает вершину скалистого холма, возвышающегося на левом берегу Терека (Табл.LXXXV, 2). Дорога, соединяющая Северный Кавказ с Закавказьем проходила по неглубокой ложбине, отделяющей холм с укреплением от основного горного массива (Табл. LXXXVI, 2). Прилегающий к крепости участок дороги перегорожен с обеих сторон мощными каменными стенами толщиной 2,5-3м. В толщине одной из них проложены глиняные водопроводные трубы, подававшие воду с противоположного горного склона; вероятно, это и есть тот источник пресной воды, о котором упоминает арабский географ X в. Масуди (92, с.247).

На сегодняшний день относительно хорошо сохранилась только северная стена, имевшая длину около 60м. К ней примыкает небольшая четырехугольная башенка, располагающаяся у края дороги. На западном окончании стены на довольно большой высоте остатки маленького укрепления. С южной стороны к цитадели примыкает небольшой мысок, на вершине которого, также имеются следы укреплений (Табл.LXXXVI, 1).

Что касается основного укрепления, то площадка, которую оно занимает, практически ровная и оборонительные стены располагаются по ее периметру переходя в отвесные обрывы (Табл.LXXXVI, 1). Толщина стен колеблется в пределах 1,5-2м, кое-где доходя до 2,5м. В некоторых местах стены укреплены контрфорсами. С восточной стороны, по-видимому, от подземного хода, к Тереку спускается извилистый ход с каменными ступенями. С обеих сторон он защищался стенами высотой в рост человека. В кладке стен сохранились следы прутьев (92, с.247), благодаря которым конструкции придавалась сейсмостойкость. На западной стене цитадели, являющейся одной из наиболее уязвимых, имеются развалины двух башенок. Несмотря на неоднократную перестройку крепости, заметную по различным типам кладке стен, места возведения укреплений оставались прежними, что обусловлено, в первую очередь, горным ландшафтом, который отводит строго определенные места для организации системы обороны.

Стены, перегораживающие дорогу. Прилегающую к крепости, выступали не только пунктами таможенного контроля, но и являлись главными линиями обороны ущелья, поскольку крепость было невозможно штурмовать, не овладев стенами. Если такое все же удавалось, гарнизон переходил из всех укреплений в основную цитадель и отсиживался там. Измерив длины наиболее опасных для атак участков и разделив полученное число на площадь занимаемую воином в бою, мы увидим, что минимальный гарнизон крепости, способный оказать сопротивление до подхода основных сил, составлял около 100 человек. Максимальное же число защитников могло насчитывать несколько тысяч, поэтому Дарьяльская система укреплений была для обороняющихся идеальным местом для проведения генерального сражения.

Горные замки

Первая попытка выделения этой категории аланских оборонительных сооружений из числа архитектурных памятников Северного Кавказа была предпринята сравнительно недавно. До этого времени подобные фортификационные комплексы интерпретировались как крепости, рядовые укрепления, общесельские форпосты или убежища. В.М. Батчаевым были сформулированы следующие положения, отличающие горные замки от вышеперечисленных сооружений:

1) в отличие от крепостей они предназначались для отражения внешней угрозы, что предполагало бы их локализацию вдоль государственной границы – в первую очередь на перевалах;

2) от родовых укреплений в рамках крестьянской общины замки отличаются большими размерами, подобных комплексов не фиксируется более одного на поселение;

3) в то же время их размеры слишком малы для убежищ, поскольку не вместили бы и трети жителей селения;

4) в отличие от форпостов эти укрепления располагаются не на подступах к поселениям, а в непосредственной близости от них (191, с.138).

Свидетельство о существовании подобных сооружений имеется еще у Масуди (X в.): «Столица Алании называется Магас, что означает «Муха». Помимо этого города царь владеет замками и местами отдохновения и (время от времени) переезжает туда на жительство» (296, с.116). Помимо царских резиденций должны были существовать и вотчины крупных аланских феодалов. В книге Вахушти Багратиони (первая половина XVIII в.) «Описание царства грузинского» говорится о шести древних крепостях в горной Осетии (13, т.1, с.218-223) в число которых могли попасть и замки.

Условия высокогорья играли огромную роль в планировке этих укреплений, поскольку высокие защитные параметры местности определяли фортификацию замка. Места для возведения последних выбирались чрезвычайно труднодоступные, на крутых и высоких, изобилующих обрывами горных склонах. И, как правило, проникнуть в замки (с риском для жизни) можно лишь в одной определенной точке их периметра. Что значительно облегчало оборону (191, с.147-148).

Такая тесная привязка к горному рельефу не могла не отразиться на особенностях их архитектуры. Размеры и конфигурация построек данной группы обуславливались, как правило, величиной и формой скальных выступов, на которых они возводились (191, с.148). Несмотря на большое разнообразие форм попытаемся выделить несколько основных типов, каждый из которых диктовал свою модель обороны.

Для первого типа характерно одно строение значительного размера представляющее в плане произвольную геометрическую фигуру: квадрат, трапецию, прямоугольник с одной или двумя выгнутыми сторонами и т.д. (Болат-кала, Кадат). Оборона в таких комплексах осуществлялась в одну линию: если число защитников становилось меньше необходимого, замок был обречен.

Примером укрепления этого типа может служить Болат-кала (Карча-кала), находящийся на левом берегу Черека Балкарского,

приблизительно в 1,5км от с.Верхняя Балкария. Замок сооружен на небольшой скальной площадке, выступающей из горного склона на высоте около 120м от уровня реки. С трех сторон площадка защищена обрывами, а с четвертой (западной) – хаотичным нагромождением скал (Табл.LXXXVII, 1, 2). В восточной стене на различной высоте устроены 10 бойниц и световых проемов. Очевидно, наиболее крупные стенные проемы служили для стрельбы из лука и в мирное время были закрыты изнутри деревянными щитами; мелкие же представляли собой обычные световые и смотровые отверстия (191, с.145, 147, 150, рис.7-9).

Другой тип замков характеризуется наличием изолированных укреплений, что сближает его со скальными крепостями. Центром обороны является одно (или несколько, в зависимости от рельефа) крупное сооружение вокруг которого разбросаны небольшие укрепления башенного типа, усиливая уязвимые участки. Подобный комплекс мог дополняться и оборонительными стенами (Малкар-кала, Эрзи, Эгикал, Таргим, Оздик). Сильной стороной подобных укреплений являлась хорошая простреливаемость местности, практически отсутствие «мертвого» пространства. Однако отсюда вытекала и уязвимость каждой отдельно взятой постройки, которой могла помогать лишь небольшая часть осажденных.

Классическим примером подобного комплекса может служить замок Зылги. Он располагается в Черкесском ущелье, в 3,5км к северо-востоку от села верхняя Балкария, в месте, где горная теснина, обрываясь, переходит, в Верхне-Балкарскую котловину. Замок, сооруженный на склонах почти неприступного скального массива, со всех сторон защищен отвесными обрывами, крутыми склонами и нагромождением скал. Основная линия обороны состояла из пяти построек башенного типа, воздвигнутых на склоне одна над другой в три яруса (Табл.LXXXVII, 1, 2). Первый (нижний) ярус представлен одной башней (№1) игравшей роль форпоста, второй (средний), расположенный на 9-10 м выше, являлся, видимо, основным рубежом обороны и состоял из трех сооружений (№№2, 3, 4) расстояние между которыми 1,2-1,5м. Еще на 30 м выше находился третий (верхний ярус, на котором стояла одна башня бывшая, вероятно, последним оплотом защитников.

Фортификация дополнялась еще двумя укреплениями в виде высоких стен с бойницами, пристроенными к отвесной западной стене скальной платформы и контролирующими единственно возможный доступ к замку. Все бойницы последнего снаружи арочной и

стрельчатой формы, внутри квадратной, предназначены для стрельбы из лука (191, с.141-144, рис.3-5, 10).

Наиболее совершенным в фортификационном плане являлся третий тип, выстроенный в классическом стиле замков Западной Европы. Ограда состояла из стен и башен, воплощая в себе, таким образом, достоинства первых двух видов защитных комплексов по аналогии с западноевропейскими традициями, можно полагать, что оборона сосредотачивалась преимущественно в башнях, стены же занимались войсками редко ввиду сравнительно небольшого числа защитников (391, с.27).

Фортификационная схема подобных сооружений предполагала принцип последовательной обороны, т.е. сила сопротивления увеличивалась от наружной ограды к центру, где обычно располагалась цитадель (391, с. 27-28) – как правило, самая высокая башня (донжон), служившая последним оплотом обороны. Слабой стороной замков являлись выходы, которых поэтому устраивалось не более одного, охраняемого наиболее сильно, обычно башней.

Число замков сравнительно невелико, и на сегодняшний день их очень сложно выявить, поскольку они сильно руинированы и зачастую внешне напоминают галуаны (комплексы из башни с хозяйственными пристройками). К первым мы можем отнести Галиат, Камунта, Быз, Урыкау, Нижний Зарамаг, возможно Архон, Тара (отселок Архона) в Осетии; Накарой, Евлой, Барха, Баулой (в Чечено-Ингушетии); замок Жабоевых в Балкарии и т.п.

Наиболее яркой в этом плане является оборонительная постройка в с.Галиат (Нами была сделана графическая реконструкция замка по фотографиям конца XIX в. и информации полученной от его нынешних владельцев. Рисунок не претендует на непогрешимость: так центральная башня (к.3) видимо была чуть ниже, а угловая башня (к.5) несколько уже.). Комплекс расположен на скальном мысу, с трех сторон защищен неприступными скалами (Табл. LXXXIX, 1, 2) и по периметру обнесен стенами. Противоположный склон холма имеет значительную крутизну, что в сочетании с речкой, обтекающей замок, дает эффект рва с водой. Внутренняя часть замка состоит из построек, располагающихся ярусами, крыши нижних при этом служат полом для верхних. Опорными местами обороны являются пять башен: две боевые (Б.1, Б.5) и три жилых (Б.2, Б.3, Б.4). Последним оплотом защитников (донжоном) видимо служила башня Б.5, имевшая, судя по фотографиям прошлого века, наибольшую высоту.

Значение башен в обороне состояло в том, что они разделяли обороняющегося на отдельные участки, позволяли вести оборону шаг за шагом и не давали атакующему возможности распространяться по всей ограде. Другое их назначение состояло в продольном обстреле стен, т.е. во фланкировании доступов к стенам. Одновременно башни прикрывали выходы и сообщения внутренности ограды с внешним миром. Таким образом, башни являлись опорными пунктами ограды (391, с.11). Имеются небольшие оборонительные кладки в виде стены и башенки и у подножия крепости, служившие, вероятно, прикрытием в случае отступления защитников.

Ярусная система обороны, с возможностью открытого перемещения сил обороняющихся по закрытым коридорам и разделение внутреннего пространства на секции позволяла вести последовательную защиту и делала Галиатский замок одним из замечательных (особенно по сохранности) памятников средневековой Кавказской фортификации.

Скальные (пещерные) крепости и укрепления

Оборонительные сооружения на отвесных скалах, подобные ласточкиным гнездам, являются замечательными памятниками позднесредневековой фортификации. Даже глядя на крепость в упор можно ее не заметить, поскольку ее каменные кладки сливаются с нагромождениями скал; а взять ее приступом практически невозможно ввиду того, что добраться до укреплений невозможно без специальной подготовки и снаряжения. Благодаря этому подобные фортификационные сооружения великолепно сохранились до наших дней. Но в свою очередь, отсюда вытекала слабая изученность, поскольку графическая и фотографическая фиксации не давали наглядного представления об укреплении.

Наиболее вероятной датой их возведения считаются XII-XIII вв. и, по мнению исследователей, они становятся оплотами обороны оттесненных в горы алан в эпоху монгольских завоеваний (352, с.69).

Простейшие скальные укрепления представляют собой систему невысоких заградительных стен на разных уровнях (с.Верхний Унал). Часто постройка имела вид башенки, прилепленной к отвесной скале (Хуссар-Хинцаг, Гули, Кадат, Задалеск («Седанти мæсуг», «Рафти мæсуг»), Девнегу, Хайха, Вовнушки, Нюи и др.). Сгруппированные вместе по несколько штук (до 10) они превращаются в настоящие крепости (Нузал, Урсдон).

Разновидностью скальных крепостей являются пещерные. В простейшем варианте это заградительные стены с бойницами, оконными и входными проемами, закрывавшие устья пещер (352, с.67). По мнению В.Х. Тменова, при выборе места для строительства этих укреплений главенствующую роль играли не только соображения безопасности, но и почитание пещер – обители божеств и духов, – которым издревле окружали их кавказские горцы. Почитание это переносилось, по-видимому, и на скальные крепости и укрепления, что делало их, по поверьям аборигенов, и вовсе неуязвимыми (352, с.70).

Самым замечательным пещерным комплексом по праву считается крепость Дзивгис, представляющая собой систему из семи оборонительных сооружений, пристроенных к пещерам и скальным навесам, тянущимся вдоль подошвы горы Кариу-хох (353, с.106-108). Каждое укрепление было самостоятельным очагом обороны, прикрывающим основную, нижнюю пещеру. Это давало повод высказывать мнение о том, что из последней отходила сеть внутренних ходов (тоннелей) к остальным сооружениям, по которой защитники в критический момент отступали к более защищенным и менее доступным для врага укреплениям (281, с.234). Однако тщательное изучение с помощью скалолазов показало, что сообщение между отдельными башнями осуществлялось при помощи системы консольных балок, вбитых в скальные расщелины; на балки клался настил из двух-трех досок, по которому можно было пройти от одного укрепления к другому. В случае необходимости доски убирались, и взять башню было невозможно.

Если подобный настил сделать было нельзя или требовалось сделать переход не по горизонтали, а по вертикали, действовали с помощью веревок, крепившихся к аналогичным деревянным консолям, вбитым в скальные расщелины (286, с.117-118). Таким образом, каждая башенка действовала автономно, и переход защитников во время боя из одного укрепления в другое был невозможен.

Взять приступом подобную крепость, как уже отмечалось, было очень сложно, и техника их штурма была отработана только при Тимуре, для чего «лучников, в сплетенных для этого больших корзинах, сверху спускали до уровня пещер» и они осыпали осажденных стрелами. «Если сопротивление продолжалось, то пускались в дело зажженные стрелы, обмотанные пропитанной нефтью паклей» (352, с.71).

Сохранилось описание штурма воинами из покоренного Тимуром племени мекритов крепости Кулу и Тауса, Шереф-ад-Дина Йез-

ди в «Книге побед» (1424-1425 гг.) описывает поход на эти укрепления асских военачальников, которые «также принадлежали к племенам обитателей Эльбруза (Эльбруса – С.А.). У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз, и шапка валилась с головы...» (40, т.2, с.181). Особенно неприступной была крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы на такой вышине, что «пущенная стрела не долетала до нее» (40, т.2, с.181). Тимур позвал к себе несколько человек из племени мекритов, которые «в ходьбе по горам были так ловки и искусны, что заберутся в любое место, куда только серна может забраться», и приказал им найти и исследовать дороги к этой крепости. Однако они не отыскали ни одного пути, ведущего к укреплению, и тогда Тимур велел сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив на первый уступ горы, забраться по ним наверх и, втащив лестницы, поставить на второй уступ, затем взойти наверх и поставить лестницы на третий уступ, где находилась крепость. «Другая группа смельчаков, решившись пожертвовать жизнью», опоясавшись канатами, и, прикрепив их концы к вершине горы, «с огненными мечами спустились до места, находившегося против крепости». Оба отряда, действуя согласованно, сверху и снизу стали штурмовать крепость, защитники которой стрелами и камнями поражали осаждавших. Несмотря на большие потери, все новые и новые отряды Тимура шли на приступ и «жители крепости, видя эту небесную и земную беду, сверху и снизу, спускающуюся и поднимающуюся, оробели и растерялись. Храбрецы победоносного войска овладели, таким образом, этой крепостью и умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней» (40, т.2, с.181). По мнению исследователей, крепость Тауса соответствует Дзивгисской скальной крепости, а Кулу – находящемуся в 2-3 км от Дзивгисса укреплению Гули (224, с.99). Осетинская легенда сообщает об обороне Урсдонской скальной крепости, которую войска неприятеля после безуспешного обстрела из луков пытались взять штурмом «... надев на голову наутæ (видимо, стальной головной убор), захватчики ринулись к башне, но безрезультатно. Сверху на них сваливались деревья, начиненные железными гвоздями, камни, сыпали песок» (250, с.90).

Видимо, успешные взятия Тимуром скальных крепостей Кавказа привели к отказу местного населения от строительства подобных фортификационных сооружений, превращающихся для защитников в настоящие ловушки при вышеупомянутой технике штурма.

Самой известной крепостью Осетии (причем не только среди скальных) является Нузальская «Нузалы фидар», считающаяся, согласно осетинским легендам и преданиям, резиденцией народного героя царя Ос-Багатара и родовой вотчиной клана Царазонта. Укрепление располагается на отвесных скальных карнизах над дорогой по правому берегу реки Ардон. Чуть ниже имелся мост через реку (296, с.117). Месторасположение и форма крепости (Табл.XC, 1, 2) свидетельствуют о том, что она запирала вход в ущелье. Основные силы защитников сосредотачивались на скальном мысу, по периметру которого в два яруса шли невысокие (бруствер) оборонительные стены (№7-9). Над этим укреплением на значительной высоте возвышалась центральная трехэтажная башня (№6) поддерживающая стрельбой сверху защитников стен и являющаяся их пристанищем в случае отступления. Доступ к ней контролируется небольшой башенкой (№11). На правом фланге крепость защищает башенка (№12), а на левом – комплекс из пяти (?) маленьких гнездовидных построек (№1-5). Каждая из них рассчитана на 1-2 стрелков и они предназначены для фланкирования боковых доступов к основному укреплению и контроля дороги в самом узком месте. Согласно преданиям в толще скалы имелись ходы сообщения и даже подземный ход в соседнее ущелье, но скорее всего здесь имела место та же система сообщения, что и на Дзивгисском укреплении (К сожалению на сегодняшний день значительная часть этого памятника истории и архитектуры (Нузальской крепости – С.А.) уничтожена прокладкой в этой скале тоннеля, а ранние исследования этого объекта, мягко говоря, не отличались добросовестностью. На наш взгляд, изучение этого укрепления является задачей первостепенной важности).

Заградительные стены, таможенные заставы, форпосты

В горной пограничной части Алании, наряду с крепостями, получает распространения еще один вид фортификационных сооружений – это заградительные стены. О существовании стены с железной дверью, с железной стеной перегораживавшей Дарьяльское ущелье в I в. до н.э. сообщает Страбон (352, с.65). Дополнительные сведения об этом укреплении, получившем название Cumania, имеются и у Плиния (352, 1996, с.65). Однако наибольшая активность в строительстве подобных сооружений, по мнению исследователей, приходится на VI-VIII вв. и связывается с ирано-византийскими и арабо-хазарскими войнами (352, с.65). Так грузинские летописи сообщают

о возведении в Алании персами целой системы таких укреплений: «проникли они к кавказцам и соорудили они себе врата Осетии, одни большие врата – в собственно Осетии и четверо врат – в Двалети, и одни – в Пергуане Дурзукетском, а тех горцев поставили гомардами (охраной)» (294, с.55-56).

Монументальность заградительных стен (так Касарская имеет в толщину 11,85м) послужила причиной возникновения легенды о существовании Великой Кавказской стены, простиравшейся от Черного до Каспийского моря (366, с.145-151). Однако аланские укрепления располагаются по другой схеме: заградительные стены перегораживают ущелья по всей ширине и нередко за одной стеной на некотором удалении возвышалась другая (и даже третья) игравшая роль следующей линии обороны либо предназначенная для обеспечения безопасности тыла (352, с.60-61).

Функцией заградительной стены было создание максимально выгодных условий для обороняющейся армии (поскольку оборонять стену подобно Хилакской, протяженностью 335м, могла только армия).

Самым замечательным памятником по праву считается главная Хилакская стена (Табл.XCI, 1) из системы обороны Куртатинского ущелья, расположенная примерно в 1,5км к северу от с.Гутиатыкау. место для ее сооружения было выбрано с учетом рельефа местности: ущелье здесь сужается, а склоны его покрыты каменными осыпями. Общая протяженность стены около 335м, толщина на отдельных участках достигает 2,70-3,00м, а максимальная высота 5,00м (353, с.63-64, рис.1).

Неприступность стены в значительной степени обеспечивалась шестью массивными боевыми башнями, фланкированными на север и предназначавшимися в первую очередь для фланговой стрельбы. Стена рассечена надвое рекой Фиагдон; в правобережной части укрепления между торцом стены и рекой был оставлен некогда хорошо охранявшийся проход для пропуска населения, войск, скота и т.д. (352,с.57). Согласно народному преданию укрепление было возведено осетинами (аланами), возглавляемыми Уац-алдаром (352, с.59).

Помимо фортификационных сооружений на стратегических направлениях, транзитные пути в горной зоне Алании перекрывались таможенными заставами по конструкции напоминающими заградительные стены, но более скромных размеров. О существовании подобных объектов упоминается в надписи на стене Нузальской церкви (начало XIV в.):

«Мы содержим в 4-х углах узкие проходы дорог. В Касаре имею

укрепление и сабаже (заставу), здесь содержу двери моста...» (296,, с.80).

В.А. Кузнецов отождествляет эту таможенную заставу с укреплением «Зылын дуар» (дословно – «Кривая дверь») на левом берегу р.Ардон на расстоянии 3,8км выше поселка Бурон. Это подтверждают и осетинские предания приписывающие ее постройку Ос-Багатару (конец XIII – начало XIV в.) (296, с.92). Комплекс состоит из двух оборонительных стен перегораживающих ущелье, двух башен и позднейших пристроек к южному фасу оборонительной стены (Табл. XCI, 3). Хорошо сохранилась и древняя дорога благодаря мощным подпорным стенкам со стороны реки. Основная оборонительная стена длиной 38,5м, толщиной 2м и высотой до 5м идет от отвесной скалы через всю ширину ущелья почти до берега реки Ардон, на котором выстроена другая стена, кончающаяся обрывом. Как писал В.Б. Пфаф: «Между стенами дорога идет кривой линией, вследствие чего ворота и получили название кривых» (336, с.143). Вход защищается башней носящей название («ахсины-бадæн» – «место заточения госпожи»), а другая, расположенная над укреплением на скале высотой 18м, видимо выполняла функции сторожевой. У осетин даже сохранились воспоминания, что у этих ворот взимали налог со всех проезжающих через это место (296, с.127-128).

В более узких ущельях таможенные заставы имели другой вид. Так на той же военно-торговой трассе, что и Зылын-дуар, но значительно ниже по течению реки находится другое сооружение, в виде массивной стрельчатой арки именуемое местным населением «Чырамад» («Ворота Чырамад»). Являясь заставой осетинского клана Цахилта ворота расположены так, что обойти их было невозможно: с одной стороны отвесная гряда скал, с другой – двадцатиметровый обрыв в реку (Табл.XCI, 2) Они сложены из тесных блоков серого плотного песчаника, облицованы известковым раствором и побелены. Высота ворот 3,40м, высота арки 2,85м, ширина арки (проема) 1,75м, толщина стены от 60 до 55см (по центру арки) (296, с.129). Ворота перегораживались несколькими железными цепями, расположенными на разных уровнях. За аркой находился полупещерный скальный навес, служивший убежищем для дозорных, а перед входом в выступе скалы был выдолблен «водоем» в виде чашечного углубления диаметром 50см (296, с.129-130).

Говоря о фортификационных системах нельзя не коснуться сторожевых форпостов (осет.: komgæstæ – «смотрители ущелья», ryndzgæsdon – «место для дозорных»). В степной зоне для этой цели

использовались высокие курганы часто насыпанные еще в эпоху бронзы. Примером могут служить посты на курганах Шхакишхова гора и у сел. Нартан (253, с.103). В случае опасности отсюда подавались световые, дымовые или звуковые сигналы для форпостов использовали высокие холмы и скальные останцы, с которых открывался наиболее лучший обзор на ущелье со стороны которого ожидалась опасность. Подобные наблюдательные посты открыты в различных районах Кисловодской котловины и на Урупе (253, с.103).

Как правило, форпосты не оснащались серьезными фортификационными сооружениями поскольку в их задачи не входило ввязываться в бой с противником, однако иной раз оборонительные кладки имелись. Так на форпосте Цуп (дословно – «вершина») Архонского общества (в которое входило несколько сел), представляющем собой далеко выступающий вперед скальный утес, единственный узкий доступ перегораживала мощная (около 1,5м толщиной заградительная стена длиной около 20м и высотой до 3м.

Фамильные боевые башни

Если до XII в. аланская фортификационная концепция испытывала значительное влияние со стороны Византии, то с на чалом феодальной раздробленности и господством монголов ситуация коренным образом меняется. Раньше крепости являли собой, в первую очередь, опорные базы для оборонительно-наступательных полевых операций и, соответственно, располагались, как правило, на высотах, пусть и господствующих над местностью, но допускающих беспрепятственный подход (238, с.568).

С XII в. аланская фортификация становится в этом отношении более, так сказать, оборонительно-ориентированной и ограниченной чисто феодальной концепцией недолгих боевых действий локального масштаба. Новые оборонительные сооружения возводятся в местах максимально недоступных. Хотя штурм подобной твердыни являлся предприятием крайне сложным, однако, и защитники не могли быстро контратаковать. Таким образом, им, практически не представлялось возможным перехватить у осаждающих инициативу или прорвать блокаду (238, с.568).

Развал Аланского государства, скопления больших масс народа в горных районах, висящая внешняя угроза, вражда между отдельными фамилиями ставили горцев в условия постоянной борьбы за существование (осет. пословица: «Враг – строитель башни» (233, с.6). Возникает необходимость создания оборонительных построек,

способных защитить жизнь и имущество отдельного индивидуума, членов его семьи и кровных родственников (в данном случае однофамильцев – С.А.) с помощью минимального числа воинов. Таким укреплением становятся башни (осет.: mæsyg, masug), превратившиеся скоро в оплот, надежду, символ, гарантию благополучия и непременное условие могущества фамилии (233, с.7).

Умение строить отличные башни (помимо крепостей и замков) отмечают еще грузинские летописцы XI-XII вв. (384, с.96). Позднее Вахушти Багратиони (XVIII в.) пишет: «... если кровомститель одолеет его (осетина – С.А.), он запирается в свою башню и не выходит из нее до смерти» (233, с.6). Из дальнейшего описания становится ясно, что башенное зодчество у осетин существовало задолго до XVIII в., поскольку к моменту упоминания их Вахушти башни пришли в ветхость и представляли собой руины (233, с.6). Фигурируют они и в нартском эпосе, хотя вне связи с боевыми действиями. В фамильных преданиях башни выступают неотъемлемой принадлежностью рода, поэтому на наш взгляд их широкое распространение следует связывать с возникновением фамильного деления горного общества (XIV-XV вв.).

По поводу датировок этих сооружений исследователи не пришли к единому мнению, однако, исходя из отсутствия в стенах подавляющего большинства объектов бойниц для стрельбы из лука, расцвет северокавказской башенной культуры относят к XVI-XVII вв. (352, с.105; 233, с.48). Не отрицая подобной датировки основной массы памятников, нужно заметить. Что здесь есть ряд противоречий: во-первых, если связывать эти башни исключительно с ружьями, то массовое их распространение на Центральном Кавказе относится к XVII в., притом, что, как отмечалось выше, уже в XVIII в. большая их часть была разрушена. Получается, что чуть больше столетия понадобилось для возникновения башенной культуры, постройки более тысячи башен (возведение каждой из которых требовало упорного труда в течение года значительного коллектива) на территории некогда входившей в Аланию и прихода их в негодность. Во-вторых, как показали единственные известные нам археологические раскопки внутри башни, последние имели тесную связь с луками. Так в расщелине между камнями фундамента башни Кубатиевых была найдена костяная обкладка лука (145, с.91). Впрочем, луки широко использовались еще в XVII-XVIII в., поэтому строители башен должны были учитывать возможность их использования при обороне. В-третьих, высокие башни всегда были частью скаль-

ных комплексов (Нузал, Дзивгис, Урсон и т.д.), датируемые XII-XV вв. В-четвертых, еще А.Ф. Гольштейн заметил то противоречие, что если башни XIV-XV в. с бойницами для лука сохранились в Дагестане, то они должны были сохраниться и на соседней территории Осетии и Чечено-Ингушетии, где были более прочными благодаря применению извести. Выход из данного несоответствия исследователь видел в особенностях принципов обороны, т.е. бой было принято вести не через амбразуры, расположенные в стенах башен, а сверху. И, наконец, в-пятых, в научных кругах не ставился вопрос о возможности использования защитниками башен такого специфического оружия осады и обороны, как арбалет (который, по нашему мнению, и распространяется в Алании к XIV-XV вв.). Для последнего не требовалось делать в стене больших ниш (как для лучников), которые ослабляли прочность многоэтажных башен. Таким образом, именно использование арбалета и дает, на наш взгляд, возможность устранить вышеизложенные противоречия и датировать широкое распространение башен XIV-XV вв.

Теперь остановимся на форме этих сооружений. Все боевые башни (Мы будем рассматривать только боевые.) в принципе однотипны: квадратные в плане (со сторонами в среднем 4,5-5,5м, иногда до 7м), высотой, как правило, 15-25м, пять этажей (реже от 3 до 7 этажей) (213, с.33-34). Вход располагался на уровне второго (в Балкарии и Карачае – на уроне первого) этажа и закрывался дубовой дверью с замками и засовами. В стенах очень мало окон и бойниц, а верхней части башни на каждую из четырех сторон выходят небольшие балкончики – машикули (Табл.XCII, 1, 2). Из назначение в следующем: так как из бойниц можно было обстреливать местность лишь в некотором удалении от подошвы стены, а у последней образовывалось непоражаемое («мертвое») пространство, то для уничтожения последнего устраивались так называемые навесные бойницы («машукли» – от французского выражения «mache-col», т.е. «бить в голову») путем образования у брустверной стенки свесов (291, с.10-11). Примечательно, что на балкарских и карачаевских башнях они отсутствуют.

Стены башни сужались кверху под углом от 3-6° до 10-11° и, соответственно, каждый последующий ярус был по площади меньше предыдущего, при этом квадрат верхнего этажа обычно измерялся размахом руки с шомполом с таким расчетом, чтобы человек при военных действиях мог свободно и беспрепятственно заряжать ружье и сражаться с противником (281, с.219). Сужение стен, помимо при-

дания сооружению устойчивости создавало «рикошетирующий профиль» (352, с.77) благодаря которому, сбрасываемые сверху осажденными камни, ударяясь о стену, отскакивали рикошетом и эффективно поражали противника в непредвиденных для него местах.

Первый ярус башен, если он только не засыпался землей и камнями в целях придания строению большей прочности, предназначался для хозяйственных нужд, верхние этажи – для жилья и обороны (352, с.76). При необходимости она вмещала 25-40 человек, хотя обычно число защитников составляло 10-12 человек (205, с.108). При особенно выгодном расположении, защищать башню можно было в одиночку: так, согласно осетинской легенде старый слепой охотник, которому помогала невестка, из башни в с.Верхний Мизур отбил набег вражеского отряда (Легенда записана автором со слов Темирканова Дадотта (с.Архон) в 1998г.).

Что касается различий, то боевые башни разделяются на две большие группы, одна из которых характерна для Осетии, Балкарии и Карачая, другая – для Чечни, Ингушетии. Для первой характерна сквозная камера межъярусное перекрытие которой монтировалось на балках, уложенных на плиты – упоры или вставленных в специальные подготовленные гнезда. Завершающая часть осетинских башен устраивалась в виде открытой террасы, где стены играли роль парапета (Табл.XCII, 2). Подобная конструкция была наиболее приспособлена для ведения боевых действий, наблюдения и подачи предупредительных знаков (352, с.77). Конструкция межэтажных перекрытий сохранилась на осетинских башнях в Трусовском ущелье. Она выглядит следующим образом: круглые балки (диаметром 20-30см) расставлены на 60-80см, на эти балки поперек настлан пол из кругляка (диаметром в среднем 8см), на него наложены плоские каменные плиты (толщиной 4-6см), а затем идет слой утрамбованной глины (233, с.41-42).

Для второго типа характерно каменное перекрытие над вторым этажом в виде ложного свода стрельчатого очертания и с пирамидальной (1-ой двухскатной в Балкарии (316, с.43)) крышей и большая высота (Табл.XCIII, 1). Каменный свод внутри башни, характерной и для западноевропейской фортификации (391, с.11, фиг.3), в отличие от деревянного, нельзя было поджечь, если осаждавшие врывались внутрь башни через пролом или подкоп на первом этаже, а защитники запирались наверху. Когда же перекрытие было деревянное, то враг обычно его поджигал, разводя большой огонь внутри башни. И принуждал капитулировать находившихся на верхних этажах пост-

ройки осажденных (205, с.106). Пирамидальная крыша способствовала защищенности башни от погодных условий и излетных стрел противника.

Говоря о менее распространенных особенностях конструкций, нужно отметить наличие в брустверных стенках некоторых сооружений бойниц в виде стрельчатых проемов (Табл.XCIII, 1) или зубцов (Табл.XCII, 1), обращенных на все четыре стороны. Имеется также ряд башен с бойницами для стрельбы из лука (352, с.102) (гора Хакуп Уаласых, с.Галуат (233, с.25), с.Тхамон (353, с.171), с.Луар, с. Куырайттæ и др.).

Как отмечалось выше, практически все сооружения в плане квадратные. Подобная форма имеет ряд существенных недостатков, так они чрезвычайно уязвимы перед широко применяемом в горах Кавказа приемом «срезания» башни, заключавшемся в выбивании ее угловых камней. Устойчивостью к действию стенобитных машин отличались круглые в плане укрепления (при закругленных стенах тараны как бы загоняют клинья к центру не причиняя постройке вреда). Круглая башня удобнее прямоугольной и для ведения кругового обстрела, однако, продолжали возводить квадратные строения, объяснение чему А.Ф. Гольдштейн видел в традициях местного зодчества (213, с.34). Имеются только единичные экземпляры с «круглой спинкой» (с.Галуат, Едыс, Сба) (Табл.XCIV, 2) (223, с.25, рис.12), круглый с прямой спинкой (с.Козатыкау) (353, рис.15, 6-9) и круглые (с.Лезгор) (353, с.343) 4 экземпляра в Верхнем Чегеме (316, с.12).

Для предотвращения осадки башен их строили преимущественно на скальных выходах породы без фундамента (352, с.89). В случае, если постройка возводилась на грунте, землю поливали молоком; если оно не просачивалось, то почва для фундамента считалась достаточно крепкой, если же оно просачивалось, землю рыли глубже (138, с.72). Разумеется, предпочтение отдавалось строительству на скалистом грунте, поскольку во время осады, нападающие старались подкопаться под фундамент башни, обнажить его и тем самым повалить ее (388, с.272).

Все четыре стороны строения на разной высоте имеют различные отверстия: лазы, слуховые и световые окна, узкие щели – «глазки», бойницы, почти незаметные снаружи и защищенные навесные балкончики – машикули верхнего этажа. Наблюдательные, световые окна и лаз расположены на одной средней линии с машикулями, благодаря чему все отверстия находятся под его защитой.

Как отмечалось выше. Башня имела обычно пять этажей, каж-

дый из которых предназначался для особых целей (Табл.XCIII, 1). Первый этаж, если он не забутовывался, служил темнице для пленников, хотя мог использоваться и в боевых целях, когда в его стенах имелись бойницы (с.Гарак, Эрзи, Цори и др.) (205, с.105), свет туда не проникал, если не считать двух-трех отверстий в 2-2,5см в диаметре. Сообщение этого этажа с верхним осуществлялось через квадратный люк (50х50см). В одном из углов нижнего этажа помещался каменный мешок для хранения зерна, в котором иногда содержались и пленники. Основание мешка уходит на некоторую глубину в грунт, верхнее его отверстие выходит в уровень пола второго этажа. Форма мешка, обычно, неправильный круг; внизу он несколько шире, а вверху уже (0,8-0,5м); отверстие закрывалось плотно пригнанной, массивной каменной плитой (388, с.272, 274).

Вход в башню осуществлялся через лаз (высотой 1-1,5м, шириной 0,8-0,9м) в стене второго этажа (Табл.XCIV, 2), при этом порог находился чуть выше пола (0,2м). Снаружи к лазу прислонялась переносная деревянная лестница, в случае тревоги поднимавшаяся защитниками на второй этаж. Входной проем запирался массивной дубовой дверью (иногда двустворчатой), которая взамен петель ходила на пальцах, вделанных вверху и внизу в каменные гнезда, и запиралась толстым брусом, помещавшемся в особом канале в толще стены. С наружной стороны дверь лаза могла запираться громадным деревянным замком (388, с.274).

В одном из противоположных лазу углов второго этажа насыпалось несколько больше земли, сверху которой клались в один два ряда тонкие каменные плиты; это место было очагом; здесь приготовлялась пища и у огня грелись защитники башни. На высоте 2-х метров от пола, иногда выше, на уровне гуртов, устраивался помост из тонких бревен, занимавший почти половину внутренней площади второго этажа; он служил складочным местом хранения разного рода припасов. Выше помоста в толщу свода вделывались балки разной толщины, к которым крепились крючья для подвешивания мяса и очажная цепь, спускающаяся к очагу (388, с.275). В стенах этого яруса на различной высоте (основная масса на высоте пояса человека) от пола устроен целый ряд разнообразных ниш: глухих для хранения боеприпасов и сквозных – для стрельбы (388, с.278). Сообщение с третьим ярусом шло через квадратное отверстие (50х50см) в своде второго этажа, расположенного у той же стены, что и лаз. Для этого служила узкая переносная лестница, которая в случае надобности втягивалась наверх (388, с.278). Аналогично устраивались третий и

четвертый ярусы (и другие промежуточные), хотя их высота меньше. Наиболее интересным по своему устройству и назначению является верхний этаж. Помимо того, что он служил для защиты всей башни, ее основания и всех остальных отверстий, – этот этаж был главным наблюдательным пунктом, с которого просматривалось все окружающее пространство, начиная с подножья башни и кончая дальними окрестностями. На каждой стене располагались навесные машикули различной формы, через которые защитники сбрасывали камни, лили кипящую воду, смолу, серу, стреляли в противника, подошедшего непосредственно к стенам башни. Все эти действия могли осуществляться через парапет укрепления, но в подобном случае была опасность попасть под стрелы осаждавших. На этом этаже хранился и большой запас камней для сбрасывания вниз. Часто они складывались в виде продолжения стен без раствора, служа одновременно и бруствером (388, с.279). Не последнюю роль играла и высота башни, поскольку стрельба с высоты уменьшает мертвые, непростреливаемые пространства, а также позволяла увеличить дальность обстрела. Пущенная осаждающим стрела, благодаря силе тяготения, значительно теряла свою убойную силу в полете вверх на 20-25м и поэтому представляла меньшую опасность, чем стрела, пущенная защитником вниз, получавшая дополнительное ускорение (205, с.102-103). Судя по вайнахским материалам, при обороне башенных построек получил широкое распространение лук для метания камней (305, с.80) (Табл.XLIV, 6). Стрельбу с верхнего яруса можно было вести даже вдоль стены, опираясь коленом или локтем на машикуль (205, с.103).

Воздвигаемые первопоселенцами башенные постройки имели самостоятельное значение. Но угроза нападения со стороны внешнего врага заставляла располагать комплексы с учетом возможного обеспечения взаимной помощи. Внутри поселка башни строились отдельными семьями. Потребность быстро укрыться при неожиданном нападении врагов заставляла строить эти башни рядом с домом (Табл.XCIV, 1) и при этом мириться с наличием рядом с ними мертвых пространств и скрытых подступов. Последние были для осажденных неизбежным злом, поэтому потребности общественной оборона села порождали не беспорядочное скопление башен между домами, а сооружение их на подступах к аулу, а также и на господствующих и труднодоступных высотах с хорошими условиями для обзора, обстрела и связью – зрительной и огневой – с другими опорными позициями обычно продуманной системы обороны (205,

с.100) (Табл.XCIII, 2).

В случаях, когда башенные постройки возводились на незащищенном естественными преградами участке местности, могли прибегать к опоясыванию поселения заградительной каменной стеной, земляным валом и рвом (205, с.100). В поселках, где находилось несколько боевых башен, принадлежащих враждующим фамилиям, укрепления возводились так, чтобы с верхнего яруса одной из них было трудно или вообще невозможно держать под обстрелом верхние проемы или площадку расположенной рядом башни. Для этого последние обращались друг к другу лишь углами стен. Первопоселенцы, занимавшие главенствующее положение в многобашенных поселках, строго следили, чтобы их соседи вообще не сооружали боевые башни. Если сохранить свою исключительность не удавалось, они стремились к тому, чтобы возводимая башня не превосходила по высоте принадлежавшей им башенной боевой постройки (205, с.105). С ее верхней площадки и из бойниц в стенах можно было контролировать подступы к дверным проемам соседних башенных сооружений к чему, видимо, и стремились. Этот тактический прием мог иметь двоякую цель: держать под обстрелом входы в соседние башни было перспективно и в случае общего отражения внешней опасности, и при межфамильных столкновениях. Для большей безопасности у некоторых боевых башен (Галиат, Коротх, Пялинг и др.) дверные проемы прикрыты помещениями второго этажа рядом пристроенной жилой башни, так, что проникнуть в первую можно только через жилое помещение (205, с.105). Боевые башни часто возводились так, чтобы подступы к ним были закрыты различными жилыми постройками. Штурмующим необходимо было пробиться сквозь лабиринт узких улочек и проходов между башнями, стенами, где зачастую вооруженным воинам невозможно разминуться. Именно узкие улочки в башенных поселках давали возможность защитникам быстро создавать завалы, препятствия, против нападающего врага. Здесь несколько воинов могли сдерживать наступление крупных сил противника (205, с.107).

В башенных поселках нередко можно видеть распространение эшелонированной системы оборонительных сооружений на наиболее опасных участках. Оборона поселков была рассчитана в первую очередь на то, чтобы не допустить врагов во внутрь пространства, окруженного оборонительными постройками. При нападении противника защитники селения отнюдь не все стремились сконцентрироваться только в боевой башне. Они оборонялись, используя фор-

тификационную систему всего укрепления, включавшую и жилые башни, и оборонительную стену и рельеф местности, причем боевой башне от ????

Вода шла по специально проложенным в толще земли (нередко скальной породы) каменным (с.Згил) (353, с.143) или глиняным желобкам (205, с.109). Сохранилась легенда о существовании в с.Галиат водопровода из вставленных друг в друга бычьих рогов (164, с.139). Уязвимой стороной водопроводной системы, было то, что враги всеми средствами старались найти и перерезать линию водопровода, после чего осажденные были практически обречены. Для этого мула или осла кормили солью и животное, мучаясь жаждой, начинало рыть землю в том месте, где залегал водопровод (164, с.139).

Когда же невозможно было воспользоваться ни одним из вышеперечисленных способов водоснабжения, или внезапно иссыхал источник, воду запасали в больших глиняных или медных сосудах, устанавливавшихся в нижней, прохладной части башни. Иногда использовались и специальные водохранилища. Чаще такой способ использовали в тех случаях, когда башенные постройки воздвигались на вершинах обособленных гор (205, с.109).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аланское общество создало интереснейший тип военной культуры, являющийся новой ступенью ее развития у иранцев Восточной Европы. Чутко реагируя на все достижения научно-технического прогресса, аланы оперативно использовали их в военном деле, в связи с чем комплекс вооружения и конского снаряжения оставался передовым на протяжении всего рассматриваемого периода. Сочетание в аланах черт кочевого и оседлого населения имело следствием выработку замечательного военного и боевого искусства, создание оригинальной фортификации.

В первых веках новой эры на базе сарматских племен Северного Кавказа возникает аланское объединение с мощной военной организацией. В последней нашли применение новейшие достижения военной мысли того времени – идеи применения специальных подразделений тяжелой кавалерии, атакующих в сомкнутом строю для прорыва боевых порядков противника. Такие всадники, получившие название катафрактариев, были с головы до ног покрыты броней, доспехи имели даже их лошади, основным оружием были копья и длинные контосы, в рукопашной использовались длинные колющие мечи и кинжалы, в качестве вспомогательного оружия применялся лук. Высокий уровень развития военного дела позволил, подчинив себе соседние племена, создать крупнейшее на Северном Кавказе политическое объединение, ставшее источником постоянной угрозы для соседних государств и даже для Римской империи. Высокая милитаризованность аланского общества определялась приоритетом военного дела в его экономической и политической жизни, и подобное положение сохранялось на протяжении древности и средневековья. Военизация широких слоев населения неизбежно влекла появление самых разнообразных форм военных объединений, возникавших на основе различных типов связей: родственных, территориальных, профессиональных, социальных, политических и т.п.

Великое переселение народов, вовлекшее в передвижение большинство аланских племен, вызвало серьезные изменения в их военном деле. Основу войска составляет царская дружина, возглавляемая опытным полководцем, а сама военная организация имеет четкую иерархическую структуру и деление на боевые единицы. Перестают применяться соединения катафрактариев, и главной ударной силой становятся средневооруженные всадники. Соответственно изменяется характер ведения боя, когда на смену таранному удару приходит маневренная рукопашная схватка. Начинают преобладать крупномасштабные походы с привлечением союзных народов. Широкое развитие с этого времени получает фортификация, носившая в более раннее время ограниченный характер.

Подлинный переворот в военном деле наступает у алан в VII в. благодаря широкому распространению жесткого деревянного седла со стременами, значительно расширившего возможности кавалериста. Результатом этого явилось появление на вооружении сабли, ставшей главным видом

оружия и проложившей четкую грань между профессиональными воинами и широкими слоями населения. Последнее привело к созданию в VIII-IX в.в. регулярных армейских подразделений и сложению системы стратегических укрепленных пунктов вдоль границ государства в виде крепостей, заградительных стен, «земляных» и «каменных» городищ. Остальное боеспособное мужское население привлекалось к боевым действиям только в случае крайней необходимости в качестве плохо вооруженного ополчения. Окончательно складывается комплекс вооружения профессионального воина, состоящий из оборонительного доспеха, включающего металлический шлем и кольчугу, круглый щит и наступательного оружия: сабли, лука, боевого топора, иногда дополнявшегося копьем. Основу войска продолжает составлять конница, однако, ее функциональность значительно возрастает по сравнению с предыдущим временем. Теперь аланские всадники в случае надобности могут сражаться и в пешем строю благодаря универсальности комплекса вооружения. Начинают распространяться византийские боевые порядки, состоявшие из пяти элементов, ставших классическими в эпоху средневековья. Изменяется основная тактическая доктрина: если раньше упор делался на рассечение войска противника с целью рассеять его и уничтожить по отдельности, то теперь аланы стремятся уничтожить его путем координированного взаимодействия обоих родов войск (при вспомогательной по отношению к кавалерии роли пехоты).

К X в. военная организация Алании окончательно оформляется в виде регулярного войска, расквартированного в городах и крепостях на стратегических направлениях. Роль ополчения резко снижается, зато возрастает значение иррегулярного войска. Распространение получают так называемые арабские боевые порядки.

В период монгольских завоеваний господствующей стратегической доктриной становится оборонительная, используя горный рельеф, части алан удается вести успешное сопротивление захватчикам. Вместе с тем потеря равнинной части заставляет алан впервые за их историю начать экспансию на южных склонах Кавказского хребта. С началом феодальной раздробленности на смену регулярного войска приходят дружины крупных феодалов, и увеличивается значение непрофессионального войска-ополчения.

Исчезновение системы обороны на государственном уровне привело к созданию локальных систем территориальной обороны в рамках ущелий. К тому же, благодаря нестабильной внутриполитической обстановке получают развитие индивидуальные системы защиты силами кровнородственного коллектива, нашедшие отражение в создании широкой сети фамильных башен. Комплекс вооружения приспособляется к условиям высокогорья – доспех становится легче и мобильнее, в обиход входят маленькие кулачные щиты. Основным оружием становятся лук и стрелы. В результате рассеивания аланских отрядов в различные страны – Китай, Венгрию, Византию, Грузию, – военный потенциал Алании подрывается настолько, что уже к XIV-XV в.в. аланы не представляют собой сколь-нибудь серьезную военную силу.

Уровень организации военного дела является квинтэссенцией процесса развития общества, поскольку именно последним определяются такие составляющие как структура военной организации, комплекс вооружения, фортификация и т.д. В нашей работе показано, что динамика трансформации аланской воинской культуры на протяжении полуторатысячелетней истории крайне сложна и неоднозначна. Если в первые века новой эры аланское общество исследователи характеризуют как военно-демократическое с массовым вовлечением населения в «военный бизнес», разнообразием форм военных объединений и отсутствием стабильной верховной власти, то в эпоху великого переселения народов складывается аланское государственное образование, в связи с чем изменяются критерии иерархической структуры военной организации – все возрастающую роль начинают играть имущественное положение и социальный фактор. Ядро войска составляет царская дружина наряду с привлечением широких масс населения. Дальнейшее развитие процесса феодализации и укрепления государственной власти привело к созданию в VIII-IX в.в. регулярных воинских подразделений. С расцветом аланской государственности в X-XII в.в. регулярная войсковая организация окончательно оформляется, что сопровождается резким снижением роли ополчения и увеличением значения иррегулярных соединений. Феодальная раздробленность XII-XIII в.в. имела следствием распад регулярного войска, на смену которому приходят феодальные дружины, и увеличивается значение непрфессионального войска – ополчения. В XIII-XIV в.в. крушение государственности Алании под натиском татаро-монгольского нашествия привело к разрушению системы территориальной обороны, распылению воинских формирований и подрыву военного потенциала.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

I. Письменные

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Сост., введ. и ком. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636с.

2. Армянские источники об аланах / Сост. Р.А. Габриелян. Вып.1-3. АН АССР. Центр науч. информац. по обшеств. наукам. Ереван, 1985. сер. 1 №3 (45). Вып.1. 1985. 64с.; сер. 2 №4 (46). Вып.2. 1985. 56 с.; сер. 3 №4 (50). Вып.3. 1985. 47с.

3. Арриан. Тактика против аланов // Бахрах Б.С. Аланы на Западе. М.: АРД, 1993. С.148-153.

4. Баладзори. Книга завоеваний стран / Пер. П.К.Жузе. Материалы по истории Азербайджана, Вып.III. Баку, 1927.

5. Ванеев З.Н. Исторические известия об аланах-осах // Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали: Иристон, 1989. С.6-12.

6. Вахушти. География Грузии / Введ., пер. и примеч. М.Г. Джанашвили // ЗКОИРГО, Тифлис. Типография К.П. Козловского. 1904. Т.XXIV. Вып.5. 241с.

7. Византийские историки / Пер. С. Дестуниса Т.1. СПб., 1858; Т.2. СПб.,1860.

8. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Ч.I // СМОМПК, Тифлис. Вып.IV, 1884. 248с.

9. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание осетин Дзурдзукетии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джиджикетии // СМОМПК. Вып.22. 1897. Отдел 1. С.1-90.

10. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Херсоне, Готии, Осетии, Хазарии, Дтдоэтии и России // СМОМПК. Вып.XXVI. Тифлис, 1899. Отдел 1. С.1-104.

11. Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т.II. Вып.3. СПб.,1914. С.281-300.

12. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер., вст. ст. и ком. Е.Г. Скржинской. М.: Вост. лит-ра, 1960. 435с.

13. История Осетии в документах и материалах (с древних времен до конца XVII в.в.) / Сост. Г.Д. Тогошвили, И.Н. Цховребов. Т.1. Сталинир: Госиздат, 1962. – 365с.

14. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М.: Наука, 1988. 180с.

15. Карпини Плано. Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 461с.

16. Кесарийский П. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. 571с.

17. Кесарийский Прокопий. История войн римлян с персами / Пер. С. Дестуниса. Кн.1. СПб.: Типограф. Имперс. Академ. наук, 1876. 365 с.
18. Комнина Анна. Алексиада / Вступ. ст., пер., комментарий Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688с.
19. Комнина А. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118). Ч.1 / Пер. под ред. Карпова. СПб.,1859. 438с.
20. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 1991. 496с.
21. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №1-4; 1948, №1-4; 1949, №1 4; 1950, № 4.
22. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.I. В.1-2 СПб.: Фарн, 1992. 152с.; Т.II. В.3-4 СПб.: Фарн, 1993. С.148-351
23. Летопись Картли / Пер., введ. и примеч. Г.В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 112с.
24. Маврикий Тактика и стратегия. – СПб.: Столичный скороп. С.Х. Золотухина, 1903. 241с.
25. Мариньоли Джованни / Пер. Е.С. Зевакина. Архив СОНИИ ИФЭ ф.4, д.2.
26. Марцеллин Аммиан. Римская история. СПб.: Алетейя, 1994. 558+11 с.
27. Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-Камиль (Полного свода источников) Ибн-ал-Асира / Пер. П. Жузе. Баку, 1940.
28. Матиане Картлиса / Перевод, введение и примечания М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 104с.
29. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей / Перевод Г.В.Цулая. М.: Наука, 1979. 104с.
30. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX в.в.) / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. 320с.
31. Памятник эриставов / Перевод, исследование и примечания С.С. Какабадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 56с.
32. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. В 5т. Цхинвали: Ирыстон. Т.1,-1981. 304с. Т.2,-1982. 372с. Т.3. 1987. 446 с. Т.4. 1989. 416с. Т.5. 1991. 412с.
33. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева, М..: АН СССР. Институт истории, 1950. 513с.
34. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М. Л.: АН СССР
Т.I. Кн.1 / Пер. Л.А. Хетагурова, 1952. 221с.
Кн.2 / Пер. О.И. Смирновой, 1952. 315с.
Т.II. /Пер. Ю.П. Верховского, 1960. 248с.
Т.III. /Пер. А.К. Арендса, 1946. 340с.
35. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып.38, Тифлис, 1808. Отд.1. С.1-130.
36. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане / Пер.

Н.А. Караулова // СМОМПК. Тифлис. Вып.29, 1901, Отд.1, С.1-73; Вып.31, 1902, Отд.1, С.1-57; Вып.32, 1903, Отд.1, С.1-63.
37. Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Т.1. С древнейших времен до 1917. 2-е перераб. и доп. изд. Орджоникидзе: Севосгиз, 1956. 376 с.
38. Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и ком. Г.А. Стратанского. Л.: Наука, 1964. 940с.
39. Тацит К. Летопись / Пер С. Румовского. Т.1. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1806. 465с.
40. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I, СПб., 1884.; Т.II, М. Л.: АН СССР. 1941. 308с.
41.Фавстос Бюзанд. История Армении // Архив СОНИИ. Ф.I, оп.I, д.31.
42. Флавий И. Иудейские древности / Пер. Г.Г. Генкеля. В 2 т. СПб.: Тип. А.Е. Ландау, 1900. Т.1. 717с.; Т.2. 478 с.
43. Хоренский Моисей. История Армении Моисея Хоренского / Пер. Н.О. Эмина. М.: Тип. Каткова и. К°, 1893. 392с.
44. Хрестоматия по истории осетинского народа / Составитель М.П. Санакоев. Т. 1.Цхинвал: Ирыстон, 1993. 416с.
45. Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. VII. М.: Наука, 1980. С.193-208.
46. Якуби. История / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана, Вып.IV. Баку, 1927.

II. Археологические

47. Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус,1972. 76с.
48. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. 182с.
49. Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С.49-72
50. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. III-V вв. н. э. М., 1997. 166с.
51. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у с. Личистое в Крыму // Материалы по Археологии, истории и Этнографии. Таврии. T.VI. Ставрополь, 1998. С.275-253.
52. Алборов Б.А. Ценная археологическая находка (могила-катакомба в селении Архон Алагирского ущелья) // Соц. Осетия, 1963. 30 авг.
53. Алексеева Е.П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкессии // КС ИИМК о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. Вып.60, 1955. С.73-80.
54. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука, 1971. 356с.
55. Анфимов Н.В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК, XLVI, М., АН СССР, 1952. С.72-85
56. Археология Украинской СССР. Киев: Наукова думка, 1986. Т.2. 592 с.; Т.3. 576с.

57. Атабиев Б.Х. Раскопки у сел. Зарагиж Кабардино-Балкарской республики // А.О., 1995. М.: Институт археологии РАН, 1996. С.208-210.
58. Аутлев П.У. Новые раннесредневековые памятники бассейна р. Лабы // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1965. С.99-116.
59. Афанасьев Г.Е. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // С.А., 1979. № 3. С.171-186.
60. Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III-IV в.в. на Нижнем Дону // СА., 1989, №3. С.171-183.
61. Беспалый Е.И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА., 1992. № 1. С.175-192.
62. Беспалый Е.И. Погребения позднесраматского времени у г. Азова // СА., 1990, №1. С.213-223.
63. Бетрозов Р.Ж. Курганы гунского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.3. Нальчик: Эльбрус, 1987. С.11-39.
64. Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М.: АН СССР, 1961. 230с.
65. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э. – III в. н. э. Л.: Гос. Эрмитаж, 1990. 130с.
66. Буюклиев Хр. К вопросу о франкийско-сарматских отношениях в I – нач. II вв. н.э // Р.А., 1995, № 1. С.37-46.
67. Виноградов В.Б. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии // Ученые записки, Т.XXV, Нальчик, 1967. С.128-146.
68. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Аланский могильник у с. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970-1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. С.62-87.
69. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977-1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.5-27.
70. Виноградов В.Б., Мамаев Х.М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Сев. Кавказа. Грозный, 1979. С.63-86.
71. Виноградов В.Б. Раннесредневековый могильник у сел. Харачой в Горной Чечне // СА, 1970, № 2. С.244-251.
72. Габуев Т.А. Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии // СА, №2, 1985. С.197-205.
73. Габуев Т.А. Погребение аланского воина. Археологические раскопки возле селения Брут в 1989 г // Эхо Кавказа, 1994, №2(5). С.33-34.
74. Гаджиев М.С. Две бронзовые статуэтки из Дагестана // Р.А., 1997, №2. С.222-228.
75. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172с.
76. Дворниченко В., Плахов В., Федоров-Давыдов Г. Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь, №3, 1987. С.33-39.

77. Джадтиев Р.Г. Археологический материал из Сау-дзуар и Ерман // Известия ЮОНИИ. Вып.XXI. Тбилиси: Мецниереба, 1976. С.35-44.
78. Джатиев Р.Г. Британский склеп // Известия ЮОНИИ. Вып.XX. Тбилиси: Мецниереба, 1976. С.54-67.
79. Дитлер П.А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгей. Т. II, Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1961. С.127-187.
80. Дмитриев А.В. Погребение всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА, 1979, №4. С.218-229.
81. Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С.72-99.
82. Иерусалимская А.А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972. 14с.
83. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. СПб., 1992. 72с.
84. Ищериков П.Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака // КСИИЛ. XLVII. М.: АН СССР, 1952. С.78-85.
85. Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокунской на Кубани // СА, №2. Отдельный оттиск, 1987. 18с.
86. Каминский В.Н. Аланская статуя из Краснодарского музея // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С.372-375.
87. Каминский В.Н., Берлизов Н.Е. Катакомбы сарматского времени из Восточного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С.68-76.
88. Каминский В.Н. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. С.11-29.
89. Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII – IX в.в. н. э // Alanica III. Владикавказ, 1995. С.259-314.
90. Карасев А.Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. М. Л.: АН СССР, 1951. Вып.37. С.161-172.
91. Керефов Б.М. Чечемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.2. Нальчик: Эльбрус, 1985. С.110-149.
92. Круглов А.П. Археологические работы на реке Терек // СА, III, 1937. С.240-250.
93. Крупнов Е.И. Галиатский могильник как источник по истории алан-овсов // ВДИ., 1938. №2. С.113-121.
94. Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардино-Балкарской АССР // УЗ КНИИ. Т.IV. Нальчик, 1948. С.314-318.
95. Крупнов Е.И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат. Средневековые памятники Северной Осетии. М.: АН СССР, 1963. С.48-65.
96. Кузнецов В.А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып.1. Т.XXXVI.

Орджоникидзе, 1980. С.49-78.
97. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // МАДИСО. Т.1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1961. С.62-135.
98. Кузнецов В.А. Исследование Змейского катакомбного могильника в 1958 г // Средневековые памятники Северной Осетии. М.: АН СССР, 1963. С.8-47.
99. Кузнецов В.А. Катакомбный могильник близ г. Алагир // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып.1. Т.XXXVI. Орджоникидзе, 1980. С.78-91.
100. Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X – XII веках.. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993. 464с.
101. Кузнецов В.А. Погребение III в. из Кисловодска // СА, 1990. №2. С.251-255.
102. Кузнецов В.А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995. С.315-362.
103. Кузнецов В.А., Рунич А.П. Погребение аланского дружинника IX в // СА, 1974. №3. С.196-203.
104. Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1. Археология. Ставрополь: Наследие, 1998. С.297-331.
105. Куссаева С.С. Аланский катакомбный могильник XI – XII в.в. у станицы Змейская (по раскопкам 1953 г.) // МАДИСО. Т.1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. С.51-62.
106. Ложкин М.Н. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. С.29-62.
107. Лунин Б.В. Археологичесие раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г // Краеведение на Северном Кавказе в 1928 г. №1-2. Ростов-на-Дону, 1928. С.75-76.
108. Мамаев Х.М., Савенко С.Н. Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С.5-36.
109. Марковин В.И. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни // Отдель. оттиск из КСИА. Вып.98. М., 1964. 5 с.
110. Марченко И.И., Тургиев Т.Б. Грунтовый могильник у селения Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С.120-126.
111. Махортых С.В., Черненко Е.В. О кавказских «пекторалях» VIII-VII в.в. до н. э // РА. 1995. №2. С.21-28.
112. Минаева Т.М. Могильник в устье реки Теберды // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.7. Ставрополь, 1955. С.261-289.
113. Мошинский А.П. Работы в дигорском ущелье Северной Осетии // АО, 1995. М.: Институт археологии РАН, 1996. С.234-235.
114. Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С.71-76.
115. Мысоков Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Ниж-

нем Дону // РА, 1994, №2. С.179-190.
116. Нагоев А.Х. Итоги раскопок Кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.3. Нальчик: Эльбрус, 1987. С.170-241.
117. Нарожный Е.И., Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Полуподземные склепы Келийского могильника // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С.49-79.
118. Николаева Э.Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С.183-187.
119. Носкова Л.М. Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С.147-157.
120. Отчеты императорской Археологической Комиссии за 1897 г // СПб., 1900. 380с.
121. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288с.
122. Пчелина Е.Г. Два погребения времен алано-хазарской культуры из сел. Лац / ИАИ Труды секции археологии IV. М., 1928. С.408-426.
123. Пчелина Е.Г. Отчет об археологической работе в Северной Осетии в 1938 г // Архив ИИМК, Фонд 2, 1938. Арх.№49, л.59-74.
124. Пчелина Е.Г. Отчет о работе архонской археологической экспедиции 1963 г // 39 л. Р-1. Архив ИА РАН. 3183.
125. Пчелина Е.Г. Разведки в Северной Осетии и раскопки катакомбы у с. Архон // Архив ИИМК. Фонд 2. 1929. Арх.№185. Л.42-61.
126. Рунич А.П. Аланские катакомбные могильники V-VII вв. в районе Кисловодска и его окрестностях // СА, 1968, №3.
127. Рунич А.П. Аланский могильник в «Мокрой Балке» у города Кисловодска // МАДИСО, Т.III. Орджоникидзе, 1975. С.132-150.
128. Рунич А.П. Железноводский могильник (I-IV вв.) // СА, 1983, №4. С.218-222.
129. Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА, 1876, №3. С.256-266.
130. Рунич А.П. Катакомбы Рим-Горы // СА, 1970, №2. С.198-210.
131. Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Городище Бургусант или Рим-Гора // МИСК, Вып.14. Ставрополь, 1976. 110с.
132. Рунич А.П. О конной сбруе из района Пятигорья // СА, 1973, №1. С.163-171.
133. Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА, 1979, №4. С.232-248.
134. Савенко С.Н. Конские захоронения на могильнике X-XII в.в. н.э. Кольцо-Гора // Кочевники азово-каспийского междуморья. Орджоникидзе: СОГУ, 1983. С.105-109.
135. Савенко С.Н. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 г. // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.28-32.
136. Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика погребений конца XI

– перв. пол. XII вв. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С.75-92.
137. Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908.
138. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963. 160с.
139. Семенов Л.П. Археологические разыскания в Северной Осетии // ИСОНИИ. Т.XII, Дзауджикау, 1948. С.44-136.
140. Семенов Л.П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгрикал // Известия ЧИНИИ. Т.II, Вып.1. История. Грозный, 1960.
141. Семенов Л.П. Шлемы из Северной Осетии // КСИИМК. В.57. М., 1953. С.60-68.
142. Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным кабором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА, 1989, №4. С.172-181.
143. Сосранов Р.С. Захоронение коней на Змейском могильнике как показатель дружинной организации аланского общества в X-XII в.в // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С.92-100.
144. Терская область (Ст. Балта, сел. Чми) // Археологическая Комиссия, отчет за 1897 г. СПб., 1900. С.46-47.
145. Тменов В.Х. Археологические и историко-архитектурные памятники с. Кора-Урсдон // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С.78-101.
146. Тменов В.Х. Два склепа из селения Уакац // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С.142-154.
147. Тменов В.Х. Исследование пещерных склепов у с. Дзивгис // АО, 1983. М.: Наука, 1985. С.129-130.
148. Тменов В.Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып.1. Т.XXXVI, Орджоникидзе, 1980. С.10-41.
149. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. М., 1900. МАК. Т.VIII. 381 с.
150. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд. Моск. ун-та, 1966. 274с.
151. Флеров В.С. Разрушенные склепы на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. Т.VI. Ставрополь, 1998. С.523-534.
152. Хазанов А.М. Сарматский кинжал из Саратовского музея // СА, 1968. №1. С.249-250.
153. Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995 С.184-258.
154. Чагарова К.Т. Средневековый склеп Дардонского могильника // Из ис-

тории Карачаево-Черкессии. Труды КЧНИИ. Вып.VI. Ставрополь, 1970.
155. Чахкиев Д.Ю. Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С.80-100.
156. Чахкиев Д.Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С.60-67.
157. Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.3. Нальчик: Эльбрус, 1987. С.40-169.
158. Щепко Л.Г. Позднесараматские курганы в Северном Приазовье // СА, 1987, №4. С.158-173.
159. Щукин М.Б. Умбон щита из кургана «Садовый» (к вопросу о сарматогерманских контактах) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье (проблемы контактов). КГД НК. Новочеркасск, 1987. С.37-42.
160. Zichy Voyag au Caucase et en Asie Centrale, t. II, Budapest, 1897, pl. X-XI.
161. Ierusalimskaja Anna A. Von China nach Byranz Fruhmittelalterliche seiden nus der Staatl. Munchen, 1996.
162. Kohlert M. Typologie und chronologie der Gesichtsmasken // Romische Paraderu stungen Katalog der Austellung(Ed. Garbsch I Munchen, 1978, каталог, № 026.
162.1. The Treasures of Nomadic Tribes In South Russia. Printed in Japan 1991г. -180с.

III. Фольклорные

163. Ирон ад?мы сф?лдыстад (Осетинское народное творчество). В 2т. Т.2 / Сост. Салагаева. Орджоникидзе, 1961. 692 с.
164. Ирон таур?гът? (Осетинские легенды)/Сост. Джиккаев Ш. Орджоникидзе: Ир, 1989.498с.
165. Нарты Кадджыт?. В 5 т. Т. 1. Орджоникидзе, «ИР», 1989. 496 с.
166. Нарты. Осетинский героический эпос. М.: Главная ред. Вост. литературы. 1990. Т.I. 432с., Т.II. 1989. 494с. Т.III. 1991. 176 с.
167. Нарты. Эпос осетинского народа / Сост. Абаев В.И., Джусоев Н.Г. и др. М.: АН СССР, 1957. 404 с.
168. Осетинские народные сказки / Сост. Бязыров А.Х. Цхинвали: Ирыстон, 1971. 314с.
169. Осетинские народные сказки. М.: Детская литература, 1975. 144 с.
170. Памятники народного творчества осетин. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия осетин / Сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. 440 с.
171. Поэма об Алгузе. М.: Мысль, 1993. 240 с.
172. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М.: Советская Россия, 1978. 512 с.
173. Сказания о сасунских богатырях. М.: ТЕРРА, 1996. 608 с.

Литература

174. Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ: ИР, 1990. Т.1. 640с.
175. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5-ти томах. Т.I. М. Л.: АН СССР, 1958. 656 с.; Т.II. Л.: АН СССР, 1978. 448 с.; Т.III. Л.: АН СССР, 1979. 360 с.; Т.IV. Л.: АН СССР, 1989. 326 с.; Т.V. М.: АН СССР, 1995. 448с.
176. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. Л.: АН СССР. 1949. Т.I. 604 с.
177. Абрамова М.П. Центральный Кавказ в Сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время.Археология СССР. М.: Наука, 1989. С.268-281.
178. Агнаев А.М. Географическое сочинение X века на персидском языке («Хауд-ал-алем») // ИЮОГПИ, Вып.IX. Сталинир, 1958.
179. Азиев М.А., Чахкиев Д.Ю. Каменная летопись страны вайнахов (Памятники архитектуры и искусства Чечни и Ингушетии). М.: Русская книга, 1994. 200с.
180. Алборов Б.А. «Цирыхъ» осетинских нартских сказаний // Оттиск из XXII тома, Выпуск 1 Известий СОНИИ. Орджоникидзе, 1960. 18с.
181. Алироев И.Ю. Название оружия в нахских языках // Археолого-этнографический сборник. Том.IV. Грозный, 1976. С.226-235.
182. Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Книга, 1990. 368с.
183. Анучин Д.Н. О древнем луке и стрелах // Труды V Археологического съезда в Тифлисе, 1881. Т.3. М., 1887. С.337-411.
184. Асмолов К.В. История холодного оружия. В 2т. М., 1993. Т.I. 264с. 1994. Т.II. 346 с.
185. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. Москва-Нальчик: Хоббикнига, Эль-Фа, 1995. 192 с.
186. Атлас пород собак (Авт. текста Д. Найманова, Авт. фотогр. З. Гумпал). Прага: Госиздат, 1983. 316с.
187. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М.: Наука, 1993. 182с.
188. Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА, 1993, №4. С.131-144.
189. Байдер Р.И. Боевые собаки мира. Собаки-телохранители. Пермь: Урал-пресс, 1993. 380с.
190. Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986. 152с.
191. Батчаев В.М. Феодальные замки Алании // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал. Ир, 1992. С.136-152.
192. Бахрах Бернард С. Аланы на Западе. М.: АРД, 1993. 191с.
193. Берлизов Н.Е., Каменский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. №7. СПб.: Фарн, 1993. С.82-93.
194. Берлизов Н.Е. Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир-Москва, 1997. С.41-54.

195. Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: С-Петербург Оркестр, 1995. 576 с.
196. Блаватский В.Д. Осада и оборона в античном Причерноморье // КСИИМК XVI, М-Л.: Изд. АН СССР, 1949. С.89-93.
197. Блаватский В.Д. О стратегии и тактике скифов // КСИИМК XXXIV, 1950.
198. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: АН СССР, 1954. 160с.
199. Блиев М.М. Кавказ в политике России XVIII – пер. пол. XIX в.в. Орджоникидзе: СОГУ, 1989. 97с.
200. Боевое искусство алан // Молодежь Осетии, №12 (60), 20 июня, 1997.
201. Боевые животные / Сост. Петров А.Н. Мн.: Литература, 1997. 608с.
202. Браун В., Тильке М. История костюма. М.: ЭКСМО, 1997. 464с.
203. Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Т.1. 20 с.; 1990, Т.2. 432с.
204. Волкова Н.Г. Обычай татуировки и раскраски тела на Кавказе // СЭ, 1981., №5. С.113-116.
205. Виноградов В.Б., Чахкиев Д.Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье // СЭ, 1984, №1. С.98-110.
206. Габуев Т.А. Армянски источники о походах алан в Закавказье в I-II в.в. н.э // Дарьял, 1997, №4. С.236-242.
207. Гагиев С.Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе.: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1958. 80с.
208. Гаглойты Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 256с.
209. Гаглойти Ю. Барс на фоне гор // Южная Осетия, 1994, 9 апр. №27 (169).
210. Гаглоева З.Д. Осетинский национальный костюм // Известия ЮОНИИ. Т.XIII, Цхинвали, 1964. С.215-231.
211. Гаглоева З.Д. Культ мертвых у осетин / Известия ЮОНИИ. Вып.XVIII. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С.52-78.
212. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977. 335с.
213. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Стройиздат, 1975. 159с.
214. Горончаровский В.А. Катафрактории в истории военного дела Боспора // Петербургский археологический вестник. СПБ.: Фарн, 1993, №6. С.79-82.
215. Готтенрот Ф. История внешней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевые и военные орудия народов древних и новых времен. В 2т. СПб-М., 1911, Т.1. 891 с.
216. Грикурова Л.Н. Осетинские танцы. Орджоникидзе: Сев. Осет. кн. изд., 1961. 216 с.
217. Грицков В.В. Русы и Кавказ // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С.98-127.
218. Гутнов Ф.Х. Дружина и генезис феодализма на Северном Кавказе (XI-X в.в) Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе: Ир, 1989. С.70-72.

219. Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. Владикавказ: ИР, 1995. 144с.
220. Гутнов Ф.Х. Генезис государства у алан // Северная Осетия: история и современность. Вып. 2. Владикавказ, 1991. С.20-35.
221. Гутнов Ф.Х. Генезис и структура верховной власти у ираноязычных племен Северного Кавказа в период военной демократии / Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С.181-188.
222. Гутнов Ф.Х. Господский двор и вотчина у алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С.363-371.
223. Гутнов Ф.Х. К вопросу об общественном строе Алагирского общества (XIV-XVIII в.в.) // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1985. С.119-128
224. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, Ир, 1993. 229с.
225. Губаты Федыр Ирон адæмы х?ц?нг?рзт?. (Губаев Ф. Оружие осетинского народа) // Фидиу?г, 1971. №7. Ф.90-96.
226. Гуревич Д.Я., Рогалев Г.Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М.: Росагропромиздат, 1991. 238с.
227. Дельбрук Ганс. История военного искусства в рамках политической истории. СПб.: Наука-Ювента, 1994, Т.1 416с., Т.2 352с., Т.3 448с.
228. Дзатиев У. Старинное оружие // Растзинад, 1995, 11 марта.
229. Джатиев Р.Г. Средневековые бытовые памятники верховьев р. Большой Лиахвы // Известия ЮОНИИ, Вып.XV. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С.155-177.
230. Джусойты В. Ирон адæмон хъазтытæ (Осетинские народные игры). Цхинвали: Ирыстон, 1988. 94с.
231. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994. 284с.
232. Дзатиаты Р. Национальный флаг: благость, мужество, «фарн» // Кавказ, 1992. №1. С.22-23.
233. Дзаттиаты Р.Г. Оборонительные сооружения южных осетин. Цхинвали: Иристон, 1983. 68с.
234. Доде З.В. К вопросу о складывании цветовых предпочтений в костюме народов Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир-Москва, 1997. С.171-176
235. Доде З.В. Костюмы персонажей Кяфорской гробницы // Аланская гробница XI в. Ставрополь, 1994. С.36-49.
236. Драчук В.С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 175с.
237. Дьячков-Тарасов А.Н. Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899.
238. Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн. В 4 т. СПб. М.: Полигон-АСТ, 1997. Т.1. 938с.
239. Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988. С.54-68.
240. Закарая П.П. Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мерони, 1969. 280с.

241. Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гунской эпохи (конец IV-V в.в. н.э.) // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. С.70-84.
242. Зубарь В.М., Симоменко А.В. О снаряжении боевых коней в первые века н.э. на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С.164-185.
243. Иванеско А.Е. Вооружение нартов // Донская археология, 1998, №1. С.92-95.
244. Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ, 1985, №5.
245. Измайлов И.А. Вооружение и военное дело волжских булгар X-XIII в.в. Автореферат кандидатской диссертации...ист.наук. Казань, 1996.
246. Иллюстрированная история оружия. Мн.: Попури, 1999. 336с.
247. Исаенко А.В. Сарматы-аланы в Британии // Дарьял, 1995, №3. С.202-209.
248. История боевых искусств / Под ред. Г.К. Панченко.В 4 т. М.: Олимп, 1996. Т.I. 480с.; 1996. Т.II. 464с.; 1997. Т.III. 512с.; 1997. Т.IV. 512с.
249. История войн / Сост. Головкова Н.Н. (Т.1), Егоров А.А. (т.2); Подольников В.П. (т.3). Ростов-на-Дону – Москва: Феникс, 1997. Т.1. 736с.; Т.2. 704с.; Т.3. 672 с.
250. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 390 с.
251. Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 1971. 358с.
252. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1993. 231 с.
253. Каминский В.Н Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С.90-114.
254. Каминский В.Н. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I-XIII в.в. Автореферат диссертации...канд. ист. наук. СПб., 1992.
255. Каминский В.Н. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа (I-XII в.в. н.э.) // Архив СОНИИ. Отдел История, Фонд 6, Опись 1, Дело 206, №1505.
256. Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир-Москва, 1997. С.61-69.
257. Каминский В.Н. Клинковое оружие у Северо-Кавказских алан // Древности Кубани. Краснодар, 1986. С.55-56.
258. Каминский В.Н. Колчаны для стрел у алан Северного Кавказа (I-XIII в.в.) // Краткое содержание докладов научной конференции по итогам научно-исследовательской работы СОНИИ за 1986 г. Орджоникидзе, 1987. С.37.
259. Каминский В.Н. Конская узда у алан Северного Кавказа // Т.Д. XVI КЧ. Ставрополь, 1990. С.73-75.
260. Каминский В.Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА, 1982. Вып.170. С.48-51.

261. Каминский В.Н. Стремена у алан Северного Кавказа // Древности Кубани (Материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.
262. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 360 с.
263. Карпов Ю.Ю. Джигит и Волк. Мужские союзы в социальной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. 311 с.
264. Карсанов А.Н. Аланы на Пиренейском полуострове и в Северной Африке // Аланы Западной Европы и Византия. Alanica I. Владикавказ, 1992. С.103-120.
265. Карсанов А.Н. Кавказские аланы-осы в письменных источниках позднего средневековья (XIV-XVIII в.в.) // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С.403-408.
266. Карсанов А.Н. Крымские аланы // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С.152-176.
266(1).Карсанов А.Н. Об одном известии ипатьевской летописи // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С.389-402.
267. Карсанов А.Н. Средневековые аланы в Днестровско-Дунайском междуречье // Известия ЮОНИИ, 1989. Вып.XXXIII. С.77-93.
268. Карсанов А.Н. Ясы на Руси // Известия ЮОНИИ, 1990. Вып.XXXIV. С.10-20.
269. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV в.в. Л.: Наука, 1976. 104с.
270. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М. Л: Наука, 1966. Т.1. 176с., Т.2. 147с., Т.3. 92с.
271. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII в.в. Л.: Наука, 1973. 173 с.
272. Клапорт Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа и средневековых алан // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С.233-238.
272(1).Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С.111-120.
273. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы: века и народы. М.: Наука, 1984. 193с.
274. Ковалевская В.Б. Конь в истории и языке осетин // STUDIA IRANICA ET ALANICA. ROME, 1998. С.242-253.
275. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука, 1977. 152с.
276. Ковалевская В.Б. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С.22-50.
277. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С.83-97.
278. Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995. С.123-183.
279. Козенкова В.И., Багаев М.Х. О некоторых чертах сокральной воинской атрибутики в позднекобанской культуре // СА, 1991, № 4. С.25-35.

280. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М.: Наука, 1996. 164с.
281. Кокиев Г.А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // Известия ЮОНИИ. Сталинир, 1935. Т. II. С.217-234.
282. Кокорина Ю.Г., Лихтер А.Ю. Проникающие орудия и оружие. М., 1995. 116 с.
283. Корабельников В.А., Корабельникова Т.В., Корабельников А.В. Легенды и быль о собаках. М.: Просвещение, 1993. 252 с.
284. Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа (IV-IX в.в. н.э.). Автореферат диссертации...канд. ист. наук. М., 1999.
285. Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников Юго-Восточной Европы VII-X в.в. Автореферат диссертации...канд. ист. наук. Киев, 1988.
286. Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА, 1987, № 2. С.63-68.
287. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII в.в. Орджоникидзе: Ир, 1971. 198 с.
288. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. 184 с.
289. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII в.в // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе, 1975. С.21-34.
290. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА №106, М.: Изд-во АН СССР, 1962. С.164с.
291. Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С.72-105.
292. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977. 176с.
293. Кузнецов В.А. К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С.212-216.
294. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: ИР, 1984. 303с.
295. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-ое издание. Владикавказ: Ир, 1992. 392с.
296. Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990. 200с.
297. Кузнецов С.В., Кузнецова Т.М. «Зеркало»+нож+шило – не скифское метательное оружие // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С.121-126.
298. Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. Оттиск из XIII кн. Чтений в Историч. общ-ве Нестора-летописца. 73 с.
299. Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: АН ГССР, 1949. 230с.
300. Кызласов И.Л. О происхождении стремян // СА, 1973. №3. С.24-36.
301. Лавров Л.И. Военное дело у горцев Кавказа // Архив ЛЧИЭ АН СССР. Папка 6. Л.19.
302. Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л.: Наука, 1982. 224с.
303. Лебединский Я. Драконообразные штандарты Востока и Запада // Дарьял, 1996, №2. С.221-229.

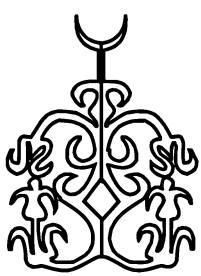
304. Лебединский Я. Три статьи о древнем оружии // Дарьял, 1997, №4. С.194-214.
305. Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутов Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С.44-80.
306. Мамукаев Т.Б. К этнографии и антропологии «Города мертвых» // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып.1. Т.XXXVI. Орджоникидзе, 1980. С.92-110.
307. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Полигон- М.: АСТ, 1996. 582 с.
308. Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С.74-124.
309. Мастиф и бульмастиф. М.: Хобби, 1998. 322с.
310. Медведев А.Н. Казаки и рукопашный бой. М., 1993. 244 с.
311. Мелюкова А.И. Войско и военное искусство скифов // КСИИМК, М-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып.34. С.30-42.
312. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 92с.
313. Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства. М.: Гос. военное изд-во наркомата обороны СССР, 1938. 544 с.
314. Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА, XXIII, 1955. С.131-168.
315. Мизиев И.М. История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990. 144 с.
316. Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII в.в.). Нальчик: Эльбрус, 1970. 90 с.
317. Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 716 с.
318. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 248 с.
319. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С.191-202.
320. Мужухоев М.Б. О датировке средневековых наконечников стрел (по материалам раскопок культовых и погребальных памятников горной зоны Чечено-Ингушетии в 1970-1981 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С.247-253.
321. Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980. С.155-168.
322. Наглер А.О. Нузальский наскальный оборонительный комплекс // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С.110-112.
323. Наглер А.О., Чипирова Л.А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С.87-91.
324. Нагоев А.Х. К истории военного дела средневековых адыгов (XIV-XVIII в.в.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С.132-142.

325. Новосельцев А.П. К истории аланских городов // МАДИСО. Т.2. Орджоникидзе: Ир, 1969. С.132-136.
326. Осетия и осетины / Сост. Челехсаты К. Владикавказ: ИР, 1994. 576 с.
327. Охонько Н.А. Семантика изображений Кяфарской гробницы // Аланская гробница XI в. Ставрополь, 1994. С.1-35.
328. Очерки истории Грузии. В 8 т. Тбилиси: Мецниереба, Т.1. 1989. 512 с., Т.2. 1988. 584 с.
329. Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа) // СПб.: Европейский дом, 1996. 304с.
330. Перевалов С.М. Военное дело у аланов II в. н.э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир-Москва, 1997. С.129-134.
331. Плетнева С.А. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188с.
332. Попенко В.Н. Холодное метательное оружие. М., 1993. 112с.
333. Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (оружие кавказских горцев). Ставрополь, 1916. 48с.
334. Пфаф В.Б. Материалы для древней истории Осетии // ССКГ Вып.IV. Тифлис, 1870. С.1-32.
335. Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин // ССКГ. Вып.V, 1. Тифлис, 1871. С.1-100.
336. Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССКГ Вып.I, Тифлис, 1871. С.80-144.
337. Пчелина Е.Г. Крепость Зильде Машыг // СЭ, 1934, №3. С.87-110.
338. Равдоникас Т.Д. О некоторых типах аланской одежды // КЭС, Вып.V, М., 1972. С.198-208.
339. Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. 140с.
340. Разин Е.А. История военного искусства. В 3 т. М.: Полигон, 1994. Т.1. 560с., Т.2. 653с. Т.3.723с.
341. Рерих Ю. Аланские войска в монгольскую эпоху // Дарьял, 1991, №4. С.244-248.
342. Санакоев М.П. Аспар // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал, Ир, 1992. С.56-62.
343. Санакоев М.П. Некоторые вопросы источниковедения истории осетинского народа. Цхинвали: Ирыстон, 1979. 128с.
344. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: АН СССР, 1961. 161с.
345. Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племен в X-XV в.в.(по материалам Убинского могильника) // Наш край. Вып.1, Краснодар, 1960. С.140-157.
346. Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник/ / Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ, 1974. С.89-113.
347. Тарас А.Е. Боевая машина. Мн.: Харвест, 1997. 592с.

348. Тарас А.Е. Боевые искусства. Мн.: Харвест, 1996. 640с.
349. Тараторин В.В. Конница на войне (история кавалерии с древнейших времен до эпохи наполеоновских войн). Мн.: Харвест, 1999. 432с.
350. Тараторин В.В. История боевого фехтования. Мн.: Харвест, 1998. 384с.
351. Техов Ф.Д. О военной лексике в осетинском языке // Известия ЮОНИИ. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С.109-119.
352. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1996. 437с.
353. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. 151с.
354. Тогошвили Г.Д. Грузино-осетинские отношения в I-XII в.в // Очерки истории ЮОАО. Тбилиси: Мецниереба, 1985. Т.1. 300 с.
355. Тогошвили Г.Д, Сослан-Давид. Владикавказ: ИР, 1990. 144 с.
356. Тогошвили Георги. Ирон адамы национ символты тыхх?й (Об осетинской национальной символике) // Фидиуаг, 1972, №4, Ф.85-89.
357. Трубников Б.Г. Большой словарь оружия. С-Петербург-Москва «Полигон», «АСТ», 1997. 672 с.
358. Туаллагов А.А. Влияние сармато-алан на военное дело в городах Северного Причерноморья. Владикавказ, 1993. 28 с.
359. Туганов М.С. Осетинские народные танцы. Сталинир, 1957. 46 с.
360. Туганов Э. Собаки алан/ / Дарьял, 1991, №2. С.213-220.
361. Тургиев Т.Б. О скотоводстве у алан // МАДИСО, Т.2. Орджоникидзе, 1969. С.120-131.
362. Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987. 155 с.
363. Уарзиати В.С. Осетино-ингушские этнокультурные контакты в материальной культуре // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1985. 102 с.
364. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. М., 1995. 233с.
365. Уарзиати В.С. Этнополитическая символика осетин // STUDIA IRANICA ET ALANICA. ROME, 1998. С.511-520.
366. Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. М., Ч.1, 1887. 326с. Ч.3, 1904. 326 с.
367. Устинов А.И., Портнов М.Э., Науваладзе Ю.А. Холодное оружие. М.: Арсенал-Пресс, 1994. 224 с.
368. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
369. Халдеев В.В. Сколько было сарматов // СА, 1987, №3. С.230-231.
370. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190с.
371. Цветаева Г.Л. Сокровища Причерноморских курганов. М.: Наука, 1968. 226с.
372. Чахкиев Д.Ю. Боевые ножи и кинжалы у позднесредневековых вайнахов // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С.36-55.
373. Чахкиев Д.Ю. Кольчатый доспех позднесредневековых воинов //

Новые археологические и этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С.67-84.
374. Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII-XVIII в.в) (археолого-этнографическое исследование). Дис...канд. ист. наук. Грозный, 1986. Архив научн. библ. им. А.М. Горького, МГУ, 1987, д.№555
375. Чахкиев Д.Ю. Позднесредневековые предохранительные кольца и напалечники вайнахских лучников // X Крупновские чтения (Тезисы докладов). М., 1980. С.76-77.
376. Черненко Е.В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С.59-67.
377. Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168с.
378. Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 188с.
379. Черных А.П. Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М.: МГУ, 1990. 280с.
380. Чибиров Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1984. 218с.
381. Чочиев А.Р. Нарты-Арии и Арийская идеология. Т.1. М.: Акалис, 1996. 264с.
382. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры Осетии. Цхинвали: Ирыстон, 1985. 290с.
383. Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам (на грузинском языке). Тбилиси, 1915. 288с.
384. Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. 2-ое издание. Цхинвал, 1993. 147с.
385. Чореф М.Я. К вопросу об аланах в средневековом Крыму // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С.67-77.
386. Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. 1992. 64с.
387. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.: Наука, 1972. 351с.
388. Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского НИИ краеведения. Вып.1, Владикавказ, 1928. С.271-306.
389. Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.2. М., 1990. 132с.
390. Юнусов А.С. Восточное рыцарство (в сравнении с западным) // ВИ, 1986. №10. С.101-115.
391. Яковлев В.В. История крепостей. СПб.: Полигон, 1995. 318с.
392. Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в.в. н.э. (локализация и политическая история) // Петербургский археологический вестник. СПб.: Фарн, 1993. С.83-88.
393. Яценко С.А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С.189-214.Яценко С.А. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // Археология и

традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С.25.
394. Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // РА, 1998, №3. С.67-74.
395. Lebedinsky I. Les Sarmates. Histoire, Culture Et Heritage // Gallia-Sarmatia. Gercle De Pecherehe, 1994.
396. Luk w roswoju historycznym. Wystawa. Krakow, 1969.
397. Nickel H. Der mittelalterliche Peiterschild des Abendlandes Inaugural Dissertation. Berlin, 1958.
398. Niolle Ph. D. D. Romano-byzantine armies 4-9 cenmuries. London, Osprey, 1992. 38c.
399. Petrovic Durdica Ozurje Kavkaza. Vojni Murje-Beograd. Vtsnik Broj 13-14. Beograd, 1968.
400. Roy Boss, Paimting by Keith Me Williams. The Sarmatians And The Development Of Early Cerman Mounted Warfare // Ancient Warrior. Vol.1: Winter 94/95. С.18-25.
401. Zaky A.R. Military Literature of the Arabs. Islamic Culture, 1956, vol.30, №2.
402. Yucel U. Thirtee Centuries of Islamic Arms. Apollo, 1970, vol.92, №101.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
ВВ – Византийский Временник
ВДИ – Вестник Древней истории
ВИ – Вопросы истории
ИИНИИ – Известия Ингушского научно-исследовательского института
ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
КСАИ – Краткие сообщения Института Археологии АН СССР
КС ИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КЭС – Кавказский этнографический сборник
МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК – Отчеты археологической комиссии
СА – Советская археология
СМОПК – Сборник материалов для описания местностей и племен КавказаССК – Сборник сведений о Кавказе
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцев
СЭ – Советская этнография
ТЧНИИ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ АЛАНСКИХ ВОИНОВ (РЕКОНСТРУКЦИИ)

Принцип реконетрукции: военная история алан мною разделена на пять периодов, каждый из которых характеризуется существенными изменениями в военном деле. Для каждого периода делается две реконструкции – одна по материалам аланского погребения, относящегося к данному периоду, в котором наиболее полно представлены предметы вооружения (вещи из кожи и дерева, которые обычно не сохраняются в погребениях, даются по наиболее близким аланским аналогам), вторая представляет компиляцию снаряжения профессионального воина из наиболее характерных для данного периода предметов вооружения и конского снаряжения.

I период (I-III в.в.) Табл.CIX

II период (IV-VI в.в.) Табл.CX

III период (VII-IX в.в.) Табл.CXI

IV период (X-XII в.в.) Табл.CXII

V период (XIII-XV в.в.) Табл.CXIII

Табл.CIX,1. Контофор (тяжеловооруженный конник, вооруженный длинной пикой до 4,5м) второго ряда конной фаланги конец I – начало II в. в.

Шлем из ст. Владимировской на Лабе (255, с.132), наконечник копья, железные штаны, защита шеи и железный чешуйчатый панцирь из кургана «Рошава Драгана» (Болгария) (66); конское снаряжение из кургана близ г. Азова (61).**Табл.CIX,2.** Катафрактарий (тяжеловооруженный всадник, его тело и его конь защищены панцирем – катафрактой) первого ряда конной фаланги (II-III в.в. н.э.).

По материалам «Золотого кладбища», курган 15, шлем из кургана 6 (81). Значок «Дракон» – реконструкция.

Табл.CX,1. Легковооруженный лучник. Конец IV – начало V в.в.

Щит по диптиху из Гальберштадского собора (215, рис.71). Меч из Железноводского могильника I (128, с.219, рис.1), ножны меча из Зарагижского II катакомбного могильника (катакомба 118) (57, с.210); онское снаряжение из с. Брут (73, с.33). Лук «гуннского» типа, характерный для данного периода. Аркан по письменным источникам (368, с.50). Роговой панцирь из нарезанных лошадиных копыт по Аммиану Марцеллину (368, с.58).

Табл.CX,2. Воин последней четверти IV – первой половины V в.в.

По материалам кургана №13 у сел. Кишпек (63, с.13-17). Щит по диптиху из Гальберштадского собора (215, рис.71).

Табл.CXI,1. Знатный пехотинец VIII в.

Комплекс предметов вооружения по погребению из с. Лац (122, с.417, 418, рис.44, 45). Одежда по материалам могильника Мощевая балка (83, с.35, 36, рис.1, 5). Обувь из скальных катакомб Хасаута (295, с.260, рис.54). Щит наиболее вероятная форма по изображениям на бронзовых фигурках аланских воинов (126, с.209-214, рис.2).

Табл.CXI,2. Конный дружинник IX в.

Шлем и кольчуга из могильника Казазово (256, с.66, рис.7); щит по фреске из Сентинского храма (255, с.759, рис.271, 1); сабля из Кобанского

могильника (153, с.247, 248. Табл.XLV, XLVI); лук в налучье из Мощевой балки (255, с.700, рис.212, 4). Конское снаряжение из Галиатского склепа (295, с.164, 165, рис.33-35). Кусок материи, прикрепленный к головной асти сбруи, покрывающий всю гриву лошади, по византийским изображениям схожего конского снаряжения (215, с.119. Фиг.53, 3).

Табл.CXII,1. Аланский рыцарь конца X – начала XI в.в.Шлем из Рим-Горы (131, рис.9, 10). Сабля и конское снаряжение из могильника Кольцо-гора (136, с.76). Щит и одежда по фрескам

Среднего Зеленчукского храма (292, с.7. 1, 2). Конское охвостье из Змейского могильника (143, с.93). Обувь из Рим-Горы (130, с.204, рис.7, 22). Флажок на шлеме из этнографических материалов по истории осетин («cærызæд» дословно – ангел- хранитель головы) (362, рис.III. 3-5). Мотыга – кельт из Мартан-Чу (68, рис.15, 5). Лук и колчан – реконструкция по материалам из Кольцо-горы (136, рис.3. 11-15; 4. 13)

Табл.CXII,2. Аланский князь в парадной одежде. XI-XII в.в.

Реконструкция по материалам катакомбы №14 Змейского могильника (97).

Табл.CXIII,1. Пехотинец-горец XIV-XV в.в.

Шлем из с. Галиат (149, с.276-277, рис.211), щит из фондов Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы (без номера) (Табл.LIX, 4), наручи из Верхнеоздикского могильника (155, с.96, рис.11. 2, 3), кинжал из Дардонского могильника (54, Табл.32б. 7, 17), лук из Оздика (305, рис.5, 2), одежда, обувь и войлочная шляпа из осетинских этнографических материалов (250), сабля по фресковым росписям осетинских храмов (383).

Табл.CXIII,2. Царь Ос-Багатар, конец XIII- нач. XIV в.в.

Комплекс вооружения Ос-Багатара из святилища Реком и Нузальской часовни (32, стр.78; 296, с.6-8). Шлем (296, рис.18. 4, 5), палица (149, с.277, рис.212), прочие образцы вооружения и конского снаряжения даны по ближайшим аналогам.

Таблицы

Табл.I 1 – меч с кольцевым навершием из кургана у г.Стара Загора (Болгария) вторая половина – конец II в. (по Буюклиеву Хр, 1995).

2 – хват меча через перекрестие.

3 – хват меча кулаком.

4 – меч из Железноводского могильника I (I-IV вв.). Реконструкция (а) по рисунку Рунича А.П. (б) (1983).

5 – меч из ст. Тифлисской (курган 44) I в. Реконструкция (б) по рисунку Каминского В.Н. (а) (1990).

6 – меч из погребения 6 курганной группы «Четыре брата» на Нижнем Дону (III в.). Реконструкция (б) по рисунку Мошкова М.Г. (а, в) (1978).

7 – меч из склепа 88 могильника у с.Личистое в Крыму (первая половина V в.). Реконструкция (а) по рисункам Айбабина А.И. и Хайединова Э.А. (б, в) (1998).

8 – ношение меча без металлического навершия на портупейном ремне и кинжала на бедре (по Хазанову А.М., 1971).

9 – нефритовая портупейная скоба из погребения 2, курган «Рошава Драгана» (Болгария), конец I -начало II вв. (по Буюклиеву Хр., 1995).

Табл.II 1, 2 – мечи из Зарагижского II катакомбного могильника (катакомба 118) IV-VI в. (по Атабиеву Б.Х., 1995).

3 – меч сармато-аланского стиля из Керчи конца IV в. -начала V в. (по Лебединскому Я., 1997).

4 – меч уплощенной формы из могильника Клин-Яр катакомба 6 (27). Конец IV – первая четверть V в. Реконструкция (б) по рисунку Каминского В.Н. (а) (1990).

5 – рельеф из Юбилейного. IV-III в. до н.э. (по Яценко С.А., 1992).

6 – меч из Брутского могильника V в.

Табл.III 1, 2 – меч из Кисловодской котловины (катакомба 10) IV-V вв. и его перекрестие с богатой инкрустацией (по Руничу А.П., 1976).

3 – серебряное перекрестие меча из погребения 2, курган «Рошава Драгана» конец I – начало II вв. (по Буюклиеву Хр., 1995).

4, 5 – меч из погребения 123 могильника Мокрая Балка, V в. и его перекрестие с инкрустацией (по Абрамовой М.П., 1997).

Табл.IV 1 – меч из Западного Кугульского склепа №4 V-VI в. Реконструкция (б) по рисунку Рунича А.П. (а) (1979).

2 – меч из могильника «Задвижка», погребение 1. Реконструкция (б) по рисунку В.Н. Каминского (а) (1990).

3 – меч из сел.Лац (погребение III) VII-IX вв. (по Пчелиной, 1928).

4 – однолезвийный меч (палаш) из могильника Хассани-Махал, катакомба 8, I в. Реконструкция (а) по рисунку Н.Е. Берлизова (б) (1997).

5 – палаш из могильника «Мокрая Балка», катакомба №39, VII в. (по Руничу А.П., 1975).

6 – палаш из Змейского могильника, катакомба 86, XI – первая половина XII вв. Реконструкция (б) по рисунку В.Н. Каминского (а) (1990).

7 – палаш из Мартан-Чуйского I-го могильника, погребение 30, рубеж IX-X вв. (по Виноградову В.б., Мамаеву Х.М., 1985).

8 – палаш из поселения «Козьи скалы», VIII-IX вв. (по Кузнецову В.К., Рудницкому Р.Р., 1998).

Табл.V 1 – сабля из Галиатского склепа (длина 90 см), начало VIII в. (по Кузнецову В.А., 1992)

2 – сабля из Кобанского могильника (катакомба неизвестна) длиной 884 мм VIII-IX вв. (по Хайнриху А.. 1995).

3 – сабля из Дуба-Юртовского могильника, длиной 80 см (катакомба 17) IX-X вв. (по Мамаеву Х.М., Савенко С.Н., 1988).

4 – сабля из Матран-Чуйского 1-го могильника (погребение 28), X-Xi вв. (по Виноградову В.Б., Мамаеву Х.М., 1985).

5 – сабля из Дардонского могильника IX-XII вв. (по Алексеевой Е.П., 1971).

6 – сабля из Змейского могильника (катакомба №3) XI-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

Табл.VI 1 – сабля из Эшкаконского ущелья IX в. (по Кузнецову В.А., Руничу А.П., 1974).

2-4 – сабля из Кобанского могильника (катакомба V) IX в. (по Хайнриху А., 1995).

Табл.VII 1 – сабля из могильника Мартан-Чу (погребение 15) X-XI вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

2 – сабля из могильника Мартан-Чу (погребение 10) IX-X вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

3 – рукоять сабли из Змейского могильника (катакомба №15) XI-XII в. (по Кузнецову В.А., 1961).

4 – сабля из Нижнего Архыза и ее технологическая схема (по Кузнецову В.А., 1973).

Табл.VIII 1-4 – сабля из могильника Колосовка 1 (курган 2, скелет №4) X-XI вв.; 1-3 – детали рукояти (по Дитлеру П.А., 1961); 4 – реконструкция.

5-9 – сабля из могильника Колосовка 1 (курган 2, скелет №1) X-XII вв.; 5-7 – детали рукояти (по Дитлеру П.А., 1961); 8-9 – реконструкция.

Табл.IX 1 – рукоять, перекрестье и верхняя обкладка ножен сабли из Змейского могильника (катакомба №14) середина XII в. (по Кузнецову В.А., 1961).

2-3 – сабля из могильника Колосовка 1 (курган №1) X-XI в.; 2 – общий вид; 3 – обкладки рукояти (по Дитлеру П.А., 1961).

Табл.X 1 – сабля из Змейского могилтника (катакомба №6) XI-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

3-4 – из могильника Кольцо-Гора (комплекс 1) конец XI – начало XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

5-6 – рукоять и наконечник ножен сабли из могильника Кольцо-Гора (катакомба 41) конец XI – начало XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

Табл.XI 1 – кинжал из ст.Воздвиженской (I в.). Реконструкция (б) по рисунку Хазанова А.М. (а) (1971).

2 – кинжал из Подкумского могильника (погребение 49), начало II в. Реконструкция (б) по рисунку Абрамовой М.П. (а) (1987).

3 – кинжал из Нижне-Джулатского могильника (погребение 64), I в. Реконструкция (б) по рисунку Абрамовой М.П. (а) (1972).

4 – кинжал из Нижне-Джулатского могильника (погребение 78), I в. Реконструкция (б) по рисунку Абрамовой М.П. (а) (1972).

5 – кинжал из Нижне-Джулатского могильника (погребение 77), II-III вв. Реконструкция (б) по рисунку Абрамовой М.П. (а) (1972).

6 – ношение кинжала с кольцевым навершием при помощи портупейного ремня (по Хазанову А.М., 1971).

7 – кинжал из «Золотого кладбища» (курган №44), I-II вв. Реконструкция (б) по рисункам Гущиной И.И., Засецкой И.П. (а) (1994) и Хазанова А.М. (1971).

Табл.XII Кинжал из кургана у г.Азова (тайник), последняя четверть I в. (по Беспалову Е.И., 1992).

Табл.XIII 1 – кинжал из Кисловодска, III в. Реконструкция (б) по рисунку Кузнецова В.А. (а) (1990).

2 – кинжал из поселка Нарзанного (катакомба 2). Реконструкция (б) по рисунку Каминского В.Н. (а) (1990).

3 – кинжал из кургана 25 у г.Азова, середина II-III в. Реконструкция (б) по рисунку Беспалого Е.И. (а) (1990).

4 – обратный хват для кинжала или ножа (по Асмолову К.В., 1993).

5,6 – прямые хваты для кинжалов и ножей (по Асмолову К.В., 1993).

7 – кинжал из кургана №13 у селения Кишнек, последняя четверть IV – первая половина V в. Реконструкция (б) по рисунку Бетрозова Р.Ж. (а) (1987).

8 – кинжал из Северной Осетии (случайная находка). Реконструкция (б) по рисунку Каминского В.Н. (а) (1990).

9 – кинжал из склепа 55 у с.Личистое в Крыму, первая половина V в. Реконструкция (б) по рисунку Айбабина А.И., Хайрединова Э.А. (а) (1998).

Табл.XIV 1 – кинжал из Мартан-Чуйского могильника (погребение 10) IX-X в. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

2 – бронзовый наконечник ножен кинжала из Дардонского могильника, IX-XII вв. (по Алексеевой Е.П., 1971).

3 – кинжал с железным наконечником из Дардонского могильника IX-XII вв. Реконструкция (б) по рисунку Алексеевой Е.П. (а) (1971).

4 – осетинский кинжал из с.Уакац, склеп №4, XVI-XVIIIвв. (по Тменову В.Х., 1986).

5 – осетинский кинжал кама (по Калоеву Б.А., 1973).

Табл.XV 1 – нож из могильника «Золотое кладбище» (курган 6), I – начала III вв. Длина 24,5 см. Реконструкция (б) по рисунку Гущиной И.И., Засецкой И.П. (а) (1994).

2 – нож из Нагавского могильника (курган II), второй половиныII- первой половины III вв. (по Мысокову Е.П., Сергацкову И.В., 1994).

3 – нож из могильника «Золотое кладбище» (курган 18), I – начала III вв.

Длина 16,5 см. Реконструкция (б) по рисунку Гущиной И.И., Засецкой И.П. (а) (1994).

4 – парные ножи из Котлубани (курган 2), конец II – первая половина III в. Длина 36 и 38,5 см. Реконструкция (б) по рисунку Скрипкина А.С. (а) (1989).

5 – нож из могильника у с.Личистое (склеп 41), первая половина V в. Длина 18 см. Реконструкция (б) по рисунку Айбабина А.И., Хайрединова Э.А. (а) (1998).

6 – нож из Ново-Вогеншийского могильника (погребение 3), конец VIII-IX вв. Длина 25 см. Реконструкция (б) по рисунку Носкова Л.М. (а) (1990).

Табл.XVI 1 – нож из могильника у станицы Старокорсунской (погребение 11), VII-IX вв. Реконструкция (б) по рисунку Каминского В.Н. (а) (1987).

2 – нож из могильника у станицы Старокорсунской (погребение 35), VII-IX вв. Реконструкция (б) по рисунку Каминского В.Н. (а) (1987).

3 – нож из могильника на Средней Кубани (погребение 10), VIII-IX вв. Реконструкция (б) по рисунку Каминского В.Н. (а) (1984).

4 – нож из Мартан-Чуйского могильника (погребение 10), IX-X вв. Реконструкция (б) по рисунку Виноградова В.Е., Мамаева Х.М. (а) (1984).

5 – нож из Мартан-Чуйского могильника (погребение 18), X-XI вв. Реконструкция (б) по рисунку Виноградова В.Е., Мамаева Х.М. (а) (1984).

6 – нож из Мартан-Чуйского могильника (погребение 4), X-XI вв. Реконструкция (б) по рисунку Виноградова В.Е., Мамаева Х.М. (а) (1984).

7 – нож из могильника у селения Хулан (разрушенное погребение), конец VIII – первая половина X вв. Реконструкция (б) по рисунку Чеченова И.М. (а) (1987).

8 – нож из могильника у с.Дзуарикау (погребение №3), XIII-XIV вв. Длина 23 см. Реконструкция (б) по рисунку Марченко И.И., Тургиева Т.Б. (а) (1980).

9 – два ножа в одних ножнах в разрезе из могильника у с.Хулан (разрушенное погребение), конец VIII – первая половина X вв. (по Чеченову И.М., 1987).

10 – нож в деревянных ножнах из Мартан-Чуйского 1-го могильника (катакомба 31) вторая половина X – начало XI вв. Реконструкция (б) по рисунку Савенко С.Н. (а) (1985).

11 – обратный хват за нож (по Тарасу А.Е., 1997).

12,13 – прямые хваты за нож (по Тарасу А.Е., 1997).

14 – нож с железным наконечником ножен и железными накладниками у рукояти из «Мокрой балки» (катакомба №40), VII-VIII вв. (по Руничу А.П., 1975).

Табл.XVII 1 – ножны с поясом из могильника Мощевая Балка (разрушенное погребение) VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

2 – ножны с поясом из могильника Мощевая Балка (разрушенное погребение) VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

3-7 – ножны из могильника Мощевая Балка (разрушенное погребение) VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

Табл.XVIII 1 – наконечник копья из могильника Хассани-Махал (погребение 8), середина I в. до н.э. (по Берлизову Н.Е., 1997).

2 – наконечник копья из могильника Шахпир (погребение 4), I-II вв. (по Берлизову Н.Е., 1997).

3 – наконечник копья из могильника «Золотое кладбище» (курган 17), I-II вв (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

4 – наконечник копья из могильника «Золотое кладбище» (курган 6), I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

5 – наконечник копья из могильника у с.Азова (курган 25), середина II – середина III вв. (по Беспалому Е.И., 1990).

6 – наконечник копья из Нижне-Джулатского могильника (погребение 100), I в. до н.э. – I в. н.э. (по Абрамовой М.П., 1972).

7 – наконечник копья из могильника «Золотое кладбище» (Курган 15), II-III вв. (по Ждановскому А.М., 1994).

8 – наконечник копья из могильника у с.Личистое (склеп 52), первая половина V в. (по Айбабину А.И., Хайрединовой Э.А., 1998).

9 – наконечник копья из могильника у с.Кишнек (курган №13), последняя четверть IV – первая половина V вв. (по Бетрозову Р.Ж., 1987).

10 – наконечник копья из Ново-Вочепшийского могильника (погребение 3), конец VIII-IX вв. (по Носковой Л.М., 1990).

11 – наконечник копья из могильника «Кешенэ-алы» (погребение №2), VII-Ix вв. Длина 26,25 см (по Крупнову Е.И., 1948).

12 – наконечник копья из Галиатского склепа, первая половина VIII в. (по Кузнецову В.А., 1992).

13 – наконечник копья из могильника Песчанка, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., Каминской-Цокур И.В., 1997).

14 – наконечник копья из могильника «Кешенэ-алы» (погребение №2), VII-IX вв. Длина 15,5 см (по Крупнову Е.И., 1948).

Табл.XIX 1 – наконечник копья из Нижне-Архызского городища, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1993).

2 – наконечник копья из могильника Колосовка №1 (курган №1, склеп №3), X0XI вв. (по Дитлеру П.А., 1961).

3 – наконечник копья из Змейского могильника (катакомба 36), X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1963).

4 – спетум из могильника близ г.Нальчика (курган №3), XIII-XV вв. Реконструкция (а) по рисунку Виноградова И.А. (б) (1960).

5 – фрагмент фрески из алтарной части Сентинского храма, X в. (по Дьячкову-Тарасову., 1899).

6 – первый способ фиксации контоса на коне.

7 – второй способ фиксации контоса на коне.

Табл.XX 1 – боевой топор из Сусловского могильника (курган №46), I-II вв. (по Хазанову А.М., 1971).

2 – топор-тесло из «Золотого кладбища» (курган 43), I-III вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

3 – боевой топор из Тарского могильника (катакомба 21), VIII-IX вв. (по Кантемирову Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995).

4 – боевой топор из Рим-Горы (катакомба 48, погребение 1), X-XII вв. (по Руничу А.П., 1970).

5 – боевой топор из катакомбы у с.Каменка, конец VIII – первая половина X вв. (по Чеченову И.М., 1987).

6 – боевой топор из Дуба-Юртовского могильника (разрушенное погребение), VIII-X вв. (по Мамаеву Х.М., Савенко С.Н., 1988).

7 – боевой топор из Дуба-Юртовского могильника (комплекс 1), VIII-X вв. (по Мамаеву Х.М., Савенко С.Н., 1988).

8 – боевойтопор из могильника Мартан-Чу (погребение 6), IX (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

9 – боевой топор из могильника близ Амгаты, VIII в. (по Минаевой Т.М., 1955).

10 – боевой топор из Мартан-Чуйского могильника (погребение 17), X-XI, вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

Табл.XXI 1 – боевой топор из с.Лац (погребение III), VII-IX вв. (по Пчелиной Е.Г., 1928).

2 – боевой топор из Дмитриевского могильника (погребение 3), вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

3 – боевой топор из Тарского могильника (катакомба №24), VIII-IX вв. (по Кантемирову Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995).

4 – боевой топор из Дардонского могильника, IX-XII вв. (по Алексеевой Е.П., 1971).

5 – боевой топор из Мартан-Чуйского могильника (погребение 6), XI в. (по Виоградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

6 – боевой топор из Ютановского могильника, VIII-X вв. (по Афанасьеву Г.Е., 1993).

7 – боевой топор из Дуба-Юртовского могильника, IX-X вв. (по Мамаеву Х.М., Савенко С.Н., 1988).

8 – боевой топор из Дуба-Юртовского могильника (катакомба 13), IX-X вв. (по Мамаеву Х.М., Савенко С.Н., 1988).

9 – боевой топор из могильника в устье р.Теберды (могила 9), IX-X вв. (по Минаевой Т.М., 1955).

10 – боевой топор из Дмитриевского могильника (катакомба 121), вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

11 – боевой топор из Дмитриевского могильника (катакомба 7), вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

12 – боевой топор из Кобанского могильника, VII-IX вв. (по Уваровой А.С., 1900).

13 – боевой топор из Мартан-Чуйского могильника (катакомба 31), вторая половина X – начало XI вв. (по Савенко С.Н., 1985).

14 – боевой топор из Кобанского могильника, VII-IX вв. (по Уваровой А.С., 1900).

Табл.XXII 1 – боевой топор из могильника близ с.Амгаты, VIII вв. (по Минаевой Т.М., 1955).

2 – боевой топор из Мартан-Чуйского могильника (погребение 10), IX-X вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

3 – боевой топор из Мартан-Чуйского могильника (катакомба 32), вторая

половина X – начало XI вв. (по Савенко С.Н., 1985).

4 – боевой топор из Мартан-Чуйского могильника (погребение 16), X-XI вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

5 – боевой топор из Дардонского могильника, IX-XII вв. (по Алексеевой В.П., 1971).

6 – боевой топор из могильника Кольцо-Гора (погребение №41), конец IX – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

7 – боевой топор из могильника у с.Камунта, VII-IX вв. (по Уваровой А.С., 1900).

8 – секира из могильника в устье р.Теберды (могила 2), IX-X вв. (по Минаевой Т.М., 1955).

9 – секира из могильника на р.Уруп (Навес №1), VI-X вв. (по Ложкину М.Н., 1984).

10 – секира из Нижнего Архыза, X-XII вв. Масштаб отсутствует (по Кузнецову В.А., 1993).

11 – секира, случайная находка, X-XIII вв. Масштаб отсутствует. (по Уваровой А.С., 1900).

12 – секира из с.Уакац (склеп №4), XVI-XVIII вв. (по Тменову В.Х., 1986).

Табл.XXIII 1 – основная стойка, пригодная для нанесения большинства рубящих ударов.

2 – блокирование вражеского оружия верхней кромкой боевого топора.

3 – боевой топор на деревянной рукояти из Нижнего Архыза, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1993).

4 – боевой топор на деревянной рукояти из могильника на р.Уруп (Навес №1, погребение 5), VI-X вв. (по Ложкину М.Н., 1984).

5 – фрагменты рельефа стен Кяфарской гробницы, XI в. (по Охонько Н.А., 1994).

6-7 – железные клевцы из окрестностей г.Владикавказа, VI-IX вв. (по Zichy E. de., 1897).

Табл.XXIV 1 – пальстаб из могильника Мартан-Чу (погребение 5), вторая половина VIII-IX вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

2 – пальстаб из могильника Мартан-Чу (погребение 18), X-XI вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

3,4 – пальстаб из могильника близ с.Амгаты, VIII в. (по Минаевой Т.М., 1955).

5 – пальстаб на деревянной рукоятке из могильника в Мощевой балке, VIII – начало X вв. (по Алексеевой Е.П., 1971).

6 – рукоять из дерева для пальстаба из могильника на Урупе (Навес №1, погребение 4), VI-X вв. (по Ложкину М.Н., 1984).

Табл.XXV 1 – булава из с.Донифарс, из светлого песчаника (выш. 6 стм) (по Уваровой А.С., 1900).

2 – булава из могильника у с.Харачой, из красного гранита с железным клинышком во втулке, IV-VII вв. (по Виноградову В.В., 1970).

3 – палица из белого змеевика, из с.Галиат (по Уваровой А.С., 1900).

4 – наконечник в виде небольшой палицы из бронзы, с.Чми, VII-IX вв. (по Уваровой А.С., 1900).

5 – булава бронзовая из с.Даргавс, VII-IX вв: (по Уваровой А.С., 1900).

6 – булава типа «утренняя звезда» из бронзы, с.Камунта (по Уваровой А.С., 1900).

7 – палица бронзовая (выш. 13 стм) из Венского музея (по Уваровой А.С., 1900).

8 – палица железная из окрестностей г.Владикавказа, VI-IX вв. (по Zichy T. de., 1897).

Табл.XXVI 1 – кистень, общий вид.

2 – кистень из могильника у сел. Кумбулта из желтого камня (выш. 5 стм). (по Уваровой А.С., 1900).

3 – мраморный кистень из Нижнего Джулата, XII в. (по Крупнову Е.И., 1963).

4 – железный кистень из могильника у станицы Старокорсунской (погребение 45), первая половина IX в. (по Каминскому В.Н., 1987).

5 – бронзовый кистень из Дмитриевского могильника (погребение 126), вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

6 – бронзовый кистень из Дмитриевского могильника (погребение 54), вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

7 – каменный кистень из Ютановского городища, конец VIII в. (по Крычанову А.В., 1987).

8 – бронзовый кистень из Сухогомольшанского могильника, IX-X вв. (по Крычанову А.В., 1987).

9 – бронзовый кистень из Верхнесалтовского могильника, вторая половина VIII-X вв. (по Крычанову А.В., 1987).

10 – бронзовый кистень из с.Камунта, VII-IX вв. (по Крычанову А.В., 1987).

11 – железный кистень из Верхнесалтовского могильника, вторая половина VIII-X вв. (по Крычанову А.В., 1987).

12 – железный кистень из Красногорского могильника, вторая половина VIII-X вв. (по Крычанову А.В., 1987).

13 – железный кистень из Верхнесалтовского могильника, вторая половина VIII-X вв. (по Крычанову А.В., 1987).

14 – бронзовый кистень из Сухогомольшанского могильника IX-X вв. (по Крычанову А.В., 1987).

Табл.XXVII 1 – Фрагмент картины М. Туганова «Охота абрека с арканом».

2 – габанская палка для ловли овец (по Калоеву Б.А., 1971).

3 – наконечник дротика из поселка Октябрьский (курган 2) IV- начало V в. (по Каминскому В.Н., 1990).

4 – наконечник дротика из «Золотого кладбища» (Станица Усть-Лабинская. Курган 41), вторая половина I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

5 – пилум из Воздвиженского кургана, I в. (по Хазанову А.М., 1971).

6 – наконечник дротика из «Золотого кладбища» (Станица Тифлисская. Курган 10), вторая половина I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

7 – наконечник дротика из Рим-Горы (катакомба 48), X-XII вв. (по Руничу А.П., 1970).

8 – наконечник дротика Печеринского склепа, V-VI в. (по Руничу А.П., 1979).

9 – фрагмент Кубанского ритона, IV-III вв. до н.э. (по Яценко С.А., 1992).

10 – фрагмент фалара из с.Кривая Лука IX (курган 1/17), I в. до н.э. (по Яценко С.А., 1992).

11 – костяной наконечник дротика из Ильичевского городища, вторая половина VI в. (по Николаевой Н.А., 1986).

Табл.XXVIII 1 – деревянная основа лука (по Кирпичникову А.Н., 1973).

2 – деревянная основа лука, вид с внутренней стороны и схема расположения на ней костяных накладок (по Кирпичникову А.Н., 1973).

3 – деревянная основа лука, вид сбоку:

а – концы с вырезом для тетивы;

б – сухожилия;

в – березовая планка;

г – можжевеловая планка;

д – концевые накладки с вырезом для тетивы;

е – боковые накладки рукояти;

ж – нижние накладки рукояти с внутренней стороны лука;

з – жильная обмотка;

и – узел или место соединения концов, планок и сухожилий, и костяных накладок лука (по Кирпичникову А.Н., 1973).

4 – закрепление стыков деталей лука путем обмотки сухожильными нитями по клею и оклейка лука берестой (по Кирпичникову А.Н., 1973).

5 – лук с тетивой после оклейки (по Кирпичникову А.Н., 1973).

6 – разрез сложного лука:

а – берестяная оклейка;

б – сухожилия;

в – березовая планка;

г – можжевеловая планка (по Кирпичникову А.Н., 1973).

7 – костяные накладки лука:

а – нижние концевые;

б – верхние концевые;

в – срединные боковые;

г – срединная фронтальная.

Из могильника Клин-Яр III (катакомба 29), конец VII – начало VIII в. (по Флерову В.С., 1998).

Табл.XXIX 1 – скиф, натягивающий тетиву (фрагмент сосуда из Куль-Обы).

2 – гуннский лук (по Хазанову А.М., 1971).

3 – графическая реконструкция лука из Танаиса (IV в.) (по Шелову Д.Б., 1972).

4 – лук с реки Гогопс. Майкопского округа Кубанской области (по Каминскому В.Н., 1990).

5 – лук из Мощевой балки, IX в. (по Каминскому В.Н., Каминской-Цокур И.В., 1997).

Табл.XXX 1 – лук из Мощевой балки, IX в. (Фото).

2 – лук из Мощевой балки, VIII-IX в. (катакомба 123) (по Каминскому В.Н., 1990).

3 – лук из Мощевой балки (катакомба 123), VIII-IX в. (Фото. По Иерусалимской А.А., 1992).

4 – реконструкция лука из Дмитриевского могильника (катакомба 5 и 148), вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

5 – реконструкция лука из Дмитриевского могильника (катакомба 106, 169, 173), вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

Табл.XXXI Графическая реконструкция боевого и натянутого положения лука из Мощевой балки, IX в.

Табл.XXXII Графическая реконструкция боевого и натянутого положения лука из Мощевой балки (катакомба 123), VIII-IX вв.

Табл.XXXIII 1 – турецкий лук из рога буйвола XVI в.:

а – без тетивы; а' – с тетивой; а" – в натянутом положении (по Бехайму В., 1995).

2 – реконструкция аланского лука (Тип V) с «челноком» (по Каминскому В.Н., 1990).

3 – реконструкция аланского лука (Тип VI) (по Каминскому В.Н., 1990).

4 – вайнахский лук из селения Эгикал, XVII-XVIII вв. (по Мамаеву Х.М., Чахкиеву Д.Ю., Даутовой Р.А., 1983).

5 – вайнахский лук из селения Мужичи, XIV-XVIII вв.:

а – дерево;

б – сухожилия;

в – рог;

г – сыромятный ремешок;

д – деревянная планка (по Мамаеву Х.М., Чахкиеву Д.Ю., Даутовой Р.А., 1983).

Табл.XXXIV 1-2 – налучья из могильника Мощевая балка, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

Табл.XXXV 1 – размещение лука в кожаном на деревянном каркасе горите (по Кирпичникову А.Н., 1973).

2 – кожаный горит из Мощевой балки (катакомба 125), VII-IX вв. Фото. (по Иерусалимской А.А., 1992).

3 – фрагмент надгробия Перигена, сына Асклепия из Пантикапей, I в. (по Яценко С.А., 1992).

4 – фрагмент надгробия из Пантикапеи, I-II вв. (по Яценко С.А., 1992).

5 – кожаный горит из Мощевой балки, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

6 – остатки железного каркаса горита из могильника Мартан-Чу (погребение 17), X-XI вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

7 – кожаный горит из Рим-Горы (катакомба 52), X-XI вв. (по Руничу А.П., 1970).

Табл.XXXVI 1 – кожаный горит из Мощевой балки, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

2 – фрагмент этокского изваяния (по Уваровой С.А., 1900).

3 – черкесский кожаный горит XVIII-XIX вв. (по Аствацатуряну Э.Г.,1995).

Табл.XXXVII 1 – фрагмент серебряной бляшки от боевого пояса из Тарского могильника (катакомба №6), VIII-IX вв. (по Кантемирову Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995).

2 – фрагмент золотой пластины из собрания Романовича, рубеж н.э. (по Черненко Е.В., 1981).

3 – серебряная пряжка из могильника Чми (катакомба Б) вторая половина VIII-IX вв. (по Хайнриху А., 1995).

4 – «первобытный» способ натягивания лука (по Анучину Д.Н., 1887).

5 – «монгольский» способ натягивания лука (по Анучину Д.Н., 1887).

6 – деталь рельефа золотого кувшина из Надьсцентмиклошскозо клада, VII-IX вв. (по Бехайму В., 1995).

7 – деталь рельефа стен Кяфарской гробницы, XI в. (по Охонько Н.А., 1994).

8 – фрагмент фресковой росписи Нузальской церкви конец XIII – начало XIV в. (по Кузнецову В.А., 1990).

9 – сцена битвы всадника-копейщика с пешим лучником. Меловой блок стены Маяцкого городища, VIII-IX вв. (по Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н., 1997).

Табл.XXXVIII 1,2 – предохранительное кольцо и способ одевания его на палец (по Анучину Д.Н.,1887).

3 – вайнахское предохранительное кольцо, XIII-XV вв. (по Чахкиеву Д.Ю., 1995).

4,5 – аланское кольцо для стрельбы из лука (по Уваровой А.С., 1900).

6 – византийская ткань из Мощевой балки VIII в. (по Иерусалимской А.А., 1992).

Табл.XXXIX 1 – реконструкция стрелы из могильника Суслы (курган №27), I-II вв. (по Хазанову А.М., 1971).

2-5 – стрелы бронзовые из могильника Мощевая балка (разрушенное погребение), VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

6,7 – реконструкция стрел по материалам могильника Мощевая балка VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1982).

Табл.XL Наконечники стрел: 1-9, 17-24 – железо; 10-13 – бронза; 14-16 – кость.

1- – «Золотое кладбище», между станицами Казанской и Тифлисской (курган 41), I в. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

2 – Подкумский могильник (погребение 9,1), II – первая половина III вв. (по Абрамовой М.П., 1987).

19 Заказ № 2621

3 – Подкумский могильник (погребение 14), II – первая половина III вв. (по Абрамовой М.П., 1987).

4 – «Золотое кладбище», станица Некрасовская (курган 4), I в. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

5 – курган у г.Азова (погребение 1), вторая половина I в. (по Беспалому Е.И., 1992).

6 – «Золотое кладбище», станица Тифлисская (курган 10), вторая половина I-II в. н.э. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

7 – «Золотое кладбище», станица Казанская (курган 2), вторая половина I-II в. н.э. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

8 – «Золотое кладбище», между станицами Казанской и Тифлисской, (курган 49), вторая половина I-II в. н.э. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

9 – Терезе, III-V вв. (по Абрамовой М.П., 1997).

10,11 – «Золотое кладбище», между станицами Казанской и Тифлисской, (курган 34), вторая половина I-II в. н.э. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

12 – «Золотое кладбище», между станицами Казанской и тифлисской, (курган 41), I в. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

13 – Западный Кугульский склеп (№1), V-VI вв. (по Руничу А.П., 1979).

14 – Октябрьский (курган 2), IV в. (по Абрамовой М.П., 1997).

15 – Бородаевка (курган №F4), I-IV вв. (по Хазанову А.М., 1971).

16 – «Золотое кладбище», станица Тифлисская, (курган 8), вторая половина I-II в. н.э. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

17 – Железноводский могильник I, I-IV вв. (по Руничу А.П., 1983).

18-20 – Октябрьский (курган 2), IV в. (по Абрамовой М.П., 1997).

21 – могильник «Мокрая Балка» (катакомба №1), VII-VIII вв. (по Руничу А.П., 1975).

22 – Клин-Яр III (катакомба №29), конец VII – начало VIII вв. (по Флерову В.С., 1998).

23 – Хулам (катакомба 2), конец VIII – первая половина X вв. (по Чеченову И.М., 1987).

24 – Чми (катакомба Б), VIII-IX вв. (по Хайнриху А., 1995).

Табл.XLI Наконечники стрел железные.

1 – Колосовка №1, курган 2, X-XI вв. (по Дитлеру П.А., 1961).

2,3 – святилище Адзапш, IX-X вв. (по Каминскому В.Н., Каминской-Цокур И.В., 1997).

4 – Хулам (разрушенная катакомба), конец VIII – первая половина X в. (по Чеченову И.М., 1987).

5 – Кольцо-Гора (погребение №41), конец XI – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

6 – Святилище Адзанш, IX-X вв. (по Каминскому В.Н., Каминской-Цокур И.В., 1997).

7 – Даргавс, VII-IX вв. (по Уваровой А.С., 1900).

8 – Кольцо-Гора (погребение №41), конец XI – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

9 – Ново-Вогепшийский могильник, конец VIII-IX вв. (по Носковой Л.М., 1990).

10 – Сентинский храм, X-XIII вв. (по Каминскому в.Н.. Каминской-Цокур И.В., 1997).

11 – Змейский могильник (катакомба №3), XI-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

12 – Кольцо-Гора (погребение №41), конец XI – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

13 – Кольцо-Гора (погребение №1), конец XI – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

14 – Колосовка №1 (курган 2), X-XI вв. (по Дитлеру П.А., 1961).

15 – Кольцо-Гора (погребение №41), конец XI – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

16 – городище Гиляч, X-XII вв. (по Алексеевой Е.П., 1971).

17,18 – городище Нижний Архыз, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1993).

19 – Дардонский могильник IX-XII вв. (по Алексеевой Е.П., 1971).

20 – святилище Реком, XIII-XVII вв. (по Кузнецову В.А., 1990).

21,22 – святилище Тхосты-дзуар (с.Цимити), XIV-XVII вв. (по Тменову В.Х., 198).

Табл.XLII 1 – бронзовая пластинчатая обойма от колчана из Нижне-Джулатского могильника I в. (погребение 37) (по Абрамовой М.П., 1972).

2 – колчан из Мощевой балки (разрушенное погребение) VII-IX вв. Дерево, кожа, кость (по Каминскому В.Н., 1990).

3,4 – реконструкция кожаных колчанов из Димитриевского могильника, вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

5 – остатки каркаса колчана с костяным дном из Мартан-Чу (погребение 15) X-XI вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

Табл.XLIII 1 – реконструкция колчана из могильника Мешоко (погребение 11) (по Каминскому В.Н., 1990).

2 – колчан из Мощевой балки, VIII-IX вв. Фото.

3,4 – черкесские колчаны, XVIII-XIX вв. (по Аствацатуряну Э.Г., 1995).

Табл.XLIV 1 – праща (по Бехайму В., 1995).

2 – ременая праща с петлей и ее пуля (по Маркевичу В.Е., 1996).

3 – праща простейшая – расщепленная палка (по Маркевичу В.Е., 1996).

4,5 – вайнахская праща «ширдолаг» (а – тесьма; б – палка; в – кармашек; г – камень) (по Чахкиеву Д.Ю., 1986).

6 – вайнахский лук-праща «тIулга-Iад» (а – стесанный конец лучины; б – палочка-расчалка; в – лучина, дерево; г – тетива; д – кармашек) (по Чахкиеву Д.Ю., 1986).

Табл.XLV 1, 2 – метательные ножи из Тарского могильника (катакомба №27) VIII-IX вв. (по Кантемирову Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995).

3 – метательные ножи из Мощевой балки, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

4 – ножны метательных ножей VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

5-7 – метательные ножи из могильника Мартан-Чу (погребение 10), IX-X вв. (по Виноградову В.Е., Мамаеву Х.М., 1984).

8 – хват ножа за клинок при метании (по Тарасу А.Е., 1997).

Табл.XLVI 1 – фрагменты рельефа с золотой пластины из Зубовского кургана, рубежа н.э. (по Яценко С.А., 1992).

2 – группа языгов на колонне императора Траяна, I в. н.э. (по Кузнецову В.А., 1993а).

3,4 – фрагмент рельефа с золотой гривны из Кобяково (курган 10), конец I в. н.э. (по Яценко С.А., 1992).

5 – застежка кожаного ременного сарматского панциря (по Готтенроту Ф., 1911).

6 – реконструкция сарматского воина в кожаном ременном панцире (по Готтенроту Ф., 1911).

7 – реконструкция сарматского воина в роговом чешуйчатом панцире (по Готтенроту Ф., 1911).

8 – сарматы на триумфальной арке императора Галерия (по Хазанову А.М., 1971)

9 – изображение катафрактариев из Сазонкиного бугра (по Яценко С.А., 1992).

Табл.XLVII 1 – граффиты из Дура-Эвропоса (по Хазанову А.М., 1971).

2 – реконструкция сарматского катафрактария (по Хазанову А.М.. 1971).

3 – парфянский катафрактарий I-II вв. (по Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н., 1997).

Табл.XLVIII 1 – изображения сарматских воинов с серебряного кубка из Косики (погребение 1), вторая половина I в. (по Яценко С.А., 1992).

2 – изображение сарматского катафрактария на серебряном сосуде из кургана Косики, I в. (по Дворниченко В., Плахову В., Федорову-Давыдову Г., 1987).

3 – надгробный рельеф Трифона из Танаиса, третья четверть II в. (по Цветаевой Г.А., 1968).

4 – византийская конница (с греческой рукописи IX в.) (по Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н., 1997).

Табл.XLIX 1,2 – фрагменты железных чешуйчатых панцирей из кургана «Рошава Драгана» (погребение 2), конец I – начало II вв. (по Буюклиеву Хр., 1995).

3,4 – фрагменты комбинированного панциря из «Золотого кладбища». Станица Ладожская (курган 28), вторая половина I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

5 – фрагменты комбинированного панциря из «Золотого кладбища». Станица Ладожская (курган 26), вторая половина I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

6 – фрагменты комбинированного панциря из «Золотого кладбища». Станица Казанская (курган 20), вторая половина I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

7 – чешуйка от комбинированного панциря из «Золотого кладбища». Станица Казанская (курган 9), вторая половина I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

8 – чешуйка от комбинированного панциря из «Золотого кладбища». Станица Казанская (курган 1), вторая половина I-II вв. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

9 – фрагменты комбинированного панциря из «Золотого кладбища», I-II вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

10 – пластины от пластинчатого панциря из «Золотого кладбища» (курган 15), II-III вв. (по Ждановскому А.М.. 1984).

11 – фрагмент кольчуги из «Золотого кладбища». Станица Усть-Лабинская (курган 37), первая половина I в. (Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

12 – фрагмент кольчуги из «Золотого кладбища». Станица Усть-Лабинская (курган 41), вторая половина I -II вв. (Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

Табл.L 1 – бронзовые панцирные пластинки из разрушенной катакомбы близ Нальчика, III-IV вв. (по Виноградову В.Б., 1967).

2,3 – варианты реконструкции кубанского доспеха (по Хазанову А.М., 1971).

4 – металлический защитный воротник из кургана «Рошава Драгана» (погребение 2), конец I – начало II вв.(по Буюклиеву Хр., 1995).

5,6 – серебряные нагрудные бляхи от чешуйчатого панциря из кургана у станицы Воронежской, I в. Диаметр 15 см (по Анфимову Н.В.. 1952).

7 – фалар из кургана у г.Азова (погребение 1, тайник), последняя четверть I в. (по Беспалому Е.И., 1992).

8 – реконструкция нагрудного пластинчатого панциря с поселения «Козьи скалы», VIII в. (по Кузнецову В.К., Рудницкому Р.Р., 1998).

Табл.LI 1 – кольчатый панцирь из могильника Казазово 3 (погребение 106), первая половина IX в. (Фото).

2 – покрой кольчуги из селения В. Лейми (полуподземный склеп №2, тайник), вторая половина XIII в. (по Чахкиеву Д.Ю., 1988).

3 – крепление кольца кольчуги «на гвоздь».

4 – крепление кольца кольчуги «на шип».

5 – сварное кольцо кольчуги.

6 – кольцо коробчатого панциря.

Табл.LII 1 – железные панцирные штаны из кургана «Рошава Драгана» (могила №2), конец I – начало II вв. (по Буюклиеву Хр., 1995).

2 – комплект наручей из Верхнеоздикского склепового могильника (1-й склеп), конец XIII-XIV вв. (по Чахкиеву Д.Ю., 1990).

3 – черкесские наручи (по Аствацатуряну Э.Г., 1995).

4 – осетинский кольчужный наруч (Северо-Осетинский музей краеведения №10147 ОФ 147).

Табл.LIII 1-3 сарматские шлемы (по Готтенроту Ф., 1911).

4 – шлем из бронзовых полос из «Золотого кладбища» (курган 6), II в. н.э. (по Ждановскому А.М., 1984).

5 – шлем из «Золотого кладбища» (курган у станицы Тифлисской), вторая половина I – начало III вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

6 – фрагменты железного шлема из станицы Некрасовской (курган №4), I-III вв. (по Хазанову А.М., 1971).

7 – железный шлем из станицы Владимировской (разрушенная катакомба), I-III вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

8 – изображение сарматского всадника в коническом шлеме из Фанагории (по Яценко С.А., 1992).

Табл.LIV 1 – железный шлем из селения Кишнек (курган №13), последняя четверть IV – первая половина V в. (по Бетрозову Р.Ж., 1987).

2 – железный шлем с Ильичевского городища, вторая половина VI в. (по Николаевой Н.А., 1986).

Табл.LV 1 – железный шлем из могильника Казазово 2 (погребение 106), IX в. (Фото).

Табл.LVI 1 – железный шлем из городища Рим-Гора, X в. (по Руничу А.П., Михайлову Н.Н., 1976).

2 – железный шлем из Верхнеоздикского могильника (склеп №1), конец XIII-XIV вв. (по Чахкиеву Д.Ю., 1990).

3 – шлем Ос-Багатара, рисунок В.Б. Пфафа, 1869г. (по Семенову Л.П., 1995).

4 – шлем Ос-Багатара, рисунок А.А. Миллера, 1928г. (по Кузнецову В.А., 1990).

5 – медный шлем из могильника Галиата (по Уваровой С.А., 1900).

Табл.LVII 1-3 – сарматские щиты (по Готтенроту Ф., 1911).

4 – щит из могильника Котлубань (курган 2), конец II – первая половина III вв. (по Скрипкину А.С., 1989).

5 – изображение пленных алан с диптиха из Гальберштадского собора конца IV – начала V в. (по Готтенроту Ф., 1911).

6 – погребение со щитом из могильника Карца, I-III вв. (по Абрамовой М.П., 1981).

7 – передняя плита гробницы из Верхней Теберды (по Охонько Н.А., 1994).

8 – изображение воина с кулачным щитом со стены Кяфарсой гробницы, XI в. (по Охонько Н.А., 1994).

9 – обратная сторона круглого щита рондаша с поливариантным способом ношения.

10 – фрагмент шелковой ткани со «святыми воинами» из Мощевой балки, VIII-IX вв. (по Иерусалимской А.А., 1992).

Табл.LVIII 1,2 – фрески на южной стене Среднего Зеленчукского храма X в. (по Кузнецову В.А., 1977).

3,4 – фрески Сентинского храма X в. (3 – по Каминскому В.Н., 1990; 4 – по Дьячкову-Тарасову А.Н., 1899).

5 – изнанка норманского щита, с шейным и ручным ремнями. Латинская псалтырь. Начало XIII в. (по Бехайму В., 1995).

6 – фрески Зругского храма «Хозиты – Майрам», вторая половина XII в. (по Кузнецову В.А., 1977).

Табл.LIX 1,2 – бронзовые статуэтки воинов из Дагестана (1) и Чечено-Ингушетии (2) (по Марковину В.И., 1986).

3 – воины армии Тамерлана XIV-XV вв. На переднем плане воин со щитом-калканом (по Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н., 1997).

4 – позднесредневековый осетинский кулачный щит. Кожа, железо. (Северо-Осетинский музей краеведения) (без номера).

5 – амулет из могильника Луначарский (катакомба 32), VIII-IX вв. (по Ковалевской Б.А., 1995).

Табл.LX 1 – роспись склепа Анфестерия (Пантикапея) (по Яценко С.А., 1992).

2 – роспись керченского склепа 1872г., II в. (по Блаватскому В.Д., 1961).

3 – боспорский надгробный рельеф – стела Харитона, сына Мокка, I в. (по книге «Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в н.э., 1990).

4 – изображения всадников I-IV вв. (по Яценко С.А., 1992).

4 – Соколово;

5 – Пантикапей;

6 – Федуловский клад;

7 – Ростов-на-Дону;

8 – Фанагория;

9 – Мечетсай, курган 3.

Табл.LXI 1-9 – амулеты с изображением коня и всадника VIII-IX вв. (по Ковалевской Б.А., 1995).

1 – Луначарский, катакомба 21, КНМ;

2 – «Кавказ» – коллекция А.А. Бобринского, ГЭ, КЗ №1826;

3 – Камунта, МАК VIII, рис.242;

4 – Луначарский, катакомба 32, КНМ;

5 – Зилги, ГИМ, хр. 91/56а;

6 – Чинухой, XII, 1938, ваа.11;

7 – Гоуст, катакомба 10а;

8 – Нальчик, ГИМ, хр.73/29а;

9 – Луначарский мат.21, КНМ;

10 – ахалтекинская порода (по Гуревичу Д.Я., Рогалеву Г.Т., 1991).

11 – арабская чистокровная порода (по Гуревичу Д.Я., Рогалеву Г.Т., 1991).

Табл.LXII 1 – пластины конской катафракты из могильника Калиновка (курган №55/14) (по Хазанову А.М., 1971).

Табл.LXIII 1 – изображение персидского царя Пероза II (V-VI вв.) (по Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н., 1997).

2 – всадник персидской конницы, VII в. (по Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н., 1997).

Табл.LXIV 1 – изображение штурма войсками Чингисхана китайского города, начало XIII в. (по Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н., 1997).

Табл.LXV 1 – реконструкция биметаллических удил из Керчи, конец I – начало II вв. (по Зубарю В.М., Симоненко А.В., 1984).

2,3 – реконструкция способов крепления удил к оголовью (по Зубарю в.м., Симоненко А.В., 1984).

4 – удила с псалиями из «Золотого кладбища», станица Тифлисская, курган 6, вторая половина I-II вв. н.э. (по Гущиной И.И., Засецкой И.П., 1994).

5 – удила из Нижне-Джулатского могильника, погребение 33, II-III вв. (по Абрамовой М.П., 1972).

6 – удила с кольцевидными псалиями из могильника Терезе, I-IV вв. (по Абрамовой М.П., 1997).

Табл.LXVI 1 – удила (железо, бронза, золото, синее стекло) из могильника у с.Кишнек, курган №13, последняя четверть IV – первая половина V вв. (по Бетрозову Р.Ж.).

2 – удила из Кисловодской котловины, катакомба 10, IV-V вв.(по Фуничу А.П., 1976).

3 – удила из могильника у с.Личистое в Крыму, склеп 88, первая половина V в. (по Айбабину А.И., Хайрединовой Э.А., 1998).

4 – удила с восьмеркообразными концами из Западного Кугульского склепа №3, V-VI вв. (по Руничу А.П., 1979).

Табл.LXVII 1 – железные удила с инкрустацией серебром из Алексеевского клада, конец VIII-IX в. (по Афанасьеву Г.Е., 1993).

2 – удила из Владикавказского могильника, VI-IX вв. (по Zichy, 1897).

3 – железные удила с бронзовой псалией из могильника «Мокрая балка», VII-VIII вв. (по Руничу А.П., 1975).

4 – удила из могильника у станицы Старокорсунской, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1987).

5 – S-овидные псалии из катакомбы 110 115 Дмитриевского могильника, вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

6 – удила с поселения «Козьи скалы», VIII-XII вв. (по Кузнецову В.К., Рудницкому Р.Р., 1998).

7 – железные удила с бронзовыми псалиями из могильника Колосовка, конское погребение, X-XI вв. (по Дитлеру П.А., 1961).

8 – бронзовая псалия из Змейского могильника, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

Табл.LXVIII 1 – изображение оседланной лошади с серебряного сосуда у с.Косика, I в. (по Дворниченко В., Плахову В., Федорову-Давыдову Г., 1987).

2 – изображение мягкого седла из Мержаны (по Яценко С.А., 1992).

3 – реконструкция седла из могильника Дюрсо, V в. (по Дмитриеву А.В., 1979).

4 – седло из Галиатского склепа, VIII в. (по Кузнецову В.А., 1992).

5 – реконструкция седла X-XII в. по материалам могильников Рим-Гора (катакомба 31) и Змейский (катакомба 3).

6 – осетинское седло типа «арчак» (саргъты бахы саргъ) (по Колосову Б.А.. 1971).

Табл.LXIX 1 – лука седла из могильника Рим-Гора, грабительская находка, X-XII вв. (по Руничу А.П., 1970).

2 – передняя лука седла из Змейского могильника, катакомба 14, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

3 – передняя лука седла из Змейского могильника, катакомба №15, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

Табл.LXX 1 – стремя из Владикавказского могильника, VI_IX вв. (по Zichy, 1897).

2 – железное стремя инкрустированное серебром из Алексеевского клада, конец VIII-IX вв. (по Афанасьеву Г.Е., 1993).

3 – стремя из могильника у с.Хулам, катакомба 2, конец VIII – первая половина X вв. (по Нагоеву А.Х., 1987).

4 – стремя из могильника Клин-Яр III, катакомба №29, конец VII – начало VIII вв. (по Флерову В.С., 1998).

5 – стремя из могильника Кольцо-Гора, конское захоронение, конец IX – первая половина XII (по Савенко С.Н.).

6 – стремя из могильника Рим-Гора, грабительская находка, X-XII вв. (по Руничу А.П.).

7,8 – осетинские стремена из этнографического музея при СОГУ №VI-20-16-275 (а).

Табл.LXXI 1 – конская сбруя из могильника Брут, катакомба в кургане №2, V в. (по Габуеву Т.А., 1994).

Табл.LXXII 1 – реконструкция конного оголовья из могильника Брут, катакомба в кургане №2, V в. (по Габуеву Т.А., 1994).

2 – реконструкция конного оголовья из погребения 30 могильника Кольцо-Гора, X-XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

3 – варианты штампованных серебряных бляшек и наконечников от оголовья (А) и возможная реконструкция оголовья (Б) из катакомбы 52 Дмитриевского могильника, вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

Табл.LXXIII 1 – реконструкция конного снаряжения из Галиатского склепа, VIII в. (по Кузнецову В.А., 1992).

2 – византийское конное снаряжение, VIII в. (по Готтенроту Ф., 1911).

3 – реконструкция конного снаряжения из катакомбы 106 Дмитриевского могильника, вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

4 – реконструкция конного снаряжения из катакомбы 82 Дмитриевского могильника, вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

Табл.LXXIV 1 – начельник из Кобанского могильника, катакомба V, IX в. (по Хайнриху А., 1995).

2 – начельник из Дмитриевского могильника, катакомба 82, вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

3 – начельник из Дмитриевского могильника, катакомба 106, вторая половина VIII-IX вв. (по Плетневой С.А., 1989).

Табл.LXXV 1,2 – начельники из могильника Кольцо-Гора, погребение 30, конец IX – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

3 – начельник из Змейского могильника, катакомба 3, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

4 – фигурный начельник из Змейского могильника, катакомба 14, X-XII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

Табл.LXXVI 1 – деревянная рукоять плети из могильника Мощевая балка, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

2 – фигурная обкладка от рукояти плети из могильника Кольцо-Гора, комплекс 1, конец IX – первая половина XII вв. (по Савенко С.Н., 1986).

3 – деревянная рукоять плети из могильника Мощевая балка, VII-IX вв. (по Каминскому В.Н., 1990).

4 – серебряная рукоятка плети из Алексеевского клада, вторая половина VIII-IX вв. (по Афанасьеву Г.Е., 1993).

5 – рукоятка плети из Ютановского могильника, конское захоронение, вторая половина VIII-IX вв. (по Афанасьеву Г.Е., 1993).

6 – железные путы с пружинными замками из поселения «Козьи скалы», XII – начало XIII вв. (по Кузнецову В.К., Рудницкому Р.Р., 1998).

7 – черкесская парадная упряжь, XIX в. (по Аствацатурян Э.Г., 1995).

Табл.LXXVII 1 – боевая собака древних вавилонян, барельеф V в. до н.э. (по Корабельникову В.А. и др., 1993).

2 – ассирийский боевой дог, III тыс. до н.э. (по Корабельникову В.А. и др., 1993).

3,4 – римские боевые собаки первых веков новой эры . (по Корабельникову В.А. и др., 1993).

5 – мастиф (по Атласу пород собак, 1983).

6 – испанский мастиф (по Атласу пород собак, 1983).

7 – неаполитанский мастиф (по Атласу пород собак, 1983).

8 – бордосский дог (по Атласу пород собак, 1983).

Табл.LXXVIII 1 – обкладка седла, золоченая бронза из Змейского могильника, X-XIII вв. (по Кузнецову В.А., 1961).

2 – кавказская овчарка (по Атласу пород собак, 1983).

3 – горская борзая (по Корабельникову В.А. и др., 1993).

Табл.LXXIX 1 – историческая топография Зилгинского городища (римские цифры – жилые холмы, литеры – рвы) (по Кузнецову В.А., 1986).

2 – профиль земляного укрепления состоящего из вала и рва (по Яковлеву В.В., 1995).

3 – сторожевой курган на холме V Зилгинского городища (по Кузнецову В.А., 1986).

4 – цитадель Зилгинского городища, вид с севера (по Кузнецову В.А., 1986).

Табл.LXXX 1 – реконструкция укреплений Дмитриевского городища. Условные обозначения: 1 – песок; 2 – меловой щебень; 3 – предполагаемые деревянные конструкции; 4 – земляной слой (по Плетневой С.А., 1989).

Табл.LXXXI 1 – схематический план городища Адиюх; I, II, III – три части городища; а-г – места раскопок Т.М. Минаевой; д – городская стена; е, ж – ямы; з – остатки земляного вала или стены; и – башня Адиюх; к, л – ворота (по Алексеевой Е.П., 1971).

2 – городище Кызыл-Кала и прилегающие памятники. Схематический

план: I, II, III – три части городища; а – башня Гошаяк-Кала; б – каменный вал первой части городища; в – ров первой части городища; д – ров второй части городища; е – вал третьей части городища; ж – могильник VI в. До н.э.; з – могильник V-VII вв.; и – селище V-VII вв. (по Алексеевой Е.П., 1971).

Табл.LXXXII 1 – Нижне-Архызское городище: А – район городища с обозначением основных дорог; Б – план Нижне-Архызского городища до сооружения монастыря (по Кузнецову В.А., 1993).

2 – оборонительная стена поселка епархии и городские ворота Нижне-Архызского городища, графическая реконструкция (по Кузнецову В.А., 1993).

3 – жилой дом усадьбы Нижне-Архызского городища, графическая реконструкция (по Кузнецову В.А., 1993).

4 – Нижне-Архызское городище: географическое местоположение (врезка) и ситуационный план.

Табл.LXXXIII 1 – городище Рим-гора (по Кузнецову В.А., 1971).

2 – общий вид городища Рим-гора (по Кузнецову В.А., 1993).

3 – план городища Рим-гора (по Кузнецову В.А., 1993).

Табл.LXXXIV 1 – крепость Чуфрут-Кале г.Бахчисарая (по Кузнецову В.А., 1992).

2 – Чуфрут-Кале. План. А – средняя крепостная стена, Б – восточная крепостная стена (по Талису Д.Л., 1974).

3 – Средняя стена Чуфрут-Кале (по Талису Д.Л., 1974)

Табл.LXXXV 1 – схематическая реконструкция оборонительных сооружений Дарьяльского ущелья.

2 – Дарьяльская крепость в начале XX в. (по Кусову Г.И., 1992).

Табл.LXXXVI 1 – схематический план Дарьяльской крепости.

2 – Дарьяльская крепость, вид с запада, сверху (по Круглову А.П., 1937).

Табл.LXXXVII Замок Болат-кала: 1 – план; 2 – реконструкция (по Батчаеву В.М., 1992).

Табл.LXXXVIII Замок Зылги: 1 – план; 2 – реконструкция на основе зарисовки З.П. Туланцева (1888г.) (по Батчаеву В.М., 1992).

Табл.LXXXIX Замок Галиат (Мидхъæу): 1 – реконструкция; 2 – схематический план.

Табл.XC Нузальский наскальный оборонительный комплекс: 1 – вид с запада (по Наглеру А.О., 1983 с добавлениями Сланова А.А.); 2 – схематический план.

Табл.XCI 1 – Куртатинская заградительная стена: профиль и план

2 – ворота «Чырамад» на правом берегу р.Ардон (по Кузнецову В.А., 1990).

3 – план укрепления «зылын дуар»: 1 – оборонительная стена А, 2 – башня I, 3 – оборонительная стена Б, 4 – поздние пристройки, 5 – древняя дорога, 6 – башня II (по Кузнецову В.А., 1990).

Табл.XXCII 1 – башня Мамсуровых, с.Даргавс (Фото Темиряева М.М.).

2 – башня Бязыровых, с.Дей (Фото автора, 1997).

Табл.XCIII 1 – разрез боевой ингушской башни и пояснения к чертежу (по Щеблыкину И.П., 1930).

2 – башенный комплекс с.Лисри (по Тменову В.Х., 1996).

3 – общий вид замка Цаллаевых в с.Ханаз (по Тменову В.Х., 1996).

Табл.XCIV 1 – план и реконструкция укрепления рамоновых с.Брытъат (по Дзаттиаты Р.Г.. 1983).

2 – село Гæлуат. Нижняя башня. План, дверной проем, вид с Северо-Востока (по Дзаттиаты Р.Г., 1983).

Табл.XCV 1 – первые две шеренги византийской конной фаланги (по Тараторину В.В., 1998).

2 – схема построения конной фаланги (по Тараторину В.В., 1998).

Табл.XCVI Аланские каменные статуи:

1 – из ст.Преградной на р.Уруп (по Каминскому В.Н., 1995).

2,3 – район ст.Сторожевой (по Кузнецову В.А., 1962).

4 – с р.Бехгон (по Кузнецову В.А., 1962).

5 – с р.Теберда (по Кузнецову В.А., 1962).

6 – этокское изваяние (по Охонько Н.А., 1994).

Табл.XCVII Реконструкция захоронения аланского воина VIII-IX вв. в идеале.

Табл. XCVIII Реконструкция аланских воинов I-III вв.

1 – контофор (тяжеловооруженный конник, вооруженный длинной (до 4,5м) пикой) второго ряда конной фаланги, конец I – начало II в.

2 – катафрактарий второго ряда конной фаланги, II-III вв.

Табл. XCIX Реконструкция аланских воинов IV-VI вв.

1 – легковооруженный лучник. Конец IV – начало V в.

2 – воин последней четверти IV – первой половины V в.

Табл.C Реконструкция аланских воинов VII-IX вв.

1 – знатный пехотинец VIII в.

2 – конный дружинник IX в.

Табл.CI Реконструкция аланских воинов X-XII вв.

1 – аланский рыцарь конца X – начала XI вв.

2 – князь в парадной одежде, XI-XII вв.

Табл.CII Реконструкция аланских воинов XIII-XV вв.

1 – пехотинец – горец XV в.

2 – царь Ос-Багатар, конец XIII – начало XIV вв.

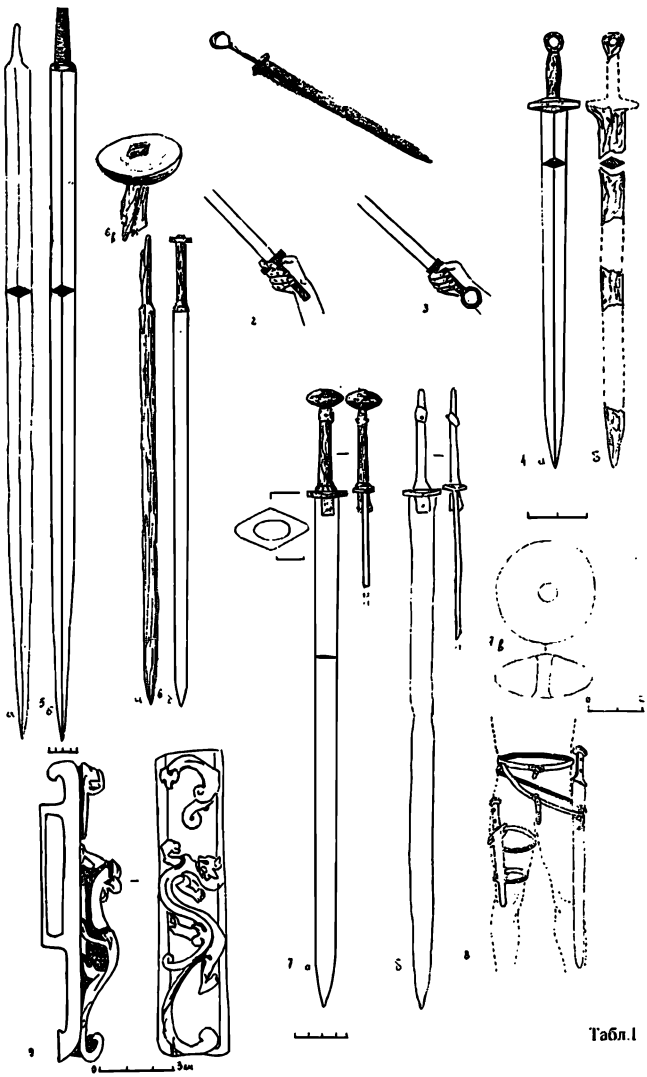

Табл.I

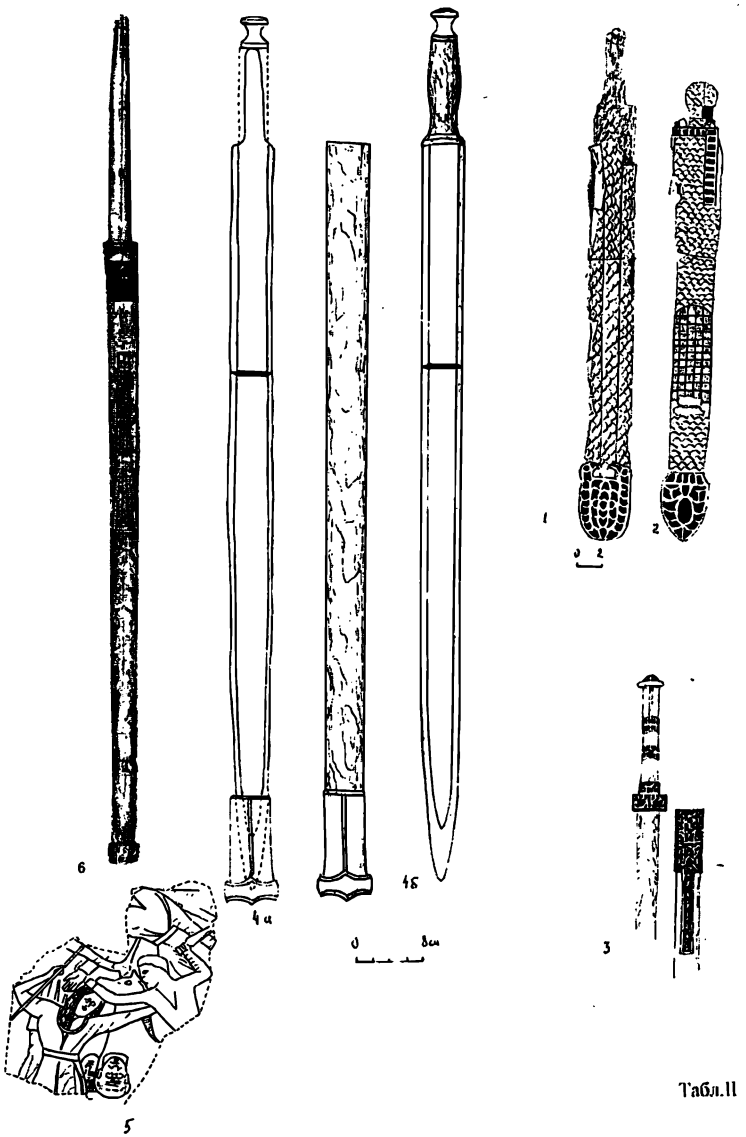

Табл.II

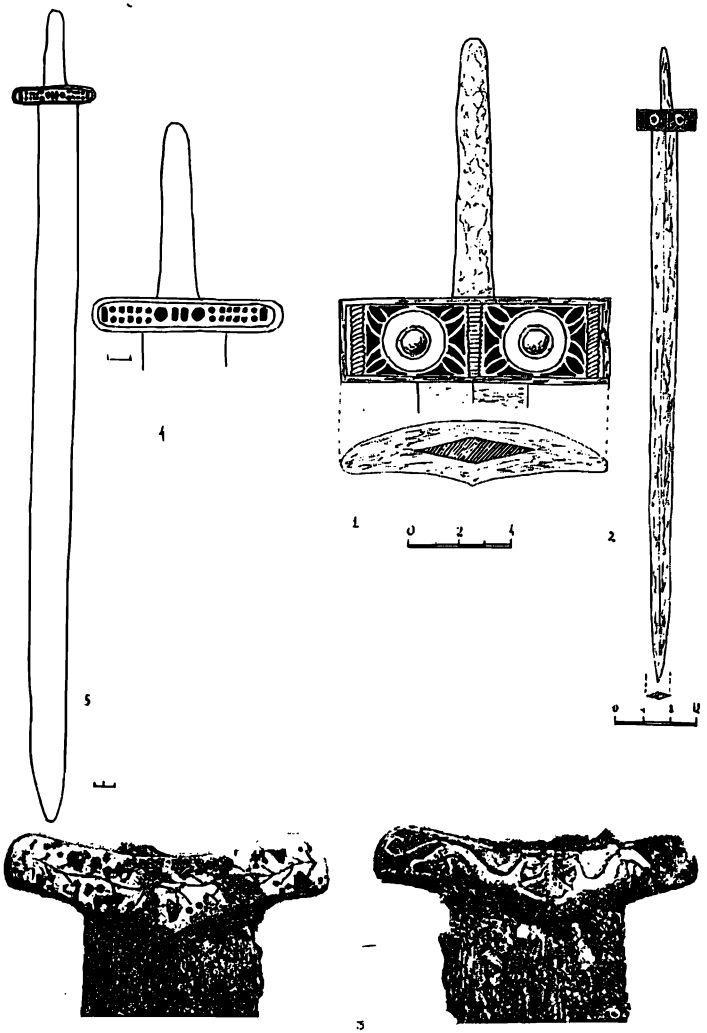
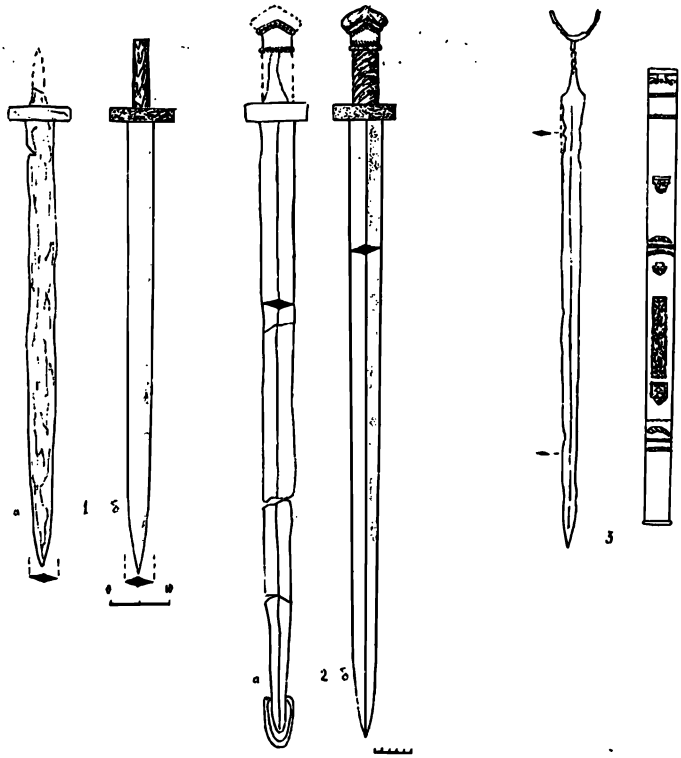

Табл. III

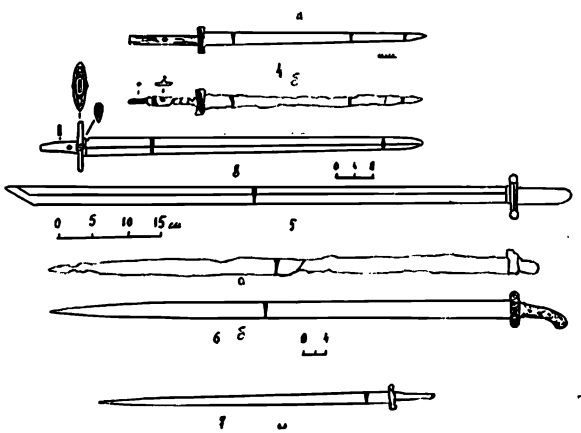
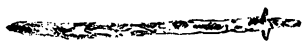
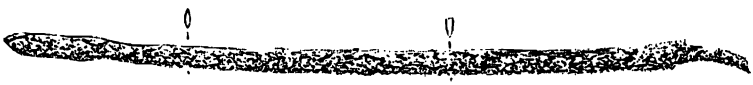

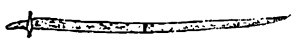
Табл.IV

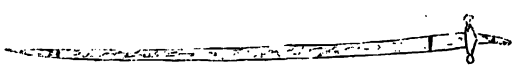
1

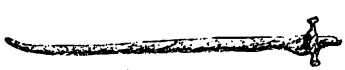
2

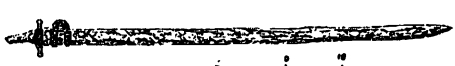
3

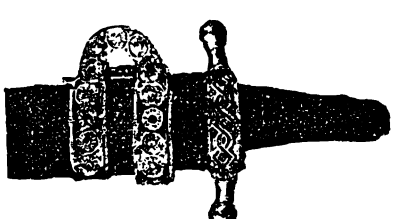
4

5

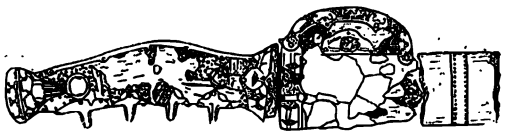

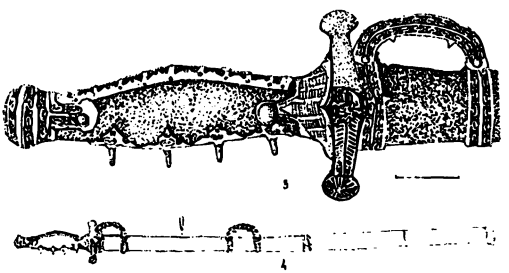
6

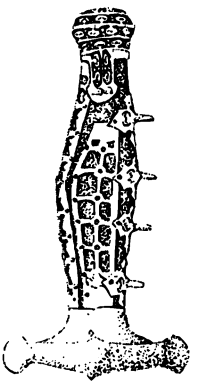

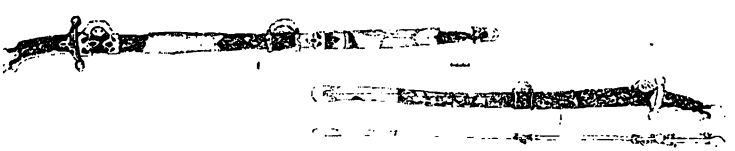
7

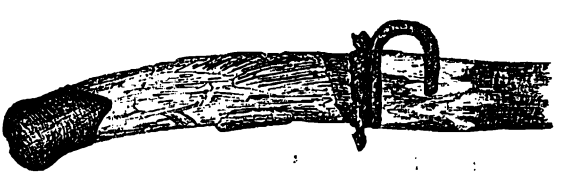
Табл. V

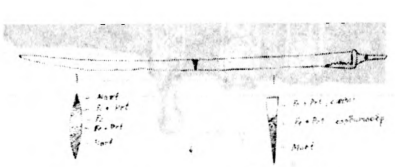

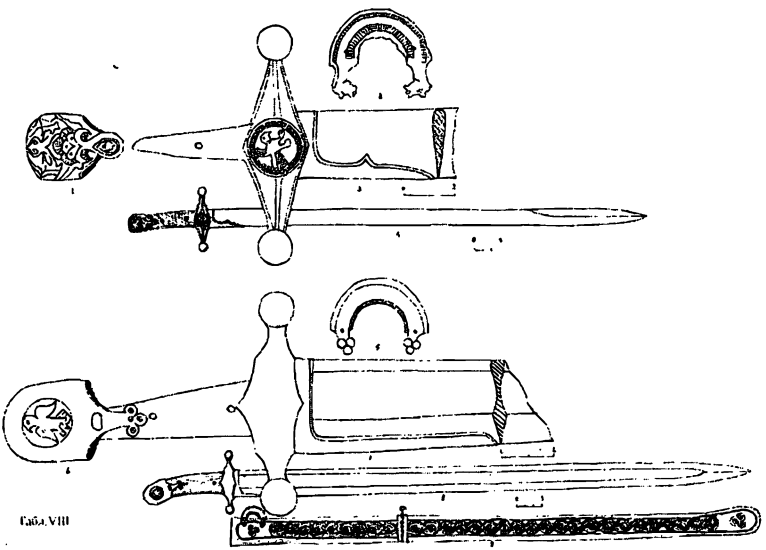
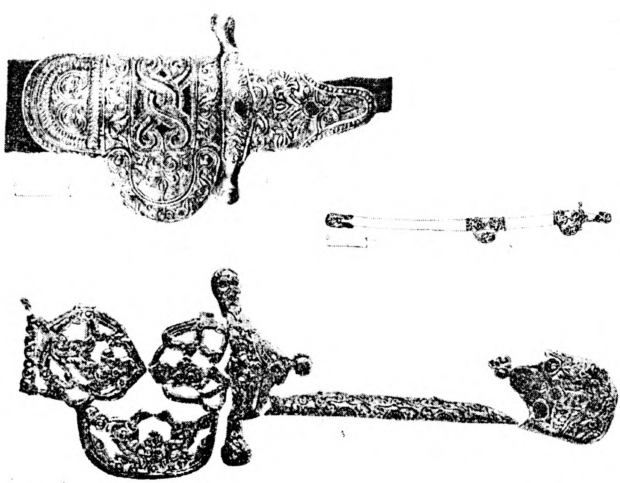
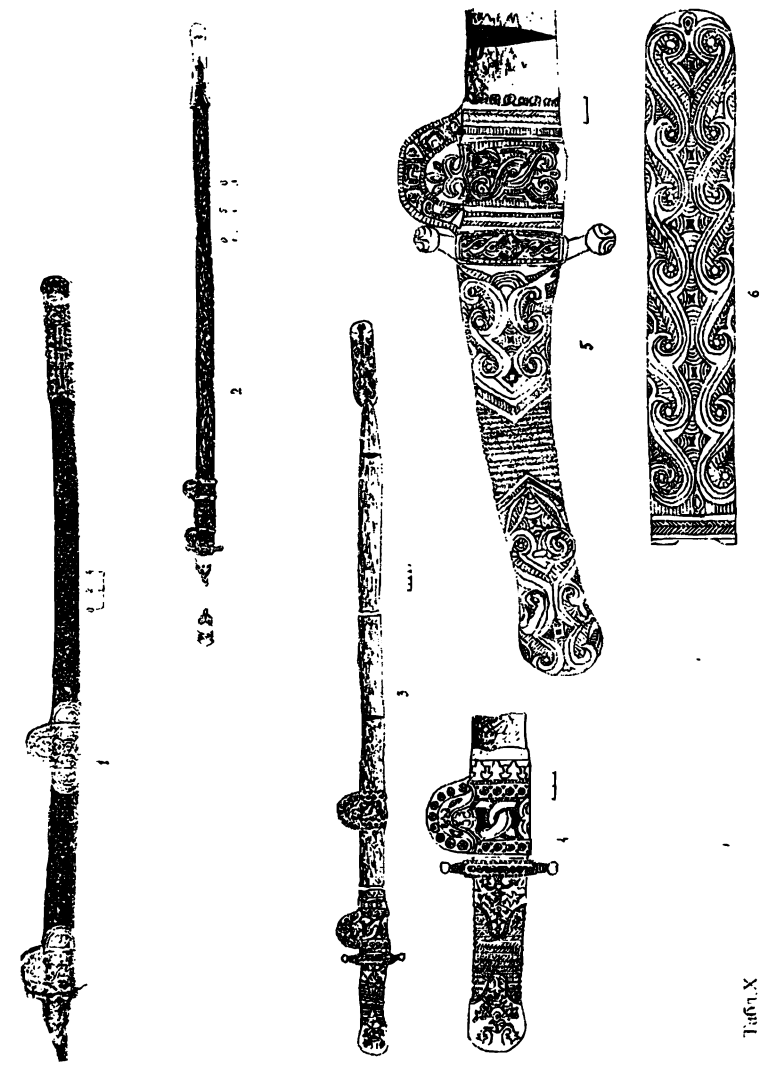
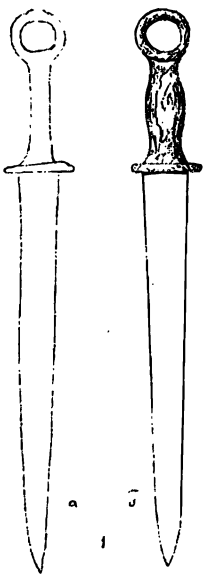
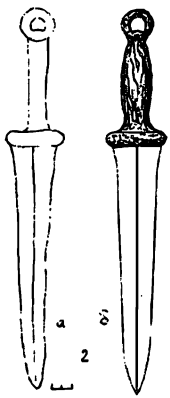

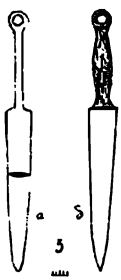
Табл. VIII

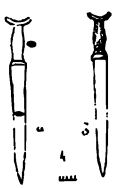

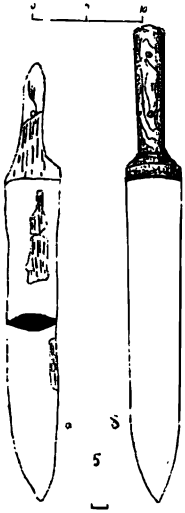

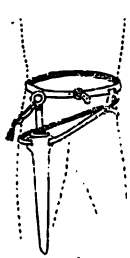

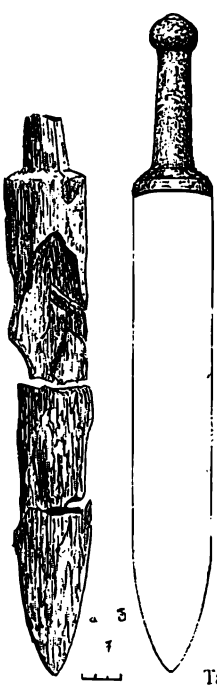

Табл. XI

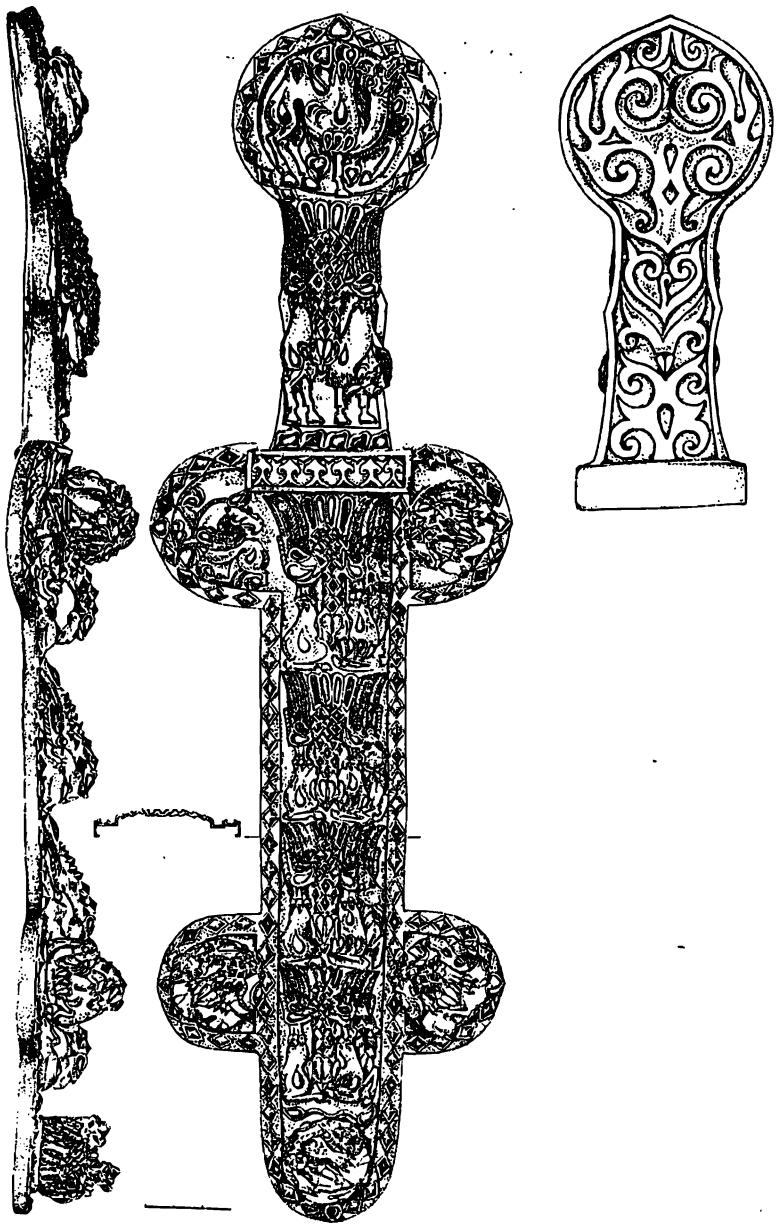

Табл.XII

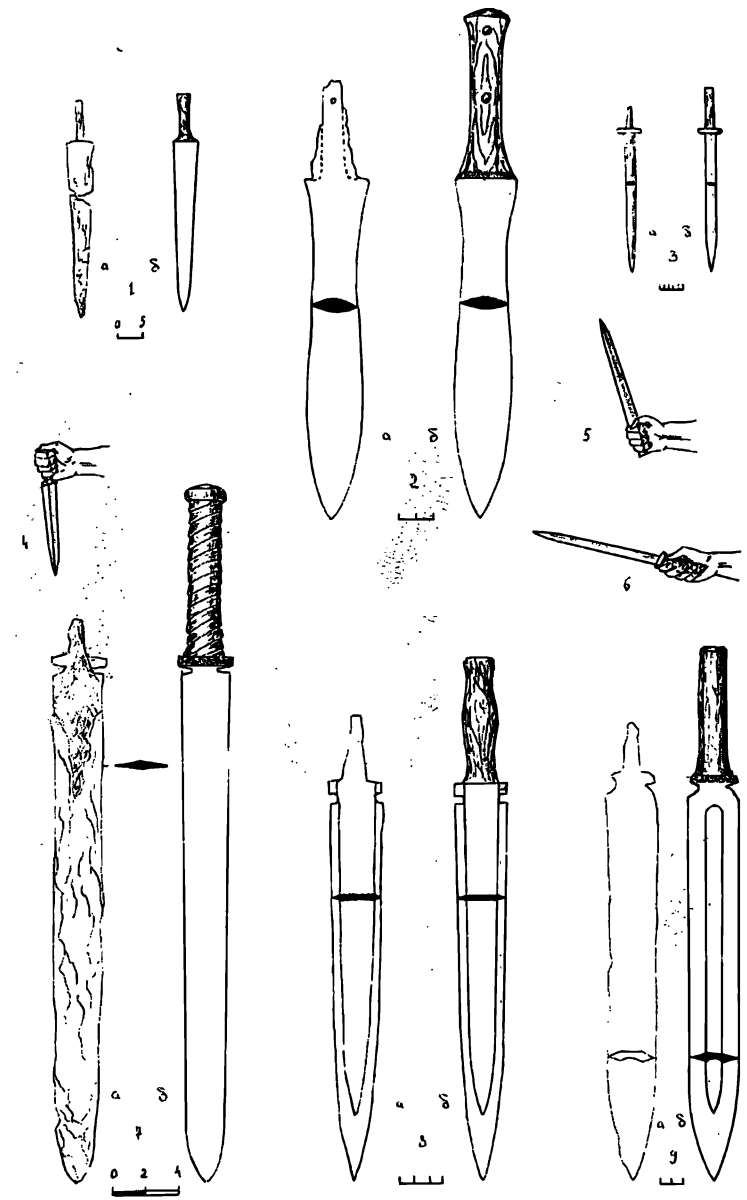
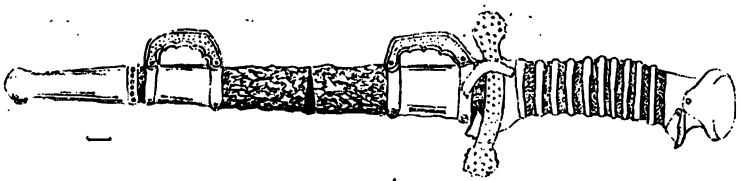
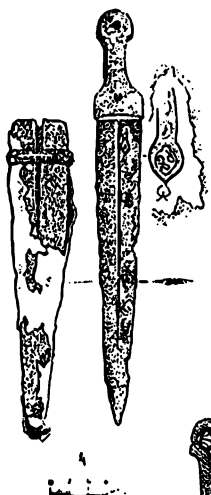

Табл. XIII

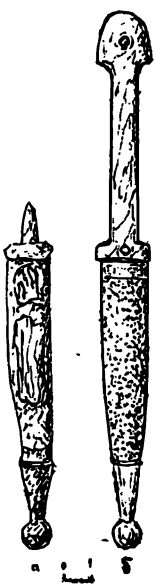
1

4

2

3

5

Табл XIV

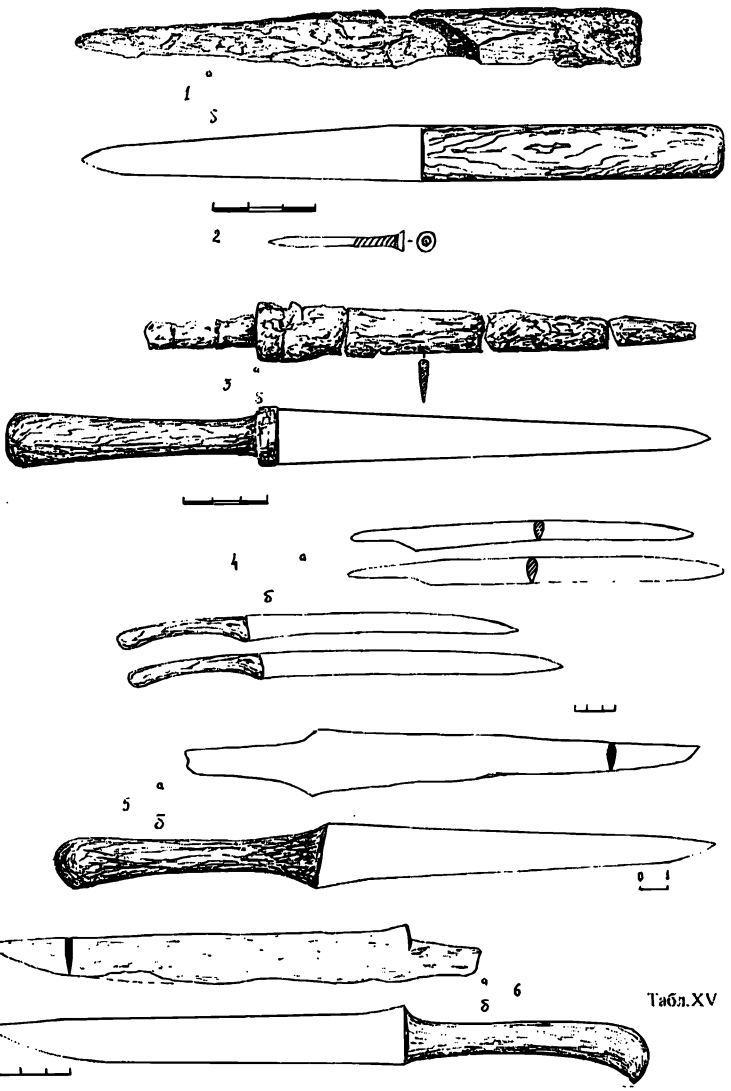

Табл. XV

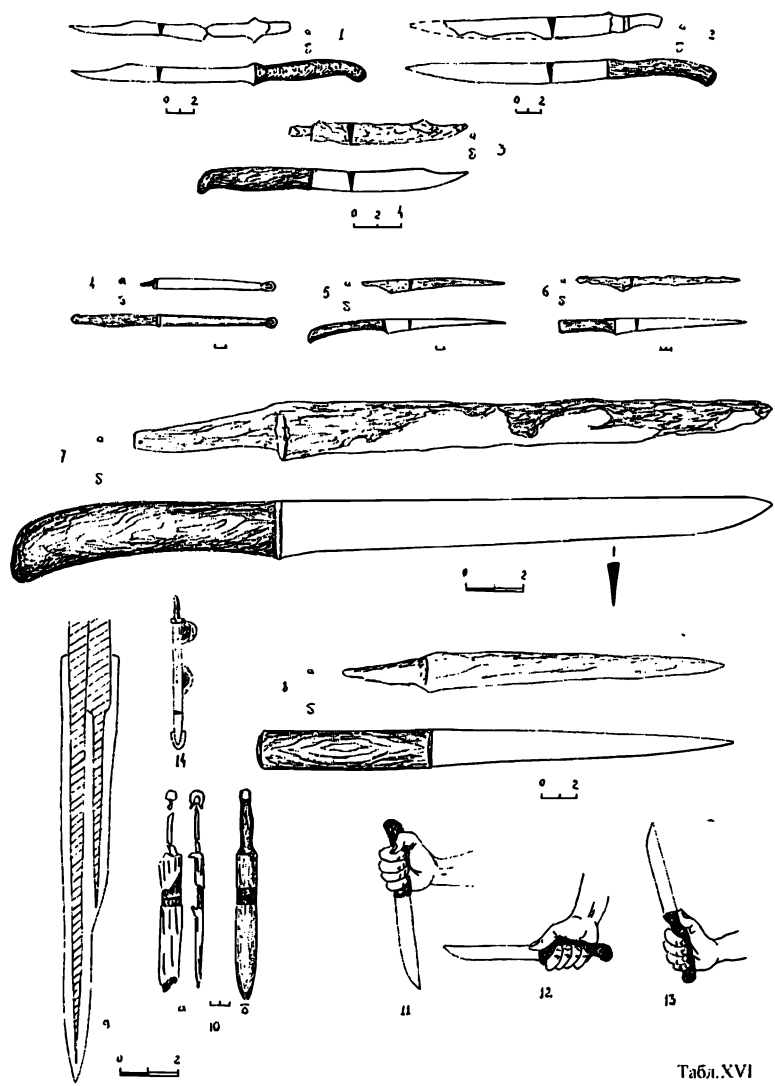
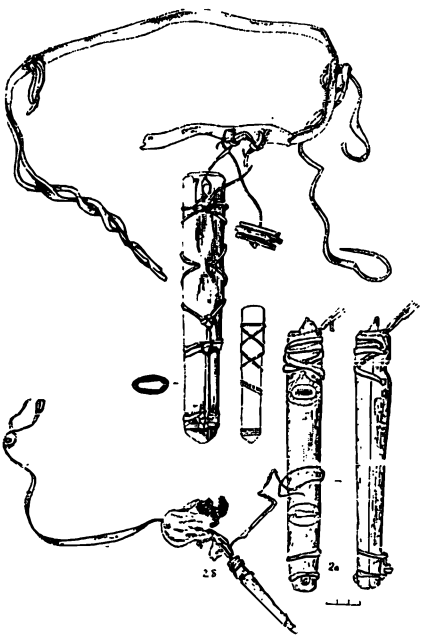
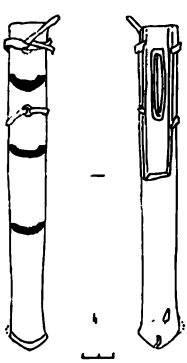
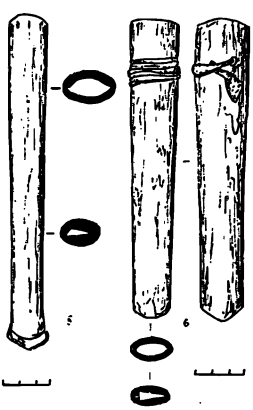

Табл.XVI

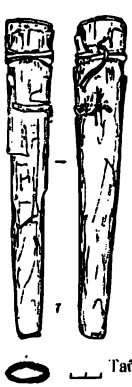

Табл XVII

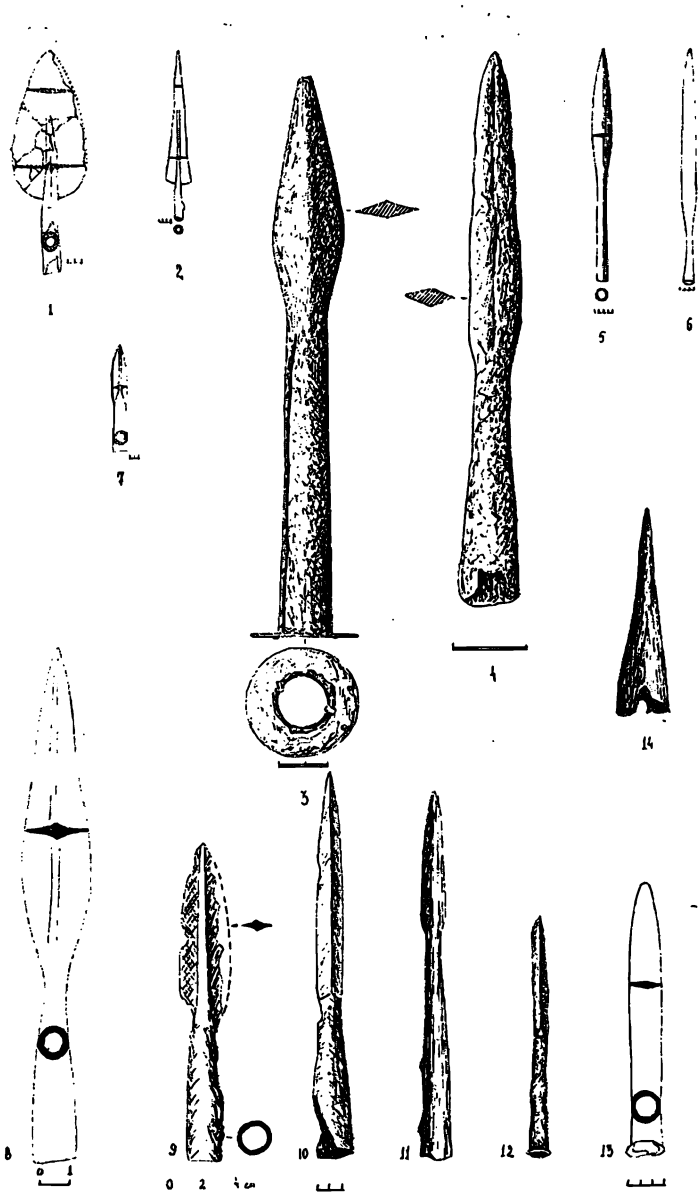

Табл. XVII

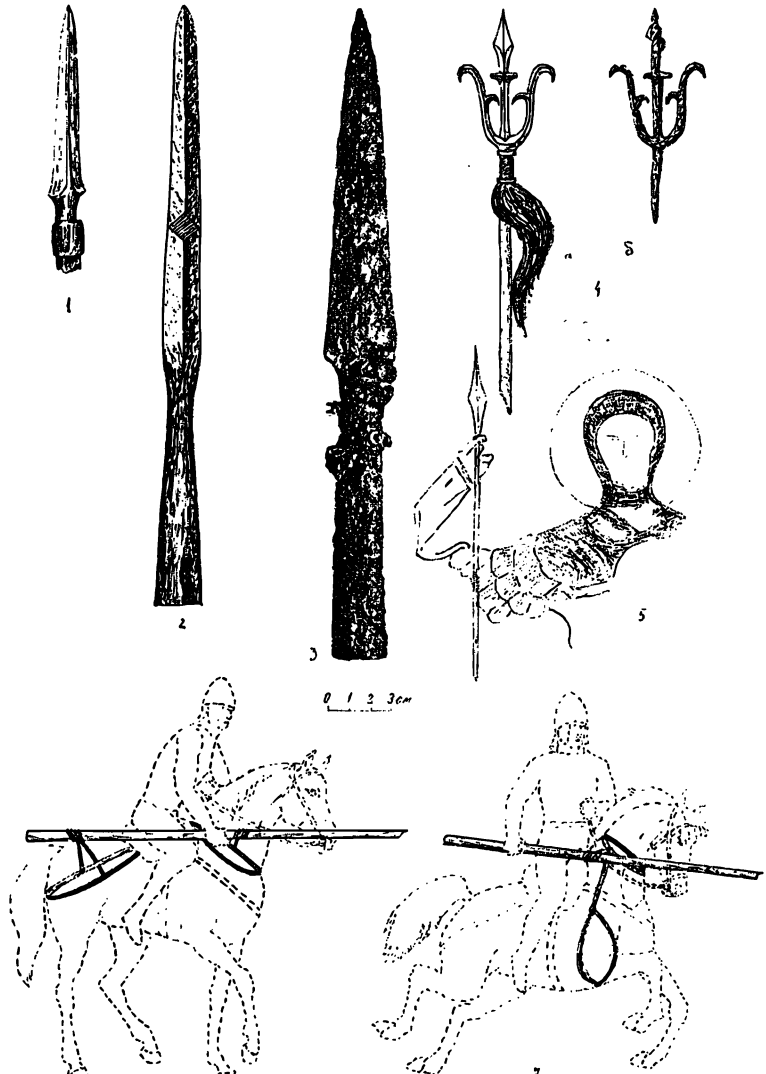

Табл XIX

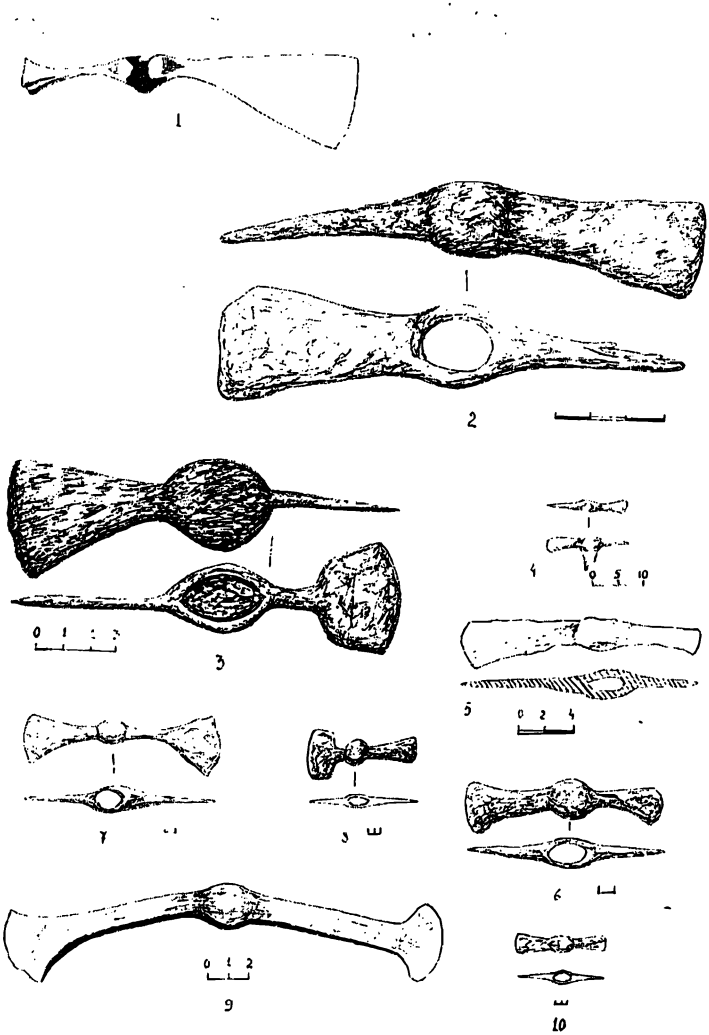

Табл. XX

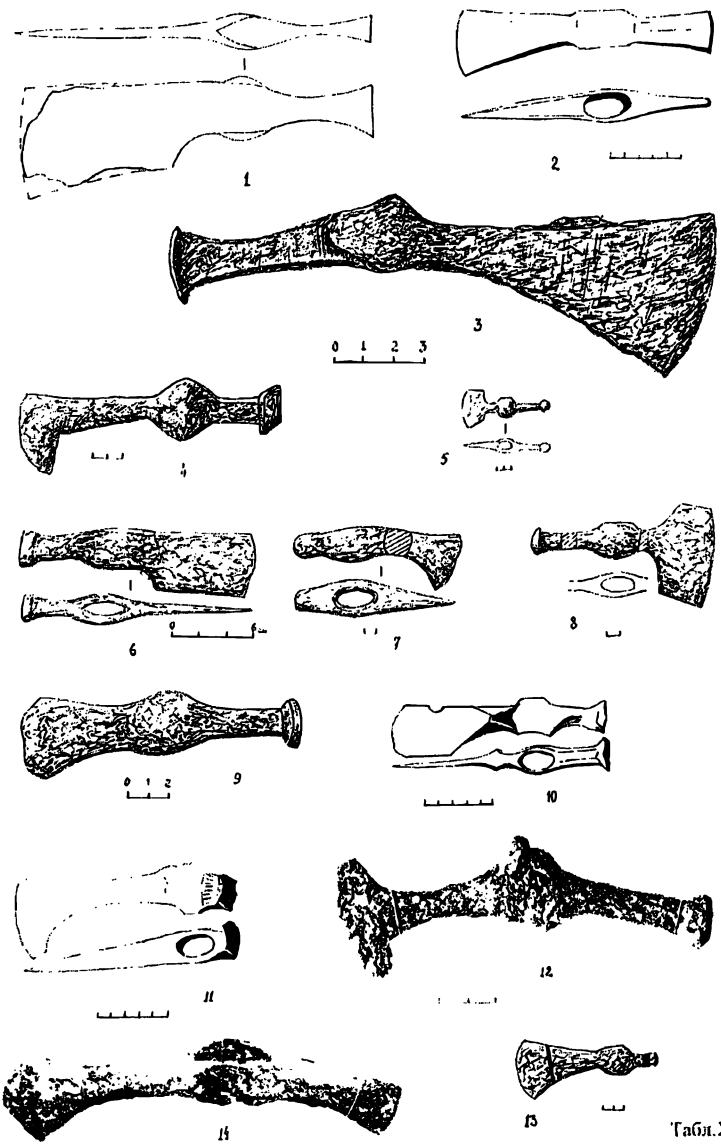

Табл. XXI

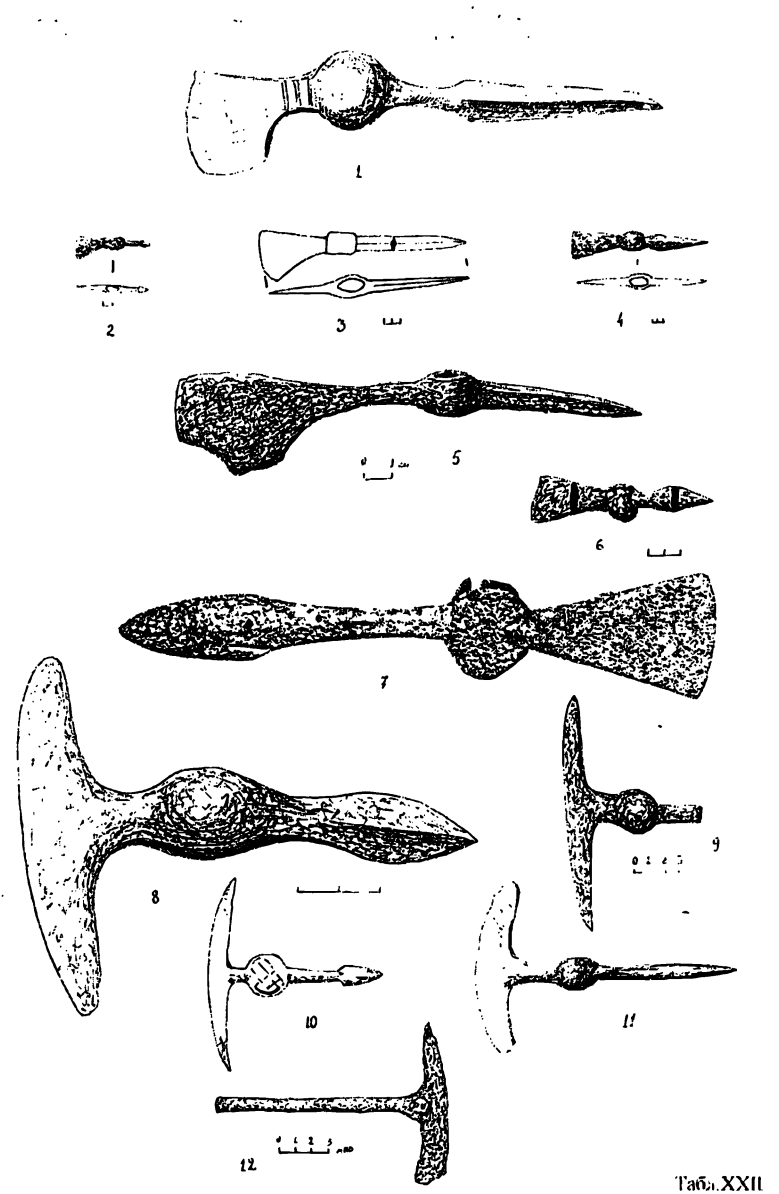

Табл. XXII

1

2

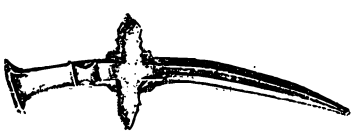
3

0 5

4

0 5

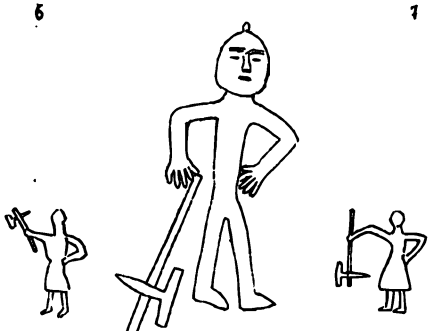
0 5

6

0 5

7

5

Табл. XXIII

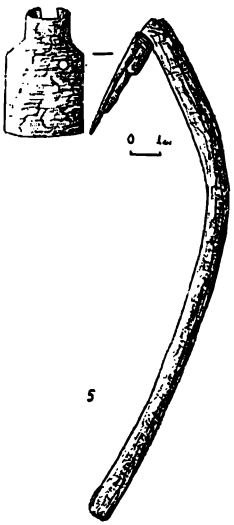

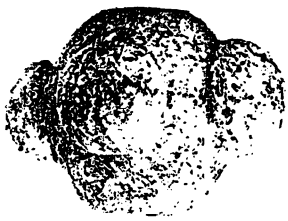

Табл.XXIV

1

3

2

4

5

8

6

7

Табл. XXV

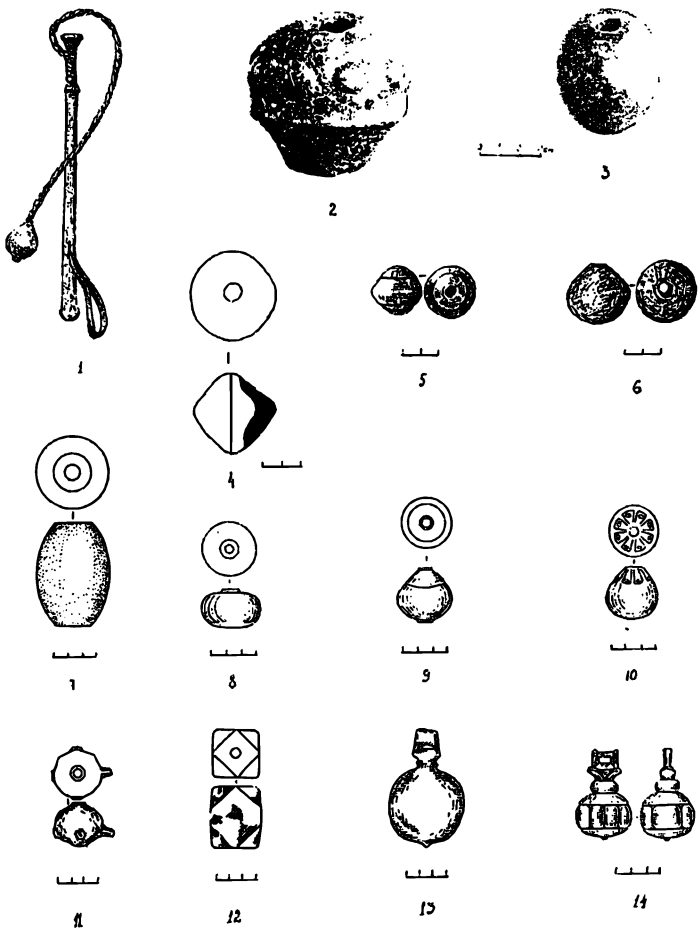

Табл. XXVI

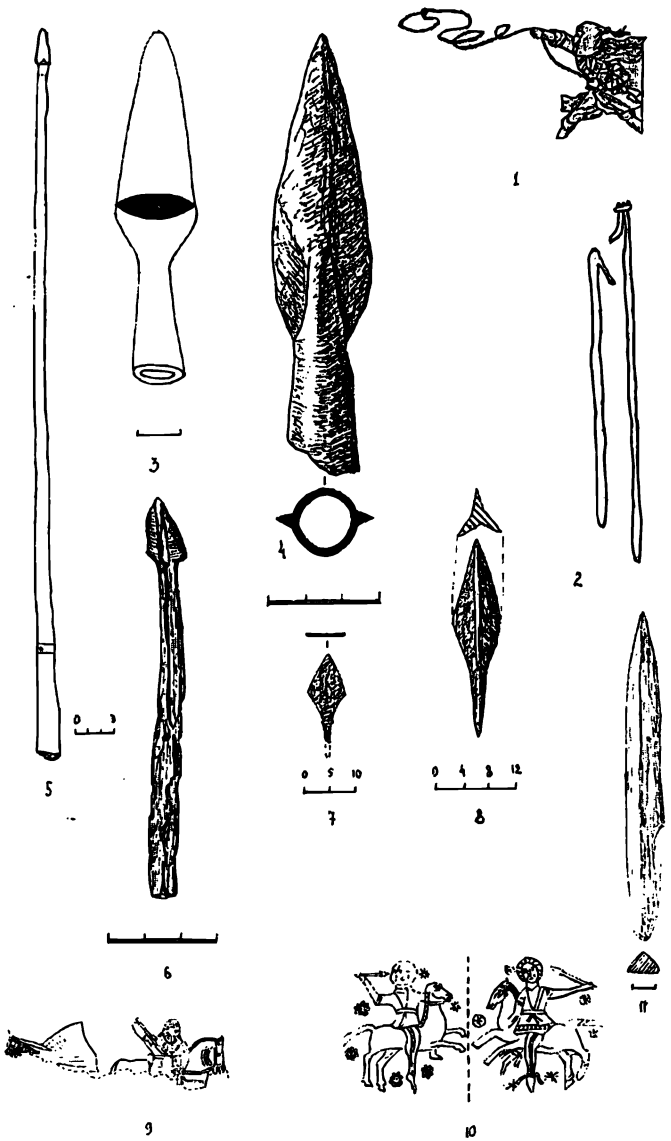

Табл.XXVII

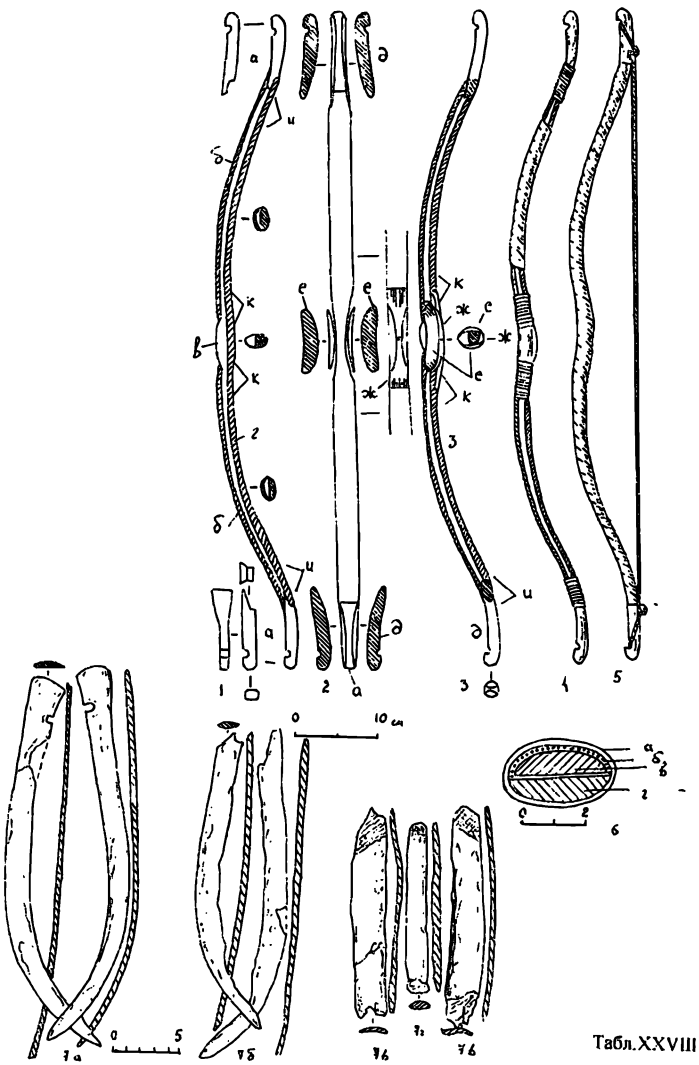

Табл. XXVIII

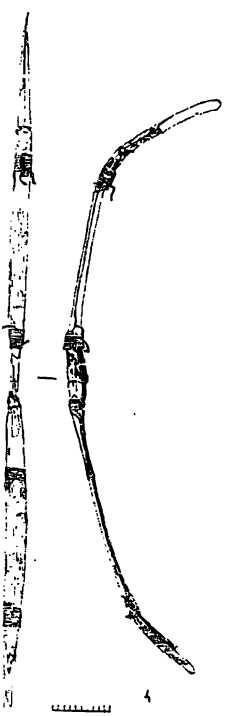
1

2

3

4

5

Табл. XXIX

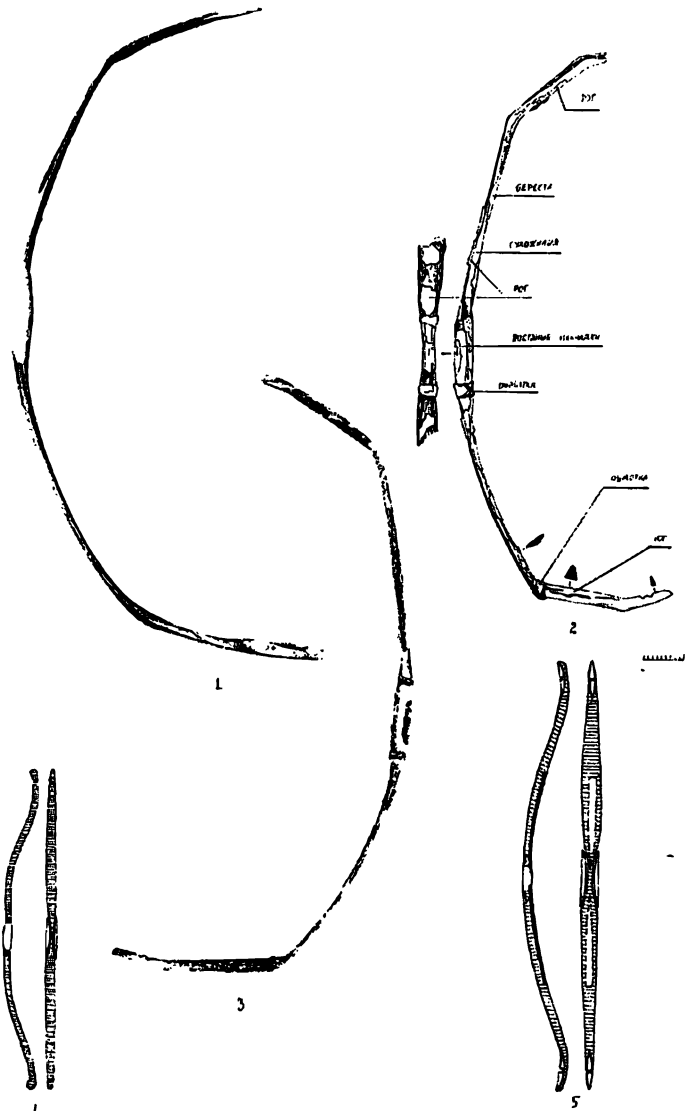

Табл. XXX

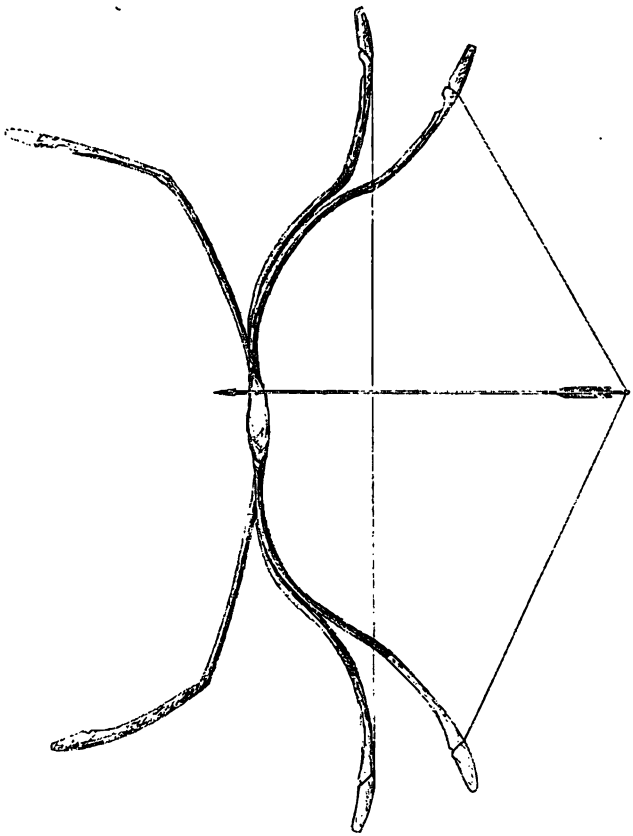

Табл. XXXI

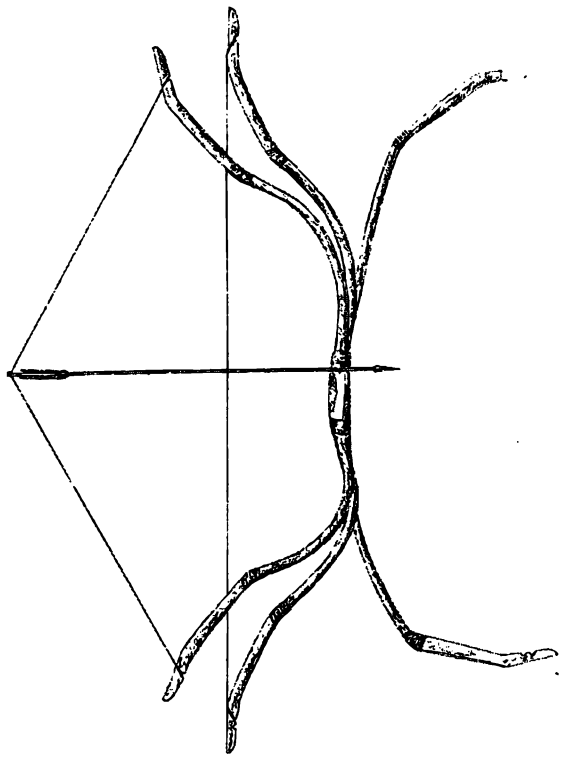
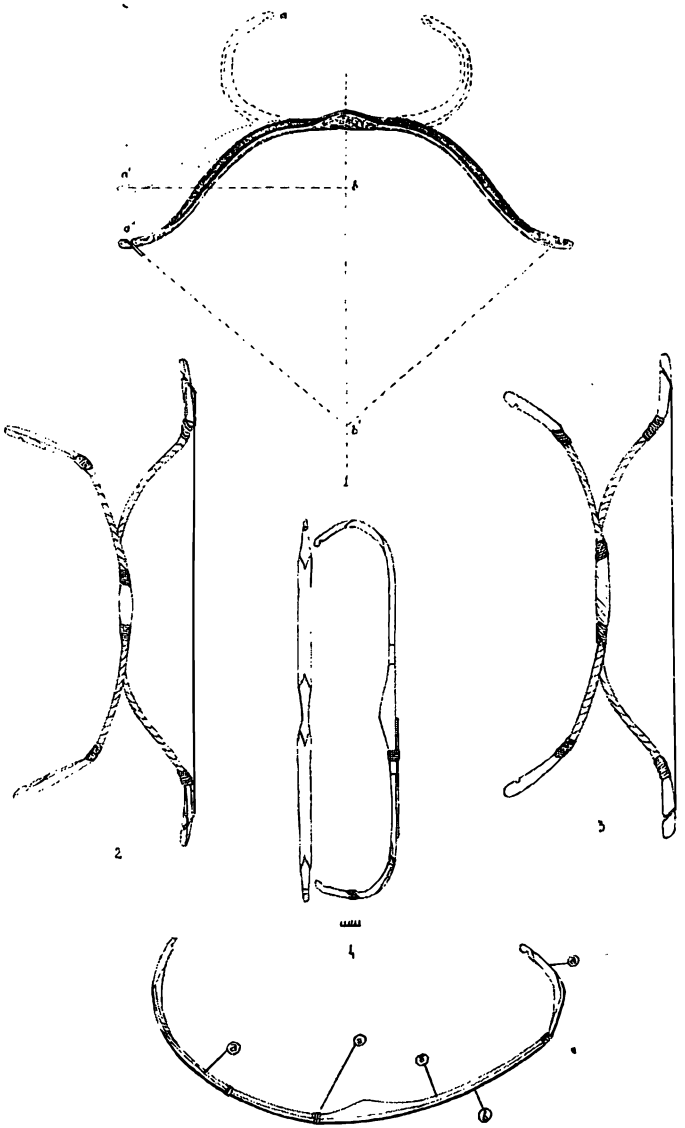

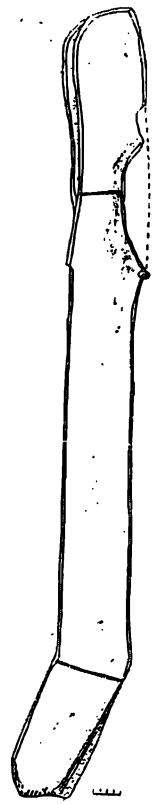
Табл. XXXII

Tabu XXXIII

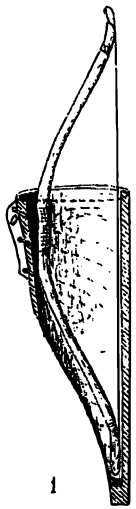

1

2

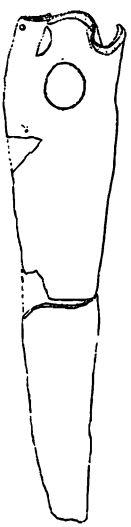
Табл.XXXIV

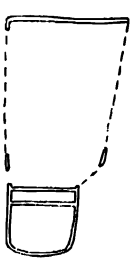

1

2

3

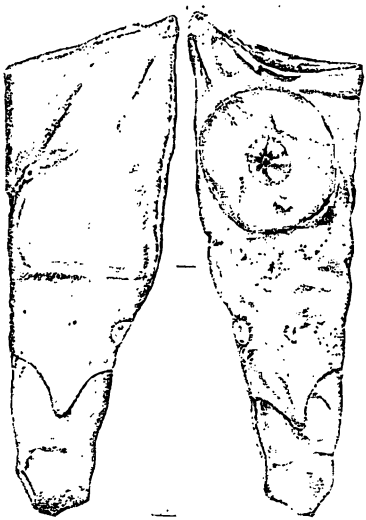

4

5

6

7

Табл.XXXV

1

2

3

Табл XXXVI

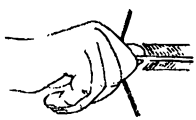
1

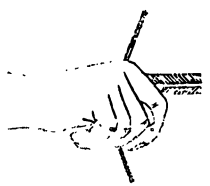
3

2

4

5

6

7

8

9

Таб. XXXVII

1

2

3

4

5

6

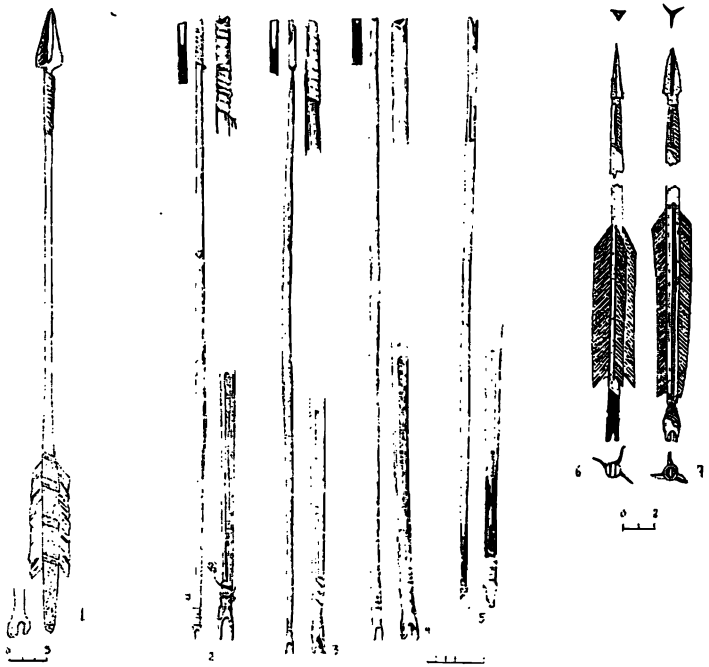

Табл. XXXIX

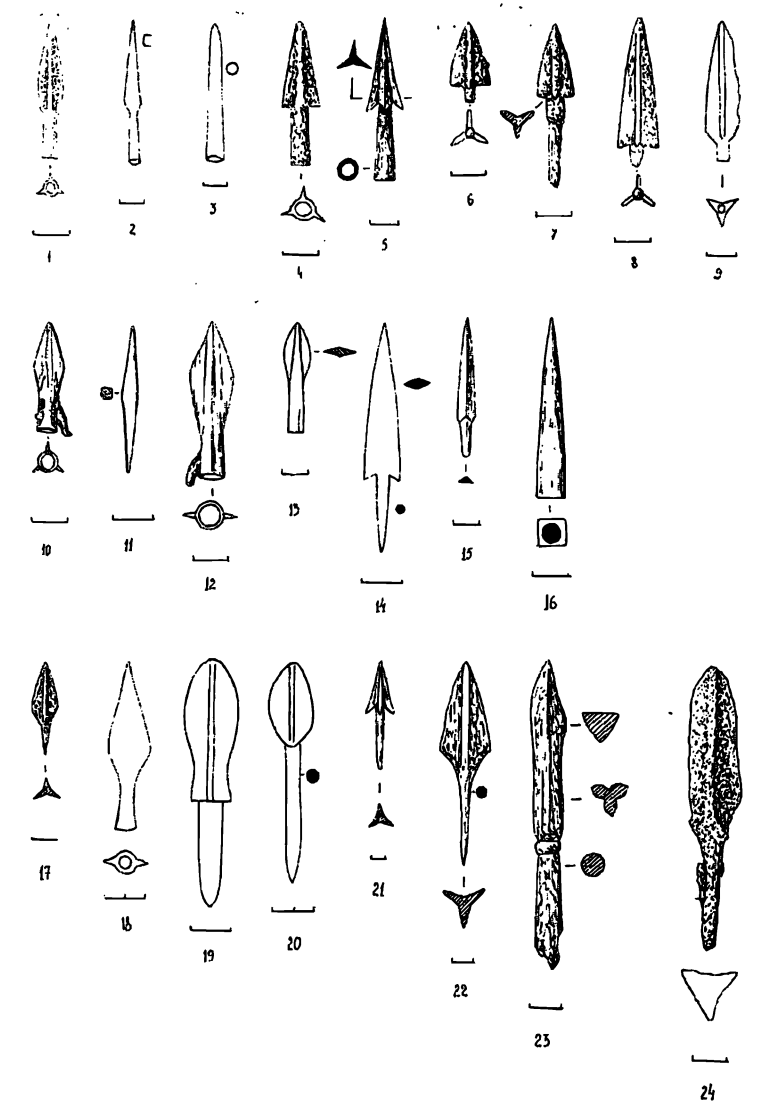

Табл XI.

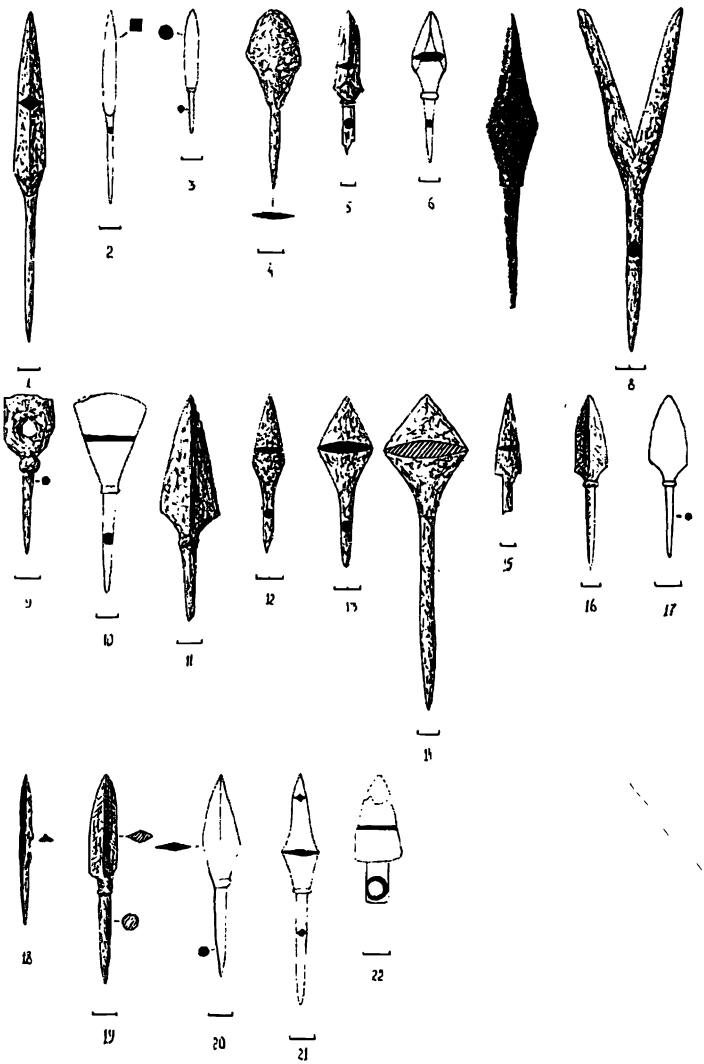

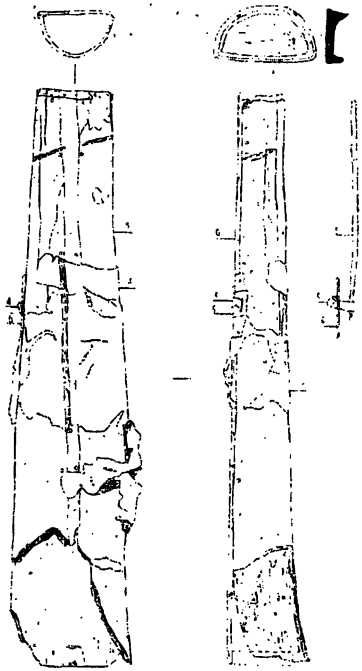
Табл. XLI

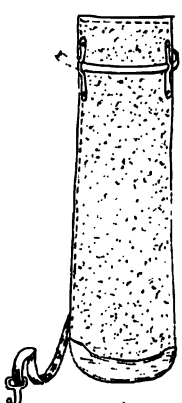
1

5

2

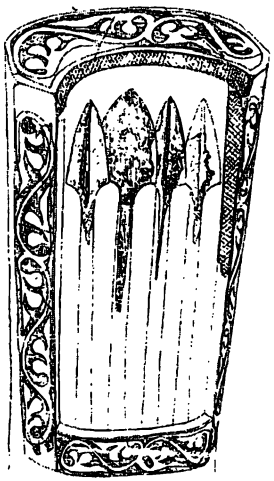

4

3

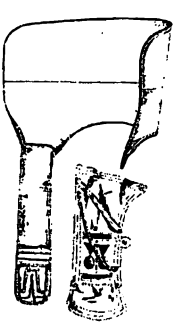
Табл. XLII

1

2

3 4

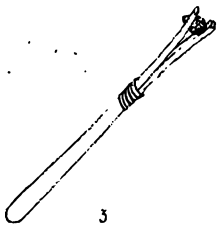
Табл. XLIII

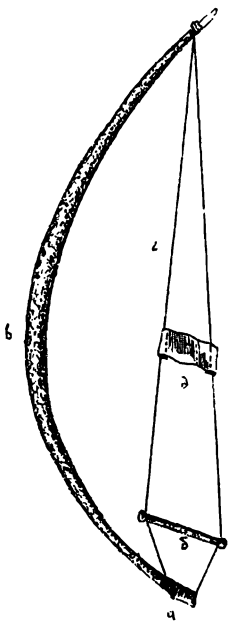
1

2

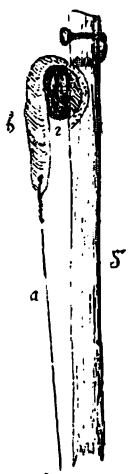
3

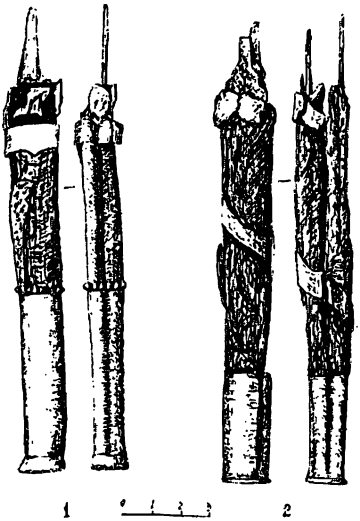
6

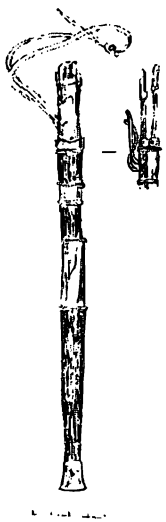

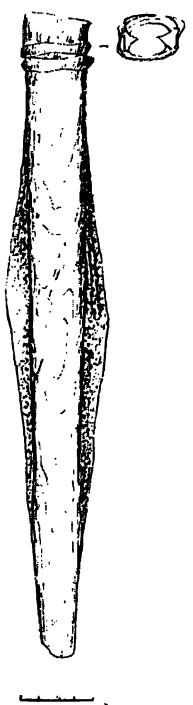
4

5

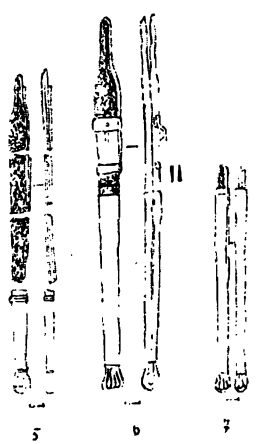

Табл. XLV

1

2

3

4

5

6 7

9

8

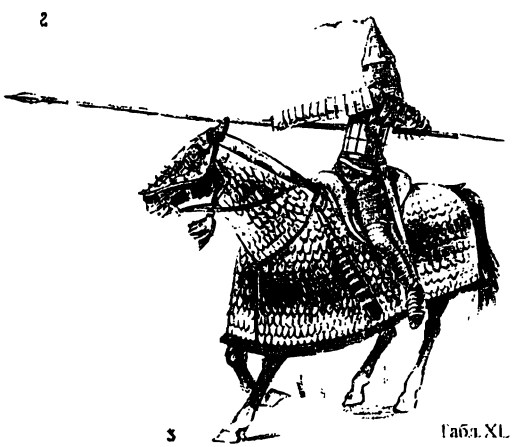
Табл. XLVI

1

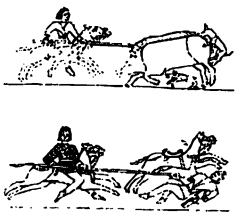

2

3

Табл. XLVII

1

2

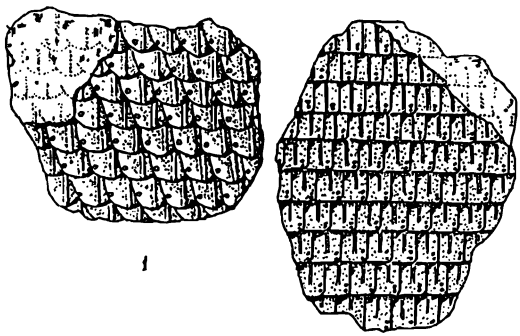

3

4

Табл. XLVIII

1

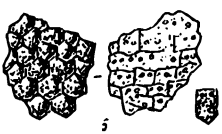
2

3

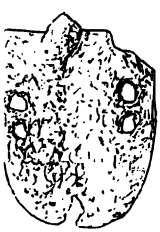
4

5

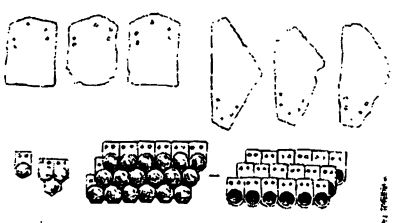
6

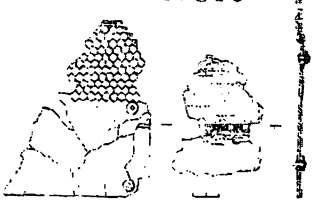

7

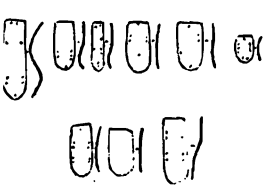

8

9

10

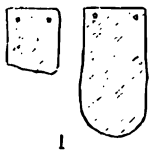

11

12

Таб LXLIX

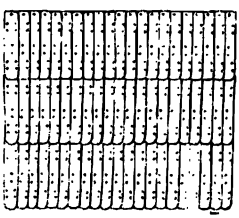
1

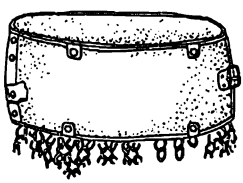
2

3

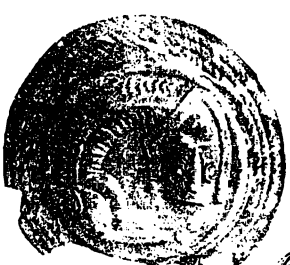

8

4

5

6

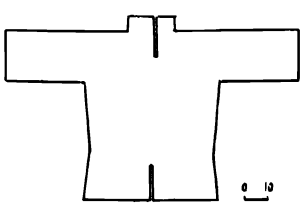

7

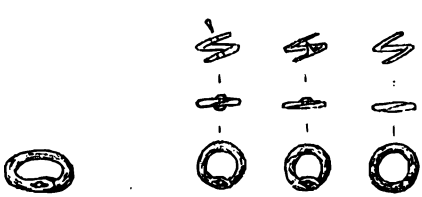
Табл.I.

1

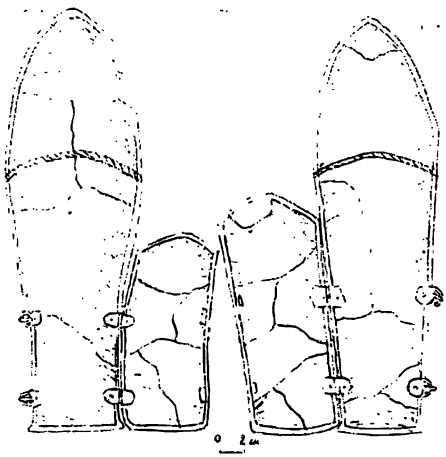

2

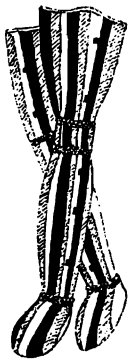

6 3 4 5

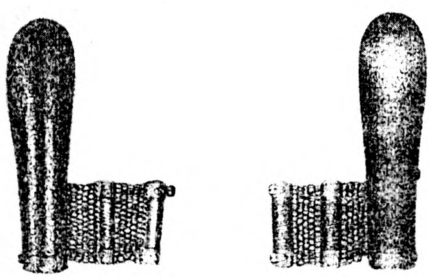
Табл. LI

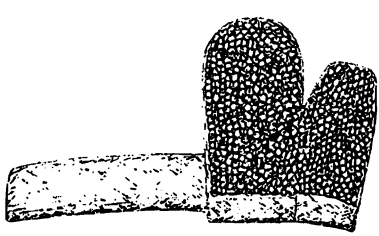
2

1

3

4

Табл. II

1

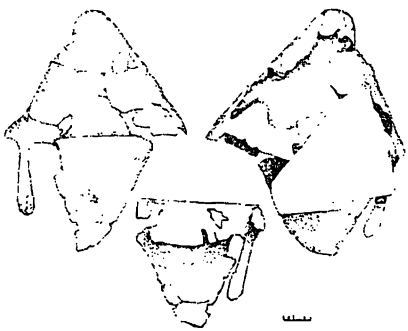
2

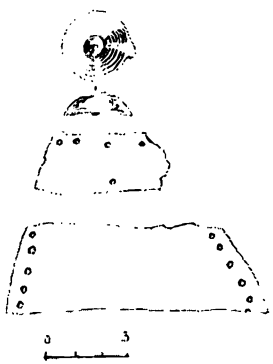
3

4

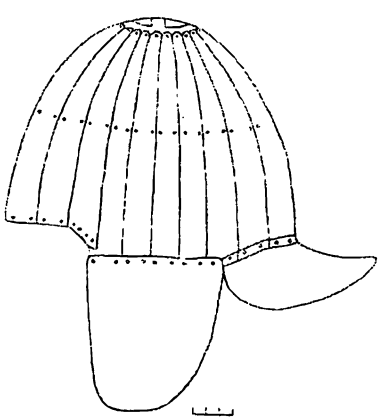
5

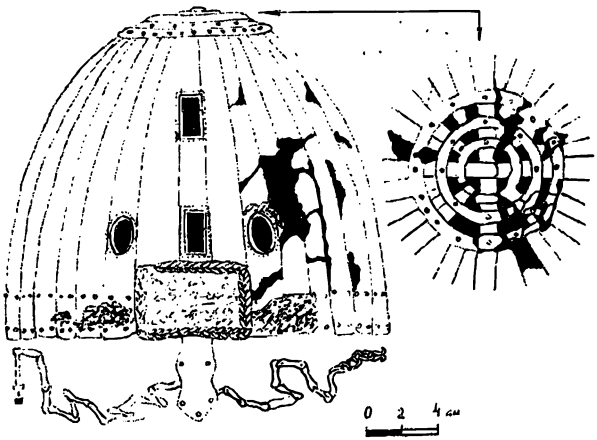
6

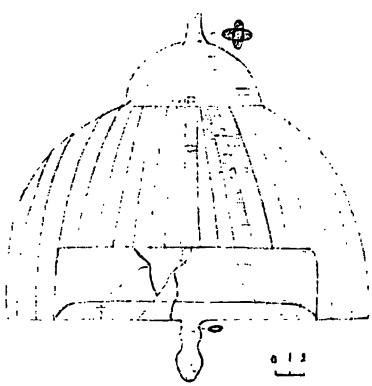
8

7

1

2

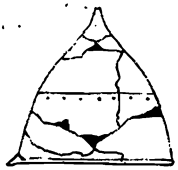
1

Табл. L. V

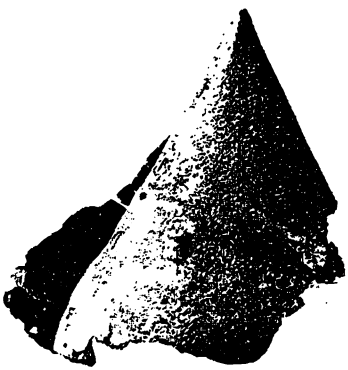
13 Заказ № 2621

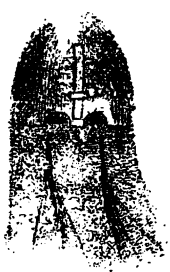
1

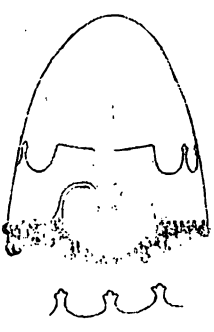
2

5

3

4

Табл.LVI

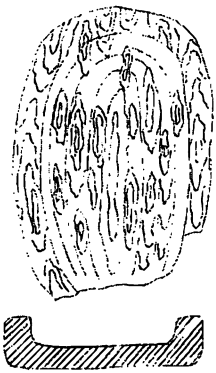
1

2

3

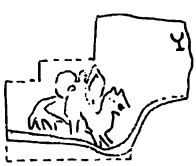
4

5

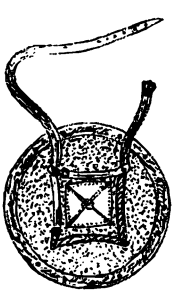
6

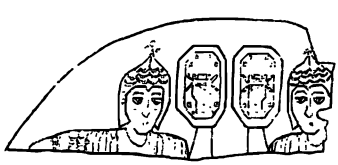
7

8

9

10

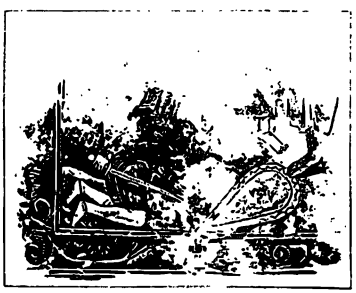
Табл. LVII

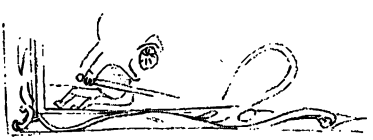
1

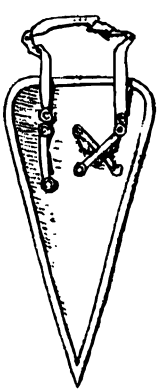
2

3

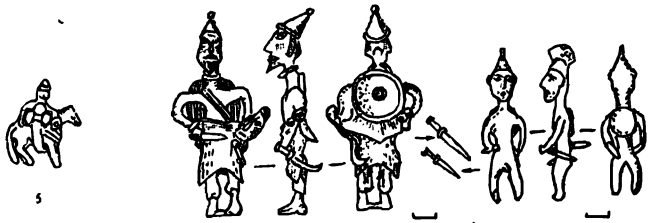
4

5

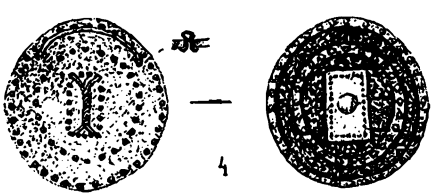
6

5 1 2

3

4

0 10 20

Табл.LIX

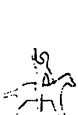
1

2

3

4

5

6

7

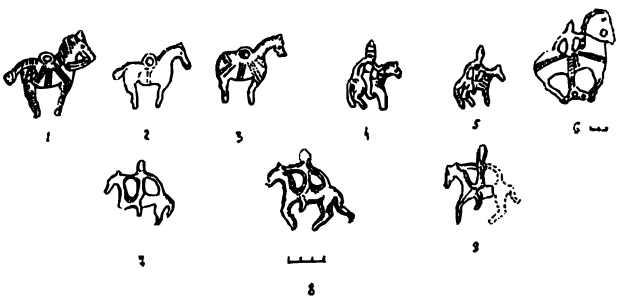

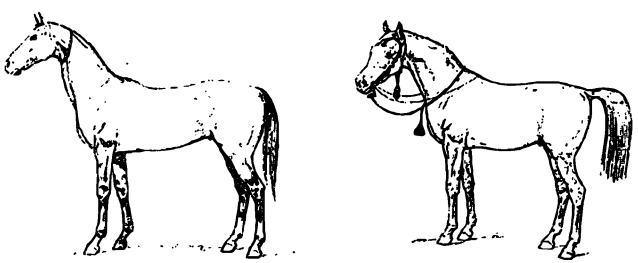
8

9

Табл.LX

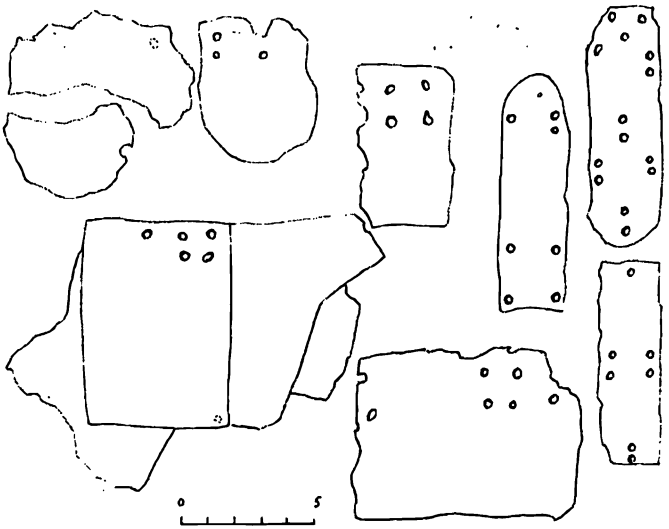

10 11

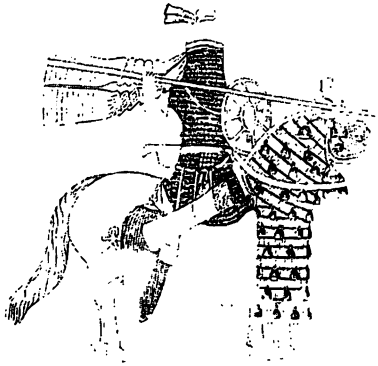

12

Табл. LXI

1

1

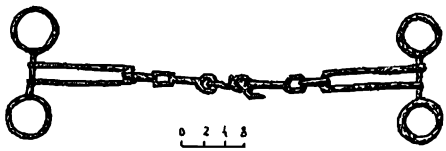

2

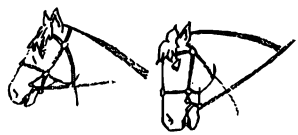

I

Табл.I.XIV

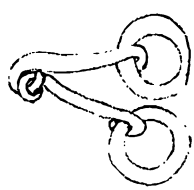

1

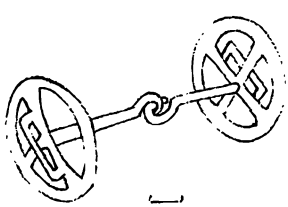

2 3

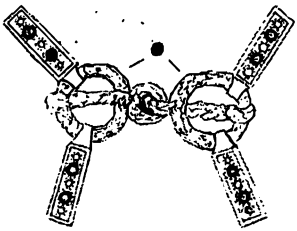
4

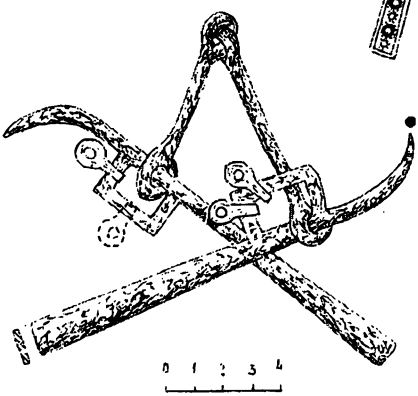
5

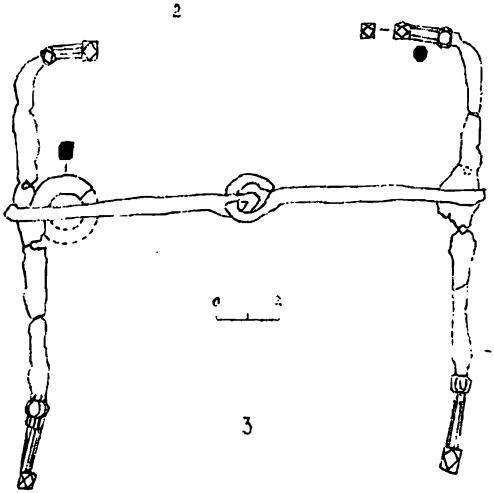
6

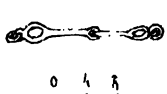
1

2

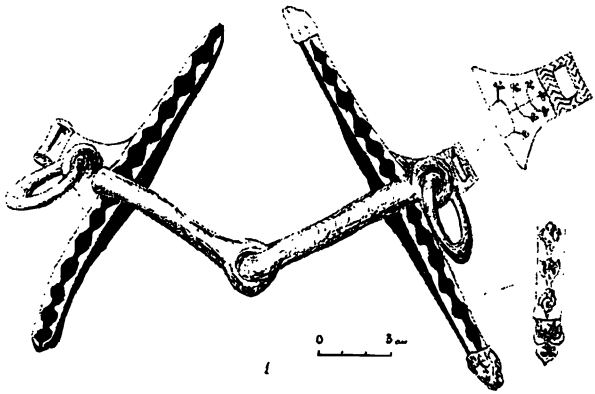

3

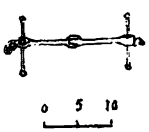

4

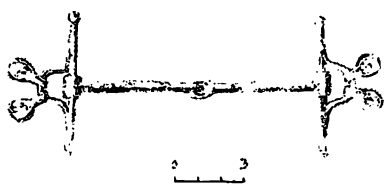
Табл. XVI

1

3

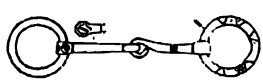
2

4

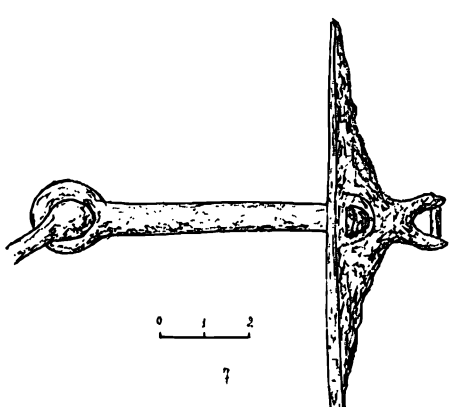
5

6

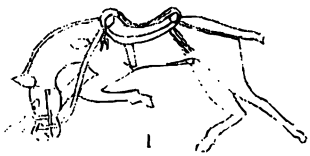

8

7

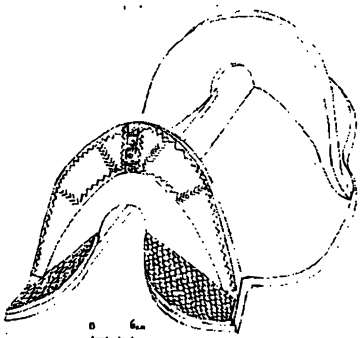
Табл. LXVII

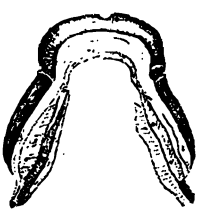
1

2

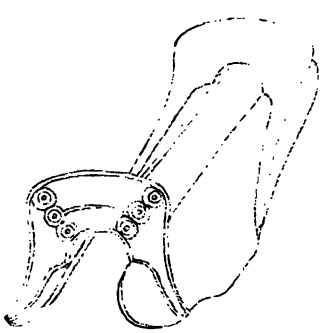
3

1

4

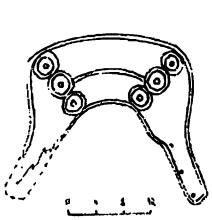

5

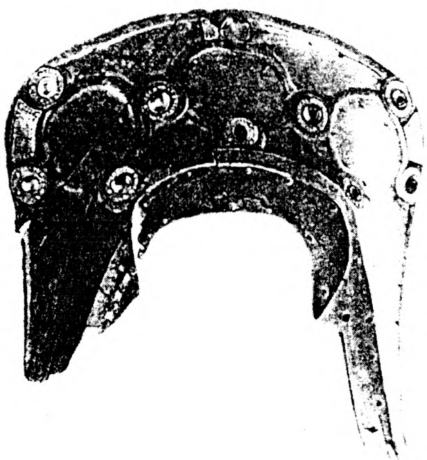

6

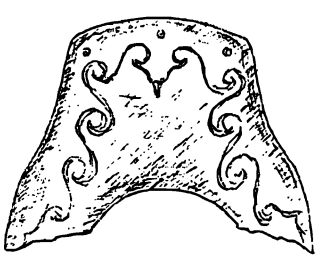
Tafel LXVIII

1

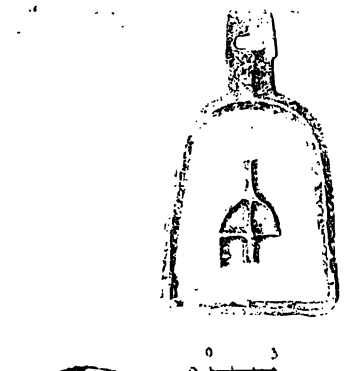

2

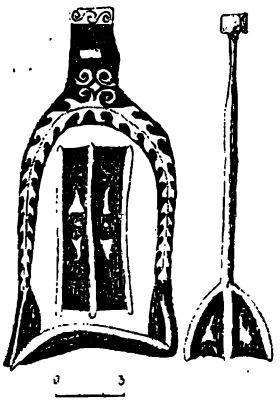

3

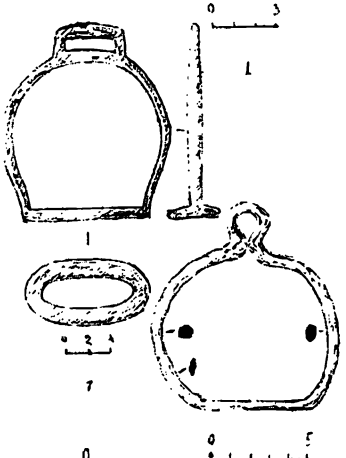
Табл LXIX

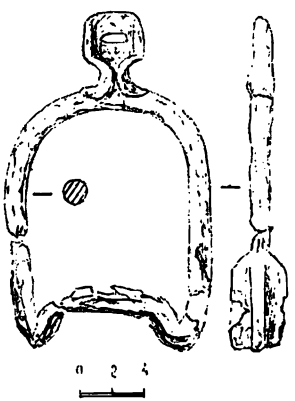
1

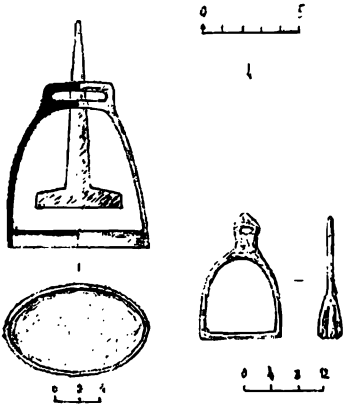
2

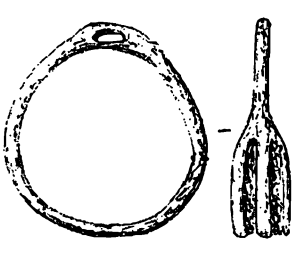
4

3

6

5

8

Табл.LXX

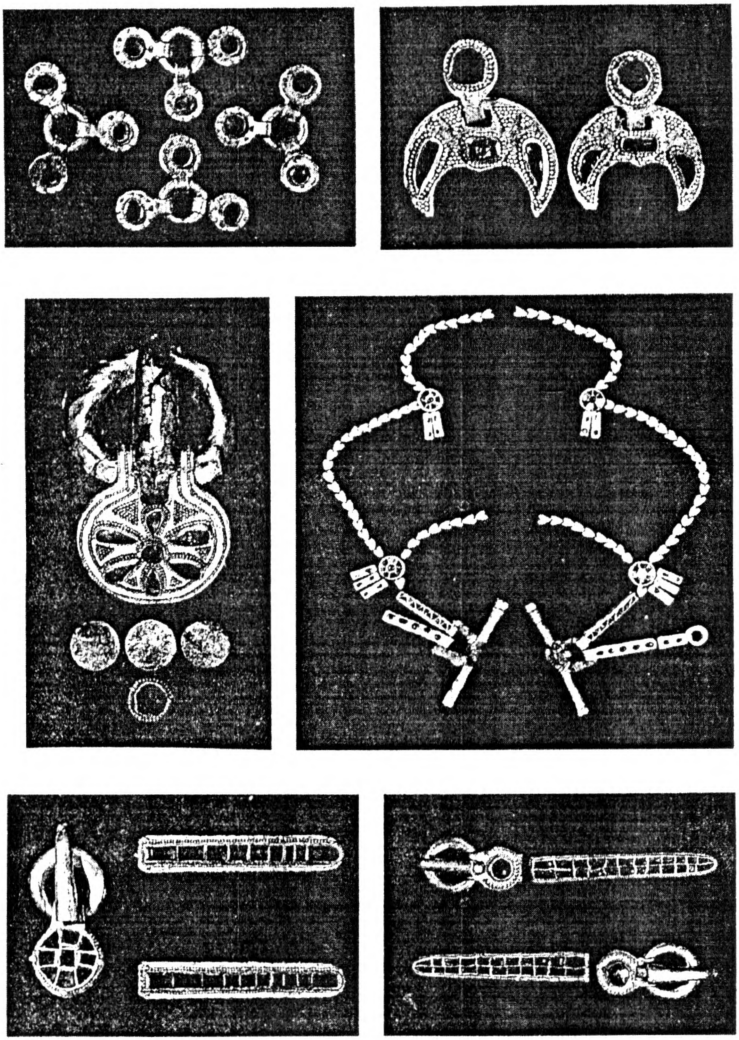

Табл LXXI

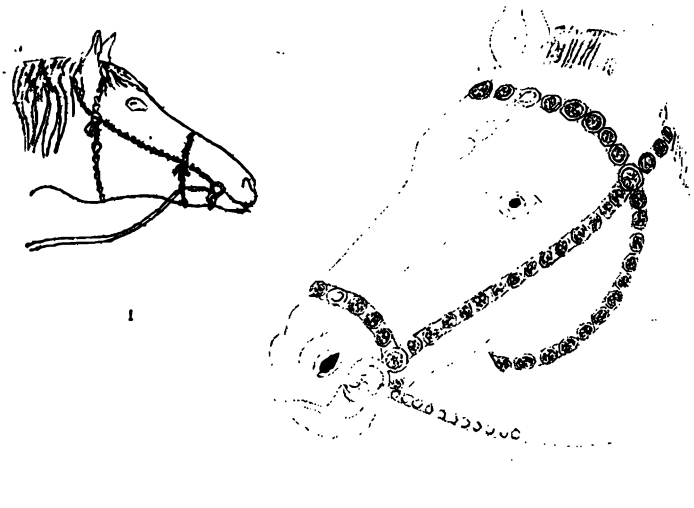
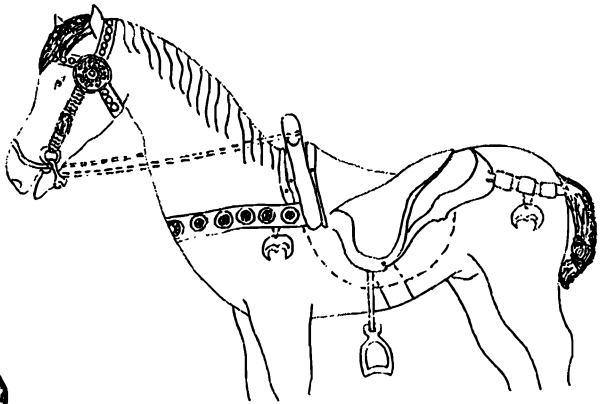

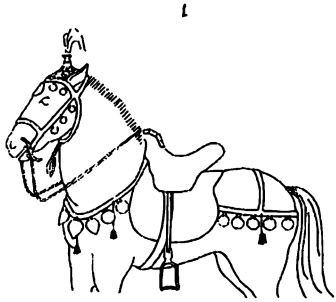
Табл LXXII

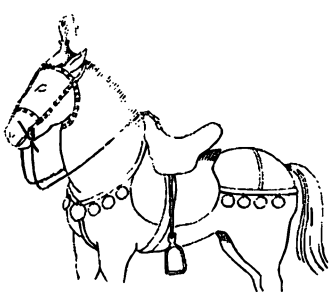
1

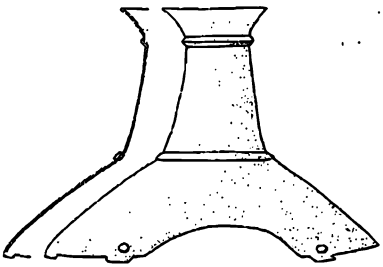
2

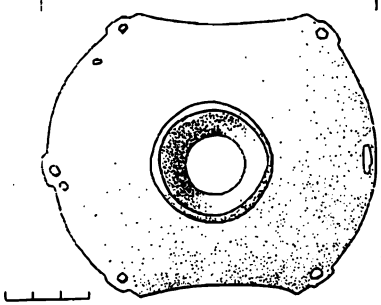

3

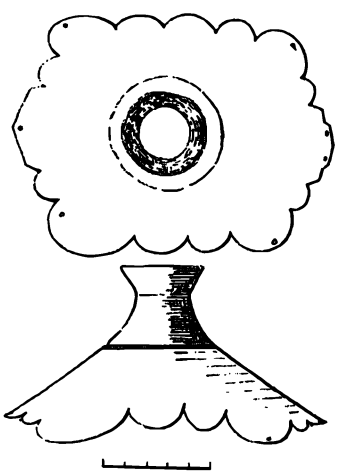

4

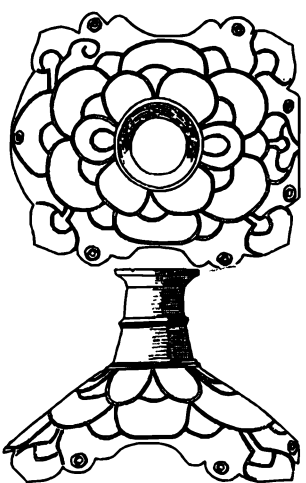

1

2

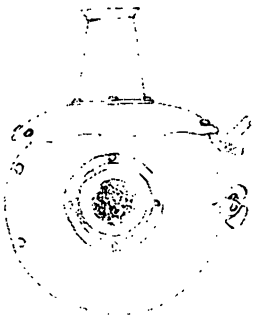

3

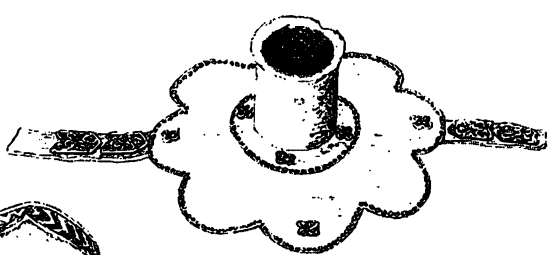
Табл.LXXIV

1

2

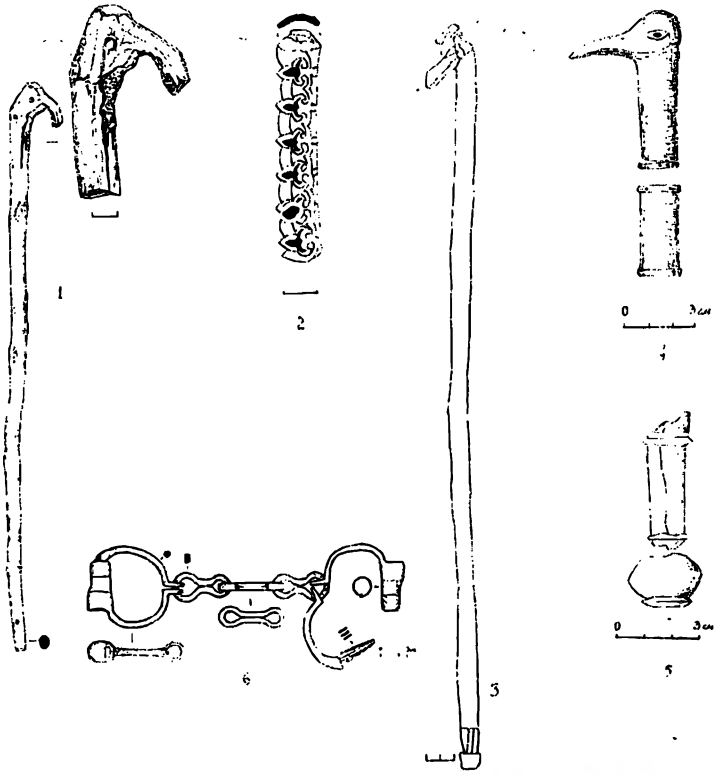

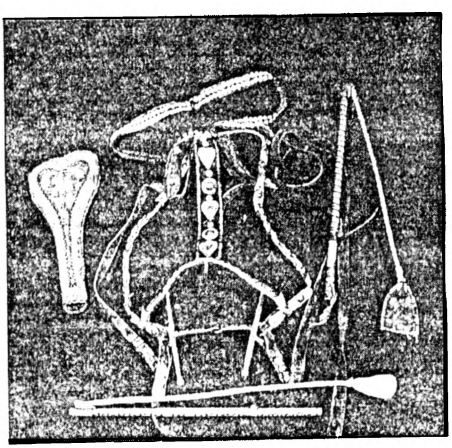
3

4

Таб.LXXV

7

Таб.LXXVI

5

6

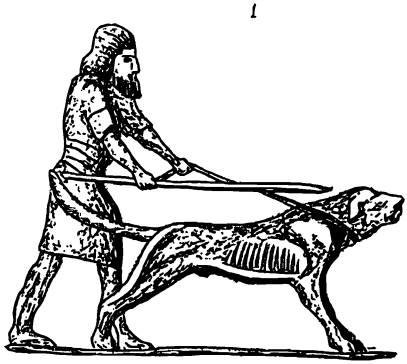
7

8

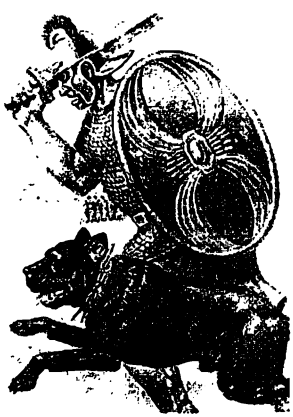
1

2

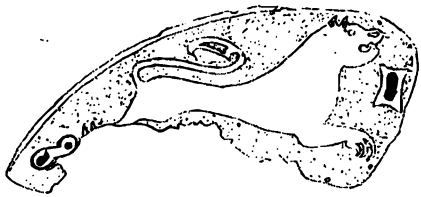

3

4

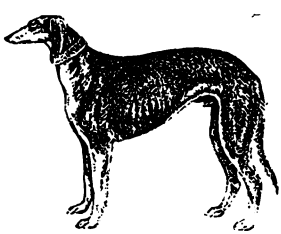
Табл.LXXVII

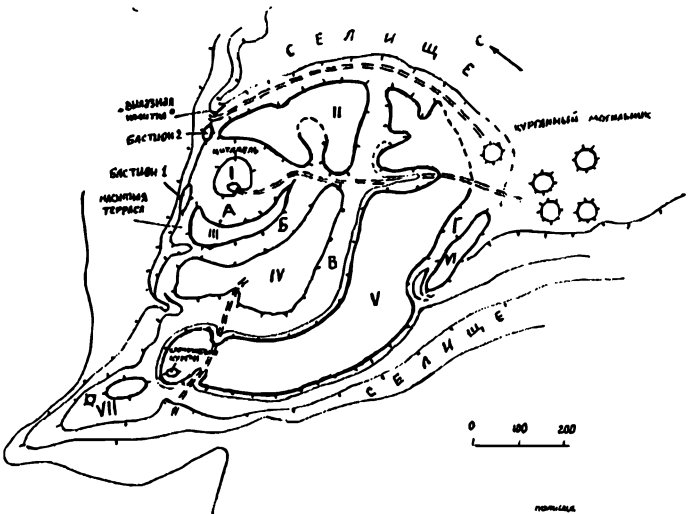
1

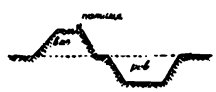
2

3

1

2

3

4

Табл. LXXIX

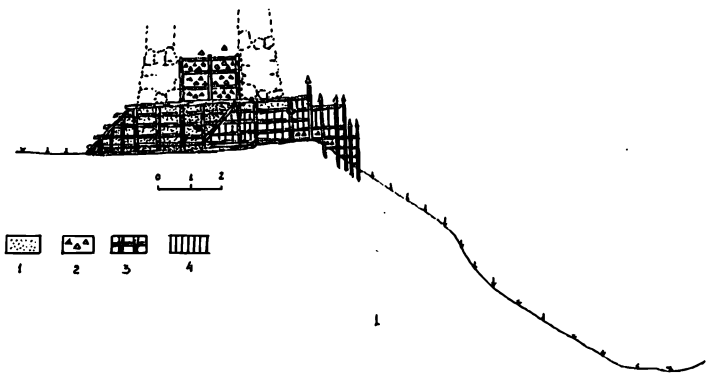
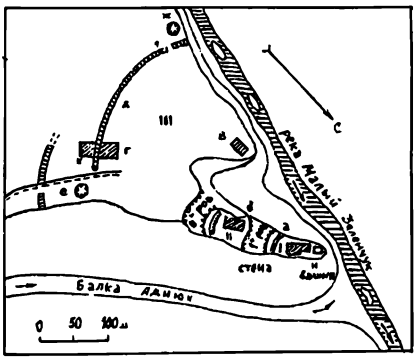
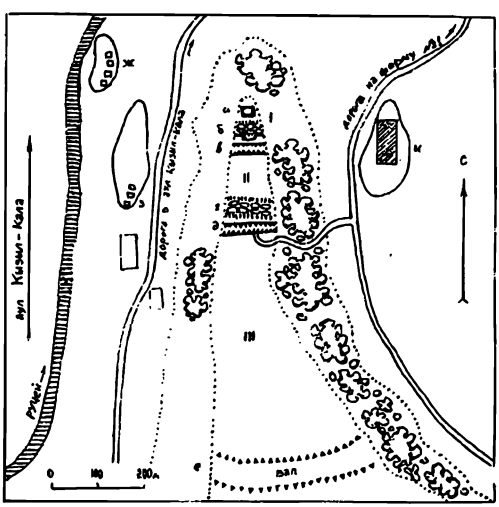

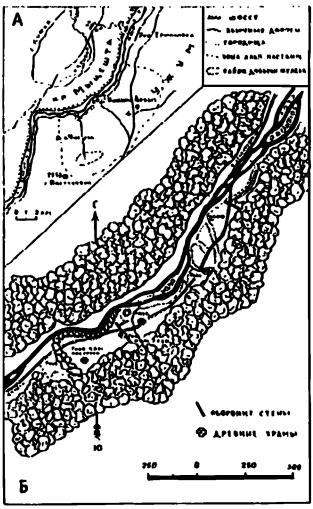
Табл. LXXX

Ж
А
181
Г
Е
Б
В
Д
Стена
Башня
С
река Малый Зеленчук
балка Ланюк
0 50 100 м

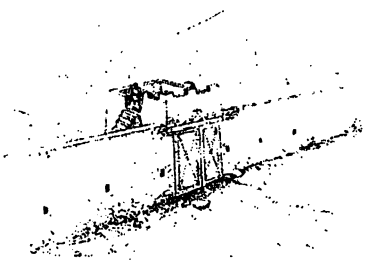
1

Ж
Дорога в ст. Кумская
Дорога на ферму
К
С
I
II
III
вал
ров Кызыл-Кала
0 100 200м

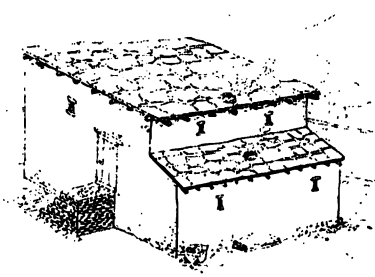
2

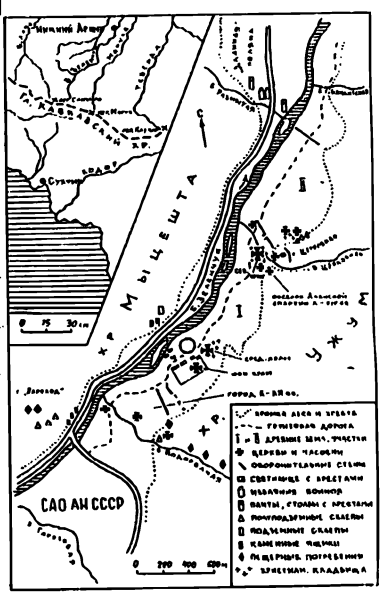
1

2

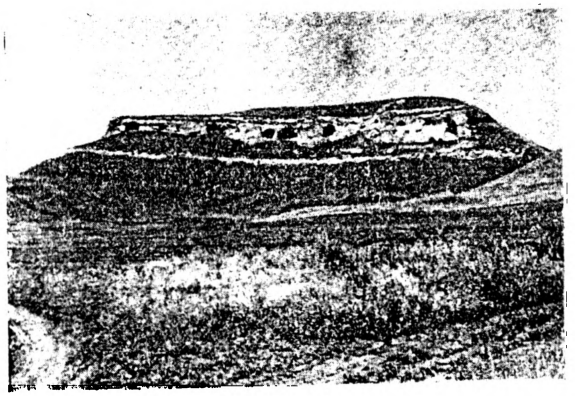

3

4

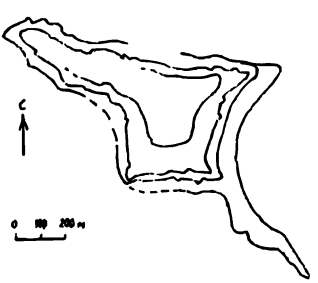
Табл. LXXXII

1

2

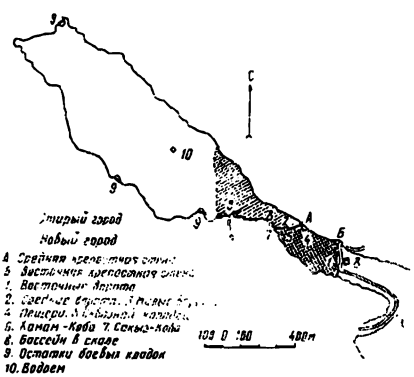

3

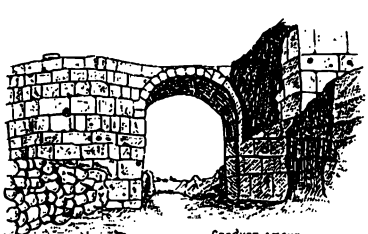
Табл.I.XXXIII

1

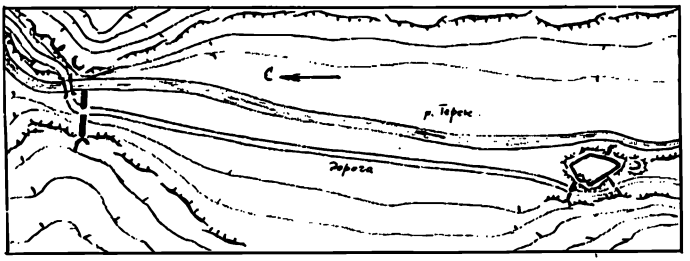

2

3

Табл. LXXXIV

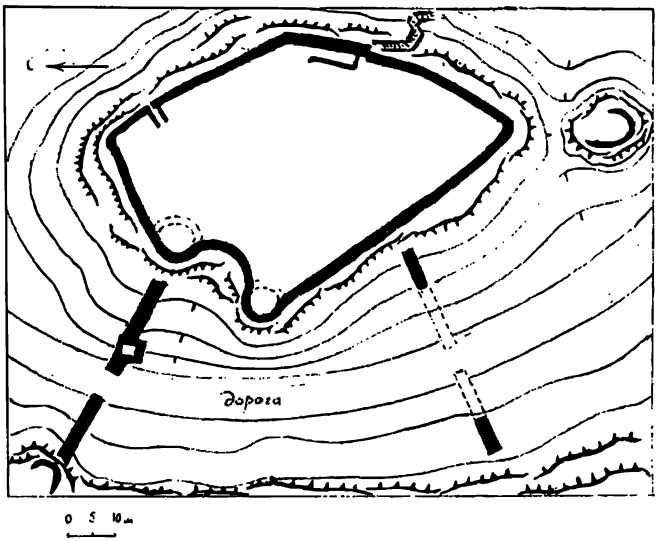

0 1 км

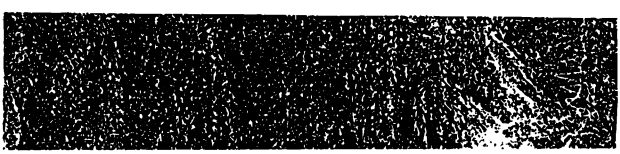
1

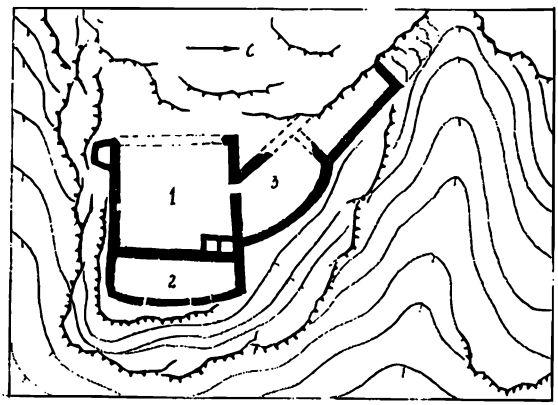

2

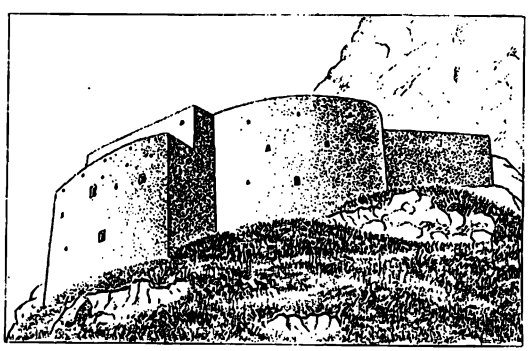
1

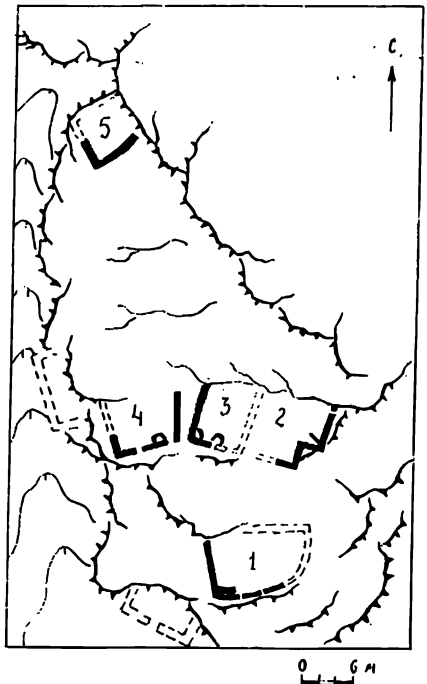

0 4м

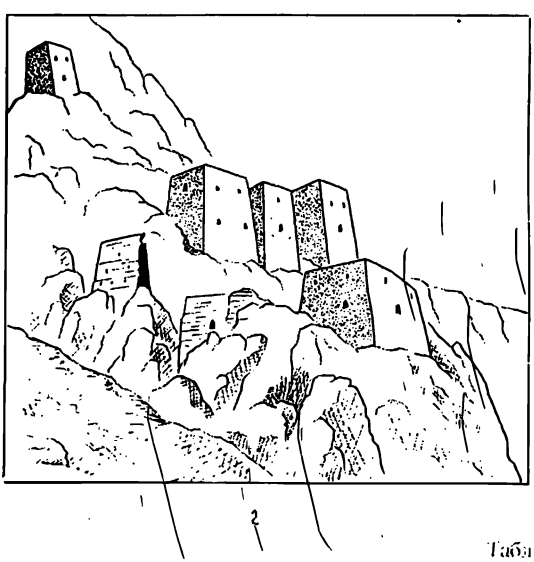
1

2

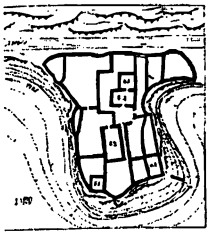

1

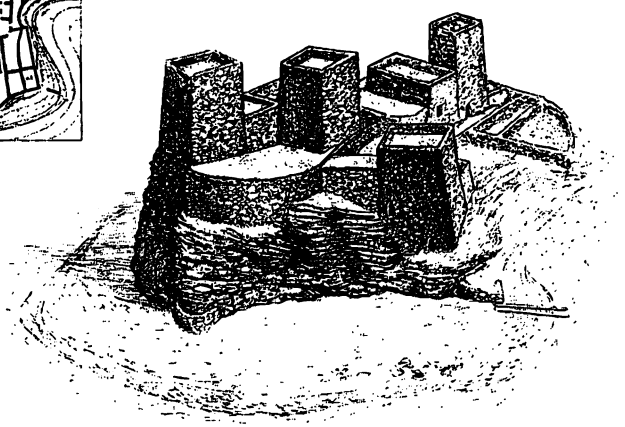

2

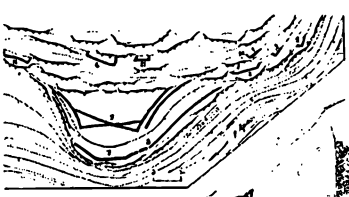
Табл. LXXXVIII

2

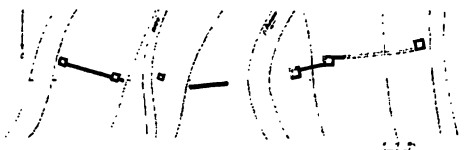
1

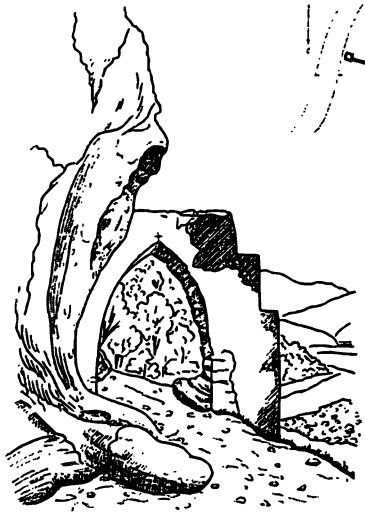
2

1

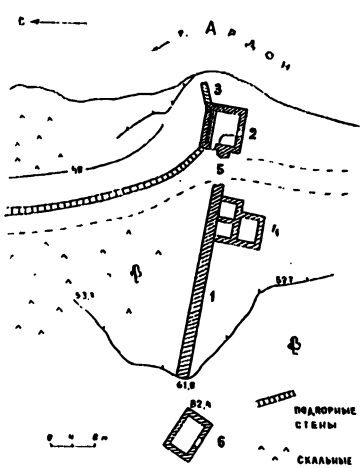

1

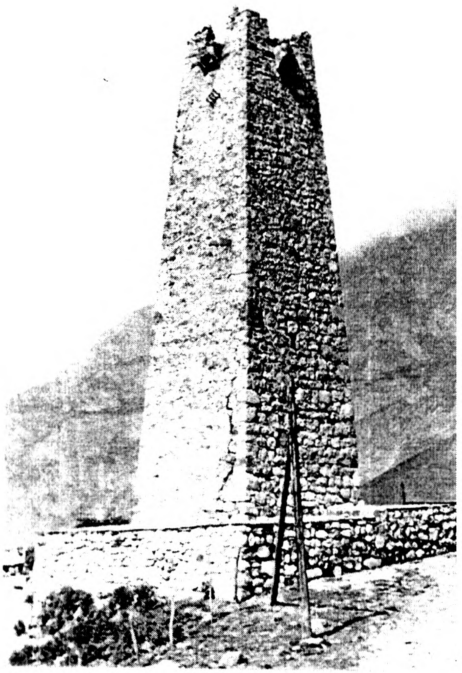

2

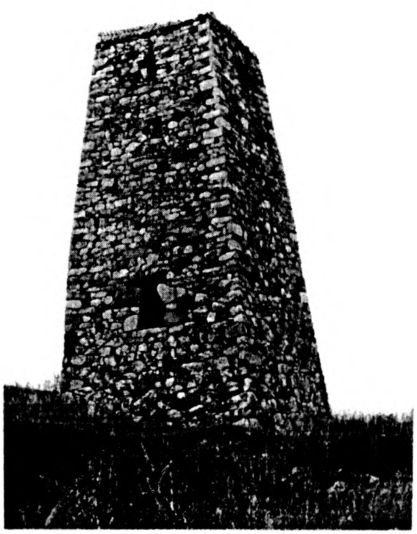

3

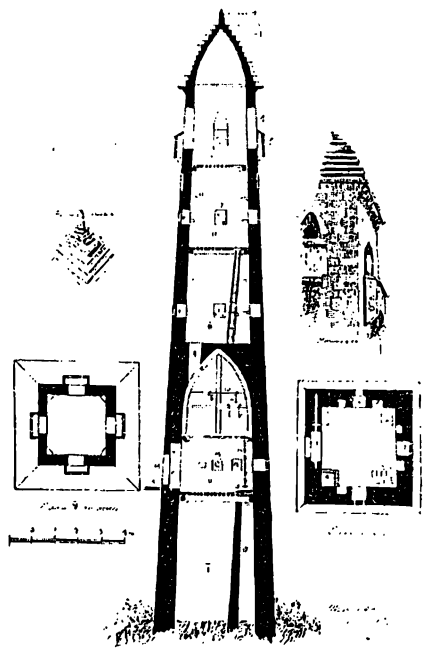
Табл. XCI

1

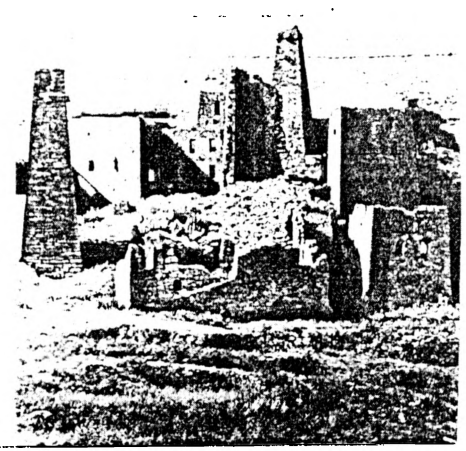
2 Таб.LXCII

1

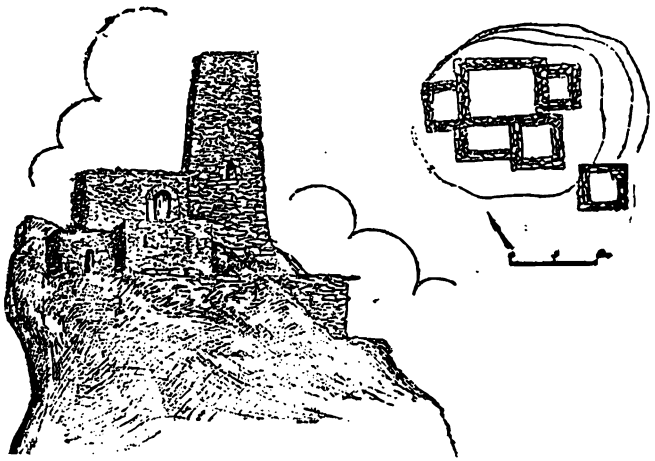

3

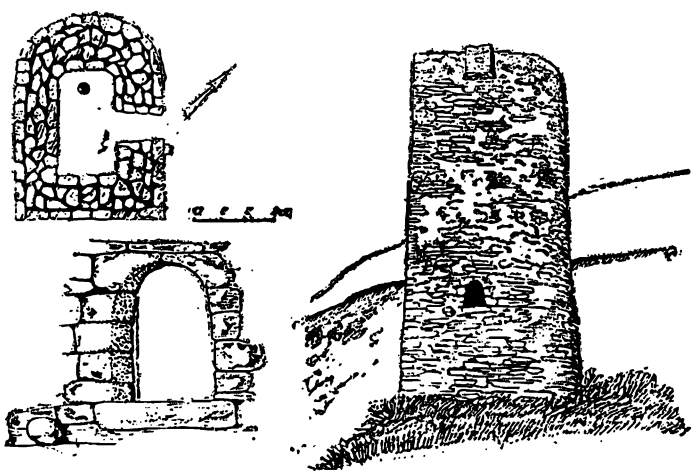

2

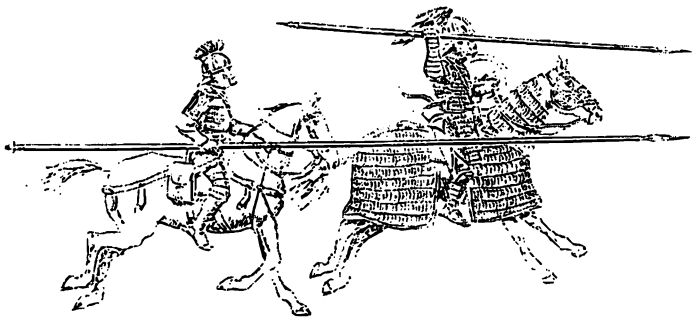
Табл. XCIII

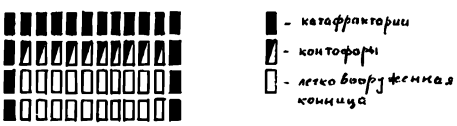
1

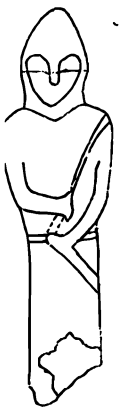
2

1

2

1

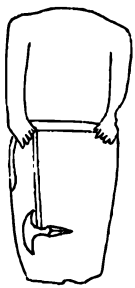
2

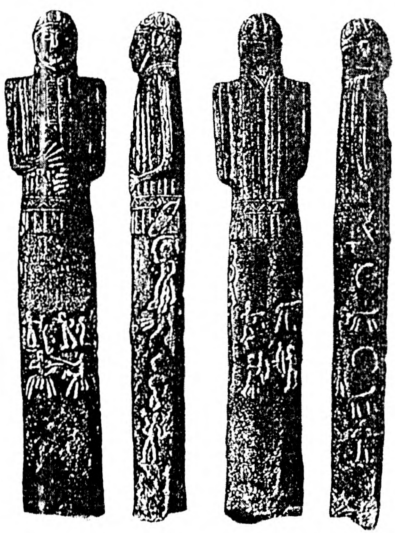
3

4

5

6

Tafel CVIII

Tab. CIX

Таблица XX

Tafel CXI

Таб. CXII

Табл. CXIII

Научное издание

АЛАН АКИМОВИЧ СЛАНОВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО АЛАН
I-XV вв.

Компьютерная верстка *А.В. Черная*

Сдано в набор 12.07.07. Подписано в печать 29.08.07.
Формат бумаги 60×84 1/16. Бум.офс. Гарнитура шрифта "Times".
Печать на ризографе. Усл. п. л. 27,40. Уч-изд. л. 25,20.
Тираж 500 экз. Заказ № 2621. С 43.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания,
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО "Издательско-
полиграфическое предприятие им. В.Гассиева"
362021, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.

